

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

2652

712443

СБОРНИКЪ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

ПРИ ИНСТИТУТЪ КН. БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ

ТОМЪ IV.

НѢЖИНЪ.

Типо-литографія М. В. Глезера.

1903.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИНСТИТУТЪ КН. БЕЗБОРОДКО

въ НѢжинѢ

ТОМЪ IV.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

НѢЖИНЪ.

Типо-литографія М. В. Глезера.

1903.

712443

Печатано по постановленію Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ
князя Безбородко.
Предсѣдатель Общества *М. Березковъ*.

УДК 94(07)
3.1.1.1
УДК 94(07)

СОДЕРЖАНИЕ.

Отдѣлъ I.

	Стран.
Протоколы засѣданій Общества съ 28 февраля 1900 г. по 22 ноября 1902.	1—26.
Списокъ членовъ Общества	27—30.
О составѣ и дѣятельности Общества	31—34.
О занятіяхъ Археологической Комиссіи	35—60.

Отдѣлъ II.

М. Н. Бережкова, М. Е. Марковъ и его руко- писный сборникъ о Черниговской старинѣ, (съ допол- неніемъ къ статьѣ)	1—25. ✓
В. К. Пискорскаго, В. Стѣбсъ и В. Балагеръ	27—34.
М. И. Лилеева, М. П. Погодинъ, какъ профессоръ и историкъ	35—69. ✓
И. Г. Турцевича, Orbis in urbe	I—IV. 1—87. ✓
П. А. Заболотскаго, Старѣйшій Запорожскій уѣздъ	1—52. ✓

Отдѣлъ I.

**Протоколы засѣданій Общества съ 28 фѣвраля 1900 года
по 22 ноября 1902 года.**

№ 56 (1).   Засѣданіе 28 февраля 1900 г.

Подъ предсѣдательствомъ Ф. Ф. Гельбке, при помощникѣ секретаря И. А. Сребницкомъ, присутствовали 15 членовъ Общества.

1. Членъ Общества, А. В. Добіашъ, читалъ рефератъ: «взглядъ Лемана на педагогику». Въ обсужденіи реферата принимали участіе И. А. Сребницкій, А. Ф. Абрамовъ и А. И. Покровскій.

2. Доложено о книгахъ, присланныхъ Обществу разными учрежденіями. Постановили: книги сдать бібліотекарю Общества и благодарить учрежденія за присылку.

3. Доложено отношеніе Института Оссолинскихъ во Львовѣ съ увѣдомленіемъ о полученіи имъ II тома «Сборника».

4. Доложено отношеніе управленія эксплоатаціи Парижской выставки съ просьбою сообщить свѣдѣнія, касающіяся до состава и дѣятельности Общества. Постановили: удовлетворить просьбу.

5. Доложено о вступленіи въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества, на основаніи § 6 Устава, преподавателя Института и Гимназіи, Рихарда Андреевича Теттенборна.

№ 57 (2).   Засѣданіе 6 мая 1900 г.

Подъ предсѣдательствомъ Ф. Ф. Гельбке, при помощ. секретаря И. А. Сребницкомъ, присутствовали 15 членовъ Общества.

1. Въ открытой части засѣданія доложено было о кончинѣ въ Москвѣ, 25 марта сего года, дѣйств. члена Общества, Н. Н. Харузина.

Собрание, по предложению председателя, почтило память своего почившаго сочлена вставаньемъ.

2. Д. членъ Общ. В. И. Рѣзановъ прочелъ сообщеніе «объ ученыхъ заслугахъ скончавшагося академика, Леонида Николаевича Майкова» (ум. 7 апрѣля 1900 г.).

3. Д. чл. Общ. М. Н. Сперанскій прочелъ воспоминанія о скончавшемся членѣ Общества, Н. Н. Харузинѣ.

4. Въ закрытомъ засѣданіи происходила баллотировка, для напечатанія въ III-мъ томѣ сборника Общества, статей, читанныхъ въ Обществѣ, г.г. членовъ: В. Р. Фохта—„П. Долабелла и Кн. Лентуль“; А. В. Добіаша — „Взглядъ Лемана на педагогику“, В. И. Рѣзанова о Л. Н. Майковѣ и М. Н. Сперанскаго о Н. Н. Харузинѣ. Статья г. Фохта принята большинствомъ 14 голосовъ противъ 3-хъ; статья г. Добіаша большинствомъ 15 противъ 1; статьи г.г. Рѣзанова и Сперанскаго единогласно. Постановили: напечатать статьи въ III томѣ Сборника¹⁾.

5. Происходила баллотировка въ дѣйствительныя члены Общества преподавателя Ялтинской Александровской гимназіи Ивана Ѳомича Гладкевича. Большинствомъ 16 противъ 1 г. Гладкевичъ избранъ въ члены Общества.

6. На основаніи § 9 Устава были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества. Посредствомъ предварительной подачи мнѣній записками, а потомъ закрытою баллотировкой, оказались избранными на трехлѣтіе: председателемъ Общества профессоръ Института А. В. Добіашъ (13 избирательныхъ голосовъ и 3 неизбирательныхъ); товарищемъ председателя завѣдующій Гимназіей А. Ѳ. Абрамовъ (10 голос. избир. и 6 неизбир.), и на годичный срокъ: секретаремъ Общества И. А. Сребницкій, товарищ. секретаря М. Н. Сперанскій, казначеемъ И. Н. Михайловскій, товар. казнач. Б. Ф. Бурзи и товарищемъ бібліотекаря В. К. Пискорскій—всѣ единогласно.

---

¹⁾ Тамъ онѣ и напечатаны; а статья В. И. Рѣзанова «Памяти Л. Н. Майкова» помѣщена имъ въ «Филологич. запискахъ» 1901 г. вып. I—II.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Добіаша, при секретарѣ И. А. Сребницкомъ, присутствовали 18 членовъ Общества.

1. Предсѣдателемъ Общества доложено собранію, что во время недавняго пребыванія въ Нѣжинѣ г. Министра Народнаго Просвѣщенія¹⁾, онъ, г. предсѣдатель, обратился къ г. Министру съ просьбою о назначеніи изъ суммъ Министерства ежегодной субсидіи отъ 200—300 рублей Обществу, для усиленія издательской его дѣятельности. Его Высокопревосходительство благосклонно отнесся къ ходатайству А. В. Добіаша, и разрѣшилъ дать официальный ходъ дѣлу отъ имени Общества. Постановили: войти чрезъ г. предсѣдателя Общества съ письменнымъ ходатайствомъ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія о назначеніи Обществу ежегодной субсидіи.

2. Въ связи съ этимъ вопросомъ г. предсѣдатель предложилъ Обществу войти съ ходатайствомъ о назначеніи изъ средствъ Министерства Нар. Просв. извѣстной суммы специально на изданіе лекцій по педагогикѣ бывшаго директора Института кн. Безбородко, Н. А. Лавровскаго. Постановили: предварительно рѣшенія этого вопроса озаботиться разысканіемъ рукописныхъ лекцій Н. А. Лавровскаго, и опредѣленіемъ ихъ научной цѣнности для настоящаго времени.

3. М. И. Лилеевъ предложилъ вопросъ, не приняло ли бы также на себя Общество изданіе нѣкоторыхъ трудовъ покойнаго профессора Института, Н. Я. Аристова. Постановили: просить М. И. Лилеева принять на себя трудъ разысканія неизданныхъ трудовъ проф. Аристова, преимущественно лекцій его по русской исторіи, и если таковыя будутъ найдены, то имѣть сужденіе объ изданіи ихъ.

4. Выслушанъ докладъ г. казначея о состояніи денежныхъ средствъ Общества, изъ котораго усмотрѣно, что, за уплатою типографіи Глезера въ счетъ платы за печатаемый III томъ Сборника 125-ти рублей, въ наличности имѣется всего 86 рублей 58 коп. Такую скудость денеж-

---

¹⁾ Почившій Министръ Народнаго Просвѣщенія, Николай Павловичъ Боголѣповъ, провелъ въ нашемъ городѣ два дня 12 и 13 мая 1900 года, оставя у всѣхъ самое пріятное по себѣ воспоминаніе.

ныхъ средствъ Общества г. казначей справедливо объяснилъ крайне неисправнымъ поступленіемъ членскихъ взносовъ отъ г.г. членовъ Общества, такъ что за нѣкоторыми изъ нихъ числится недоимка за 3, за 4, даже за 5 лѣтъ. Постановили: просить г. казначея обратиться къ неисправнымъ членамъ съ напоминаніемъ объ ихъ обязанностяхъ къ Обществу.

5. Доложено отношеніе Харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII Археологическаго съѣзда, съ приглашеніемъ Обществу принять участіе въ подготовительныхъ къ съѣзду работахъ собраніемъ археологическихъ свѣдѣній и предметовъ, по присланнымъ программамъ отъ Харьковскаго Комитета. Постановили: такъ какъ подобное же приглашеніе поступило отъ Комитета и въ Конференцію Института, члены которой, за весьма немногими исключеніями, состоятъ и въ Обществѣ, то собраніе покорно проситъ г. директора Института обратиться къ предварительному Комитету съ предложеніемъ: уполномочить Нѣжинское Историко-Филологическое Общество сдѣлаться центральнымъ органомъ для веденія подготовительныхъ къ съѣзду работъ по всей Черниговской губерніи, съ правомъ ему непосредственно сноситься съ различными учрежденіями и лицами. О такомъ же разрѣшеніи постановили снести съ Император. Москов. Археологич. Обществомъ. Въ виду же наступленія вакаціоннаго времени, дабы подготовительныя работы могли продолжаться и при отсутствіи значительнаго числа членовъ Общества, собраніе избрало для сей цѣли Комиссію въ составѣ, кромѣ предсѣдателя и секретаря Общества, еще членовъ Общества: о. А. А. Величковскаго, М. Н. Бережкова, Е. И. Кашировскаго, М. И. Лилеева, В. К. Пискорскаго, В. И. Рѣзанова и М. Н. Сперанскаго, предоставляя Комиссіи пополнять свой составъ лицами, могущими оказывать ей содѣйствіе, и изъ среды членовъ Общества.

№ 59 (4).

Засѣданіе 12 октября 1900 г.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Добіаша, при секретарѣ И. А. Сребницкомъ, присутствовали 12 членовъ Общества.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ засѣданія Общества 18 мая с. г.
2. Предсѣдатель представилъ собранію докладъ о дѣятельности Комиссіи, избранной въ засѣданіи 18 мая для подготовительныхъ работъ

къ XII Археологическому съѣзду въ Харьковѣ. Собрание, одобря этотъ докладъ, постановило: сообщить его Харьковскому предварительному комитету, а извлеченія изъ протоколовъ и докладовъ Комиссiи время отъ времени посылать въ «Кіевскую Старину» для печатанія тамъ. въ отдѣлѣ „Археологической лѣтописи“.

3. Заслушанъ составленный секретаремъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за 1899—900 годъ для прочтенія въ годичномъ собраніи Общества. Собрание, утвердя отчетъ, постановило: назначить годичное торжественное собраніе Общества на 5 ноября въ 12 часовъ дня. Обязанность произнести въ этотъ день рѣчь согласился принять на себя дѣйствит. членъ Общества, Иванъ Григорьевичъ Турцевичъ.

4. Предсѣдателемъ были предложены въ дѣйствительные члены Общества: преподаватель Варшавской 2-й гимназiи, Петръ Александровичъ Заболотскій и преподаватель Калишской гимназiи, Сергѣй Николаевичъ Алексѣевъ. Постановили: баллотировать въ ближайшемъ засѣданіи П. А. Заболотскаго и С. Н. Алексѣева въ члены Общества.

№ 60 (5).

Засѣданіе 5 ноября 1900 г.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Добіаша, при секретарѣ И. А. Сребницкомъ, присутствовали 12 членовъ Общества и многочисленная посторонняя публика. Послѣ докладовъ г. предсѣдателя и г. секретаря о дѣятельности Археологической комиссiи и Общества въ минувшемъ отчетномъ году, были прочитаны рѣчи: И. Г. Турцевича „Очерки изъ общественной жизни императорскаго Рима“ и М. Н. Сперанскаго «Изъ начальной исторiи Гимназiи высшихъ наукъ». Въ закрытомъ засѣданіи, согласно постановленію отъ 12 октября, происходила баллотировка въ дѣйствительные члены Общества П. А. Заболотскаго и С. Н. Алексѣева. Оба оказались избранными единогласно.

№ 61 (6).

Засѣданіе 20 ноября 1900 г.

Присутствовали: предсѣдатель Общества А. В. Добіашъ, секретарь И. А. Сребницкій и 14 членовъ Общества.

1. Дѣйств. чл. Общ. С. Н. Ждановъ прочелъ рефератъ о новомъ фрагментѣ Менандровой „*περικειρομένη*“. Референтъ представилъ описаніе и подробный комментарий фрагмента.

2. Д. чл. Общ. А. А. Брокъ прочелъ рефератъ о новомъ „Thesaurus linguae latinae“. Референтъ представилъ историческій очеркъ зарожденія и развитія этого дѣла, указавъ особенно на заслуги въ немъ филолога Вельфлина.

3. Въ закрытомъ засѣданіи г. предсѣдатель доложилъ, что вслѣдствіе разсланныхъ отъ имени Общества приглашеній начали поступать отъ разныхъ лицъ предметы древности, предназначенные для выставки при Харьковскомъ Археологич. съѣздѣ, и предложилъ на разрѣшеніе собранія вопросъ, какъ поступать съ этими предметами до наступленія времени съѣзда. Собраніе постановило: хранить эти предметы при Обществѣ, испросить для этого храненія у Правленія Института помѣщеніе съ тѣмъ чтобы предъ отправкою предметовъ въ Харьковъ устроить выставку, для обзоренія публики, въ самомъ Нѣжинѣ.

4. Предсѣдатель доложилъ о полученіи изъ Харькова рукописей покойнаго Н. А. Лавровскаго. Постановили: передать рукописи для предварительнаго рассмотрѣнія члену Общ. М. Н. Сперанскому.

№ 62 (7).

Засѣданіе 8 декабря 1900 г.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Добіаша, при товарищѣ секретаря М. Н. Сперанскомъ, присутствовали 11 членовъ Общества.

1. Дѣйств. членъ М. И. Лилеевъ прочелъ рефератъ: „М. П. Погодинъ, какъ профессоръ и историкъ“, вызванный тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ году исполнилось столѣтіе рожденія знаменитаго историка и двадцатипятилѣтіе кончины его (1800—1875). По выслушаніи чтенія, съ г. референтомъ обмѣнялись замѣчаніями М. Н. Березковъ, В. И. Рѣзановъ и Е. И. Кашпровскій.

2. Дѣйств. чл. Общ. В. Р. Фохтъ сообщилъ „двѣ нумизматическія замѣтки“ по поводу монеты съ изображеніемъ Верцингеторика и монеты провинціальной съ изображеніемъ колесницы. Въ обсужденіи реферата приняли участіе И. Г. Турцевичъ, дополнившій замѣтки г. референта, на основаніи свидѣтельства Клавдіана, и Ф. Ф. Гельбке.

3. Въ закрытомъ засѣданіи читаны и подписаны протоколы засѣданій 12 октября, 5 ноября и 20 ноября с. г.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Добіаша, при секретарѣ И. А. Сребникожъ, присутствовали 12 дѣйств. членовъ Общества.

1. Предсѣдатель доложилъ собранію, что состоящая при Обществѣ Археологическая комиссія нуждается въ фотографическомъ аппаратѣ для работъ своихъ сочленовъ, особенно по части составленія этнографическаго альбома къ Харьковскому археологич. съѣзду; расхѣдъ на этотъ предметъ въ суммѣ до ста рублей можетъ быть покрытъ отчасти изъ суммы, отпущенной въ распоряженіе Комиссіи Харьковскимъ предварительнымъ комитетомъ, а отчасти могъ бы пополниться изъ средствъ Общества: посему онъ, предсѣдатель, проситъ Общество оказать Комиссіи денежную помощь, съ тѣмъ что фотографическій аппаратъ, по минованіи въ немъ надобности для цѣлей археологическихъ, поступитъ въ собственность Общества. Постановили: выдать изъ суммъ Общества пятьдесятъ рублей на приобрѣтеніе фотографическаго аппарата, согласно предложенію г. предсѣдателя.

2. Собраніе постановило выдать также пятьдесятъ рублей изъ средствъ Общества въ распоряженіе Гоголевской Комиссіи при Институтѣ кн. Безбородко по устройству праздника въ честь Н. В. Гоголя, 21 февраля 1902 года, по случаю пятидесятилѣтія со дня кончины писателя.

3. Предсѣдатель доложилъ собранію, что возможно уже было бы приступить къ печатанію IV-го тома «Сборника» Общества, если наберется достаточное количество матеріала; при этомъ г. предсѣдатель предъявилъ собранію статью дѣйствит. члена И. Г. Турцевича «Orbis in urbe, или общества и центры земляковъ и единовѣрцевъ въ императорскомъ Римѣ I—III вѣковъ», читанную въ торжественномъ собраніи Общества, въ ноябрѣ прошлаго года. Собраніе постановило: просить г.г. членовъ, желающихъ помѣстить свои работы въ IV-мъ томѣ „Сборника“, заблаговременно заявить объ этомъ г. предсѣдателю, а статью И. Г. Турцевича въ ближайшемъ засѣданіи баллотировать для напечатанія въ сказанномъ томѣ Сборника.

4. Въ настоящемъ собраніи, на основаніи § 9 Устава Общества, предназначались выборы секретаря и казначея Общества и товарищей

ихъ; но въ виду того, что послѣ вакаціоннаго времени могутъ произойти и другія перемѣны въ составѣ бюро Общества, собраніе постановило: отложить выборы должностныхъ лицъ до—послѣ вакаціи, прося нынѣшнихъ г.г. должностныхъ лицъ нести свои обязанности до того времени.

5. Д. чл. Общ. М. Н. Сперанскій представилъ въ Общество 10 экземпляровъ составленнаго имъ „Описанія рукописей библиотеки И. Ф. Института кн. Безбородко (окончаніе)“. Опредѣлили: благодарить жертвователя, а книги сдать бібліотекарю Общества.

№ 64 (2).

Засѣданіе 4 іюня 1901 г.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Добіаша, при секретарѣ И. А. Сребницкомъ, присутствовали 12 членовъ Общества.

1. На основаніи постановленія отъ 29 мая производили баллотировку статьи И. Г. Турцевича „Orbis in urbe, или общества и центры земляковъ и единовѣрцевъ въ Римѣ“ и проч., для помѣщенія въ „Сборникъ“. Въ результатъ баллотировки статья г. Турцевича оказалась принятой единогласно.

2. Тогда же производили баллотировку статьи М. И. Лилеева объ историкѣ М. П. Погодинѣ, для помѣщенія въ „Сборникъ“ Общества, въ томъ же IV-мъ томѣ, и съ такимъ же результатомъ, т. е. единогласно приняли статью къ печати. (Обѣ статьи напечатаны полностью въ настоящемъ томѣ).

На мѣсто А. В. Добіаша, сложившаго съ себя предсѣдательскую должность, въ виду оставленія имъ институтской службы, былъ избранъ предсѣдателемъ Общества М. Н. Бережковъ, въ собраніи Общества 7 сентября 1901 года.

Тогда же секретаремъ Общества избранъ М. И. Лилеевъ. Прочіе члены бюро остались прежніе.

Въ годичномъ засѣданіи г.г. членовъ Общества, 23 сентября 1901 г., и въ присутствіи многочисленной городской публики, бывший секретарь Общества И. А. Сребницкій доложилъ отчетъ о дѣятельности Общества за минувшій отчетный годъ (1900—1901); предсѣдатель М. Н. Бережковъ произнесъ рѣчь „Нѣжинская черная рада въ іюнь 1663 г.“

№ 65 (3).

Засѣданіе 27 октября 1901 г.

Подъ предѣдательствомъ М. Н. Бережкова, при секретарѣ М. И. Лилеевѣ, присутствовали члены Общества и студенты Института.

1. Студентъ П. А. Незнамовъ прочиталъ докладъ „о разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ“, по поводу найденной имъ одной изъ такихъ грамотъ, изъ первой четверти XVIII вѣка, въ селѣ Никольскомъ мешовскаго уѣзда калужск. губ., въ августѣ 1900 г. Греческій текстъ грамоты въ 13-ти строкахъ напечатанъ на листѣ бумаги съ водянымъ знакомъ трехъ полумѣсяцевъ; по верху текста изображеніе св. апостола Петра, а по сторонамъ изображенія титулъ патріарха, отъ имени котораго дается грамота: это—Сильвестръ, патріархъ великаго града Божія Антиохіи и всего Востока; внизу текста дата 1724 года и подпись ксилографически названнаго патріарха Сильвестра. Определить лице, которому была выдана грамота, не удалось: крайне трудно разбирать имя, вписанное черниломъ; а въ семьѣ, гдѣ найдена грамота, о ней не сохранилось никакихъ преданій.

Описавъ грамоту, референтъ поставилъ вопросъ о происхожденіи обычая въ русской церкви полагать въ руки умершему разрѣшительную грамоту, равно и другаго обычая, по которому восточные патріархи, при посѣщеніи Россіи, давали разрѣшительныя грамоты и живымъ лицамъ, по ихъ просьбамъ, на случай смерти. Приведя извѣстные факты, сюда относящіеся, изъ ученыхъ трудовъ митр. Макарія, г. Лихачева (О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ, Древности—труды И. Моск. Археол. Общ. XV, вып. I) и изъ другихъ трудовъ, референтъ выразилъ взглядъ свой на значеніе памятниковъ, его заинтересовавшихъ: нельзя разрѣшительныя грамоты восточныхъ патріарховъ разсматривать, какъ индульгенціи, въ доказательство чего референтъ между прочимъ сослался на теперешній обычай въ Іерусалимской патріархіи служить такъ называемыя разрѣшительныя обѣдни, съ выдачею разрѣшительныхъ грамотъ желающимъ богомольцамъ: по справкѣ свѣдущаго лица, эти обѣдни суть не иныя, какъ обычныя заупокойныя литургіи, а молитвы, на нихъ читаемыя архіереемъ и даваемыя богомольцамъ, по желанію, весьма близки къ тексту обычныхъ разрѣшительныхъ умершему молитвъ: имъ дается прощеніе грѣховъ не безусловно, а подъ тѣмъ непрежннимъ условіемъ, если получившій грамоту покается предъ кончиною у духов-

наго отца; и такъ сила въ таинствѣ покаянія, а не въ полученной грамотѣ. (Сообщенія Импер. Правосл. Палестинскаго Общества, за мартъ—апрѣль 1900, замѣтка неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ „Разрѣшительныя обѣднѣ въ Іерусалимской патріархіи“). Референтъ также прибавилъ, что онъ недавно видѣлъ въ одной изъ нѣжинскихъ церквей разрѣшительную грамоту на русскомъ языкѣ іерусалимскаго патріарха Герасима отъ 1897 г., образчикъ тѣхъ грамотъ, кои доселѣ приносятся въ Россію набожными палестинскими паломниками.

Референту по окончаніи чтенія, предложили нѣсколько замѣчаній законоучитель Института, о. А. В. Лобачевскій, М. И. Лилеевъ и А. В. Добіашъ. (Подлинная грамота патріарха Сильвестра пожертвована г. Незнаковымъ въ бібліотеку Института).

2. Дѣйств. чл. и секретарь Общества, М. И. Лилеевъ сообщилъ о своей археологической поѣздкѣ въ Конотопъ, Батуринъ и Крупецкій Николаевскій монастырь: рассказавъ о результатахъ поѣдки, референтъ коснулся вопроса о времени основанія сказанныхъ мѣстъ; разъяснилъ мѣстность знаменитой Конотопской битвы 1659 года и ближайшія обстоятельства ея; указалъ на древнія вещи, хранимыя въ Николаевскомъ Крупецкомъ монастырѣ.

3. Предсѣдатель М. Н. Бережковъ доложилъ „объ историческихъ трудахъ Михаила Егоровича Маркова“, бывшаго директора Черниговскихъ училищъ, въ началѣ XIX вѣка, и перваго директора Черниговской гимназіи, корреспондента графа Н. П. Румянцева, въ собраніе котораго поступили рукописи Маркова: референтъ привелъ нѣсколько данныхъ, ему извѣстныхъ, для жизнеописанія и характеристики М. Е. Маркова, и разобралъ составъ двухтомнаго сборника его рукописныхъ трудовъ по исторіи и статистикѣ Черниговскаго края.

№ 66 (4).

Засѣданіе 14 ноября 1901 г.

Подъ предсѣдательствомъ М. Н. Бережкова, при секретарѣ М. И. Лилеевѣ, присутствовали шестеро членовъ Общества.

1. В. Р. Фохтъ сдѣлалъ сообщеніе объ одномъ мѣстѣ Меморабілій Ксенофонта. Читая ихъ съ учениками VI класса гимназіи, референтъ обратилъ вниманіе на то, что всѣ комментаріи считаютъ упоминаемаго у Ксенофонта (Μεμογᾶν. Ш 10) скульптора Клейтона (Κλείτων) неизвѣст-

нымъ художникомъ временъ Сократа. Но въ виду упоминаемаго въ началѣ главы знаменитаго живописца Парризія; въ виду также обычая Сократа вести бесѣды по интересующимъ его вопросамъ съ знаменитыми представителями относящейся сюда спеціальной области, особенно съ учеными и художниками; въ виду указанія на статуи атлетовъ, какъ на источникъ славы Клейтона, а также въ виду греческаго обычая сокращать имена, референтъ, объясняя данное мѣсто ученикамъ, остановился на Поликлетѣ, какъ на лицѣ тождественномъ съ Клейтономъ. Къ этому референтъ присоединилъ краткія свѣдѣнія о Поликлетѣ и отличительныхъ чертахъ его искусства. Изъ 21 извѣстныхъ намъ изваяній Поликлета, 5 составляли изображенія боговъ, 2 Геркулеса и 1 амазонка, т. е. болѣе или менѣе атлетическія фигуры; кромѣ того Поликлету приписываются 6 статуй, изображавшихъ атлетовъ—побѣдителей и нѣсколько статуй болѣе идеальнаго характера, изъ коихъ нѣкоторыя, напр. копье-носецъ, считались образцовымъ произведеніемъ и канономъ для позднѣйшихъ художниковъ. Так. обр. большинство статуй Поликлета относится къ области атлетики, и этими статуями имя художника стало громкимъ для всѣхъ временъ. А имя Κλειτωνъ референтъ считаетъ лишь однимъ изъ обычныхъ сокращенныхъ именъ, въ данномъ случаѣ происходящимъ, вѣроятно, изъ Πολοκλειτος.— Въ обсужденіи этого реферата приняли участіе А. И. Покровский и Ф. Ф. Гельбке.

2. М. Н. Сперанскій сдѣлалъ сообщеніе о неизданномъ письмѣ Н. В. Гоголя, которое нашлось въ Нѣжинѣ, въ семьѣ отставнаго полковника Ильи Ильича Барановскаго. Письмо было адресовано Гоголемъ къ его знакомому въ Одессѣ, Ильѣ Ивановичу Барановскому; написано было оно въ 1852 году, въ началѣ февраля, слѣдов. одно изъ самыхъ послѣднихъ писемъ Н. В. Гоголя. (Болѣе подробный разборъ письма и факсимильное изданіе его сдѣланы проф. М. Н. Сперанскимъ въ вышедшемъ подъ его редакціей „Гоголевскомъ Сборникѣ“, Кіевъ, 1902. Подлинное письмо Гоголя пожертвовано владѣльцемъ въ бібліотеку Института).

№ 67 (5)

Засѣданіе 3 Декабря 1901 г.

Подъ предѣлательствомъ члена Общества, Ф. Ф. Гельбке, при секретарѣ М. И. Лилеевѣ, присутствовали семь членовъ Общества.

1. С. Н. Ждановъ сдѣлалъ сообщеніе „объ аттракціи относительнаго

мѣстоименія въ греческомъ языкѣ“. Референтъ, опровергая ученіе грамматиковъ о томъ, что аттракція винительнаго относительнаго мѣстоименія, относящагося къ родительному или дательному, можетъ будто-бы отсутствовать безъ особыхъ причинъ, доказывалъ, что отсутствіе аттракціи обуславливается или 1) тѣмъ, что аттракція произвела бы нѣкоторую двусмысленность; или 2) тѣмъ, что относительное предложеніе, относясь къ существительному, неимѣетъ однако значенія чистаго опредѣленія при существительномъ, а имѣетъ и адвербіальный характеръ; или 3) тѣмъ, что относительное предложеніе имѣетъ не характеръ настоящаго опредѣленія, а нѣкоторой прибавки или вставки; или 4) тѣмъ, что относительное предложеніе особенно вѣско по смыслу, наприм. вслѣдствіе противоположенія, или велико по объему и сложно по составу, или нѣкоторыми другими особенностями. Сверхъ того референтъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ аттракціи именительнаго отн. мѣстоименія.—Въ преніяхъ по поводу сего реферата принимали участіе Ф. Ф. Гельбке, А. И. Шнукъ, А. И. Покровский.

2. М. И. Лилеевъ сообщилъ нѣсколько данныхъ изъ труда Дм. Грембецкаго о Черниговѣ въ началѣ XIX вѣка: Грембецкій, черниговскій старожилъ, одно время смотритель Черниговскаго сиротскаго дома, въ замѣткахъ, писанныхъ въ 1850 году, даетъ небезынтересныя свѣдѣнія о бытѣ города, долгое время сохранявшаго свою патріархальную провинціальную складку.

3. Въ закрытомъ засѣданіи читали протоколъ предыдущаго собранія.

4. Заслушали отношенія Нѣжинской и Козелецкой земскихъ управъ объ отказѣ въ субсидіи для цѣлей археологической комиссіи. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

5. Разсматривали фотографическіе снимки, присланные отъ земскихъ статистиковъ, и ими снятыя при помощи аппарата Общества. Постановили: переслать ихъ въ Глуховъ, учителю А. Н. Малинкѣ, собирающему этнографическій альбомъ, и благодарить г.г. статистиковъ.

№ 68 (6).

Засѣданіе 16 декабря 1901 г.

Подъ предсѣдательствомъ М. Н. Бережкова, при секретарѣ М. И. Лилеевѣ, присутствовали 11 членовъ Общества.

1. Баллотировали для печатанія въ IV томѣ „Сборника“ Общества

статью проф. М. Н. Бережкова о М. Е. Марковѣ и проф. В. К. Пискорскаго поминку объ историкахъ Балагерѣ и Стебсѣ: за печатаніе первой статьи подано 11 шаровъ, за печатаніе второй—12 шаровъ. Опредѣлили: печатать объ статьи. (И напечатаны въ настоящемъ томѣ „Сборника“).

2. Предсѣдателемъ и В. К. Пискорскимъ предложены въ члены Общества г.г. Василенко и Кивлицкій, кievскіе учителя, сотрудники историческаго журнала „Кievск. Старины“ и энциклопедическаго словаря. Постановили: подвергнуть ихъ баллотировкѣ въ одномъ изъ ближайшихъ собраній Общества.

3. О печатаніи IV тома „Сборника“ предсѣдатель заявилъ, что этотъ томъ, по соглашенію съ типографомъ Глезеромъ, будетъ печататься въ томъ же форматѣ и на тѣхъ же условіяхъ относительно денежной платы за листъ, какъ и „Извѣстія“ Института. Постановили: утвердить это соглашеніе.

Протоколъ засѣданія Археологической комиссіи отъ 18 ноября 1901 г.

Подъ предсѣдательствомъ М. Н. Бережкова присутствовали А. В. Добіашъ, М. Н. Сперанскій, В. К. Пискорскій и М. И. Лилеевъ.

1. Постановили выдать члену комиссіи С. А. Гатцуку на путевыя издержки ему, при дослѣдованіи и собираніи археологическихъ матеріаловъ, 25-ть рублей; выдать члену комиссіи А. Н. Малинкѣ на приготовленіе этнографическаго альбома 30-ть рублей; выдать члену комиссіи М. И. Лилееву въ уплату его издержекъ по археологической поѣздкѣ въ Конотопѣ и Батуринѣ 15-ть рублей; выслать въ Черниговъ князю М. Л. Шаховскому на уплату матеріаловъ по фотографированію, производимому г.г. земскими статистиками, 10-ть рублей.

2. Постановили обратиться къ благочинному с. Вишенокъ остерск. уѣзда, о. Ѳ. П. Яновскому, съ просьбою не отказать Обществу въ содѣйствіи предполагаемой раскопкѣ вишенокской горы, для чего обѣщаетъ матеріальную поддержку Импер. Археологическая комиссія.

3. Просить С. А. Гатцука выслать въ Общество фотографическіе

снимки, имъ сдѣланные, и вещи добытыя имъ при раскопкѣ кургановъ у села Дегтяревки на берегу Ипути.

4. Печатно изданные первѣй и второй доклады А. В. Добіаша Харьковскому предварительному комитету, нынѣ присланные Обществу въ количествѣ 275 оттисковъ, разсылать всѣмъ сотрудникамъ и лицамъ вообще интересующимся задачею комиссіи и могущимъ оказать ей содѣйствіе.

Протоколъ засѣданія Археологической комиссіи отъ 30 декабря 1901 г.

Присутствовали М. Н. Бережковъ, А. В. Добіашъ, В. К. Пискорскій, В. Н. Фальковскій, В. И. Рѣзановъ, М. И. Лилеевъ.

1. Слушали письмо члена комиссіи А. Н. Малинкѣ, въ коемъ увѣдомляетъ о ходѣ работъ по собиранію этнографическаго альбома чернигов. губерніи. Постановили: благодарить и оказывать возможное содѣйствіе г. Малинкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель доложилъ, что онъ выразилъ отъ имени комиссіи благодарность Павлу Петровичу Лютому въ г. Глуховѣ, за его усердное содѣйствіе г. Малинкѣ въ устройствѣ альбома.

По дѣлу того же устройства альбома постановили обратиться къ кв. М. Л. Шаховскому, въ Черниговѣ, съ просьбою увѣдомить Комиссію, какъ подвигается дѣло г.г. земскихъ статистиковъ по приготовленію фотографическихъ снимковъ, и кто именно изъ г.г. статистиковъ работаетъ на фотографическомъ аппаратѣ Общества.

2. Слушали письмо Александры Михайловны Кулишъ, писательницы, вдовы извѣстнаго писателя, въ коемъ изъявляетъ желаніе принести посильную помощь Обществу и Комиссіи. При письмѣ г-жа Кулишъ выслала рукописный свой сборникъ подъ заглавіемъ „Матеріалы, вынятые изъ устъ народа Ганною Барвинокъ“, въ распоряженіе Общества, девять печатныхъ книгъ и брошюръ, сочиненій ея мужа и ея самой, въ даръ Обществу. Постановили: выразить жертвователю искреннюю благодарность Общества за ея даръ; книги передать въ бібліотеку Общества, а рукописный этнографическій сборникъ для разсмотрѣнія вручить

В. И. Рѣзанову, который согласился, по разсмотрѣніи, сдѣлать научный доклад о немъ въ Обществѣ.

3. Слушали письмо г. Неандера, пастора Бѣловежской колоніи, въ коемъ онъ извѣщаетъ съ сожалѣніемъ Комиссію, что по служебнымъ и семейнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ не можетъ выполнить обѣщаннаго ей историческаго очерка бѣловежской нѣмецкой колоніи на верховьяхъ рѣки Остра. Постановили: просить члена Комиссіи, А. В. Добіаша, не отказать ей исполнить одинъ трудъ, который могъ бы отчасти замѣнить работу г. Неандера, а именно—передать по русски нѣмецкій полицейскій уставъ, выданный отъ Малороссійскаго правительства нѣмецкимъ колонистамъ, при первомъ ихъ поселеніи въ Черниговскомъ краѣ. А. В. Добіашъ согласился исполнить просьбу Комиссіи, при досугѣ.

4. Предсѣдатель доложилъ, что псаломщикъ села Гужовки борзненскаго уѣзда, Константинъ Ивановичъ Самбурскій доставилъ въ Общество коллекцію старинныхъ вещей для Харьковской археологической выставки, всего 22 нумера, въ томъ числѣ двѣ интересныхъ рукописи: а, повѣсть инока Матронинскаго монастыря, Серапіона, о его путешествіи въ Іерусалимъ, въ 1749 году, и б., Энеиду, на малороссійскій языкъ перелицеванную Котляревскимъ, въ спискѣ начала XIX вѣка. Первая рукопись приобрѣтена г. Самбурскимъ покупкой отъ еврея—старьевщика въ г. Борзнѣ; другая унаслѣдована имъ отъ родныхъ изъ села Безугловки нѣжинскаго уѣзда. Опредѣлили: выразить благодарность Общества г. Самбурскому за доставленные предметы; отправить ихъ на Харьковскую археолог. выставку, а рукописи отдать на предварительный просмотръ проф. М. Н. Сперанскому съ просьбою сдѣлать отзывъ о нихъ.

5. Членъ Комиссіи, В. Н. Фальковскій, заявилъ, что онъ доставитъ ей портретъ гетмана Мазепы, копію художника Малярова съ Академическаго портрета; съ благосклоннаго согласія г. Фальковскаго этотъ портретъ будетъ переправленъ и на Харьковскую археологич. выставку.

6. По предложенію В. Н. Фальковскаго и А. В. Добіаша избранъ единогласно въ составъ Комиссіи правитель канцеляріи черниговскаго губернатора, Алексій Капитоновичъ Ярыгинъ, во вниманіе его трудовъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ, и въ надеждѣ на его содѣйствіе нашей комиссіи. Опредѣлили: увѣдомить г. Ярыгина объ избраніи и просить его сотрудничества.

7. Слушали письмо от. **Θ. П. Яновскаго**, въ коемъ, на запросъ Комиссіи, онъ увѣдомляетъ, что на случай раскопокъ вишенской горы, въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, можно имѣть къ услугамъ рабочія руки за плату 50—75 коп. въ сутки. При этомъ **о. Яновскій** прибавляетъ, что онъ не можетъ снять планъ мѣстности и, конечно, не можетъ ручаться за успѣхъ археологическихъ находокъ въ вишенскихъ „шоломахъ“, гдѣ доселѣ разные археологическіе предметы были находимы только случайно, на поверхности песковъ. Постановили: благодарить **о. Θ. П. Яновскаго** за письмо. Принимая же во вниманіе, что и случайныя находки археологическихъ предметовъ въ вишенскихъ шоломахъ были не рѣдки, комиссія большинствомъ голосовъ постановила сдѣлать опытъ правильныхъ раскопокъ въ той мѣстности, и потому просить **Импер. Археологическую комиссію** въ **С. Петербургѣ** отпустить **Нѣжинской комиссіи** нѣкоторую сумму денегъ для производства раскопокъ въ селѣ **Вишенкахъ остерск. уѣзда**, на лѣвомъ берегу **Днѣпра**.

8. Слушали отношеніе **Импер. Московск. Археологическаго Общества** отъ 23 ноября, въ коемъ Общество выражаетъ желаніе, чтобы археологическіе предметы, какіе есть въ распоряженіи комиссіи, были въ возможно непродолжительномъ времени пересланы въ **Харьковскій предварительный комитетъ** для составленія каталоговъ будущей выставки, предпринимаемаго съ **генваря мѣсяца**. Предсѣдатель объяснилъ, что онъ послалъ увѣдомленіе **Московскому Археологическому Обществу** въ томъ смыслѣ, что онъ лично имѣетъ доставить часть археологическихъ предметовъ въ **Харьковскій комитетъ**, въ самомъ началѣ новаго года. О томъ же б. писано и въ **Харьковѣ**.

9. Слушали отношеніе **Харьковскаго предварительнаго комитета** отъ 16 декабря, въ коемъ благодаритъ за присылку третьяго доклада комиссіи, составленнаго **А. В. Добіашемъ**, и предлагаетъ нѣсколько вопросовъ о дальнѣйшемъ ходѣ работъ **Нѣжинской комиссіи** для будущаго сѣзда. По выслушаніи этого отношенія, комиссія согласилась съ предложеніемъ предсѣдателя, **М. Н. Березкова**, что онъ лично дастъ **Харьковскому комитету** отвѣты и разъясненія на вопросы его, при доставкѣ вещей въ началѣ наступающаго года.

№ 69 (1).

Засѣданіе Общества 27 января 1902 г.

Подъ предсѣдательствомъ М. Н. Бережкова присутствовали члены: Ф. Ф. Гельбке, А. В. Добіашъ, Е. И. Кашпровскій, В. К. Пискорскій, А. И. Покровскій, М. Н. Сперанскій, И. А. Сребницкій.

Членъ Общества Е. И. Кашпровскій прочиталъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Мнимый договоръ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригой и Готскимъ берегомъ“. Сущность его сводится къ слѣдующимъ положеніямъ и выводамъ, выражая ихъ словами самого г. референта.

„Такъ называемый договоръ Мстислава Давыдовича съ Ригой и Готскимъ берегомъ 1229 года извѣстенъ по семи спискамъ, издан. въ Русск. Лив. Актахъ на стран. 420—477. Подлиннымъ договоромъ Мстислава принято считать списокъ, отмѣченный въ указанномъ изданіи буквой А; этотъ списокъ имѣетъ у себя двѣ печати: князя Федора и епископа Порфирія“.

„Если подъ княземъ Федоромъ разумѣть смоленскаго князя Мстислава—Федора Давыдовича, сидѣвшаго на смоленскомъ великокняжескомъ столѣ отъ 1219 по 1230 годъ, то естественно епископа Порфирія признать его современникомъ. А между тѣмъ Мстиславъ Давыдовичъ и епископъ Порфирій далеко не современники: смоленскіе синодики, а равно списки смоленскихъ епископовъ, говорятъ изслѣдователю, что дѣятельность на смоленской каедрѣ еп. Порфирія относится или къ послѣдней четверти XIII вѣка, или, пожалуй, къ началу XIV в.. тогда какъ князь Мстиславъ Давыдовичъ закончилъ свою жизненную дѣятельность въ началѣ второй четверти XIII вѣка: онъ умеръ въ 1230 году отъ моровой язвы“.

„Но печать епископа Порфирія, отодвигая изданіе документа къ болѣе позднему времени, чѣмъ это принято думать, вмѣстѣ съ тѣмъ не вступаетъ въ разнорѣчіе съ печатью князя Федора: такую же печать, принадлежащую смоленскому князю Федору, предлагаетъ изслѣдователю одинъ изъ смоленскихъ документовъ, хранящійся въ томъ же городскомъ архивѣ Риги, гдѣ хранятся пять списковъ мнимаго договора Мстислава Давыдовича: это—такъ называемая присяжная грамота смоленскаго князя Федора Ростиславича, княжившаго въ Смоленскѣ отъ 1280 по 1297 годъ; присяжная грамота его, подтверждающая торговыя сношенія Смо-

ленска съ Ригой, имѣеть точную дату 27 мая 1284 года. Так. образ. если печать епископа Порфирія требуетъ отодвинуть время изданія торговаго договора съ Ригой, ошибочно приписываемаго Мстиславу Давыдовичу, къ концу XIII вѣка, то печать князя Ѳедора заставляетъ признать виновникомъ изданія документа именно этого князя Ѳедора Ростиславича (1280—1297)“.

„Итакъ въ рижскомъ городскомъ архивѣ, рядомъ съ торговымъ смоленскимъ договоромъ, на которомъ привѣшена печать князя Ѳедора, хранится присяжная грамота, подтверждающая законность торговыхъ сношеній Смоленска съ Ригой, изданная смоленскимъ княземъ Ѳедоромъ Ростиславичемъ 27 мая 1284 года, къ которой—добавимъ—привѣшена точно такая же „печать князя Ѳедора“, что и къ торговому договору. Тотъ же рижскій архивъ сохранилъ, рядомъ съ торговымъ договоромъ смоленскаго князя Александра Глѣбовича (1297—1313) присяжную грамоту, отъ его имени изданную для подтвержденія торговыхъ сношеній; сохранилъ онъ также присяжную грамоту такого же характера, данную смоленскимъ княземъ Иваномъ Александровичемъ (1313—1358), и сохранилъ еще подлинный документъ торговаго договора, который, по всѣмъ даннымъ, слѣдуетъ отнести къ актамъ политической дѣятельности послѣдняго князя. Очевидно, что торговые сношенія Смоленска съ Ригой выработали обычай: разъ князь не издастъ новаго торговаго договора, а довольствуется старымъ, практиковавшимся его предшественниками, то онъ къ копіи стараго договора присоединялъ лишь свою присяжную грамоту; послѣдняя является какъ бы показателемъ того именно обстоятельства, что договоръ есть лишь копія, и что сила за нимъ будетъ до того только времени, пока рядомъ съ нимъ будетъ узаконяющая его присяжная грамота, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ спутникъ договора—копія, своей датой обозначаетъ и время изданія сопутствующаго ей документа. Так. образ. мнимый договоръ Мстислава - Ѳедора Давыдовича, отмѣченный въ печатномъ изданіи буквой А, изданъ смоленскимъ княземъ Ѳедоромъ Ростиславичемъ: того требуютъ привѣшенныя къ нему печати; притомъ онъ изданъ 27 мая 1284 года, какъ то требуетъ признать присяжная грамота Ѳедора Ростиславича, изданная именно въ этомъ году 27 мая, на Вознесенье Господне“. А изученіе самаго содержанія интереснаго документа приводитъ къ новому заключенію, что

въ данное время трудно даже возстановить текстъ подлиннаго договора Мстислава Давыдовича, изданнаго 1229 года, и легшаго въ основу всѣхъ торговыхъ договоровъ Смоленска съ Ригой и готскимъ берегомъ“.

«Всѣхъ грамотъ торговыхъ договоровъ Смоленска съ Ригой извѣстно и издано пока восемь; т. е. семь списковъ такъ называемаго договора Мстислава Давыдовича и одинъ договоръ неизвѣстнаго по имени смоленскаго князя, сына Мстиславу Романовичу, (будетъ ли то Святославъ, или Всеволодъ, безразлично). Уже одно то обстоятельство, что семь списковъ одного и того же договора распадаются на двѣ редакціи, далекихъ одна отъ другой, говоритъ не въ пользу того изслѣдователя, который сталъ бы доказывать, что по первой редакціи, обнимающей списки А, В, С, вполнѣ возстановляется подлинный договоръ Мстислава Давыдовича: одинаковое право на предпочтеніе имѣетъ и вторая редакція, къ которой относятся списки D, E, F, G. А такъ какъ редакція договора отличаются одна отъ другой и по языку, и по своему составу: есть пропуски, есть вставки не только словъ и отдѣльныхъ предложеній, но цѣлыхъ законодательныхъ статей; да и порядокъ статей одной редакціи не соотвѣтствуетъ порядку другой; то нѣтъ возможности возстановить первоначальный текстъ договора Мстислава Давыдовича, легшаго въ основу обѣихъ редакцій. Если же присоединить сюда договоръ неизвѣстнаго по имени смоленскаго князя Мстиславича, явившійся послѣ договора Мстислава Давыдовича только лѣтъ 10 спустя, то дѣло усложнится еще больше, такъ какъ во 1-хъ во всѣхъ смоленскихъ договорахъ видна одна и таже основа, или одинъ общій радначальникъ, во 2-хъ договоръ неизвѣстнаго князя размѣщаетъ свои статьи еще своеобразнѣе, чѣмъ обѣ первыя редакціи“.

„Не касаясь языка договора неизвѣстнаго по имени князя Мстиславовича, слѣдуетъ имѣть въ виду два важныхъ обстоятельства, что этотъ документъ по правовымъ его нормамъ, по обстоятельству изложенія судебныхъ порядковъ, является болѣе примитивнымъ, чѣмъ обѣ первыя редакціи, и что онъ болѣе стѣснительнаго свойства для нѣмецкой торговли, чѣмъ первая редакція. Если допустить, что первая редакція возстановляетъ подлинный текстъ договора Мстислава Давыдовича 1229 года, то приходится мириться съ предположеніемъ, что договоръ неизвѣстнаго князя, явившійся на свѣтъ спустя лѣтъ десять послѣ Мсти-

слова договора, былъ вызванъ возникшими якобы недоразумѣніями, которыя и привели смоленскаго князя къ ограничительнымъ мѣрамъ въ отношеніи нѣмцевъ и нѣмецкой торговли, а затѣмъ, лѣтъ 50 или 60 позже, смоленскій князь Александръ Глѣбовичъ рѣшилъ возстановить старый договоръ Мстислава Давыдовича. Такое предположеніе и было высказано однимъ представителемъ науки. Но едва ли примитивность документа одно и то же, что и ограничительный его характеръ; мало того, ни о столкновеніяхъ, ни о какихъ либо недоразумѣніяхъ, происшедшихъ въ 30-хъ годахъ XIII столѣтія, никто и ничто неговорить. Напротивъ, примитивность правовыхъ нормъ и описаніе судебныхъ формъ и порядковъ, эти отличительныя свойства договора неизвѣстнаго смоленскаго князя, говорятъ въ пользу того, что договоръ Мстислава Давыдовича 1229 г. легшій въ основу всѣхъ торговыхъ договоровъ, по языку и по составу постановленій будетъ, пожалуй, ближе, какъ онъ и по времени ближе, къ этому договору неизвѣстнаго князя, чѣмъ къ договору Федора Ростиславича, или Александра Глѣбовича, или Ивана Александровича; но каковъ его составъ, сказать всетаки трудно, такъ какъ остается неизвѣстнымъ, что прибавилъ новаго въ своемъ договорѣ неизвѣстный по имени князь Мстиславичъ къ тому договору, что издалъ Мстиславъ Давыдовичъ“.

Этотъ рефератъ Е. И. Кашпровскаго вызвалъ нѣсколько замѣчаній А. И. Покровскаго, М. Н. Сперанскаго, М. Н. Бережкова; послѣдній высказался приблизительно слѣдующимъ образомъ.

„Нельзя, конечно, доказать, чтобы какая нибудь изъ семи грамотъ смоленскаго договора Мстислава Давыдовича, тщательно изданныхъ въ „Русск. Ливонск. Актахъ“, была подлинникомъ этого договора; очень возможно, что всѣ онѣ суть только копіи. Но отсюда еще не возникаетъ основанія для того вывода, крайне осторожнаго, даже скептическаго, будто намъ теперь трудно возстановить текстъ подлиннаго договора Мстислава Давыдовича 1229 года. На самомъ дѣлѣ текстъ договора на лицо: онъ сохранился въ нѣсколькихъ копіяхъ XIII—XIV в.в., которыя сводятся къ двумъ редакціямъ; пусть онѣ отличаются одна отъ другой въ отношеніи содержанія и расположенія статей, отчасти также языка и слога; однако при внимательномъ сравненіи ихъ становится ясно, что обѣ редакціи въ существенномъ содержаніи сходны и соотвѣтствуютъ двумъ

моментамъ совершенія договора на Готландѣ и въ Ригѣ. Обѣ редакціи подлинныя въ томъ смыслѣ, что весьма точно обозначаютъ время, мѣсто, всѣ обстоятельства и всѣхъ дѣятелей по заключенію договора, да и въ томъ также смыслѣ, что обѣ въ существенномъ содержаніи сходны, а различіями взаимно пополняютъ себя: ибо въ одной лучше выражено одно, въ другой другое. Едва ли есть надобность предполагать еще первоначальный текстъ договора Мстислава Давыдовича, легшаго въ основу обѣихъ редакцій; нѣтъ также надобности привлекать договоръ неизвѣстнаго по имени смоленскаго князя, сына Мстислава Романовича, для сравненія его въ отношеніи редакціонномъ съ договоромъ Мстислава Давыдовича и предполагать для обѣихъ общую основу: ибо договоръ неизвѣстнаго смоленскаго князя Мстиславича слишкомъ оригиналенъ по изложенію, далеко отходить отъ Мстиславова договора и по содержанію: онъ самостоятельный, не зависимый отъ него договоръ. Наконецъ что касается договорной грамоты 1229 года, означенной въ печатномъ изданіи, въ «Русск. Лив. Акт.» буквою А, то М. Н. Бережковъ весьма цѣнить наблюденія надъ ней г. референта, готовъ согласиться съ нимъ и даже убѣжденъ имъ въ томъ, что печати на этой грамотѣ дѣйствительно принадлежатъ позднѣйшему смоленскому князю Ѳеодору Ростиславичу и смоленскому позднѣйшему же владыкѣ Порфирію; но онъ не можетъ согласиться съ такимъ выводомъ г. референта, что „мнимый договоръ Мстислава Давыдовича, отмѣченный въ печатномъ изданіи буквою А, изданъ смоленскимъ княземъ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ“. Что значитъ „изданъ“? Вновь ли былъ составленъ договоръ, или повторенъ старый договоръ ранняго его предшественника, Мстислава Давыдовича? Вѣрно послѣднее, а не первое; поэтому выраженіе обѣ «изданіи» является здѣсь не подходящимъ, какъ равно и выраженіе насчетъ „мнимаго договора“ Мстислава Давыдовича. Дѣло ясно: извѣстный смоленскій князь, одно время и ярославскій, Ѳеодоръ Ростиславичъ, прозваніемъ „черный“, а въ церкви—святой, рѣшилъ подтвердить торговый договоръ съ Ригой и Готскимъ берегомъ князя Мстислава Давыдовича, въ знакъ чего онъ и епископъ Порфирій привѣсили свои печати къ одной изъ копій Мстиславовой грамоты; подобно ему, князь Александръ Глѣбовичъ, его племянникъ, подтвердилъ тотъ же договоръ, сдѣлавъ соотвѣтственную надпись отъ себя сверху другой копии договора, и вмѣстѣ привѣся печать;

разница въ томъ, что Ѳеодоръ Ростиславичъ при этомъ подтвержденіи написалъ особо свою присяжную грамоту, Александръ же Глѣбовичъ по видимому ограничился лишь не большою припиской на коши стараго договора. Кстати о печатяхъ: отъ князя Ѳеодора Ростиславича дошла еще грамота 1284 года, такъ называемая правая грамота о колоколѣ—вѣсахъ, и къ ней привѣшена такая же печать, какъ къ присяжной его грамотѣ, писанной того же 1284 года, 27 мая, на Вознесеніе Господне, и къ утвержденной имъ Мстиславовой грамотѣ, т. е. печать изъ двухъ спаянныхъ пластинокъ съ продѣтымъ сквозь снуркомъ, на одной сторонѣ звѣрь, похожій на льва либо барса, съ высунутымъ языкомъ и поднятымъ хвостомъ, на другой слова: „великого князя Ѳеодора“. (Рус. Ливон. Акт. № XXXVII, раньше въ изданіи «Грамоты, касающ. до снош. съ в. зап. Россіи съ Ригю», № IV). Так. обр. три одновременныхъ документа князя Ѳеодора Ростиславича закрѣплены всѣ одинаковой печатью его.“

№ 70 (2).   Засѣданіе Общества 10 марта 1902 г.

Присутствовали предсѣдатель и восемь членовъ.

1. Слушали заявленіе предсѣдателя, что онъ поздравилъ 28 февраля, телеграммою отъ имени Общества, Харьковское Историко-Филологическое Общество, по случаю достигнутаго имъ 25 лѣтія научной дѣятельности.

2. Производили выборъ депутатовъ на Харьковскій Археологическій съѣздъ. Избраны М. Н. Березковъ и Е. И. Кашпровскій. Постановили: увѣдомить о выборахъ Московское Археологическое Общество.

3. Производили закрытую баллотировку двухъ кандидатовъ въ члены Общества: преподавателя Кіевскаго Кадетскаго Корпуса, Николая Прокофьевича Василенко, и преподавателя 4 кіевской гимназіи Евгенія Александровича Кивлицкаго. Избирательныхъ голосовъ за г. Василенко было подано 8-мь, за г. Кивлицкаго 9-ть. Постановили: выборы Н. П. Василенко и Е. А. Кивлицкаго считать состоявшимися, о чемъ и увѣдомить ихъ самихъ.

4. Имѣли сужденіе о печатаніи отчета Гоголевской Комиссіи. Постановили: окончательное рѣшеніе того, печатать ли отчетъ въ „Сборникъ“ Общества, или въ „Извѣстіяхъ“ Института, отложить до времени.

5. Имѣли сужденіе, какъ праздновать юбилейную память поэта В. А. Жуковскаго (сконч. 12 апрѣля 1852 г.). Постановили: отложить до вре-

мени окончательное рѣшеніе того, будетъ ли особое празднованіе въ Обществѣ, или совмѣстное съ Институтомъ и Гимназіей.

№ 71 (3).   Засѣданіе Общества 15 сентября 1902 г.

Подъ предсѣдательствомъ М. Н. Бережкова, при секр. М. И. Лилеевѣ, присутствовали десять членовъ Общества.

1. Производили согласно § 9 Уст. Общ., выборы членовъ бюро на наступившій отчетный годъ. Избраны прежнія лица.

2. Постановили имѣть годичное собраніе сего 22 сентября въ 12 часовъ дня.

3. Разсматривали статью сочлена П. А. Заболотскаго „Старѣйшій Запорожскій уѣздъ“. Статья предназначается къ печатанію въ Сборникъ. Постановили: передать ее для отзыва проф. М. Н. Сперанскому.

4. Постановили: въ одномъ изъ ближайшихъ собраній баллотировать на основаніи § 5 Уст. Общ., въ почетные члены Общества бывшего предсѣдателя его, Антона Вячеславича Добіаша; во вниманіе важныхъ заслугъ его предъ Обществомъ.

№ 72 (4).   Засѣданіе 22 сентября 1902 г.

Въ годичномъ собраніи Общества секретарь М. И. Лилеевъ прочелъ отчетъ о занятіяхъ Общества въ минувшемъ году (т. е. съ сентября 1901 г. по сентябрь 1902); предсѣдатель М. Н. Бережковъ доложилъ отчетъ о дѣятельности Археологической Комиссіи Общества, въ помощь Харьковскому предварительному Комитету, по устройству съѣзда и выставки. (Отчеты напечатаны ниже).

№ 73 (5).   Засѣданіе 22 октября 1902 г.

Подъ предсѣдательствомъ М. Н. Бережкова, при секретарѣ М. И. Лилеевѣ, присутствовали 14 членовъ, да учащаяся молодежь, допущенная въ залу собранія для слушанія пѣнія и игры кобзаря Пархоменко.

1. Проф. М. Н. Сперанскій сдѣлалъ нѣсколько вступительныхъ замѣчаній о малороссійскихъ думахъ, духовныхъ стихахъ и пѣсняхъ, вслѣдъ за тѣмъ кобзарь изъ деревни Бурковки сосницкаго уѣзда, Терентій Макаровъ Пархоменко, подъ звуки своей бандуры, спѣлъ нѣсколько думъ

и пѣсенъ, къ удовольствію слушателей, наградившихъ слѣпца—бандуриста дружнымъ, весьма сочувственнымъ рукоплесканіемъ. Пропѣты были Пархоменкомъ: дума о Морозенкѣ; дума о трехъ братьяхъ, спасавшихся бѣгствомъ изъ Азовской неволи; о смерти козака—бандуриста; духовные стихи, или псалмы: „распачется мать сыра земля» и о Лазарѣ; юмористическая пѣсня про Хому и Ярему, да такая же пѣсня о свадьбѣ синицы со щегломъ.

2. Въ закрытомъ засѣданіи подписали протоколы двухъ сентябрьскихъ засѣданій.

3. Слушали отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, въ коемъ оно обращается къ Нѣжинскому Обществу съ просьбой продолжать изслѣдованія и собираніе матеріаловъ для предстоящаго Археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, лѣтомъ 1905 года, въ томъ же научномъ направленіи, и въ томъ же районѣ, какъ для Харьковскаго Археологическаго съѣзда. Постановили: принять предложеніе Московскаго Археологическаго Общества; просить членовъ бывшей Археологической комиссіи при нашемъ Обществѣ продолжать свои работы для предстоящаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ; обратиться въ Московское Археологическое Общество съ просьбой объ ассигнованіи нѣкоторой суммы денегъ, необходимой для научныхъ предпріятій комиссіи.

4. Слушали предложеніе членовъ М. И. Лилеева и Е. И. Кашпровскаго объ исходатайствованіи у Императорской Археологической Комиссіи и Московскаго Археологическаго Общества права на производство раскопокъ въ слѣдующемъ 1903 г. въ предѣлахъ Черниговской губерніи, и вмѣстѣ объ ассигнованіи Обществу нѣкоторыхъ денежныхъ средствъ. Постановили: ходатайствовать отъ имени Общества.

5. Производили баллотировку въ почетные члены Общества бывшаго предсѣдателя его, А. В. Добіаша, согласно постановленію общаго собранія отъ 15 сентября. Въ результатъ А. В. Добіашъ оказался избраннымъ больше чѣмъ двумя третями голосовъ. Постановили: считать его избраннымъ въ почетные члены Общества и увѣдомить его объ избраніи.

6. Баллотировали статью П. А. Заболотскаго «Старѣйшій Запорожскій уѣздъ». Результатъ баллотировки: избирательныхъ шаровъ 12, неизбирательный 1. Постановили: напечатать статью г. Заболотскаго въ IV-мъ томѣ «Сборника».

7. Постановили напечатать въ томъ же томѣ отчетъ секретаря о дѣятельности Общества за минувшій годъ (1901—2), и докладъ председателя о занятіяхъ Археологической Комиссіи къ Харьковскому съѣзду.

8. Постановили одобрить проектъ циркулярнаго письма, предложенный председателемъ, съ коимъ будетъ необходимо обратиться къ г.г. членамъ Общества, медлящимъ уплатою членскихъ взносовъ, и по отпечатаніи разослать его при IV томѣ «Сборника».

9. Постановили выдать кобзарю Терентію Пархоменко пять рублей изъ средствъ Общества. (Тогда же и выдано).

№ 74 (3).

Засѣданіе 22 ноября 1902 г.

Подъ председательствомъ М. Н. Березкова присутствовали, при секретарѣ М. И. Лилеевѣ, 12-ть членовъ Общества.

1. Членъ Общества, С. Н. Ждановъ представилъ введеніе и комментарий къ новонайденнымъ фрагментамъ Сапфо; г. референтъ между прочимъ 1, опровергалъ мнѣніе Бласса, что оксиринхскій фрагментъ не имѣетъ начала, доказывая, что обращеніе къ другимъ божествамъ, кромѣ Персидъ, не нужно, такъ какъ отъ благополучнаго торговаго плаванія Харакса могло зависѣть поправленіе его обстоятельствъ, а чрезъ то—возвращеніе уваженія согражданъ. 2, защищалъ толкованіе Леперомъ слова *μήδεις* въ смыслѣ „ничтожество“. 3, опровергалъ предложенное Леперомъ чтеніе *ἀπό μίχρω*, которое выражало бы неумѣстное «поминаніе стараго». 4, защищалъ мнѣніе Вейля, что слова *τεθνάχην ἀδολῶς θέλω* въ началѣ перваго берлинскаго фрагмента принадлежать Сапфо. 5, Ст. 11 того же фрагмента предлагалъ читать: *ἴθι, χρῆσι' ὄσα καὶ κάλ' ἐπάσχομεν*, или, если это слова Сапфо, *ἴθι δ' ἄβρ' ὄσα καὶ κάλ' ἐπάσχομεν*: ср. Соф. 'Нл. 236. 6, Защищалъ толкованіе общаго смысла втораго берлинскаго фрагмента, предложенное Рейнахомъ. 7, въ стихѣ 8 того же фрагмента предлагалъ читать: *ἃ ροδodάχτυλος Καλίστα*, (ср. *κάλιον* Алк. фр. 134), доказывая возможность этого имени для Селены.

По выслушаніи реферата, А. И. Покровскій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній къ нему.

2. Постановили отправить поздравленіе на имя ректора Императорскаго Юрьевскаго Университета, къ празднеству столѣтія сего Универси-

тета, 12 (25) декабря 1902 года. (Было отправлено председателемъ письмо отъ имени Общества).

3. Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго собранія.

4. Слушали докладъ проф. М. Н. Сперанскаго о пѣсняхъ, собранныхъ въ селѣ Андреевкѣ нѣжинск. уѣзда студентомъ нѣжинскаго Института В. В. Даниловымъ. Постановили: имѣть въ виду сборникъ пѣсень г. Данилова для печатанія его въ V томѣ „Сборника“.

СПИСОКЪ

членовъ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко, въ порядкѣ ихъ поступления въ Общество, съ 1894 по 1903 годъ.

Съ 3 апрѣля 1894 года:

Абрамовъ Андрей Федоровичъ.

Бережковъ Михаилъ Николаевичъ.

Гельбке Фридрихъ Фердинандовичъ.

Голышкинъ Александръ Дмитріевичъ.

Добіашъ Антонъ Вячеславичъ, почетный членъ съ 22 октября 1902 г.

Добіашъ Осипъ Вячеславичъ выбылъ 31 марта 1897 г.

Ждановъ Сергій Николаевичъ.

Захарченко Георгій Моисеевичъ.

Бадлубовскій Арсеній Петровичъ.

Кашпровскій Евменій Ивановичъ.

Кяриловъ Николай Стратониковичъ выб. 23 апр. 1898 г.

Лилеевъ Михаилъ Ивановичъ.

Люперсольскій Петръ Ивановичъ.

Миловидовъ Филипъ Александровичъ выб. 8 сент. 1897 г.

Михайловскій Иванъ Николаевичъ.

Мишель Людвигъ Николаевичъ.

Пѣтуховъ Евгенийъ Вячеславичъ.

Сребницкій Иванъ Аонасьевичъ.

Турцевичъ Иванъ Григорьевичъ.

Фогель Андрей Максимовичъ сконч. 11 окт. 1897 г.

Съ 24 апрѣля:

Брайловскій Сергѣй Николаевичъ.
 Кулжинскій Степанъ Ивановичъ.
 Рѣзановъ Владимиръ Ивановичъ.

Съ 12 іюня:

Васютинскій Ѳедоръ Іоакимовичъ.
 Донченко Михаилъ Ивановичъ.
 Кузнецовъ Степанъ Васильевичъ.
 Бушакевичъ Павелъ Ѳедоровичъ.
 Раичъ Михаилъ Еторовичъ.
 Савва Владимиръ Ивановичъ.
 Ходзицкій Захаръ Григорьевичъ.
 Шенрокъ Владимиръ Ивановичъ.

Съ 9 сентября:

Барсовъ Павелъ Ивановичъ сконч. 1899 г.
 Владимировъ Александръ Николаевичъ.
 Волковъ Григорій Яковлевичъ.
 Демковъ Михайлаъ Ивановичъ.
 Ивановъ Аверкій Григорьевичъ.
 Буклинъ Иванъ Васильевичъ.
 Мусинъ-Пушкинъ графъ Александръ Алексѣевичъ.
 Назаревъ Сергѣй Александровичъ.
 Писаревскій Антонъ Павловичъ.
 Покровскій Алексѣй Ивановичъ.
 Пономаревъ Сергѣй Ивановичъ ум. въ январѣ 1895 г.
 Рымша Болеславъ Ксаверьевичъ.
 Соколовъ Матвѣй Ивановичъ.
 Татариновъ Михаилъ Гавриловичъ ум. въ 1896 г.

Съ 19 ноября:

Дейкунъ Иванъ Леонтьевичъ.
 Мельниковъ Михаилъ Семеновичъ.
 Постернаковъ Александръ Филиповичъ.
 Удовенко Николай Васильевичъ.

Съ 2 января 1895 г.

Фохтъ Вальтеръ Рихардовичъ.

Съ 18 января:

Лопаревъ Хрисанъ Мсѣодіевичъ.

Тюльпановъ Константинъ Игнатъевичъ.

Съ 4 февраля:

Шарко Наталья Осиповна.

Съ 25 мая:

Адамовъ Петръ Аркадьевичъ.

Съ 20 октября:

Шнукъ Андрей Игнатъевичъ.

Съ 15 января 1896 года:

Горбуновъ Николай Тимоѣевичъ.

Поддергинъ Денисъ Николаевичъ.

Святскій Николай Александровичъ.

Черноусовъ Евгений Александровичъ.

Съ 27 января:

Затворницкій Георгій Митрофановичъ.

Первовъ Павелъ Дмитріевичъ.

Сперанскій Михаилъ Несторовичъ.

Тальвинскій Александръ Ивановичъ.

Съ 16 мая:

Галантъ Илья Владимировичъ.

Коробка Павелъ Степановичъ.

Съ 11 ноября:

Довнаръ-Запольскій Митрофанъ Викторовичъ.

Флеринъ Павелъ Алексѣевичъ.

Харузинъ Николай Николаевичъ ум. въ мартъ 1900 г.

Съ 31 января 1898 г.

Щекинъ Евгений Николаевичъ.

Съ 25 мая:

Антоновичъ Владимиръ Бонифатьевичъ, почетный членъ.

Съ 13 сентября:

Величковскій Александръ Александровичъ.

Съ 22 декабря:

Брокъ Артуръ Александровичъ.

Съ 20 февраля 1899 г.

Пискорскій Владимиръ Константиновичъ.

Съ 12 сентября:

Малеванскій Григорій Васильевичъ.

Съ 14 сентября:

Лобачевскій Александръ Владимировичъ.

Съ 17 октября:

Бурзи Бернардь Фридриховичъ.

Съ 28 февраля 1900 г.

Теттенборнъ Рихардь Андреевичъ.

Съ 7 мая:

Гладкевичъ Иванъ Ѳомичъ.

Съ 5 ноября:

Заболотскій Петръ Александровичъ.

Алексѣевъ Сергѣй Николаевичъ.

Съ 27 октября 1901 г.

Лутцау Евгенийъ Борисовичъ.

Мандесъ Михаилъ Ильичъ.

Мартовъ Августъ Августовичъ.

Съ 10 марта 1902 г.

Василенко Николай Прокофьевичъ.

Кивлицкій Евгенийъ Александровичъ.

Съ 20 февраля 1903 г.

Радченко Константинъ Ѳедоровичъ.

О СОСТАВѢ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА.

(Нѣсколько данныхъ изъ отчетовъ секретарей Общества: *И. А. Сребницкаго* за 1900—1901 годъ и *М. И. Лилеева* за 1901—1902 годъ).

Въ 14 сентября 1901 г. Общество состояло изъ 1 почетнаго члена и 60 дѣйствительныхъ. Должностными лицами были: А. В. Добіашъ, А. Ѳ. Абрамовъ, И. А. Сребницкій, М. Н. Сперанскій, И. Н. Михайловскій, Б. Ф. Бурзи, Е. И. Кашпровскій и В. Б. Пискорскій. 7 сентября сего 1901 года было произведено избраніе должностныхъ лицъ на новые сроки, причемъ избраны, за отказомъ прежнихъ предсѣдателя и секретаря, М. Н. Бережковъ предсѣдателемъ, а М. И. Лилеевъ—секретаремъ; прочія должностныя лица остались прежнія.

Въ теченіе отчетнаго года Общество имѣло 9 открытыхъ засѣданій, въ которыхъ читались членами ученые сообщенія, и нѣсколько закрытыхъ для разрѣшенія административныхъ и иныхъ текущихъ дѣлъ Общества. Сообщенія читаны слѣдующія:

И. Г. Турцевичемъ „о центрахъ провинціаловъ въ Римѣ, въ императорскую эпоху“.

А. А. Брокомъ «о новомъ thesaurus linguae latinae».

С. Н. Ждановымъ «о Менандрѣ по вновь найденнымъ папирусамъ».

М. И. Лилеевымъ «о Погодинѣ какъ историкѣ и профессорѣ» и замѣтка по поводу статьи А. М. Лазаревскаго о русско-польскихъ календаряхъ.

М. Н. Сперанскимъ «изъ первыхъ лѣтъ Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ» и „изъ русскаго фольклора“.

В. Р. Фохтомъ „нумизматико-археологическія замѣтки“.

В. К. Пискорскимъ „некрологическая замѣтка объ историкахъ Стѣбѣ и Балагерѣ“.

Сверхъ того, въ открытыхъ засѣданіяхъ предсѣдателемъ Общества А. В. Добіашемъ были сдѣланы подробные доклады о состоящей при Обществѣ Археологической комиссіи для подготовительныхъ дѣйствій по устройству въ 1902 г. XII Археологическаго сѣзда въ Харьковѣ; комиссія, въ составъ которой вошли, по ея приглашенію, и нѣкоторыя постороннія лица, могущія оказать ей полезное содѣйствіе, начала свои занятія съ весны 1900 года, и въ истекшемъ году, благодаря главнымъ образомъ высоко энергичной дѣятельности предсѣдателя, А. В. Добіаша, широко распространила свою дѣятельность въ предѣлахъ Черниговской губерніи; она встрѣтила сочувствіе и привлекла къ участию въ своихъ работахъ многихъ лицъ изъ духовенства, преподавателей училищъ, членовъ черниговскаго земскаго статистическаго бюро; до настоящаго времени въ комиссію постуило отъ разныхъ лицъ 175 археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, а именно: 15 новоизданныхъ брошюръ, 7 старинныхъ рукописей, 89 рукописныхъ сообщеній и статей, 64 нумера разныхъ вещей частію археологическаго, частію этнографическаго свойства. Теперь комиссія занята преимущественно организаціей собиранія матеріаловъ для этнографическаго альбома Черниговской губерніи. Свѣдѣнія о ходѣ работъ Археологической Комиссіи публиковались въ „Кіевлянинѣ“, „Кіевской старинѣ“, въ „Черниговск. епархіальныхъ извѣстіяхъ“ и въ „губернвѣдомостяхъ“ а отчеты посылались въ Харьковскій предварительный комитетъ.

По прежнему, высылали Обществу свои изданія: Харьковскій Университетъ—Записки Университета съ приложеніями; Варшавскій—Университетскія Извѣстія; Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ—Извѣстія; Императорское Русское Археологическое Общество—Записки и Труды восточн. отдѣл. Императорское Московское Археологическое Общество—Труды археограф. и славянской комиссіи; Императорское Одесское Общество Исторіи и древностей—записки и отчетъ; Общество археологін, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ—Извѣстія; Учено-литературное Общество при Юрьевскомъ Университетѣ—Сборникъ; Истор. Филологическ. Общество при Новоросс. Университетѣ

Лѣтопись; Архивъ Министерства Юстиціи—Описаніе документовъ и бумагъ; Краковская Академія наукъ—Bulletin international; Научное Товарищество имени Шевченка—Записки; Musealna slovenska spolocnost—Časopis, Sbornik.

• Въ обмѣнъ на эти изданія Общество посылало III томъ своего «Сборника», вышедшій изъ печати въ 1900 году.

Въ послѣднемъ отчетномъ году (съ 23 сент. 1901 по 22 сент. 1902) должностныя лица Общества оставались прежнія. Въ Обществѣ числились 1 почетный членъ и 62 дѣйствительныхъ; собраній открытыхъ и закрытыхъ было восемь; въ открытыхъ собраніяхъ прочитаны слѣдующіе доклады:

М. Н. Бережковымъ „Нѣжинская черная рада въ іюнь 1663 г.“ и другой—„Михаилъ Егоровичъ Марковъ и его рукописный сборникъ о черниговской старинѣ“.

М. И. Лилевымъ „Археологическая побѣдка въ Конотопѣ, Батуринѣ и Николаевскій Крупецкій монастырь“, и другой докладъ „о Черниговѣ по воспоминаніямъ Д. Грембецкаго“.

М. Н. Сперанскимъ „Письмо Н. В. Гоголя къ И. И. Барановскому, отъ начала февраля 1852 года, найденное въ Нѣжинѣ“.

Е. И. Вашировскимъ „о смоленскихъ торговыхъ договорахъ съ Ригой и нѣмецкими городами“.

П. А. Незнамовымъ „о разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ“, по поводу найденной имъ одной изъ такихъ грамотъ.

В. Р. Фохтомъ „о греческомъ скульпторѣ Поликлетѣ, иначе Клейтонѣ“, какъ онъ называется въ Меморабіліяхъ Ксенофонта.

С. Н. Ждановымъ „объ аттракціи относительнаго мѣстоименія въ греческомъ языкѣ“.

Въ минувшемъ году былъ печатанъ IV томъ „Сборника“, въ который входятъ ученые доклады двухъ послѣднихъ отчетныхъ лѣтъ.

Библиотека Общества къ началу отчетнаго года заключала въ себѣ 304 названія въ 802 томахъ; въ теченіе 1901—1902 года поступило старыхъ названій 46 книгъ и 22 новыхъ названія въ 23 книгахъ; всего теперь имѣется въ библиотекѣ 326 названій въ 871 книгѣ.

Въ кассѣ Общества къ 1 сентября 1901 года было . 413 р. 50 к.

Въ теченіе года поступило:

16 членскихъ взносовъ	80 р. — к.
% по книжкѣ сберегательной кассы	11 р. 81 к.
за проданныя книжки „Сборника“	5 р. 50 к.
всего	97 р. 31 к.

Въ теченіе года истрачено:

на печатаніе части IV тома „Сборника“	200 р. — к.
на гоголевскій праздникъ	50 р. — к.
на канцелярскіе расходы	6 р. 54 к.
всего	256 р. 54 к.

Къ 1 сентября 1902 года остается . . . . . 254 р. 27 к.

О ЗАНЯТІЯХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССІИ

(Докладъ, читанный въ годичномъ собраніи Общества, 22 сентября
1902 года председателемъ Комиссіи и Общества).

Милостивые Государя!

Имѣю честь представить Вамъ докладъ о занятіяхъ Археологической комиссіи при нашемъ Обществѣ.

Комиссія, какъ Вамъ извѣстно, образовалась съ цѣлію содѣйствовать Харьковскому предварительному комитету по устройству XII Археологическаго съѣзда. Въ свое время Вы слышали три доклада бывшаго предсѣдателя ея, А. В. Добіаша, о постепенномъ развитіи дѣятельности ея. (Два доклада напечатаны въ «Трудахъ Харьков. предварит. комит.» въ 1-мъ томѣ; третій докладъ б. заслушанъ въ комитетѣ: смотр. тамъ же, I, стран. 353—354). Нынѣ, когда Харьковскій съѣздъ дѣло уже законченное, будетъ вполнѣ своевременно подвести нѣсколько итоговъ работамъ и нашей Комиссіи. Кажется, еще не поздно будетъ. Во всякомъ случаѣ я долженъ сдѣлать предъ Вами настоящій докладъ,—четвертый и послѣдній въ ряду всѣхъ докладовъ, такъ какъ онъ не былъ заслушанъ ни въ нашемъ Обществѣ, ни въ Харьковскомъ комитетѣ, при тѣхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы очутились передъ открытіемъ Археологическаго съѣзда. Итакъ прошу Вашего благосклоннаго вниманія мнѣ, на часъ времени.

Подъ предсѣдательствомъ А. В. Добіаша Комиссія образовалась въ маѣ 1900 года изъ членовъ Общества: отца А. А. Величковскаго, М. Н. Березкова, Е. И. Кашировскаго, М. И. Лилеева, В. К. Пискорскаго,

В. И. Рязанова и М. Н. Сперанскаго; впоследствии о. А. А. Величковский вышел из Комиссии, а вступили в нее следующие лица: членъ Общества, нѣжинскій городской голова И. Л. Дейкунъ, нѣжинскій исправникъ В. Н. Фальковский, страховой земскій агентъ по нѣжинскому уѣзду Я. А. Гужовскій, преподаватель глуховской гимназіи А. Н. Малинка, земскій учитель мглинскаго уѣзда С. А. Гатцукъ, секретарь губернскаго статистическаго Комитета и правитель канцеляріи черниговскаго губернатора, А. К. Ярыгинъ.

Комиссія намѣтила себѣ не малое поле дѣйствія: съ Обществомъ и Институтомъ князя Безбородко во главѣ, она становилась центральнымъ мѣстомъ для всей Черниговской губерніи по части собиранія и разработки археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ; при поддержкѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Харьковскаго предварительнаго комитета она надѣялась оказать сильную помощь съѣзду, рассчитывая съ другой стороны на вниманіе и содѣйствіе мѣстныхъ черниговскихъ дѣятелей; перепечатала харьковскія «программы» для собиранія нужныхъ свѣдѣній, и разослала ихъ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ по разнымъ учрежденіямъ и лицамъ губерніи; вступила въ переписку съ ними; въ отвѣтъ получала обѣщанія, приобретала надежды. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что лица, обѣщавшія намъ содѣйствіе, искренно желали оказать его намъ; на дѣлѣ, однако, не всѣ обѣщанія исполнились. Говоря такъ не желаемъ пенять комунибудь; вѣдь у каждого есть свое прямое дѣло житейское, а для собиранія да обработки археологическихъ и иныхъ матеріаловъ, по программамъ довольно обширнымъ, кромѣ любви къ дѣлу, кромѣ досуга, хлопотъ, да отчасти еще денежныхъ затратъ, требуются еще знаніе и умѣніе. Не многіе совмѣщаютъ въ себѣ всѣ эти условія; да и какое, наконецъ, право мы имѣли бы рассчитывать на даровыя услуги себѣ? Тѣмъ дороже для насъ услуги людей, благоволившихъ оказать ихъ намъ на дѣлѣ такимъ или инымъ образомъ: указаніями и совѣтами, письменными сообщеніями по программамъ, доставленіемъ разныхъ предметовъ для археологической выставки въ Харьковѣ.

У насъ теперь много благородныхъ любителей старины,—таинственной, очаровательной старины, въ которой, чувствуется намъ, лежатъ корни всего нашего современнаго образованія. И вкусъ къ точному архео-

логическому знанію теперь распространяется все больше; точнѣе прежняго устанавливается теперь самое понятіе археологіи, какъ науки вещественныхъ древностей, или памятниковъ человѣческаго искусства и ремесла въ разныхъ областяхъ жизни. (Такимъ опредѣленіемъ археологія сближается, но вмѣстѣ и отдѣляется отъ исторіи, что необходимо для археологіи, въ интересахъ лучшей разработки ея). Ученыя археологическія общества и съѣзды, выставки и постоянные музеи, изданія памятниковъ и научныхъ изслѣдованій, преподаваніе археологическихъ дисциплинъ въ нѣкоторыхъ высшихъ заведеніяхъ, какъ напр. въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ институтѣ,—все это поддерживаетъ интересъ къ русскимъ древностямъ среди образованнаго общества, увеличиваетъ вкусъ и знанія. При всемъ томъ, однако, многого еще не достаетъ: у насъ мало общедоступныхъ практичныхъ руководствъ по археологіи, которыя такъ нужны людямъ начинающимъ, любителямъ, коллекціонерамъ и всѣмъ сколько нибудь образованнымъ читателямъ, желающимъ составить себѣ болѣе опредѣленное понятіе объ археологіи. У насъ до сихъ поръ нѣтъ словаря русскихъ древностей, хотя матеріаловъ для него накопилось достаточно, а нужда въ такомъ словарѣ оцутительна даже для ученыхъ специалистовъ: вѣдь, право, не много у насъ археологовъ, основательно знающихъ, которые могли бы вѣрнымъ взглядомъ осмотрѣть вещь и назвать ее надлежащимъ именемъ, и на оборотъ: по старинному имени ясно представить себѣ вещь. Въ общемъ выходитъ, что мы, идеализуя старину, и любя ее каждый по своему, недостаточно знаемъ ее, и это—по той, кажется, причинѣ, что у насъ не вполне правильная метода археологическихъ занятій. Русскимъ ученымъ и образованнымъ людямъ да художникамъ слѣдуетъ хорошо договориться о дружной работѣ по опредѣленному плану, въ особенности договориться о составленіи словаря русскихъ древностей, въ которомъ были бы истолкованы, какъ слѣдуетъ, слова и вещи; такая работа достойна полнаго вниманія нашихъ археологическихъ съѣздовъ и ученыхъ обществъ, и всѣхъ, кому дороги успѣхи отечественной науки, кто допытывается живаго, плодотворнаго, да и основательнаго знанія своей исторіи, своей невозвратной старины.

Въ изученіяхъ этнографическихъ также нужна болѣе правильная метода. На первый разъ, конечно, можетъ казаться, что наблюдать современный бытъ, отвсюду насъ окружающій, не есть трудное занятіе; но

это не такъ на самомъ дѣлѣ. Только развитый и образованный человѣкъ въ состояніи подняться надъ будничной, текущей дѣйствительностью, и начать наблюдать ее съ точки зрѣнія научной, а не будничной—эмпирической; только при долговременномъ трудѣ, полгода путешествуя да полгода работая въ ученое кабинетѣ, расширяя свой опытъ и свое небольшое поле зрѣнія опытомъ другихъ ученыхъ, можетъ выработаться освѣдомленный этнографъ, который съ нѣкоторою основательностью будетъ судить, что въ жизни типично и устойчиво, что измѣняется по мѣсту и времени, который увидитъ и новыя стороны въ современномъ народномъ быту, укажетъ новыя задачи наукѣ. Само собою разумѣется, что прямая христіанская любовь къ народу, да уваженіе къ вѣковому образу мыслей его, необходимы для этнографа, желающаго имѣть себѣ довѣріе и любовь простыхъ людей, по своему очень деликатныхъ, одержанныхъ; въ известной мѣрѣ ему приходится быть философомъ и по-этомъ, чтобы понимать наивность и вмѣстѣ мудрость народнаго міросозерцанія, крѣпость житейскаго обычая, красоту, силу и соль живаго слова народнаго, для точной записи котораго требуются нарочитое умѣнье, добросовѣстная тщательность. Притомъ этнографъ не можетъ ограничиться наблюденіемъ только деревенскаго жителя: и городокіе жители также народъ, городской бытъ также долженъ быть предметомъ изученія со стороны этнографа, на ряду съ бытомъ деревенскимъ. И у простаго народа — прибавить надобно—теперь приходится спрашивать не про однихъ только колдуновъ, лѣшихъ и вѣдьмъ, и тому подобныхъ персонажей, слишкомъ патріархальныхъ, нынѣ таки довольно помызветшавшихъ, которымъ само простонародье скоро совсѣмъ перестанетъ вѣрять, но спрашивать и о чемъ нибудь болѣе важномъ для него, т. е. болѣе жизненнымъ, что выросло въ сознаниіи и въ самомъ быту народномъ за послѣдніе вѣка, подъ вліяніемъ крупныхъ историческихъ событій, да при нѣкоторомъ общемъ подъемѣ у насъ образованія. Такимъ образомъ задача этнографіи очень сложна; быть этнографомъ, пожалуй, еще труднѣе, чѣмъ археологомъ. И опять приходится сказать, что для успѣха этнографическихъ наблюденій и изученій, въ интересахъ археологіи, исторіи и самой этнографіи, нужна дружная работа хорошо подготовленныхъ людей, по обдуманному систематическому плану, а не какъ случится, или кто во что гораздъ. Не слишкомъ ли, напримѣръ, у насъ запы-

сываютъ и печатаютъ однообразный матеріалъ? Что пользы въ частомъ записываніи варьянтовъ какой нибудь пѣсенки? Вѣдь за ними все равно не угоняешься, потому что что пѣсня въ передачѣ изъ устъ въ уста и въ живомъ исполненіи способна къ безконечнымъ перепѣвкамъ: ихъ не учтешь, какъ вообще нельзя учесть всего живаго слова народнаго и заключить его въ печатный словарь. И не пора ли намъ болѣе энергичнымъ образомъ разрабатывать по научному методу собранный этнографическій матеріалъ, а затѣмъ придать ему литературную, по возможности художественную форму, и въ такой улучшенной формѣ возвратить его народу, путемъ книги и школы, въ оплату ему за услуги наукъ?

Мнѣ пріятно, господа, дѣлиться съ Вами этими мыслями, которыя не разъ мнѣ приходили на умъ, во время нашихъ подготовительныхъ работъ къ сѣзду, по поводу иногда случайныхъ поступленій къ намъ различныхъ матеріаловъ, случайнаго иногда направленія нашихъ занятій, когда чувствовалось, что мы не договорились какъ слѣдуетъ для общаго дѣла, что оно могло бы быть исполнено лучше. Но дѣло уже сдѣлано, и притомъ—спѣшу добавить—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлано съ успѣхомъ, благодаря прежнему нашему предсѣдателю Антону Вячеславичу Добіашу; его энергіи и усиліямъ мы главнѣйше обязаны за то, что начатое дѣло достигло своей цѣли съ извѣстнымъ успѣхомъ.

Обращаюсь теперь къ своему прямому предмету, т. е. къ докладу о дѣятельности Комиссіи за время ея свыше двухлѣтнихъ занятій; постараюсь выратѣ свести важнѣйшія данныя о ней и о всѣхъ сотрудникахъ ея.

Съ благосклоннаго разрѣшенія преосвященнѣйшаго Антонія, епископа черниговскаго и нѣжинскаго, при содѣйствіи отцовъ благочинныхъ, отъ причтовъ разныхъ уѣздовъ епархіи въ Комиссію поступили письменныя сообщенія о церквахъ и мѣстныхъ древностяхъ, болѣе или менѣе краткія, болѣе или менѣе опредѣленно отвѣчающія на программы, а именно отъ слѣдующихъ причтовъ. (Исчисляемъ по времени поступленія).

Отъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря; изъ села Олтаря новгородсѣверскаго уѣзда; изъ с. Рожновки борзенскаго уѣзда; села Парافیевки того же уѣзда; отъ соборной Успенской церкви г. Новгородсѣ-

верска; отъ двухъ причтовъ мѣстечка Гремяча новгородсѣверскаго уѣзда; изъ села Покошичъ кролевецкаго уѣзда; отъ Благовѣщенской церкви г. Борзны; изъ с. Есмани глуховскаго уѣзда; изъ с. Полковничьей Слободы того же уѣзда; изъ с. Суходола того же уѣзда; изъ с. Ястребщины того же уѣзда; изъ с. Кучеровки того же уѣзда; отъ двухъ причтовъ села Марчихиной Буды того же глуховскаго уѣзда; изъ села Сопичъ того же уѣзда; изъ с. Студенка того же уѣзда; изъ с. Бачевска того же уѣзда; изъ с. Уланова того же уѣзда; отъ Нѣжинской Богоявленской Замковой церкви; изъ с. Бучекъ новгородсѣверскаго у.; изъ с. Татаровщины остерскаго уѣзда; изъ с. Михальчиной Слободы новгородсѣверскаго уѣзда; отъ Благовѣщенской церкви въ селѣ Лѣсконогахъ того же уѣзда; отъ Случевско-Сопического прихода стародубскаго уѣзда; изъ с. Пушкарей новгородсѣверскаго уѣзда; изъ с. Даниловки сосницкаго уѣзда; изъ с. Дегтяревки новгородсѣверскаго уѣзда; изъ мѣстечка Понорницы кролевецкаго уѣзда; изъ с. Прачей борзенскаго уѣзда; изъ с. Алтыновки кролевецкаго уѣзда; изъ с. Добротова того же уѣзда; изъ с. Архиповки новгородсѣверскаго уѣзда; изъ села Ярославца глуховскаго уѣзда; изъ с. Гужовки борзенскаго уѣзда; изъ с. Ляличъ суражскаго уѣзда; изъ с. Качановки борзенскаго уѣзда; изъ с. Тулиголовы глуховскаго уѣзда; отъ Воионатъевской единовѣрческой церкви гор. Новозыбкова; отъ Успенской единовѣрческой церкви посада Климова новозыбковскаго уѣзда; отъ Вознесенской единовѣрческой ц. посада Злынки новозыбковскаго уѣзда; отъ Троицкой единовѣрческой ц. въ посадѣ Клинцахъ суражскаго уѣзда; отъ Вознесенской единовѣрческой ц. въ томъ же посадѣ; отъ Покровской единовѣрческой ц. слободы Радули городнянскаго уѣзда; отъ Николаевской единовѣрческой ц. посада Добрянки городнянскаго уѣзда; отъ Богородицвой единовѣрческой ц. посада Митьювки новозыбковскаго уѣзда; изъ села Серединки козелецкаго уѣзда; отъ Нѣжинскаго Введенскаго женскаго монастыря; изъ села Вишенокъ остерскаго уѣзда, и отъ церквей 3 благочинническаго округа остерскаго уѣзда селъ: Гнѣдина, Бортничъ, Воскресенской слободки, Выгуровщины, Троещины, Красиловки, Дудорнова, Требухова и мѣстечка Броваровъ; изъ села Былки кролевецкаго уѣзда; изъ села Шатрищъ новгородсѣверскаго уѣзда; отъ Козелецкаго Георгіевскаго монастыря; изъ села Далисичъ суражскаго уѣзда; отъ Новгородсѣверскаго Преображенскаго монастыря; отъ Николаевской церкви мѣстечка Ични

борзенскаго уѣзда; отъ Малиноостровскаго Рождествобогородичнаго единовѣрческаго женскаго монастыря новозыбковскаго уѣзда; отъ Воскресенской церкви мѣстечка Почепа мглинскаго уѣзда; изъ села Костобобра новгородсѣверскаго уѣзда; отъ Крестовоздвиженской церкви г. Новгородсѣверска; изъ села Тростянки борзенскаго уѣзда; изъ с. Воргола глуховскаго уѣзда; изъ с. Чаусь стародубскаго уѣзда; изъ с. Колачова мглинскаго уѣзда; изъ с. Ковалева стародубскаго уѣзда; изъ селъ: Борковъ, Старгородки, Пархимова и Котова остерскаго уѣзда; изъ с. Ольбина того же уѣзда; изъ с. Уздицы глуховскаго уѣзда; изъ с. Обтова кролевецкаго уѣзда; изъ с. Сваркова глуховскаго уѣзда; отъ Троицкой церкви города Погара; отъ Вознесенскаго прихода мѣстечка Бахмача конотопскаго уѣзда; отъ Покровской церкви мѣстечка Батурина конотопскаго уѣзда; отъ двухъ причтовъ с. Курени конотопскаго уѣзда; изъ села Тиницы того же уѣзда; изъ мѣстечка Дубовичь глуховскаго уѣзда (свѣдѣнія доставлены Ангелиною Николаевной Гусаковскою); отъ Гамалѣвскаго Рождество-богородичнаго дѣвичьяго монастыря; изъ с. Собычева глуховскаго уѣзда; отъ причтовъ 4 благочин. округа стародубскаго уѣзда: с. Яцковичь, с. Старыхъ Холсевичь, с. Гарцева, с. Труханова, с. Семешкова, с. Сергѣевска, с. Мохановки, с. Колодезьковъ, с. Галенска, с. Осколкова, с. Рожманова, с. Волокитиныхъ Кустичь, с. Новаго; изъ селъ Евдоколья и Витемля стародубскаго уѣзда; изъ с. Бурова того же уѣзда; изъ с. Юриновки новгородсѣверскаго уѣзда; изъ мѣстечка Лѣтокъ остерскаго уѣзда; изъ церквей 3 благочиннич. округа борзенскаго уѣзда (свѣдѣнія поступили отъ исаомщика с. Гужовки К. И. Самбурскаго); изъ с. Слоута глуховскаго уѣзда; изъ мѣстечка Воронежа глуховскаго уѣзда; изъ м. Ивангорода борзенскаго уѣзда; изъ с. Мохановки стародубскаго уѣзда (отъ священника І. Тростнина); отъ причтовъ 1 благочиннич. округа сосницкаго уѣзда: мѣстечка Александровки, села Малаго Устья, с. Загребелья, с. Кербутовки, с. Пекарева; отъ причтовъ 3 благочин. округа нѣжинскаго уѣзда: села Березанки, с. Великой Кошелевки, с. Вересочи, мѣстечка Веркиевки, (отъ обоихъ причтовъ), с. Дроздовки, с. Дремайловки, с. Занекъ, с. Брутовъ, с. Кагарлыковъ, с. Кунашевки, с. Линова Рога, с. Малой Кошелевки, с. Орловки, с. Переясловки, с. Хиболовки и села Черняховки.

Всѣхъ сообщеній поступило въ Комиссію приблизительно отъ ста пятидесяти приходовъ и монастырей, что составляетъ сравнительно не-

большую долю общаго числа церквей цѣлой Черниговской епархіи. По видимому, причты затруднялись писать отвѣты по программамъ, которыя запрашивали, правда, очень много. Притомъ же почти одновременно съ нашимъ Обществомъ, кievское Общество преподобнаго Нестора лѣтописца также разослало свои программы, гдѣ намѣчены также вопросы о церквахъ и церковныхъ древностяхъ Черниговской епархіи; весьма вѣроятно, многіе отцы настоятели церквей понимали дѣло такъ, что достаточно будетъ послать отвѣты въ одно которое нибудь общество, т. е. либо въ кievское, либо въ нѣжинское; вслѣдствіе того вышло, что ни въ нашемъ, ни въ кievскомъ Обществѣ Нестора лѣтописца нѣтъ свѣдѣній сполна о всѣхъ церквахъ Черниговской епархіи; и еслибы даже снести вмѣстѣ письменные отвѣты, поступившіе въ то и другое Общество, то и тогда едвали бы составилось полное собраніе ихъ, обнимающее всѣ церкви епархіи.

И трудно гадать, когда и кому удастся приготовить цѣльное историко-археологическое описаніе епархіи, въ дополненіе и исправленіе труда преосвященнаго Филарета Гумилевскаго, безспорно важнаго для своего времени, т. е. «Историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи» въ 7-ми книгахъ, Черниговъ, 1873—74 г.г. Не долго спустя послѣ составленія этого труда, правда, было еще разъ предпринято собираніе историко-археологическихъ свѣдѣній о церквахъ Черниговской епархіи: въ 1886 г. президентъ Императорской Академіи Художествъ, великій князь Владимиръ Александровичъ, обратился къ преосвященному Веніамину съ письмомъ, въ коемъ излагалась просьба Академіи о доставленіи свѣдѣній, по приложенной къ письму особой метрикѣ, о старинныхъ церквахъ до 1700 года включительно, именно объ ихъ архитектурѣ, равно и о древностяхъ церковныхъ. (Черниговск. Епарх. Извѣстія 1886, № 22, отъ 15 ноября). Но намъ неизвѣстно о результатахъ сего предпріятія, имѣвшаго притомъ въ виду лишь наиболѣе древнія церкви, до начала XVIII вѣка. Одно знаемъ, что обстоятельное описаніе Черниговской епархіи съ историко-археологической стороны будетъ, конечно, весьма не легкимъ, но за то и весьма благодарнымъ дѣломъ: въ епархіи не мало церковной старины; по монастырямъ и церквамъ не рѣдки, напримѣръ, старопечатныя книги XVII и XVIII в.в. изданій кievскихъ, львовскихъ, московскихъ, могилевскихъ, виленскихъ, мѣстныхъ черниговскихъ и

инныхъ, иногда съ цѣнными записями по листамъ; не мало также есть церковныхъ вещей съ надписями и безъ нихъ; и если трудолюбивый, опытный изслѣдователь, при указаніи о.о. благочинныхъ и мѣстныхъ настоятелей, станетъ внимательно осматривать бібліотеку, ризницу и тѣ отдѣленія въ храмахъ, куда откладываются изветшавшія и вышедшія изъ употребленія вещи, то навѣрное въ большинствѣ церквей онъ найдетъ что нибудь интересное въ археологическомъ отношеніи, достойное храненія въ епархіальномъ музеѣ. Нужно лишь дослѣдовать, непременно все осмотрѣть на мѣстѣ свѣдущему лицу. А по заочнымъ отзывамъ о.о. настоятелей нельзя составить удовлетворительнаго, точнаго описанія.

Наша Комиссія во всякомъ случаѣ много обязана достопочтеннымъ отцамъ благочиннымъ, настоятелямъ церквей и монастырей и всѣмъ лицамъ, которые потрудились сообщить намъ письменные отвѣты о 150 церквахъ. Пусть она не успѣла воспользоваться ими для какого либо доклада на Харьковскомъ съѣздѣ,—ибо все время она ожидала поступленія новыхъ свѣдѣній отъ другихъ церквей, чтобы сдѣлать выборку, либо же сводъ данныхъ изъ большаго количества письменныхъ сообщеній; но Комиссія надѣется воспользоваться ими при другомъ случаѣ, будетъ сохранять ихъ и пополнять.

Въ Комиссію поступили частію въ даръ, частію во временное пользованіе и для доставки на Харьковскій археологическій съѣздъ, слѣдующія книги, брошюры, литографіи, рукописи.

Отъ настоятеля Нѣжинскаго монастыря, о. архим. Григорія, брошюра прот. А. Ѳ. Хойнацкаго, Очеркъ исторіи Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, Черн. 1883.

Въ предисловіи къ книжкѣ указаны другіе труды о монастырѣ.

Отъ о. архим. Никифора брошюра—Домницкій Рождество—Богородицкій монастырь, Черн. 1895.

Отъ матери игуменіи Евфросиніи брошюра—Максаковскій женскій Спасскій монастырь, Черн. 1864.

Отъ о. прот. Трифона Стефановскаго — Описаніе села Плоскаго, состоящаго въ нѣжинскомъ уѣздѣ, съ прилож. плана, Черн. 1900.

Въ предисловіи приводятся указанія, когда и отъ кого дѣлались порученія приходскимъ священникамъ Черниговской епархіи доставлять историко-статистическія свѣдѣнія.

Крупницкій батуринскій третьеклассный монастырь св. Николая.— брошюра отъ о. настоятеля.

Отъ о. прот. Ѳ. І. Васютинскаго—Евхологiонъ, альбо Молитвословъ, или Требникъ Петра Могила, митропол. кievскаго, 1646 г. въ трехъ частяхъ.

Отъ учителя сваромскаго училища, Степ. Дм. Криницкаго—Триодионъ, ся есть Трипѣснець св. великой Четырдесятницы, кievонечерск. изданіе 1648 г.

Отъ о. А. Еюмова—Историческое сказаніе о чудотворной Лѣньковской иконѣ Божіей матери, и другая брошюра его же—Новоявленный угодникъ Божій, святитель и чудотворецъ всеросійскій Ѳеодосій. Черн. 1902.

Отъ Петра Михайловича Добровольскаго—Чернигов. Елецкій Успенскій первоклас. монастырь, и еще пять брошюръ его же о древностяхъ и святыняхъ Чернигова.

Отъ Алексѣя Капитоновича Ярыгина, члена Комиссіи, труды его: Былое черниговской земли, очеркъ; Путеводитель по Чернигову; Списокъ населенныхъ мѣстъ Черниговской губерніи, имѣющихъ не менѣе 10-ти жителей, по даннымъ 1901 года. Черн. 1901.

Въ предисловіи отмѣчено, что и раньше для Чернигов. губ. были издаваемы такіе списки: Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1866 г. и Черниг. Губернскимъ Статистич. Комитетомъ въ 1892 году. Настоящее изданіе—также отъ Губернскаго Стат. Комитета.

Отъ г. директора Кievской 4 гимназіи, Н. Стороженко—нѣмецкая рукопись, заключающая въ себѣ правила для бѣловежскихъ борзенскаго уѣзда нѣмецкихъ колоній, заведенныхъ во второй полов. XVIII вѣка, въ управленіе малоросс. г. губернатора, графа П. А. Румянцова. (Русскій переводъ рукописи исполненъ А. В. Добіашемъ).

Отъ него же, г. Стороженко, брошюра—Малорусская народная одежда, К. 1899.

Цитуются труды Головацкаго, Чубянскаго, Русова и другіе; описываются собственно уѣзды нѣжинскій и козелецкій.

Отъ Павла Никитича Тиханова брошюра—Черниговскіе старцы; псалки и криптоглоссонъ, Черн. 1899.

Отъ г-жи Пелагіи Яковлевны Литвиновой—Южно русскій народный орнаментъ; Черниговская губернія; собр. и составила П. Я. Литвинова.

Вып. I—II, К. 1878 и Харьк. 1902, съ предислов. професс. Е. К. Рѣдина.

Отъ нея же—Бердичевскій календарь на 1842 годъ.

(Kalendarz gospodarski na rok 1842, w Berdiczowie).

Отъ нея же—рукописный сборникъ XVII—XVIII в.в. письма великорусскаго, а больше южнорусскаго, начинающійся статьей „Луцидаріусъ“, содержащій далѣе разнообразныя статьи, интересныя въ историко-литературномъ отношеніи, (по отзыву професс. М. Н. Сперанскаго).

Отъ нея же—Похвальный листъ (подлинный) ученику Новгородсѣверскаго повѣтоваго училища 2 класса, Михаилу Литвинову, отъ 1826 года, выданный за благонаравіе и прилежаніе къ наукамъ.

Отъ Бориса Дмитріевича Гринченко: Этнографическіе матеріалы, вып. I—III, Черниг. 1895—99; Изъ усть народа, Черниг. 1900; Каталогъ музея украинскіхъ древностей, коллекціи В. В. Тарновскаго, томы I—II, К. 1898, Черн. 1900; Литература украинскаго фольклора, 1777—1900 годъ, опытъ библиографическаго указателя, Черн. 1901. Сверхъ этихъ книгъ, отъ него же поступило 17 его статей и изданій.

Книги и всѣ брошюры, согласно желанію Б. Д. Гринченко, переданы отъ Комиссіи въ бібліотеку Харьковскаго этнографическаго музея.

Отъ члена Комиссіи, Александра Никифоровича Малинки, брошюры его: Родины и хрестыны; Малорусское веселье; брошюры о лирникахъ и кобзаряхъ; всего шесть статей, оттисковъ изъ этнографическихъ и историческихъ журналовъ. Черезъ него же получена замѣтка г. Куровскаго о гончарномъ производствѣ въ Глуховѣ, рукопись съ рисунками.

Отъ Александры Михайловны Кулишъ этнографическіе матеріалы, собранные и записанные ею самой изъ усть народа, на 81 листѣ почтовой бумаги, предоставленные г-жей собирательницею въ распоряженіе Общества, которое съ благодарностью приняло даръ.

Отъ нея же девять печатныхъ книгъ и брошюръ ея и покойнаго мужа ея.

Отъ нея же свидѣтельство объ отставкѣ Михаилу Шепелеву, прапорщику лейбгвардіи преображенскаго полка, служившему съ 1772 г. и уволенному въ 1781 г., печатное на пергаментѣ, но не подписанное.

Отъ нея же—патентъ давный Францишку Шерцлю, при производствѣ его изъ майоровъ въ подполковники польской арміи, подписанный

Государемъ Александромъ I въ 1822 г. іюля 1 (13), отпечатанный на пергаминахъ, подлинный.

Отъ о. діакона села Лихачева, козелецкаго уѣзда, Іоанна Ходоровскаго, рукописный его сборникъ пѣсенъ, распѣваемыхъ лириками с. Лихачева, съ нотами, со введеніемъ собирателя „о нищей братіи“.

Подлинная рукопись возвращена о. діакону, а копія, съ нея снятая, остается въ Обществѣ.

Отъ студента Владимира Валерьяновича Данилова—тетрадь народныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ 1901 г. въ селѣ Андреевкѣ нѣжинск. уѣз., и въ городѣ Нѣжинѣ; отъ него же—другой болѣе полный сборникъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ селѣ Андреевкѣ въ 1901—1902 г.г.

Оба автографа собирателя подарены имъ Обществу, онъ же сдѣлалъ для Общества копіи со сборника Ходоровскаго.

Отъ студента Петра Александровича Незнамова рукописный сборникъ въ 4, XVIII вѣка, учительныхъ и историческихъ статей, нынѣ поступившій въ бібліотеку Института.

Интересный сборникъ заслуживаетъ особаго внимательнаго описанія.

Отъ Константина Ивановича Самбурскаго, псаломщика с. Гужовки борзенскаго уѣзда, поступили двѣ интересныя рукописи.

а) Повѣсть, написанная чернецомъ Матронинскаго монастыря Серапіономъ, о путешествіи его въ Іерусалимъ въ 1749 году. Рукопись въ 4-ку, прибрѣтена собирателемъ въ г. Борзнѣ у еврея—старьевщика, по листамъ снизу имѣетъ надпись, которая говоритъ, что рукопись нѣкогда принадлежала семьѣ священника с. Парафіевки борзенскаго уѣзда, Григорія Лисовскаго; въ рукописи недостаетъ по нѣскольку строкъ въ началѣ и концѣ тетради. Печатное изданіе хоженія Серапіонова сдѣлано архим. Леонидомъ въ приложеніи къ статьѣ его «Паломники—писатели петровскаго времени и послѣпетровскаго» (Чтенія въ И. О. И. и Др. 1873, кн. III); но рукопись г. Самбурскаго, по замѣчанію профессора М. Н. Сперанскаго, ближе къ подлиннику сохраняетъ нѣкоторыя особенности южно-русскаго говора и исправнѣе изданнаго въ печати списка.

б) Энеида, на малороссійскій языкъ перелицованная, рукопись въ 4-ку, досталась собирателю по наслѣдству отъ его родныхъ изъ села Безугловки нѣжинскаго уѣзда; по изслѣдованію проф. М. Н. Сперанскаго оказывается, что рукопись, писанная на бумагѣ съ клеймомъ 1798 года,

есть копія съ печатнаго изданія Парцурь 1798 года, исполненная либо въ этомъ году, либо въ самомъ началѣ XIX вѣка, не позже 1801 года; правописаніе ея близко къ тексту этого печатнаго изданія; она и въ трехъ пѣсняхъ, а не въ четырехъ, какъ въ редакціи, изданной самимъ авторомъ, или въ редакціи изданной г. Житецкимъ.

Подробнѣе объ этомъ смотр. въ печатной статьѣ М. Н. Сперанскаго, Замѣтки къ исторіи «Энеиды» И. П. Котляревскаго, въ «Научно-литературномъ сборникѣ» Галицко—русской Матицы, томъ II, 1902, книга 2.

Отъ г. Самбурскаго поступили еще два отрывка рукописныхъ, да 4 литографированныя картинки: Прибытіе Наполеона на островъ святыя Елены; Государь Императоръ Николай I принимаетъ депутацію козаковъ некрасовцевъ за Дунаемъ, 3 іюня 1828 года; Покореніе крѣпости Силистріи 18 іюня 1829 года; сатирическая картинка на севастопольскую войну 1855 г.

Изданіе Шерапова въ Москвѣ, литографія Стрѣльцова, цензоръ фонъ-Крузе; картинка представляетъ большіе вѣсы, на одной скалкѣ стоить одинокій русскій крестьянинъ, на другой скалкѣ непріатели разныхъ націй усиленно стараются перетянуть на свою сторону вѣсы, и не могутъ; подпись ломаннымъ русскимъ языкомъ: «о, хо, хо! ташель руська музкѣ и кулякомъ, и вѣсомъ».

Отъ г-жи Софіи Ивановны Самохиной, вдовы врача въ Нѣжинѣ, получены: двѣ купчія крѣпости на проданныхъ крестьянъ отъ 1822 и 1839 г., изъ курскихъ присутственныхъ мѣстъ, и медицинская рукопись на французскомъ языкѣ доктора деля *Флиза*, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Traité theorique et pratique de patologie medicale et therapie, par de la Flize, docteur-medecin et chirurgien de l'acad. Imp. medicochirurg. de Moscou, membre de la societé Imp. med. acad. de Vilna et de Kiew etc. Mala Czerniawka, 1845.*»

Подлинная авторская рукопись, тщательно, красиво переписанная, на плотной синей бумагѣ, въ 4-ку.

Демьянъ деля Флизъ, медикъ великой Наполеоновской арміи, взятый въ плѣнъ остался навсегда жить въ Россіи; женился на родственницѣ графа Гудовича и купилъ имѣніе въ Кіевской губерніи; съ 1843 по 1858 г. служилъ старшамъ врачомъ по вѣдомству Государственныхъ имуществъ; подъ старость переселился на жительство къ своему сыну,

Николаю Демьяновичу, въ Нѣжинѣ, купилъ землю въ окрестностяхъ этого города,—въ селѣ Синякахъ, и скончался въ 1861 году, надо думать, въ преклонномъ возрастѣ. Отъ него остались мемуары о личной жизни и нѣсколько сочиненій по его специальности: мемуары сообщены сыномъ его, Николаемъ Демьяновичемъ, въ редакцію «Русской старины», гдѣ и напечатаны въ русскомъ переводѣ, за 1891 и 1892 г. О судьбѣ сочиненій его и альбомовъ съ рисунками смотр. въ «Кіевск. старинѣ» 1889 г. № 7, и 1891 г. № 3, замѣтки г. Н. Б.

Настоящая медицинская рукопись дѣля Флиза когда поступила ко врачу С. В. Самохину, неизвѣстно; она заслуживаетъ вниманія специалистовъ.

Отъ отца Александра Александровича Величковскаго доставлено описаніе принадлежащей ему коллекціи древностей: каменныхъ и бронзовыхъ вещей, монетъ, христіанскихъ древностей, рукописныхъ и печатныхъ книгъ. (Описаніе тогда же передано въ Харьковскій предварительный Комитетъ съѣзда).

Отъ М. Н. Березкова переданы въ Комиссію этнографическіе матеріалы, записанные въ 1892 году, въ селѣ Поповой Горѣ суражск. уѣзда, Василюемъ Ивановичемъ Спасскимъ, нынѣ священникомъ въ селѣ Хотивлѣ городнянскаго уѣзда.

О назван. селѣ смотр. статью священника Никанора Дорогунцова въ Запискахъ Черниговскаго Губернскаго Статистич. Комитета 1872, вып. 5—6: «село Попова Гора, этнографическій очеркъ»; у преосв. Филарета, Истор. стат. опис. Черн. еп. кн. V, 306—311; у А. М. Лазаревскаго, Описаніе старой Малороссіи, Стародубскій полкъ, стран. 390 и слѣд.

Относительно обычая «водить козу» на святкахъ сравн. замѣчанія и народную пѣсню въ книгѣ преосв. Филарета, Истор. стат. опис. Ч. еп. VI, 230—231; подробнѣйшія указанія у Б. Д. Гринченко, Этнографическіе матеріалы, собран. въ Черниг. и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ, т. III, стран. 54—55 (№№ пѣсенъ 86 и 87), стран. 711 и 717.

Отъ П. М. Еременко, изъ г. Новозыбова, получена брошюра «Радимичскіе курганы»; двѣ рукописныя статьи о городищахъ суражскаго уѣзда, съ двумя картами археологическими: новозыбовскаго уѣзда и суражскаго уѣзда.

Отъ Петра Яковлевича Дорошенко, изъ Глухова, получено описаніе фамильнаго его архива, имъ составленное.

Оно отчасти было доложено на Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ; сполна будетъ напечатано въ Трудахъ этого съѣзда.

Отъ профессора Кіевск. дух. акад., Николая Ивановича Петрова, получено составленное имъ описаніе коллекціи иконъ и иныхъ священныхъ предметовъ изъ Стародубья, собранныхъ Виталиемъ Николаевичемъ Фальковскимъ, и пожертвованныхъ отъ него въ церковно-археологическій музей Кіев. Дух. Академіи.

Отъ члена нашей Комиссіи, В. Н. Фальковского поступила копія съ указа 1738 года (печатнаго, циркулярнаго для всей Малой Россіи) о самозванцѣ Иванѣ Петровѣ Миницкомъ, о священникѣ села Ярославки козелецкаго уѣзда, Гаврилѣ Могилѣ, и другихъ лицахъ, обвиненныхъ виждѣ съ самозванцемъ и преданныхъ суровой казни.

Дѣло о Миницкомъ изложено у преосв. Филарета, Истор. стат. опис. Черниг. еп. V, стр. 225—240, въ статьѣ «Ярославка и старая Басань», перепечатанъ и самый указъ; сравн. у Соловьева, Истор. Россіи, т. XX, глав. 4, изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи.

Отъ народнаго учителя въ с. Сваромѣ остерск. уѣзда Ксенофонта Богдановскаго, при посредствѣ г. инспектора народныхъ училищъ, А. А. Дмитревскаго, доставлена рукопись конца XVII в. или начала XVIII-го, въ 4-ку, на 315 листкахъ, сборникъ статей преимущественно аскетическаго содержанія.

Отъ Павла Петровича Лютаго, изъ Глухова, поступила въ даръ Обществу рукописная книга указовъ и узаконеній, относящихся до Малороссіи, въ листъ; внизу ея по листамъ надпись: «съ книгъ вахмистра новоконфирмованныхъ малороссійскихъ компанейскихъ полковъ, Григорія Джуры въ 1772 году; пополнялась и другими указами, отчасти также литературными статьями и историческими замѣтками.

Отъ члена Комиссіи, Михаила Ивановича Лилеева, поступили двѣ рукописи, принадлежавшія иноку Гервасію. Первая—въ листъ, писанная вѣроятно въ 1793 году»; имѣетъ подпись по листамъ: «з книгъ іеромонаха Гервасія, правителя святотроицкаго Густынскаго», и слѣдующее заглавіе: «въ сей книгѣ собранныя з разныхъ книгъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, вопросы и отвѣты, и протчіи достопамятности, къ душевному спасенію служащія, и по внѣшности къ наставленію человека руководствующія, списаны иеромонахомъ Гервасіемъ въ монастырѣ Густынскомъ 1793 года». Другая рукопись также въ листъ

съ заглавіемъ: «описѣ, указы, термѣны и приходорасходніе кнѣги разныхъ годовъ и монастырей». Внизу по листамъ подпись: «съ числа собственныхъ кнѣгъ ігумена Гервасія, настоятеля третьекласснаго Николаевского Батуринскаго Крупицкаго монастыря».

Книга составлена изъ разныхъ документовъ, писанныхъ рукой Гервасія, копій и черновиковъ, иногда подлинниковъ; документы относятся преимущественно до Густынскаго монастыря, какъ-то: описи монастырскаго имущества, ризницы, кнѣгъ, зданій, приходорасходныя кнѣги и т. п.; иные документы относятся лично до Гервасія, даютъ свѣдѣнія о его службѣ: первоначально въ санѣ іеродіакона онъ былъ еkkлeсiархомъ и казначеемъ Густынскаго монастыря; потомъ, когда монастырь сталъ заштатнымъ, онъ въ санѣ іеромонаха былъ правителемъ его, въ тоже, кажется, время состоя казначеемъ монастыря Черниговскаго Елецкаго; подъ конецъ былъ игуменомъ Батуринскаго Крупицкаго монастыря. Послѣдній документъ кнѣги—предписаніе новаго игумена братіи сего монастыря отъ 1806 года.

Отъ члена Комиссіи, Якова Александровича Гужовскаго пожертвованъ документъ: обязательство нѣжинскаго жителя другому въ уплатѣ денегъ, отъ 1749 года.

Отъ воспитанника нѣжинской гимназіи, Николая Аениногеновича Плышевскаго, доставлены: рукопись Литовскаго статута (не древняя) и пергаменный дипломъ «грамота Новгородсѣверской губерніи отъ губернскаго предводителя дворянства, данная дворянину, войсковому товарищу, Тихону Артемову сыну Пороховникову», отъ 18 мая 1795 года.

Членомъ Императорской Археологической Комиссіи А. А. Спицынымъ сообщены документальныя свѣдѣнія о курганахъ Черниговской губерніи, собранныя чрезъ исправниковъ и волостныя правленія, по порученію предсѣдателя Статистическаго Комитета, черниговскаго губернатора Даргана, въ 1878 году: подлинныя документы въ видѣ отвѣтовъ на предложенные вопросы.

Отъ благочиннаго свящ. с. Олтара, М. Г. Лубенцова, доставлено 20 №№ копій съ синодальныхъ указовъ и пастырскихъ посланій кievскихъ митрополитовъ, за 1730—1748 г. хранящихся въ архивѣ Николаевской церкви села Меедовки.

Наконецъ, кромѣ рукописей, поступившихъ отъ Я. С. Дмитренко и отъ учителя Фурсы, о коихъ была уже рѣчь въ докладѣ А. В. До-

біаша, намъ остается сказать о письменныхъ сообщеніяхъ нашего сочлена, Семона Андроновича Гатцука. Время отъ времени онъ высылалъ въ Комиссію свой журналъ, въ который заносилъ историко-археологическія и этнографическія замѣтки, касающіяся главнымъ образомъ до мглинскаго и суражскаго уѣздовъ; особое вниманіе онъ удѣлялъ описанію села Ляличъ суражск. уѣзда и великолѣпнаго въ немъ дворца, построеннаго П. В. Завадовскимъ, но теперь пришедшаго почти въ полное разрушеніе. (Нельзя не раздѣлять чувства грустнаго сожалѣнія, которое испытывалъ описатель дворца, при взглядѣ на его руины). Кромѣ археологическаго журнала, г. Гатцукъ сообщилъ Комиссіи слѣдующіе документы: подлинный универсалъ стародубскаго полковника Лукіяна Жоравко, отъ 1718 г., выданный войсковому товарищу Евлану Конохову, жителю села Ляльковичъ, подтверждающій за нимъ владѣніе млиномъ на рѣчкѣ Шовковкѣ; подлинный указъ изъ Войсковой Генеральной Канцеляріи отъ 1726 года, по коему братья Евланенки, козаки с. Ляличъ, лишаются за неуплаченные долги млина на рѣчкѣ Фашнѣ и грунтовъ, имъ принадлежавшихъ, въ пользу значковаго товарища Иродіона Янченка; нѣсколько запродажныхъ и поступныхъ записей лялицкихъ козаковъ, изъ первой половины XVIII вѣка, уступающихъ свои грунты тому же лялицкому пану, Иродіону Янченку.

О селѣ Ляличахъ, иначе Ляличкахъ, какъ оно называется въ универсалѣ полковника Жоравко, и о его раннихъ владѣльцахъ, сравн. замѣтку у Лазаревскаго, Полеъ стародубскій, стран. 348—349. Рѣчка Шовковка и Фашна, по его замѣчанію, одна и таже. А козаки Евланенки, по видимому, дѣти Евлана Конохова, войсковаго товарища.

Далѣе слѣдуютъ отъ него же г. Гатцука документы: подлинная закладная сенатора П. В. Завадовскаго, новаго владѣльца Ляличъ, выданная имъ въ 1786 году Государственному заемному банку, по которой, за взятые 25 тысячъ рублей, срокомъ на годъ, Завадовскій закладываетъ Банку свои могилевскія имѣнія, фольварки Августовскій и Козляковскій,—а такъ какъ П. В. Завадовскій уплатилъ свой долгъ въ томъ же году, еще до срока, то закладная возвращена ему „съ надраніемъ“, въ какомъ видѣ она и дѣйствительно находится; двѣ банковыя росписки отъ августа 1804 года въ томъ, что Банкъ принялъ отъ графа П. В. Завадовскаго, Министра Народнаго Просвѣщенія, 6 тысячъ рублей процентныхъ денегъ за долгъ во сто тысячъ рублей, сдѣланный имъ въ

1802 году, срокомъ на восемь лѣтъ; универсалъ, въ копіи, гетмана графа К. Г. Разумовскаго отъ 1752 г. увѣдомляющій о томъ, что мглинскій сотникъ Василій Лисаневичъ за его исправную службу получаетъ во владѣніе деревни Газуки и Кожемяки, да села Шуморовъ и Нетьяговку; нѣсколько печатныхъ указовъ XVIII вѣка, перепечатанныхъ въ Черниговской типографіи Троицко — Ильинскаго монастыря; нѣсколько синодскихъ и епархіальныхъ указовъ, хранившихся въ архивѣ старой Воскресенской церкви въ Мглинѣ, оттуда перенесенной въ село Новыя Чешуйки; тяжёлое дѣло жены бунчуковаго товарища Евдокии Еньковой — Даровской съ надворн. совѣтник. Бобровскимъ; дѣло о ревизіи 1815 г. изъ Свяцковской посадской ратуши; записки полковника Фёдора Михайловича Искрицкаго, составленныя въ 1844 году, касательно рода Искрицкихъ, въ копіи сообщенной г. Гатцуку, вмѣстѣ съ другими документами, отъ г-жи Евдокии Ивановны Борщевой (въ селѣ Семкахъ мглинскаго уѣзда). Наконецъ отъ него же, г. Гатцука, доставлены двѣ литографіи: семейство государя императора Николая I, да листокъ съ текстомъ апокалипсическаго содержанія.

Так. образ. отъ разныхъ лицъ и учреждений въ Комиссію поступило не малое количество печатныхъ, особенно же письменныхъ матеріаловъ, конечно, разрозненныхъ, ничего цѣльнаго не представляющихъ, тѣмъ не менѣе имѣющихъ свою цѣну для пополненія свѣдѣній о Черниговской старинѣ, коими Комиссія отчасти воспользовалась для Археологическаго съѣзда и, быть можетъ, впереди еще воспользуется.

Въ Комиссію доставлены нижеслѣдующіе предметы, болѣе или менѣе интересные въ отношеніи археологическомъ и этнографическомъ.

Отъ С. А. Гатцука изъ его собранія, или отъ другихъ лицъ чрезъ него: мѣдное витое курганное кольцо; бронзовый браслетъ съ оконечностями въ видѣ звѣриныхъ головокъ; бронзовая серьга о семи лучахъ и золоченая буса; мѣдная сѣкира въ родѣ рындовскаго топорика; мѣдный энколпюнъ XV либо XVI вѣка, но съ одной верхней створкой; мѣдная эмальированная чернильница, съ ушками для цѣпочки; желѣзный молотокъ въ видѣ кирки съ значительной сверлиной, а по объясненію другихъ — бортевое долото; валунъ отшлифованный, приготовленный къ сверленью для обращенія въ молотокъ; небольшой каменный молотокъ;

нѣсколько костей мамонта; навѣчечникъ козацкой пики; стальной кинжалъ съ латинскою датой «anno 1765»; стальной штопоръ или крюкъ для надѣванія сапоговъ; желѣзный свѣточъ или свѣтець для держанія лучины; два стѣнныхъ барельефа гипсовыхъ изъ дяличскаго дворца; мундиръ полковника 1812 года, Григорія Борщова; гусарская ташка, принадлежавшая того же времени ротмистру, Конону Ивановичу Легезину; трубка и бисерный чехоль на чубукъ, и нѣкоторыя другія вещи, отчасти упомянутыя въ прежнихъ докладахъ.

Описаніе нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ вещей дано въ „Каталогъ выставки XII Археологич. съѣзда“ въ отдѣлѣ древностей, добытыхъ изъ раскопокъ и случайныхъ находокъ, на стран. 116—117; болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ внесены въ инвентарный каталогъ Комиссіи, со словъ С. А. Гатцука, нашего усерднаго, аккуратнаго сотрудника.

Константинъ Ивановичъ Самбурскій, псаломщикъ села Гужовки борзенскаго уѣзда, занимавшійся описаніемъ этого села съ церковно-исторической и бытовой стороны, и нѣкоторыхъ сосѣднихъ селеній, доставилъ въ Комиссію до пятидесяти вещей болѣею частью изъ своего собранія, сдѣланнаго въ Гужовкѣ и по окрестностямъ, а именно: двѣ бронзовыя трехгранныя стрѣлки, найденныя имъ на раскопанномъ курганѣ возлѣ с. Гужовки; четыре мѣдныхъ дукача, носимыхъ на шеѣ женщинами, съ изображеніями государынь и государей XVIII вѣка; 22 старинныхъ рушника, расшитыхъ красною бумагою, обычно съ изображеніемъ двуглаваго орла, да цвѣтовъ, плодовъ, миньятюрныхъ человѣческихъ лицъ и т. п., хорошо удѣланныхъ, иногда изящныхъ образцовъ народнаго вышивальнаго искусства; старую саблю и ратище; пять мѣдныхъ литыхъ образковъ; два мѣдныхъ восьмиконечныхъ креста; бронзовый іерейскій крестъ 1812 года; рѣзной кишарисный крестъ съ датой: «1768» года и вырѣзанной надписью: «сей крестъ Ивана Дулѣя»; гипсовую окрашенную вазу небольшого размѣра, быть можетъ отъ конца XVIII вѣка, съ рельефными изображеніями охотничьихъ сценъ; картину масляными красками, изображающую привалъ въ лѣсу военныхъ людей; картину, изображающую Давида съ головой Голиафа, съ подписью: «гордился Голиафъ своей величиной, но палъ, и мертвъ, безчувственъ подъ малою рукой; того, котораго народъ страшился вида, трепещеть днесъ глава въ рукахъ царя Давида;» наконецъ пять портретовъ, копій, масляными красками въ рамахъ

императора Петра Великаго, гетмана Б. Хмельницкаго, гетмана И. Мазепы, гетмана Д. Апостола, гетмана графа Б. Разумовскаго.

Комиссія признательна г. Самбурскому за его неоднократныя поѣздки съ вещами въ Нѣжинъ и обратно, и за все вообще его содѣйствіе намъ: онъ и г. Гатцукъ существенно поддержали дѣло Комиссіи.

Отъ Митрофана Θεоктистовича Ради, изъ мѣстечка Батурина, при посредствѣ М. И. Лилеева, получено семь портретовъ: гетмана П. Дорошенка, гетмана И. Мазепы, наказного гетмана Павла Полуботка, портретъ Орлика (по надписанію сзади портрета, впрочемъ новою рукою); портретъ неизвѣстнаго лица, быть мож. В. Л. Кочубея; картина, изображающая рыцаря съ ребенкомъ на колѣняхъ, по надписанію сзади картины будто бы «Палій и огневикъ», т. е. ребенокъ-де, спасенный имъ изъ огня; портретъ съ надписью сверху: «Christofano Schwartz, pittore, nato in Ingolstadt nell 1550, morto 1594».

Отъ Петра Семеновича Полуботка, изъ мѣстечка Монастырища, получено два портрета: генеральнаго судьи В. Л. Кочубея и наказного гетмана П. Л. Полуботка.

Всѣхъ портретовъ у г. Полуботка имѣется до десятка, но нѣкоторые сильно повреждены, изветшали; они достались ему отъ дѣда, лекаря Бухмиллера, любившаго собирать; были извѣстны Н. И. Костомарову, который въ свое время торговалъ эти портреты, бывши въ Монастырищѣ.

Здѣсь же пользуюсь случаемъ замѣтить, что въ томъ же мѣстечкѣ Монастырищѣ, въ благоустроенномъ домѣ Іосифа Львовича Романовича, кавказскаго офицера въ отставкѣ, имѣются прекрасныя фамиліи портреты его предковъ: полковаго судьи Ивана Романовича (1694—1777), съ изображеніемъ тутъ же на портретѣ Ахтырской иконы Божіей Матери; бунчуковаго товарища Петра Ивановича Романовича, портретъ писанный въ 1793 г. и Льва Петровича Романовича, сподвижника Суворова, писанный въ томъ же 1793 году, подлинныя портреты художественной кисти и отличной сохранности.

Отъ В. Н. Фальковскаго, члена Комиссіи, полученъ портретъ гетмана Мазепы, прекрасная копія художника Малярова съ портрета въ Академіи Художествъ.

Такая же копія въ Черниговскомъ Музеѣ В. В. Тарновскаго. О портретахъ Мазепы смотр. замѣтку А. Лазаревскаго въ «Кіев. Старинѣ» за 1899 г. томъ LXIV.

Отъ М. Н. Березкова—небольшой портретъ масляными красками импер. Наполеона I, купленный въ Нѣжинѣ у еврея старьевщика.

Отъ С. И. Самохиной—стальной протазанъ, точнѣе можетъ быть эспонтонъ, съ изображеніемъ двуглаваго орла, рисунка конца XVII, либо начала XVIII вѣка, насаженный на древо: фамильная вещь, идущая изъ курскаго края.

Отъ ученика гимназіи Н. А. Плышевскаго—каменный шлифованный топоръ очень хорошей сохранности и отдѣлки, найденный при паханіи близъ с. Печни мглинск. уѣзда, лѣтъ 10—12 тому назадъ; бронзовая коронаціонная медаль императора Николая I; бронзовый іерейскій крестъ за севастопольскую войну 1853—55 годовъ.

Отъ В. И. Спасскаго—железный наконечникъ стрѣлы съ длиннымъ стержнемъ для насадки, найденъ въ с. Поповой Горѣ сѣражскаго уѣзда.

Отъ казака Петра Булаха изъ с. Добротова кролевецкаго уѣзда, чрезъ священника Н. М. Яценко—боевая желѣзная сѣкира и желѣзные стремена, найденныя при постройкѣ хутора.

Отъ Трофима Львовича Порскала, изъ м. Батурина, при посредствѣ М. И. Лилеева—девять фотографическихъ видовъ Батурина, особенно дворца графа Разумовскаго, нынѣ находящагося въ состояніи разрушенія, и небольшая монетная коллекція.

Отъ А. М. Кулишъ—старинныя кофты, крытыя одна шелкомъ, другая ситцемъ, и мѣдный тѣльный крестъ, найденный на огородѣ ея хутора (село Аленовка подъ гор. Борзной).

Отъ священника м. Монастырища, М. А. Добриловскаго—шитый по малиновому бархату воздухъ вѣка XVIII-го, и икона Божіей Матери въ серебряной ризѣ, написанная родовъ *Амараутовъ*, т. е. цвѣтъ неувядаемый, приблизительно того же вѣка.

Отъ священника м. Ични, Д. И. Подгорскаго два брачныхъ вѣнчика, нязанныхъ бисеромъ, оригинальнаго устройства рѣдкая вещь, не позже XVIII вѣка.

Отъ священника с. Вишенокъ остерскаго уѣзда, о. благочиннаго Ѳ. П. Яновскаго, поступила на выставку чрезъ Комиссію большая коллекція древностей, свыше тысячи нумеровъ; эта цѣнная коллекція тотчасъ по полученіи была препровождена изъ Нѣжина въ Императорское Московское Археологическое Общество, и описана предсѣдателемъ Обще-

ства, графинейю П. С. Уваровой, въ «Каталогѣ выставки XII Археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ», отд. древностей, добытыхъ изъ раскопокъ и случайныхъ находокъ, на стр. 101--110.

Отъ А. К. Ярыгина—два кирпича и кусокъ цемента изъ разобранной, давшей трещину арки, подъ главнымъ куполомъ Черниговскаго Спаскаго собора, построеннаго, какъ извѣстно, въ первой половинѣ XI вѣка.

Отъ А. Н. Гусаковской, изъ м. Дубовичъ глуховскаго уѣзда—двѣ старинныя кафли; нѣсколько писанокъ и простыхъ орудийцъ, коими писанки вычерчиваются.

Отъ нѣжинскаго жителя, г. Сугонаки, при посредствѣ М. И. Лилеева, картина—образъ святит. чудотворца Николая; старинный шолоховый кушакъ; двѣ вышивки по полотну и нѣсколько гравированныхъ картинъ.

Отъ М. И. Лилеева—мраморная плита съ вырѣзаннымъ изображеніемъ мученія св. Варвары на одной сторонѣ, и съ молитвою къ ней на другой, куплен. въ Кіевѣ у старьевщика.

Отъ А. Н. Малинки доставлена коллекція писанокъ, собранныхъ въ уѣздахъ кролевецкомъ, конотопскомъ, глуховскомъ и отчасти въ путивльскомъ, при участіи воспитанниковъ и воспитанницъ глуховскихъ гимназій, въ количествѣ до полутора ста штукъ, съ обозначеніемъ народныхъ названій каждаго рода рисунка. (Вся эта коллекція поступила въ этнографическій музей Харьковскаго университета). Отъ него же г. Малинки доставлены: изукрашенный свадебный хлѣбъ (такъ называемое „вилъце“), три бумажныхъ голубца, дѣтская кукла изъ соломы и дѣтская простонародная игрушка; мѣдный фунтовый разновѣсъ 1780 года; мѣдный литой восьмиконечный крестъ и мѣдный тѣльный крестикъ; двѣ монетки серебряная и мѣдная, да нѣсколько остатковъ старыхъ вещей, найденныхъ въ Глуховѣ, на Михайловскомъ кладбищѣ.

Всего, по инвентарю поступленій, у насъ значится 350 номеровъ разныхъ предметовъ, или же цѣлыхъ группъ однородныхъ предметовъ, т. е. книгъ, брошюръ, письменныхъ сообщений и документовъ и собственно вещей. Почти всѣ вещи были доставлены въ Харьковъ, въ три поѣздки мои туда, да въ четвертую поѣздку одного услужливаго лица, и получили каждая свое мѣсто на выставкахъ, устроенныхъ при Археологическомъ съѣздѣ.

логическомъ сѣздѣ, занесены и въ каталоги выставокъ, а теперь возвращаются изъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ Комиссію, которая раздаетъ ихъ по принадлежности хозяевамъ. Предположенная первоначально выставка вещей у насъ, въ Нѣжинѣ, не могла состояться по той причинѣ, что вещи поступали къ намъ не дружно, а по частямъ, доставлялись въ Харьковъ и оттуда возвращаются въ Нѣжинъ также по частямъ, болѣе или менѣе спѣшно: не было такого момента, когда бы всё онѣ были въ полномъ сборѣ. Впрочемъ, еслибы онѣ были когда нибудь и въ полномъ сборѣ въ Нѣжинѣ, то не представили бы чего нибудь цѣльнаго; иное дѣло въ Харьковѣ: тамъ онѣ имѣли свое значеніе, вмѣстѣ съ поступленіями изъ иныхъ мѣстъ по полнотѣ и разнообразію соответственные отдѣлы выставки.

Еще нѣсколько словъ о трудахъ г.г. отдѣльныхъ членовъ Комиссіи. Александръ Никифоровичъ Малинка, извѣстный своими трудами по этнографіи, и нынѣ выпустившій въ свѣтъ «Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору чернигов. волынск. полтавск. и нѣкотор. друг. губерній» (Черниговъ, 1902, изданіе редакціи «Земскаго сборника Чернигов. губерніи»), предложилъ Комиссіи приготовить къ Харьковскому Археологическому сѣзду этнографическій альбомъ, по программѣ имъ намѣченной: Комиссія одобрила ее, и г. Малинка взялся за ее исполненіе; онъ заказывалъ дѣлать фотографическіе снимки и собиралъ снимки готовые, иллюстрирующіе народный бытъ въ Черниговской губерніи, приобращалъ также рисунки, чертежи, исполненные отъ руки; результатомъ его стараній были триста слишкомъ фотографическихъ и иныхъ видовъ. Конечно, идея этнографическаго альбома могла бы быть и непременно должна быть разработана съ большей обстоятельностью, и выполнена еще лучше, тѣмъ это удалось нашему многоуважаемому сотруднику; можетъ быть, наприм. было бы практичнѣе, сдѣлавши тщательный выборъ фотографическихъ снимковъ, закрѣпить лучшіе изъ нихъ посредствомъ фотогравюры, или посредствомъ окраски ихъ и т. п. Но во всякомъ случаѣ А. Н. Малинка на своемъ мѣстѣ сдѣлалъ опытъ почтенной работы, притомъ не дорого стоившій для Комиссіи (рублей около 50-ти, вмѣстѣ съ ящикомъ для помѣщенія снимковъ, наклеенныхъ на картонъ):

дешевизна объясняется тѣмъ, что въ дѣло вложено много бесплатнаго усерднаго труда г. Малинки и его помощниковъ: Павла Петровича Лютаго, Я. П. Дорошенко, г. Ѳ. Волкова, г. профессора Покровскаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, г. Самокиша, П. А. Буровскаго, С. А. Гатцука, С. П. Литвинова, госпожъ Н. А. и Е. А. Семпликевичъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Комиссія, съ благодарностью получивши доставленный ей альбомъ снимковъ, переправила его въ Харьковъ, гдѣ онъ и остается въ этнографическомъ музеѣ Университета.

Евменій Ивановичъ Кашпровскій, наставникъ студентовъ Института кн. Безбородко, занимался важною и желанною для сѣзда работой: онъ составилъ археологическую карту Черниговской губерніи, на основаніи какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ источниковъ, каковы суть: собранная официальнымъ путемъ свѣдѣнія по волостямъ Черниговской губерніи, въ 1878 году, о курганахъ и городищахъ губерніи, и сообщенныя изъ Императорской Археологической Комиссіи г. Спицынымъ въ нашу Комиссію, какъ выше было сказано, а также матеріалы, присланные отъ г. Еременко изъ Новозыбкова, о чемъ также было уже помянуто, и нѣкоторые иные матеріалы; г. Кашпровскій нанесъ извѣстныя ему археологическія данныя на карту, въ удобномъ масштабѣ начерченную имъ съ большой карты Черниговской губерніи изданія Генеральнаго Штаба, подчеркнувъ древнія урочища и мѣста археологическихъ находокъ тѣми условными знаками, какіе рекомендованы Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, и какіе употреблены профессоромъ В. Б. Антоновичемъ на его археологическихъ картахъ. Къ сожалѣнію, карта, составленная Е. И. Кашпровскимъ, осталась мало извѣстною для членовъ Харьковского сѣзда, а между тѣмъ она теперь же—очень содержательный и поучительный трудъ для интересующихся дѣломъ людей. Надѣмся, что многоуважаемый сотрудникъ представитъ ее и на слѣдующій Археологическій сѣздъ въ Екатеринославль, притомъ съ пополненіями и объясненіями.

Алексій Капитоновичъ Ярыгинъ былъ занятъ приготовленіемъ къ печатанію „Сборника легендъ и преданій Черниговской губерніи“, матеріалы для котораго были собираемы по особой программѣ, разосланной къ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ губерніи отъ имени г. Черниговскаго губернатора, предсѣдателя губернскаго Статистическаго Комитета. („Программа, которой надлежитъ придерживаться при собираніи легендъ, ска-

завій, преданій и расказовъ о выдающихся мѣстностяхъ Черниговской губерніи“,—такъ озаглавлена она.) Въ Комитетъ поступило значительное количество отвѣтовъ, но „Сборникъ“ еще не успѣлъ быть отпечатаннымъ въ открытію Археологическаго съѣзда, какъ того желалъ г. секретарь Статистическаго Комитета; пока вышла въ свѣтъ отиѣченная выше книга, въ связи съ этимъ дѣломъ обработанная, т. е. „Списокъ населенныхъ мѣстъ Черниговской губерніи, по даннымъ 1901 года“.

На мою долю лично досталось изслѣдовать рукописный сборникъ трудовъ Михаила Егоровича Марнова, одного изъ первыхъ черниговскихъ археологовъ начала XIX вѣка; результаты моихъ изслѣдованій изложены въ особой статьѣ, вошедшей въ IV томъ „Сборника“ нашего Общества. А что касается приведенія въ порядокъ архива Нѣжинскаго Греческаго братства и Греческаго Магистрата, нынѣ хранящагося въ Институтѣ князя Безбородко, то трудъ мой въ этомъ дѣлѣ раздѣлялъ со мной многоуважаемый коллега, профессоръ Владимиръ Константиновичъ Пискорскій. Мы успѣли съ нимъ перебрать дѣла архива и расположить ихъ въ нѣкоторомъ порядкѣ; но описать ихъ, къ сожалѣнію нашему, не могла, по недостатку времени; поэтому приходится пока довольствоваться той описью дѣламъ Греческаго архива, которая была составлена въ 1873 году, при передачѣ дѣлъ архива изъ греческаго Магистрата въ Нѣжинскую Городскую управу.

По исторіи, археологіи и этнографіи Черниговскаго края было писано не мало: сколько сработалъ одинъ только покойный Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій! Остается, однако, многое додѣлать. Черниговскій край все таки не былъ изслѣдованъ специально съ археологической стороны: кievскіе археологическіе съѣзды касались черниговской старины только отчасти, равно и харьковскій; въ сущности Черниговская губернія осталась «между двумя съѣздами» недостаточно изученною. Можетъ быть, и въ скоромъ даже времени,—въ Черниговѣ соберется свой особый археологическій съѣздъ; для него будетъ достаточно дѣла мѣстнымъ ученымъ учрежденіямъ: говорю это на основаніи опыта нашей Археологической Комисіи, которая, работая въ помощь Харьковскому Археологическому съѣзду, за небольшое время существованія на-

толкнулась неожиданно для себя на много научных вопросов, научных и практических задач. Комиссія лишь отчасти успѣла справиться съ ними, благодаря отзывчивости нѣсколькихъ любознательныхъ и образованныхъ лицъ; она и впередъ будетъ работать, въ надеждѣ на ихъ сотрудничество, съ глубокой увѣренностью, что даже небольшіе научные труды, исполненные добросовѣстно и съ любовью, принесутъ свою пользу другимъ благороднымъ любителямъ и труженикамъ въ области русской исторической науки, ко времени ли предстоящаго въ Екатеринославѣ археологическаго съѣзда, или къ иному моменту.

М. Березковъ.

ОТДѢЛЪ II.

М. Е. Марковъ

и

его рукописный сборникъ о черниговской
старинѣ.

Сообщилъ М. Бережковъ.

НѢЖИНЪ,
Типо-Лит. М. В. Глезера соб. д.
1902 г.

Печатано по постановленію Историко-филологического Общества, при Институтѣ
кв. Безбородко. Предсѣдатель Общества *М. Березковъ*.

М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о Черниговской старинѣ.

Бывшій директоромъ черниговскихъ училищъ, въ началѣ прошлаго XIX-го вѣка, Михаилъ Егоровичъ Марковъ въ свободные отъ службы часы любилъ заниматься исторіей Малороссіи, особенно Черниговскаго края; его печатные и рукописные труды по этой части даютъ ему право называться однимъ изъ первыхъ археологовъ-историковъ черниговскихъ; въ свое время эти труды обратили на себя вниманіе ученаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, который былъ въ перепискѣ съ черниговскимъ директоромъ; въ собраніе Румянцева поступили и всѣ рукописи Маркова, гдѣ онѣ доселѣ сохраняются. (А. Востоковъ, опис. рукопис. Румянц. Муз. № ССLXXI).

Конечно, Марковъ не изъ числа тѣхъ первоклассныхъ знатоковъ археологій и археографій, которые существенно помогали канцлеру, гр. Румянцеву, въ его широкихъ научныхъ разысканіяхъ, каковы были митрополитъ кіевскій Евгеній Болховитиновъ, А. Х. Востоковъ и другіе изъ подобные ученые: М. Е. Марковъ, по сравненію съ ними, является скромнымъ второстепеннымъ дѣятелемъ, да и то лишь въ тѣсномъ кругу областной исторіи; любознательный, трудолюбивый собиратель изъ книгъ, отчасти изъ рукописей, всего что относится къ черниговской исторіи, онъ не успѣлъ дойти до какихъ либо значительныхъ выводовъ и точныхъ научныхъ опредѣленій; большинство его статей представляютъ собой неотдѣланные, черновые труды. При всемъ томъ, однако, М. Е. Марковъ остается почтеннымъ на своемъ мѣстѣ труженикомъ науки, въ ряду тѣхъ областныхъ историковъ-археологовъ, нѣсколько въ романтическомъ родѣ, типъ которыхъ у насъ, въ Россіи, сталъ обозначаться во второй

половицѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX-го, на смѣну которыхъ послѣ выступаютъ редакторы губернскихъ вѣдомостей, члены статистическихъ комитетовъ, дѣятели мѣстныхъ ученыхъ обществъ, архивныхъ комиссій и иные, подобные имъ, весьма почтенные дѣятели на пользу областной исторіи, археологій, этнографіи, статистики.

Съ сожалѣніемъ долженъ признаться, что имѣю очень мало данныхъ о жизни и службѣ Маркова; быть можетъ, онѣ найдутся въ архивѣ Учебнаго Харьковскаго округа. Привожу пока изъ рукописей самого М. Е. Маркова три письма его къ государственному канцлеру, графу Румянцеву: они имѣютъ прямой интересъ для характеристики отношеній его къ канцлеру и нѣкоторый интересъ біографическій; въ нихъ слышится голосъ искренняго почтенія къ высокому «протектору» отечественной науки, одобрительные отвѣты котораго провинціальный ученый считаетъ для себя нѣкотораго рода научнымъ «патентомъ», въ память потомству. Всѣ три письма относятся къ 1815 году, когда, по видимому, оба корреспондента впервые познакомились лично въ Черниговѣ. Привожу ихъ дословно, съ сохраненіемъ тогдашняго правописанія, да съ немногими примѣчаніями подъ строкой. Письма, сколько извѣстно, нигдѣ не были печатаны.

I. „Сіятельныйшій Графъ, Милостивый Государь! Поднеся Ею Сіятельству, Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, сочиненіе мое о городахъ и селеніяхъ въ Черниговской губерніи, упоминаемыхъ въ Несторовой лѣтописи и продолжателяхъ оной, и имѣвъ щастіе получить одобреніе онаго, Вашему Сіятельству, яко высокому любителю и протектору изслѣдованій древностей отечественныхъ, осмѣливаюсь поднести списокъ съ того отрывка моихъ упражненій, и сугубо счастливымъ себя почту, ежели и Ваше Сіятельство удостоите оное милостивою атенсією, и позволите, при глубочайшей моей преданности и высокопочтаніи, именоватьсѣ, Сіятельныйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всенижайшимъ слугою, Михаилъ Марковъ Іюня 26 дня, 1815 года. Черниговъ“.¹⁾)

¹⁾ На концѣ втораго листа этого письма сдѣлана помѣтка рукою какъ будто самого Маркова, а можетъ быть и другимъ лицомъ, напримѣръ, секретаремъ гр. Румянцева: „іюля 20 отвѣтъ, что по прочтеніи

II. „Сіятедьнѣйшій Графъ, Милостивый Государь! Чѣмъ живае чувствую цѣну милостиваго В-го С-ства благоволенія къ сочиненію моему о географическихъ древностяхъ Черниговскихъ, изъявленнаго въ высокопочтеннѣйшемъ писмѣ В-го Сіятельства, которое я имѣлъ щастіе получить отъ 20 числа іюля изъ Санктпетербурга, тѣмъ болѣе ощущаю въ себѣ ревности угодить В-му С-ству посильными моими трудами, и съ душевною признательностію приѣмлю благосклоннѣйшее В-го С-ства замѣчаніе, что конечно бѣ было болѣе употреблено мною поясненія въ томъ сочиненіи, естлибѣ я означилъ страницы книгъ, изъ коихъ бралъ мои доказательства. Я осмѣливаюсь донести, что имѣлъ въ предметѣ, ссылаясь болѣе на древнія извѣстныя лѣтописи, что во оныхъ противъ каждой почти статьи означенъ на маренесѣ годъ¹⁾, то упоминая оной читалъ и сличеніе близкимъ и незатруднительнымъ, а такимъ образомъ упустилъ ссылаясь и на историковъ новыхъ времени означить страницы.

„Вашему Сіятельству угодно было, проѣзжая Черниговъ, пригласить меня къ осмотрѣнію достопамятностей во ономъ; но я столько мало былъ къ тому готовъ, что едва могъ, сколько позволяла ночь времени, сдѣлать записку о нѣкоторыхъ изъ нихъ, по мѣрѣ моей тогда извѣстности, кою имѣлъ честь поднести В-му С-ству. Въ послѣдствіи времени я ее пополнилъ и исправилъ, сколько моихъ способностей доставало, собравъ свѣденія, какія только можно было получить, и по щастію, что донесъ моему начальнику о лестномъ случаѣ, меня къ тому воззвавшемъ,

тетрати нашель Его Сіятельство много хорошаго и заслуживающаго вниманія не токмо М. Просв. но и того, чтобы другіе оной воспользовались; одно несовершенство токмо то, что въ лѣтописяхъ не означены страницы, на кои онъ ссылается, и затрудняетъ сличеніе, впрочемъ благодаренъ“.

Въ слѣдующемъ писмѣ авторъ объясняетъ, почему онъ не цитовалъ страницъ изъ лѣтописей и другихъ сочиненій, коими пользовался.

¹⁾ Т. е. годъ событія съ краемъ, или на поляхъ лѣтописи.

(„Маренесъ“, лучше „маргинесъ“ есть польское „margines“, иначе „marginal, marginat“, склоняемое по всѣмъ надежамъ: marginesa, marginesi и т. д. А это польское идетъ отъ латинскаго „margines“, что есть множеств. число отъ единств. „margo“, край, поле въ книгѣ.)

получилъ его одобреніе, то и осмѣливаюсь В-му С-ству поднести такимъ образомъ составившееся другое мое сочиненіе о достопамятностяхъ Чернигова, которое всенижайше прошу принять отъ глубочайшей преданности и высокопочитанія, коими преисполненный осмѣливаюсь именовать себя, Сіятельнѣйшій Графъ, Мил. Госуд., В-го С-ства низайшимъ слугою, Михайль Марковъ. Сентября 23 дня 1815 г. Черниговъ».

III. «Сіятельнѣйшій Графъ, Мил. Государи! Съ неописаннымъ восхищеніемъ имѣлъ я щастіе получить милостивое В. С-ства писаніе отъ 22 числа октября, видѣвъ изъ онаго, что и другое мое сочиненіе пришло В. С-ству удовольствіе. Преполоучнѣйшимъ себя считаю, что опыты трудовъ моихъ удостоиваются во особенности высокаго В-го С-ства вниманія. Послѣ сего могу ли я хотя одинъ свободной часъ терять, чтобъ не посвящать оной подобнымъ упражненіямъ? Одобряющія ихъ писма Вашего Сіятельства будутъ моими патентами, въ память потомству моему».

„Милостивая и снисходительная благосклонность, каковою угодно было В. С-ству удостоить меня въ Черниговѣ, и которая подала мнѣ случай объяснить В. С-ству о безкуражности по службѣ моей¹⁾, осмѣливаетъ меня симъ донести со всею откровенностію, что какъ труды по должности моей не приносили мнѣ никакого ободренія, то я рѣшился представить главному моему начальнику изъ числа моихъ упражненій тѣ два сочиненія въ доказательство, что и самага свободного времени я не теряю. По случаю жъ, что Его Сіятельство, Г. Министръ Просвѣщенія, о обоихъ ихъ отозвался ко мнѣ, что находитъ ихъ полезными для занимающихся отечественною исторіею, и что они конечно будутъ пріятны любителямъ оной, то я за лучшій долгъ себѣ поставилъ представить ихъ В. С-ству. Сіятельнѣйшій Графъ! Вы, но великодушію своему и благотворительности, изволите требовать увѣдомленія моего относительно ихъ напечатанія, съ способомъ къ тому отъ милостивѣйшихъ щедротъ своихъ. Осмѣливаюсь донести, что сколь желаніе мое ни велико предать ихъ тисненію, и я получилъ уже ихъ отъ Харьковскаго цензурнаго Комитета съ надписаніемъ одобренія къ напечатанію, но отъ собственнаго

¹⁾ Необезпеченности жалованьемъ по службѣ.

моего состоянія о томъ и помыслить не можно, безъ помощи пренумерацій, ибо оное все находится въ бѣдномъ одномъ, наипаче по нынѣшнему времени, жалованьѣ, то приступаю къ пренумераціи¹⁾ и посвящаю мои тѣ сочиненія В. С-ства благодѣтельному покровительству“.

„Со всеглубочайшимъ высокопочитаніемъ осмѣливаюсь имяноваться, Сіятедьнѣйшій Графъ, М. Г., В. С-ства низжайшимъ и преданнѣйшимъ слугою, Михаилъ Марковъ. Октября 29 дня 1815 г. Черниговъ“.

Скромное желаніе черниговскаго директора вскорѣ сбылось: оба сочиненія его были напечатаны, притомъ безо всякаго матерьяльнаго пособія графа Румянцева, или иныхъ подписчиковъ; именно въ министерскомъ журналѣ „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ за 1815 г. № 40²⁾, явилось его первое сочиненіе „о городахъ и селеніяхъ въ Черниговской губерніи, упоминаемыхъ въ Несторовой лѣтописи, какъ они въ оной слѣдуютъ по порядку годовъ“. Оно вышло и особымъ оттискомъ, имѣющимъ посвященіе на имя министра, графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, въ которомъ авторъ объясняетъ, что не смотря на преклонность лѣтъ своихъ и многотрудность по должности, онъ, ревнуя угодить патриотическому желанію графа Разумовскаго составить подробнѣйшее описаніе Россійскаго государства, „приступаетъ къ тому по части страны онаго, гдѣ судьба опредѣлила ему оканчивать дни свои“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что Марковъ, въ данное время челоуѣкъ пожилаго возраста, былъ родомъ не изъ Черниговскаго края, о чемъ ему было бы здѣсь кстати упомянуть, а изъ какого-то другаго.

Посвященіе имѣетъ дату „Черниговъ, ноября 24 дня 1814 года“. А подъ статьей въ журналѣ лишь отмѣчено: „сочиненіе директора училищъ Черниговской губерніи стат. совѣт. Маркова“. Экземпляры оттиска были и у графа Румянцева, и митр. Евгенія, какъ видно изъ ихъ писемъ; оба ученые похвалили трудъ черниговскаго директора. (Переписка митр. кiev. Евгенія съ государств. канц. гр. Румянцевымъ, издан. вoронежск. губерн. статистич. комит. вып. I, стр. 11—12).

1) Къ подпискѣ или къ приглашенію подписчиковъ.

2) Журналъ издавался съ 1803 по 1817 годъ; вышло всего 44 небольшихъ книжекъ.

Въ № 41 того же „Періодическаго сочиненія о успѣх. нар. проsv.“ напечатана другая статья Маркова: „О достопамятностяхъ Чернигова“. на этотъ разъ безъ всякаго обозначенія автора: ни въ заглавіи, ни въ концѣ статьи нѣтъ никакого на него указанія. Что она, однако, принадлежитъ Маркову, въ этомъ легко убѣдиться сравненіемъ ея съ подлинной рукописью автора и съ другимъ изданіемъ ея въ „Чтеніяхъ въ И. Общ. Истор. и Древн.“, сдѣланнымъ по рукописи изъ собранія историка Д. Н. Бантышъ-Каменскаго; по видимому, О. М. Бодянский не зналъ о первомъ изданіи этой статьи; по крайней мѣрѣ онъ ничего о томъ не говоритъ: (Чтенія, годъ третій, № 1; сравн. замѣтку Бодянскаго въ „Чтеніяхъ“ 1858, книга I, въ предисловіи къ „Источникамъ малорос. исторіи, собран. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ“). Къ этой же статьѣ Бодянский присоединилъ еще небольшую статейку Маркова „Отвѣтъ на нѣкоторые вопросы о Малой Россіи“, по всей вѣроятности заимствованную изъ собранія рукописей того же Бантышъ-Каменскаго; ниже я покажу, что „Отвѣтъ“ и писанъ былъ не кому другому, какъ именно Д. Н. Бантышъ-Каменскому, который предлагалъ различные вопросы Маркову по малорусской исторіи, и получалъ на нихъ небезъинтересные отвѣты.

Тотъ же О. М. Бодянский, неутомимый издатель источниковъ и изслѣдованій по исторіи Малороссіи, напечаталъ безымянную историко-публицистическую записку, подъ заглавіемъ „Замѣчанія до Малой Россіи принадлежащія“. (Чтенія, годъ четвертый, книжка 1-я). Въ предисловіи къ этой дѣльной, остроумной запискѣ издатель отказывается опредѣлить, кто бы могъ быть авторомъ ея; Бодянский даже не рѣшается сказать и того, былъ ли авторъ малороссіянинъ, или великоруссъ, долго проживавшій въ Малороссіи и хорошо узнавшій внутренніе порядки въ ней; какъ видно, онъ не убѣдился той замѣткой, которую въ свое время сдѣлалъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій, разсматривавшій эту записку, по порученію Общества Исторіи и Древностей: возвращая рукопись Обществу, Бант. Каменскій въ своемъ отзывѣ между прочимъ говорилъ, что замѣчанія сіи писаны, какъ должно думать, однимъ великороссіяниномъ, поселившимся въ Малороссіи: „я слышалъ—добавляетъ онъ въ примѣчаніи,—будто сочинитель сихъ замѣчаній не давно умершій Директоръ Черниговской Гимназіи, ст. сов. Мих. Егор. Марковъ“¹⁾. Кто же въ самомъ дѣлѣ былъ

¹⁾ Отзывъ Бантышъ-Каменскаго въ Обществу Исторіи и Древностей

авторомъ записки? Вѣдь, Бантышъ-Каменскій неувѣренно говоритъ о принадлежности ея Маркову, и неопредѣленно выражается, отъ кого онъ слышалъ про ея принадлежность ему. Полагаю съ своей стороны, что не Марковъ авторъ ея: во 1-хъ. рукопись „замѣчаній“, если не въ отдѣланномъ и въ полномъ видѣ, то въ видѣ черновыхъ набросковъ, либо отрывковъ, отыскалась бы въ числѣ бумагъ Маркова, теперь находящихся въ Румянцевскомъ музеѣ; но тамъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея; во 2-хъ содержаніе и слогъ „замѣчаній“ въ значительной мѣрѣ, на мой взглядъ, отличаются отъ содержанія и слога статей Маркова. Позволю себѣ высказать предположеніе: не былъ ли авторомъ „замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“, извѣстный Аванасій Филимоновичъ Шафонскій, составитель книги о Черниговскомъ намѣстничествѣ¹⁾. Я основываю свое предположеніе на слѣдующихъ данныхъ. Во 1-хъ, замѣчанія, писанныя въ началѣ Александровскаго царствованія,—для малороссійскаго генералъ-губернатора, по предположенію Д. Н. Бантышъ-Каменскаго,—показываютъ въ авторѣ ихъ основательное знакомство съ малороссійскими учрежденіями правительственными и судебными, съ отношеніями сословными, хозяйственными, и со всѣмъ вообще внутреннимъ бытомъ Малороссіи, какъ за время Екатерины II, такъ и раньше, и позже ея времени, притомъ

подписанъ: «Москва, 28 апрѣля 1824 года». (Труды и Лѣтописи Общ. И. и Др. часть III, кн. 2, стран. 73—76). Итакъ Бантышъ-Каменскій считаетъ Маркова великоруссомъ; по его же свидѣтельству выходитъ, что М. Е. Марковъ скончался либо въ началѣ 1824 г., либо въ концѣ 1823 г. А принимая во вниманіе, что въ посвященіи книжки графу А. К. Разумовскому, отъ 1814 года, онъ самъ говоритъ о себѣ, какъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, время его рожденія должно полагать не позже половины XVIII вѣка.

¹⁾ „Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе, съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малыя Россіи“ в проч. Изд. М. Судіенко, Кіевъ, 1851. Сравн. статью Н. В. Стороженко, Исторія составленія „топографическаго описанія Черниговскаго намѣстничества Шафонскаго“ (Университ. Извѣстія, т. в. кіевскія, 1886 г. за октябрь) и тѣмъ же авторомъ сообщенное „письмо А. Ф. Шафонскаго къ генералъ-аншефу П. Д. Еропкину“. (Кіевская старина, 1891, книжка июль).

знакомство не книжное только, а еще больше практическое, жизненное; въ авторѣ замѣтенъ большой талантъ и дѣловитость государственнаго человѣка. А все это очень подходитъ къ А. Ф. Шафонскому, служившему въ Черниговѣ, съ 1782 года, со времени открытія тамъ намѣстничества, сначала совѣтникомъ Уголовной Палаты и Намѣстническаго правленія, а потомъ предсѣдателемъ Уголовной Палаты, составившему тогда и цѣнное топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества, вмѣстѣ съ интереснымъ очеркомъ исторіи и современнаго быта Малой Россіи. Во 2-хъ, авторъ замѣчаній неоднократно говоритъ про городъ Сосницю, по поводу разныхъ дѣлъ и происшествій въ ней: смотр. стран. 21; 34 и 50 стр. записки. А Шафонскій былъ родомъ изъ этого города, прежде мѣстечка, сыномъ тамошняго сотника; по этому онъ могъ съ особымъ вниманіемъ относиться къ этому городу, какъ родному для него. Въ 3-хъ, составитель записки съ знаніемъ разсуждаетъ о болѣзни «гостецъ», въ народѣ распространенной, и предлагаетъ дѣльныя мѣры для искорененія этой болѣзни: смотр. § 26 записки, гдѣ вообще рѣчь о врачебной части. Медицина же — какъ разъ специальность Шафонскаго, знаменитаго врача своего времени; окончивъ курсъ ученія въ разныхъ европейскихъ университетахъ, получа дипломы на доктора права, философіи и медицины, онъ дома служилъ по медицинской части, сначала въ Сарептѣ, потомъ штабъ-докторомъ въ полевой арміи, затѣмъ въ Москвѣ, въ Главномъ госпиталѣ: тогда-то онъ первый замѣтилъ появленіе въ столицѣ чумы, и далъ знать о ней властямъ, а послѣ написалъ специальное сочиненіе о чумѣ, которое было издано въ 1774 г. по Высочайшему повелѣнію. (Смотр. предисловіе къ Опис. Черниг. намѣстнич. и Соловьева Истор. Рос. т. XXIX, глав. 2). Затѣмъ, послуживъ по намѣстническимъ учрежденіямъ Чернигова, какъ было выше сказано, Шафонскій вышелъ въ отставку въ царствованіе Павла I.

Правдивая, откровенная записка, не скрывающая и слабыхъ сторонъ малороссійскаго народнаго характера, была бы достойна Шафонскаго, человѣка умнаго и честнаго. А писать ее для малороссійскаго генералъ-губернатора онъ могъ тѣмъ съ большимъ удобствомъ, что въ началѣ Александровскаго царствованія онъ уже не служилъ; глядя на пережитое время, сравнивая состояніе Малороссіи при Екатеринѣ II и при Павлѣ I, онъ теперь отдастъ рѣшительное предпочтеніе царствованію

великой императрицы, сильно порицаетъ князя А. А. Безбородко за отступленія, имъ сдѣланныя при Павлѣ I, отъ началъ и формъ екатерининскихъ въ отношеніи правительственнаго устройства Малороссіи, и горячо жаелаетъ возстановленія губернскихъ учрежденій Екатерины Великой въ Малороссіи, какъ они сложились тогда, при управленіи краемъ генер. губерн. графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.

А. Ф. Шафонскій—повторяю—могъ быть составителемъ замѣчательной записки о Малороссіи; но само собою разумѣется, что нужны другія, болѣе точныя и убѣдительныя доказательства, чтобы окончательно признать его авторство въ отношеніи этой записки: она, вѣдь, могла быть написана и другимъ лицомъ, столь же дѣловитымъ и знающимъ, какъ Шафонскій; я только сомнѣваюсь въ томъ, чтобы составилъ ее черниговскій директоръ, М. Е. Марковъ, у котораго иной кругъ мыслей и интересовъ, иной литературный талантъ и слогъ рѣчи. Возвращаюсь теперь къ нему.

Итакъ мы имѣемъ два сочиненія его, сполна напечатанныя, и третье не въ полномъ видѣ, т. е. отвѣты на нѣкоторые вопросы по малорусской исторіи; большинство же его статей остаются въ рукописяхъ, собранныхъ теперь въ два большихъ фоліанта. Опишу весь сборникъ сочиненій Маркова, въ порядкѣ статей, и присоединю нѣсколько замѣчаній, можетъ быть не безполезныхъ для того, кто бы сталъ дольше и внимательнѣе читать сборникъ, чѣмъ я, небольшое время имъ пользовавшийся.

На корешкѣ сборника значится: *„Мих. Егор. Маркова разныя сочиненія къ поясненію исторіи Чернигова“*. Сборникъ—двухтомный; всѣхъ нумерованныхъ листовъ въ обоихъ томахъ 578. На первомъ листѣ, въ видѣ заглавія, отмѣчено: »переписка къ сочиненію малороссійской исторіи«. Со 2-го листа по 36-й включительно идетъ эта переписка, вчернѣ, въ видѣ наброска отвѣтовъ. Съ 37 по 49 листъ идетъ »продолженіе переписки между Г* * и Харьковскаго общества наукъ членомъ, Марковымъ, относительной къ сочиненію малороссійской исторіи«. Писано въ два столбца: на одномъ запросы Г* *, на другомъ отвѣты Маркова, па бѣло. Кто этотъ корреспондентъ М. Е. Маркова, отмѣченный двумя звѣздочками, я долго не могъ отгадать; послѣ же я убѣдился, что это Дмитрій Николаевичъ Бантышъ—Камецскій; въ числѣ ру-

кописныхъ источниковъ для своей »Исторіи Малой Россіи« (Москв. 1822) онъ прямо называетъ въ предисловіи »Критическія замѣчанія на нѣкоторыя мѣста малороссійской исторіи, сочиненныя ст. сов. и черниг. гимназій Директоромъ, М. Е. Марковымъ«. Замѣчено мной по мѣстамъ близкое сходство въ изложеніи текста Бантышъ-Каменскаго и переписки его съ Марковымъ. Въ образчикъ переписки привожу слѣдующій примѣръ.

Бантышъ-Каменскій спрашиваетъ: »гетманъ Мазепа былъ ли полякъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, или малороссіянинъ, родившійся въ нѣжинскомъ повѣтѣ, въ коемъ сестра его имѣла жительство? И взятый въ 1597 году поляками въ плѣнъ съ Наливайкою полковникъ Мазепа былъ ли его предокъ, или нѣтъ? О семъ послѣднемъ упоминаю я потому, что основываясь на немъ, полагаю гетмана Мазепу малороссіяниномъ; къ тому же Нордбергъ и Прокоповичъ даютъ ему то же происхожденіе«.

Марковъ отвѣчаетъ: »Голицковъ въ дополненіяхъ къ дѣяніямъ Петра Великаго производитъ его изъ польскихъ дворянъ, присовокупляя романъ, что онъ воспитаніе получилъ у езуитовъ, былъ пажемъ при королѣ, и за соблазненіе дочери одного вельможи посаженъ былъ привязанный на бѣшеную лошадь, которая занесла его въ станъ козаковъ изувѣченнаго, и онъ измученный принятъ былъ въ ихъ сословіе. Но мнѣ случалось слышать отъ покойнаго д. с. с. Шафонскаго¹⁾, что онъ родомъ шляхтичъ же, но изъ Украйны бѣлоцерковскаго повѣта бывшаго села Мазеповки. Совсѣмъ тѣмъ сумнительно того придерживаться, ибо сходнѣе полагать, что Мазепа, основавъ означенное селеніе, далъ ему названіе отъ своей фамиліи, что часто бываетъ, нежели чтобъ онъ имѣлъ оную отъ родоваго селенія. Весьма станется, что послѣ гибели его сестра жила въ Нѣжинѣ; но я любопытствовалъ у многихъ тамъ стариковъ: никто ни о какихъ родственникахъ Мазепиныхъ не слыхивалъ, а время не такъ отдаленно, чтобъ пересказы, а особливо о чловѣкѣ столько занимательномъ, не остались въ памяти по сіе время. Въ гербовникѣ дворянскомъ польскомъ фамиліи Мазепъ нѣтъ, но родъ его, если это нужно, я открытъ не отчаиваюсь²⁾. Полковникъ Мазепа, взятый въ 1597 году по

¹⁾ И такъ они были лично знакомы. А. Ф. Шафонскій умеръ въ Черниговѣ 1811 г. марта 19.

²⁾ Въ печатномъ изданіи отвѣтовъ Маркова Бантышъ-Каменскому

ляками въ плѣнѣ, съ другими Лободою, когда гетманъ Наливайко схваченъ, былъ ли его предокъ, не могу сказать».

На этомъ вопросѣ-отвѣтѣ, по числу 12-мъ, кончается переписка Маркова съ Б. Каменскимъ; послѣдній, кажется, убѣдился соображеніями Маркова и справками въ Нѣжинѣ: по крайней мѣрѣ въ своей «Исторіи Мал. Рос.» онъ ничего ужъ не говоритъ о происхожденіи Мазепы изъ нѣжинскаго повѣта, ни о проживаніи сестры его въ Нѣжинѣ.

Вообще многія замѣчанія Маркова интересны; въ нихъ обнаруживается большая начитанность въ печатныхъ источникахъ, отчасти и рукописныхъ; онъ ссылается на труды Болтина, Миллера, Рубана, Турманскаго, Г. А. Полетики и другихъ; поправляетъ и критикуетъ; пишетъ живо, немного съ полемическимъ оттѣнкомъ. Такимъ образомъ и М. Е. Марковъ былъ захваченъ тѣмъ романтическо-научнымъ движеніемъ къ знанію малороссійской старины, которое несомнѣнно было очень сильно, въ XVIII и нач. XIX вѣка, въ нѣкоторыхъ образованныхъ кружкахъ украинскихъ, и которое пока выражалось больше въ рукописныхъ трудахъ, чѣмъ печатныхъ; при этомъ Марковъ желаетъ быть трезвымъ критикомъ, въ чемъ и успѣваетъ, по мѣрѣ знаній.

Обращаюсь къ слѣдующимъ статьямъ. На листахъ 50—52 помѣщается не большая статейка «О черниговскомъ воеводствѣ», по объясненію Маркова, выписка изъ книги гербовъ воеводствъ езуита Каспера Несецаго, печатанной 1728 года во Львовѣ». Присоединяется списокъ воеводъ и каштеляновъ черниговскихъ. Статейка вчернѣ.

На лист. 53—58 «О епархіяхъ черниговской, переяславской и новгородсѣверской». Даны справки объ этихъ епархіяхъ и списки архіереевъ.

(„Чтенія“, годъ третій, № 1) есть въ этомъ мѣстѣ слѣдующая прибавка: „впрочемъ у меня недавно былъ полный гербовникъ всѣхъ фамилій дворянскихъ польскихъ, который я въ прошломъ году подарилъ Харьковскому університету, съ другими разными книгами, и въ которомъ любопытствовалъ о фамилии Мазепы, но не нашелъ оной“.

Принимая сказанное выше, что М. Е. Марковъ, по его показанію, былъ членомъ Харьковскаго общества наукъ. Итакъ онъ былъ не въ однахъ только официальныхъ сношеніяхъ съ Харьковомъ.

На лист. 59—67, вчернѣ, «О началѣ раскольниковыхъ слободъ въ Черниговской губерніи и о состояніи оныхъ». Въ статьѣ замѣтно по мѣстамъ влияніе извѣстной книги Андрея Іоанновича Журавлева.

На лист. 68—88, вчернѣ, «Зрѣлище войны государя Петра I съ шведскимъ королемъ Карломъ XII, въ предѣлахъ нынѣшней Черниговской губерніи». Статья отчасти по Голикову.

На л. 90. «Объясненіе о сочиненіяхъ исторіи Черниговскаго княжества и описанія Черниговской губерніи». Небольшая замѣтка автора о томъ, съ какого времени и какимъ способомъ онъ описывалъ Черниговскій край.

На лист. 91—96, три письма Маркова къ графу Н. П. Румянцеву, выше здѣсь напечатанныя.

Лист. 97—107, «О памятникахъ древности въ Черниговѣ», бѣлая рукопись, съ золотымъ обрѣзомъ.

Лист. 108—140, «О достопамятностяхъ Чернигова, сочиненіе Михаила Маркова, 1814 и 1815 годовъ», бѣловая рукопись, съ золотымъ обрѣзомъ, конечно та самая, что была поднесена гр. Румянцеву. Напечатана дважды, какъ выше было сказано.

Лист. 141—168, «О городахъ и селеніяхъ въ Черниговской губерніи, упоминаемыхъ въ Несторовой лѣтописи и въ продолжателяхъ оной, до 1206 года, сочиненіе М. Маркова». Бѣлая золотообрѣзная рукопись, также подносная. Напечатана.

Эта статья и предыдущая суть лучшія, наиболее обработанныя статьи Маркова; и это не простая случайность, что онѣ были преданы тисненію; онѣ больше другихъ того заслуживаютъ.

Лист. 169—307, «Матеріалы для историческаго, географическаго и топографическаго описанія Черниговской губерніи». Сверху помѣтка карандашомъ: «прислано отъ Маркова». На 170 листѣ новое заглавіе: «замѣчанія на § 3 шестой части землеописанія Россійской имперіи господина Зябловскаго о Черниговской губерніи, съ дополненіемъ»¹⁾. Кон-

¹⁾ „Землеописаніе Россійской Имперіи, для всѣхъ состояній, С. Петербургскаго Педагогич. Института ординарнаго профессора, Евдокима Зябловскаго, Части I—VI, С.П.Б. 1810.

чаются, по видимому, на 186 листѣ, послѣ чего опять подѣ особымъ заглавіемъ статья «города и повѣты оныхъ».

Лист. 308—347, «Историческое, географическое и топографическое описаніе города Чернигова съ его повѣтомъ», бѣлая золотообрѣзная рукопись не руки Маркова, а переписчика, по мѣстамъ съ ошибками.

Лист. 348—372, черновое сочиненіе «О состояніи южной части Русскаго государства со времени нашествія татаръ и подѣ владѣніемъ Литвы и Польши, до возвращенія многихъ земель оной, съ названіемъ малороссійскихъ, со включеніемъ нѣкотораго обзорѣнія бывшихъ здѣсь древнихъ княжествъ».

Лист. 373—376, черновыя выписки «изъ Кромера о княжествахъ кievскомъ, черниговскомъ и сѣверскомъ».

На лист. 377—571 идетъ большая статья, «Исторія Черниговскаго княжества», представляющая очеркъ внѣшней исторіи княжества и наконецъ, на лист. 572—578, «родословіе князей черниговскихъ». Сверху статьи, на л. 377, опять отмѣтка карандашомъ: «прислано отъ Маркова», какъ и первая отмѣтка въ этомъ смыслѣ, кажется, рукой гр. Румянцева; выходитъ, что рукописи Маркова постепенно собирались въ музей Румянцева.

Въ теперешнемъ переплетенномъ сборникѣ такимъ образомъ чередуются статьи бѣловыя и черновыя, сходныя по содержанію, иногда представляющія собой разницы лишь редакціонныя, да стилистическія: авторъ во многихъ мѣстахъ повторяется. Издавать ихъ сполна въ печати нѣтъ надобности; но извлечь болѣе или менѣе интересные отрывки изъ статей Маркова можно и въ настоящее время.

Я съ своей стороны приведу отрывокъ о городѣ Нѣжинѣ изъ статьи подѣ заглавіемъ «Матеріалы для историч. географич. и топографическ. опис. Черниг. губ.», находящійся въ подлинникѣ на лист. 301—307; надѣюсь, что отрывокъ обратитъ на себя вниманіе г.г. членовъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества; надѣюсь также, что вниманіе читателей не будетъ обременено и моими подстрочными замѣтками.

«О Нѣжинѣ и его повѣтѣ».

«15-й (городъ Черниг.) Нѣжинъ. Построеніе его относить должно ко времени гораздо прежде половины 13 столѣтія, какъ ниже значить. Церквей въ Нѣжинѣ каменныхъ не 12, а 10. Число жителей мужеска пола только 6511 душъ изъ положенныхъ до 15,000 оныхъ, большею частію грековъ: сего народа всего 558 душъ мужеска пола находится¹⁾».

„Дополненіе. Нѣжинъ упоминается въ исторіи въ 1135 году, подъ названіемъ городка Нѣжатица, что черниговскіе князья съ помощію половцовъ оной взяли. Онъ принадлежалъ къ переяславскому княжеству, и вѣроятно сдѣлался городомъ изъ села на Нѣжатиной нивѣ, и по оной проименованъ, о которомъ въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ значить, что при ономъ въ 1078 году было сильное сраженіе дѣтей бывшаго черниговскаго князя Святослава Ярославича, Бориса и Олега²⁾, съ дядьями ихъ, кіевскимъ в. княземъ Изъяславомъ и черниговскимъ княземъ Всеволодомъ, изъ коихъ послѣдняго лишили было они владѣнія, и тутъ положили жизнь великой князь Изъяславъ и одинъ изъ противоборствовавшихъ князей, Борисъ. Во владѣніе поляковъ, по раздѣленію оными Малороссіи на два воеводства, кіевское и черниговское, Нѣжинъ принадлежалъ къ первому, и въ немъ было несудовое староство, а дано оному магдебургское право. По исторженіи Малороссіи козаками изъ-подъ власти поляковъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій въ 1650 году, отдаваясь въ подданство царю Алексѣю Михайловичу, и раздѣливъ оную на 19 пол-

¹⁾ Марковъ поправляетъ здѣсь данныя, приведенныя въ землеописаніи Зябловскаго, въ статьѣ о Нѣжинѣ (часть VI, стр. 85—87); онъ кстати обращаетъ вниманіе и на то обстоятельство, что число грековъ въ Нѣжинѣ преувеличивали. Сравните Шафонскаго Черниг. намѣстнич. стр. 474: тамъ число грековъ въ Нѣжинѣ, по даннымъ ревизіи 1782 года, опредѣляется 408 душ. муж. пола и 357 женскаго.—О числѣ церквей въ Нѣжинѣ рѣчь будетъ ниже: цифра 10 должна быть поправлена на 16.

²⁾ Неточность, повторяемая авторомъ и въ другихъ мѣстахъ: надобно разумѣть Бориса Вячеславича и Олега Святославича, двоюродныхъ братьевъ.

вовъ¹⁾, Нѣжинъ сдѣлалъ полковымъ городомъ. Когда жъ потомъ гетманъ Виговскій, предавшись Польшѣ, ввелъ оной войска въ Малороссію, то въ 1659 году переяславскій полковникъ Цецюра вырубилъ въ Нѣжинѣ 5 польскихъ полковъ²⁾. Между тѣмъ какъ козаки въ другихъ мѣстахъ изгоняя ихъ истребляли, въ 1661 году король польскій Янъ Казимиръ съ помощію крымскихъ татаръ паки овладѣлъ многими областями Малороссіи, но Нѣжинъ съ своимъ полкомъ себя оборонилъ. Въ 1662 году вѣроломный гетманъ Юрій Хмельницкій съ крымскимъ ханомъ и польскими войсками вошедъ въ Малороссію зимовалъ подъ Нѣжиномъ, откуда посылалъ татаръ въ стародубовскій полкъ и другія мѣста для разоренія, но Нѣжинъ уцѣлѣлъ отъ того, ибо въ скорости прибылъ изъ Москвы князь Ромодановскій съ російскими войсками, и Юрій Хмельницкій отретировался за Днѣпръ. Послѣ чего въ семь же году въ Нѣжинѣ собрана была такъ называемая Черная рада, по соперничеству двухъ гетмановъ Брюховецкаго и Сомка, изъ которыхъ послѣдней управлялъ Малороссію по городъ Роменъ, въ присутствіи присланныхъ отъ царя Алексѣя Михайловича окольничаго Гагина и стольника Хлопова, по поноровкѣ коихъ утверждень всей Малороссіи гетманомъ Брюховецкій, не столько вѣрный, сколько Сомко. Въ 1667 году подъ Нѣжинъ подступали крымскіе татары, но оной не взяли, однако довольно сдѣлали въ немъ разоренія. Въ 1668 году выжгъ его князь Ромодановскій за приверженность къ бунтовавшему гетману Дорошенку. Въ 1711 году, когда заднѣпровскіе полки отдѣлены были, и на лѣвой сторонѣ Днѣпра Малороссія раздѣлена на 10 полковъ, Нѣжинъ оставался по прежнему полковымъ городомъ. Въ 1782 году, съ открытіемъ Черниговскаго намѣстничества, сдѣлался онъ уѣзднымъ городомъ онаго и повѣтовымъ, пребывалъ также по учрежденіи въ 1796 году Малороссійской, а въ 1801 Черниговской губерніи“.

„Пространства подъ собою занимаетъ 1464 десятины; разстояніемъ отъ ближайшихъ къ нему городовъ Козельца 64, Чернигова 74, Сосницы

1) Сначала было написано 15, поправлено на 19.

2) Последнее слово написано не ясно, а по всей вѣроятности „полковъ“: снес. въ рукописяхъ Маркова листъ 152, гдѣ въ такомъ же контекстѣ написано именно „5 полковъ“.

110, Борзны . . отъ Прилука полтавской губерніи . . версть¹⁾). Положеніе имѣеть при большихъ дорогахъ, лежащихъ изъ губернскихъ городовъ Кіева въ Москву и изъ Чернигова во оной городъ, на равномъ мѣстѣ, при небольшомъ озерѣ, Нѣжиномъ называемомъ, и окружается со всѣхъ сторонъ пахотными землями. По срединѣ города протекаетъ рѣка Остеръ, которая съ . . . . года вычищена на . . сажень въ длину и . . въ ширину. Берега ея обдѣланы, и имѣеть два моста, соединяющія сѣверную часть города съ южною, изъ которыхъ въ послѣдней, на краю города находится болото Бабичево, а на лѣвой сторонѣ дороги изъ города въ Кіевъ небольшое озеро; въ сѣверной же сторонѣ, близъ рѣки Остра, также находится одно таковое».

«Гербъ города представляетъ въ щитѣ, раздѣленномъ нѣсколько вкось на двѣ части, въ верхней, въ красномъ полѣ, двѣ соединившіяся руки, а въ нижней, въ голубомъ полѣ, Меркуріевъ жезлъ»²⁾).

«Вода въ рѣкѣ Острѣ и озерѣ Нѣжинѣ для водопоя скота здорова, а жители большею частію употребляютъ для себя изъ колодезей».

„Въ городѣ имѣется древнее укрѣпленіе, состоящее изъ осыпавшагося земляного вала и при немъ замка, продолговатую фигуру имѣющихъ, съ четырьмя вѣздами, называемыми: кіевской, крупницкой, черниговской и глуховской. Укрѣпленіе сіе окружается со всѣхъ сторонъ предмѣстіемъ, раздѣляющимся на 4 части, подъ названіемъ авдѣевской, мигалевской, новомиетской и магерской. Улицъ всѣхъ 16, кои называются: московская, черниговская, роменская, прилуцкая, греческая, олишевская, шосткина, пустая, галатовская, бабичевская, биликовская, шербиновская, сугаровская, мигалевская, бобрицкая и магерская. Монастырей находится два: внутри вала мужеской второкласной Благовѣщенской, въ

¹⁾ Цифры версть не вездѣ проставлены. И ниже въ разныхъ мѣстахъ цифры не приводятся описателемъ.

²⁾ О Нѣжинскомъ гербѣ интересны разъясненія у Шафонскаго, Черниг. намѣстнич. стр. 456—457. Сравн. статью о Нѣжинѣ въ «Словарѣ географическомъ» Щекатова, част. IV, стран. 766—767, изд. 1805 года: описаніе герба въ очень сходныхъ съ Шафонскимъ выраженіяхъ. Не отъ него ли поступила статья въ тотъ словарь?

немъ церквей каменныхъ 2, одна Благовѣщенія, а другая св. апостоловъ Петра и Павла; келій каменныхъ 13 и домъ для архимандрита деревянной; второй въ предмѣстьѣ третьеклассной женской, въ немъ церквей одна каменная Введенія во храмъ, а другая деревянная Вознесенія Господня, съ деревянною колокольнею, келій таковыхъ же 28.“

„Церквей каменныхъ: 1-я внутри вала, соборная с. Николая; 2-я Успенія Богородицы, обѣ съ деревянными колокольнями; 3-я Іоанна Богослова; 4-я греческая архангела Михаила, и при ней 5-я еще не доконченная съ каменною колокольнею¹⁾; 6-я святыхъ Троицы; 7-я Покрова съ деревянною колокольнею; 8-я внутри замка Богоявленія Господня. Въ предмѣстіяхъ: 9-я Преображенія съ каменною колокольнею; 10-я Воздвиженія съ деревянною; 11-я Василия Великаго; 12-я Вознесенія Господня, недостроенная; 13 католическая. Всего съ монастырскими каменныхъ церквей 16²⁾. Деревянныхъ: Вознесенія Господня въ городѣ и на кладбищахъ, коихъ два, русское и греческое, первое въ южномъ концѣ, на правой сторонѣ дороги въ Кіевъ, съ церковію с. Николая, другое въ сѣверномъ, на правой сторонѣ дороги въ Черниговъ, съ церковію Константина и Елены: всего съ монастырскою 4 и 1 часовня³⁾).

¹⁾ Т. е. Церковь всѣхъ святыхъ, какъ и первая, греческою общиной выстроенная, въ началѣ XIX вѣка.

²⁾ Поправлено изъ 15.

³⁾ Эти числовыя данныя о нѣжинскихъ каменныхъ церквахъ не совпадаютъ, какъ видитъ читатель, съ цифрою «10 церквей», которую Марковъ выставляетъ въ началѣ статьи, попраляя Зябловскаго; но тамъ цифра 10 есть очевидно ошибочная, можетъ быть просто описка; ее надобно читать именно какъ здѣсь, т. е. „16“.

А что касается деревянныхъ церквей, то сомнительно показаніе Маркова о „деревянной церкви Вознесенія Господня въ городѣ“. Тутъ кажется ошибка. И безъ нея онъ уже отмѣчаетъ двѣ церкви этого имени: деревянную во Введенскомъ монастырѣ и каменную, еще не достроенную тогда церковь, на предмѣстьѣ Авдѣвкѣ.

Для конца XVIII вѣка сравните указанія у Шафонскаго: кромѣ двухъ монастырей, онъ называетъ въ Нѣжинѣ 11 каменныхъ приходскихъ церквей, 1 деревянную (Вознесенія на Авдѣвкѣ), 1 деревянную, на греческомъ кладбищѣ, и 1 католическую Петра и Павла. (Чернигов. намѣстнич. стран. 464—468 и друг.)

«Учебныхъ заведеній находится два: 1, полное Повѣтовое училище, по уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, съ классомъ нѣмецкаго языка, преобразованное съ 1813 году изъ Народнаго училища, основаннаго въ . . . . году¹⁾. Училище сіе имѣетъ собственный свой каменный домъ, отданной отъ Приказа Общественнаго призрѣнія, и при немъ находится еще одинъ небольшой корпусъ; 2, вольной пансіонъ для воспитанія дѣвицъ. Сверхъ того приходитъ къ окончанію выстройкою огромной каменной домъ, на иждивеніи графа Безбородко, для Гимназіи высшихъ наукъ, и предполагается на заведеніе училище Греческое, на иждивеніи жителей сей націи, по Высочайшему утвержденію, и вольной пансіонъ для дѣтей мужеска пола, по дозволенію Харьковскаго университета».

«Городомъ управляетъ полицеймейстеръ и магистратъ, раздѣленной на два присутствія: одинъ для гражданъ русскихъ, другой для грековъ. Домовъ каменныхъ 46, деревянныхъ 2169; торговыхъ лавокъ каменныхъ . . . . деревянныхъ . . . богадѣльна 1, торговыхъ бань 2, кузницъ 33, котлярна 1. Заводовъ селитряныхъ 1, на коемъ выдѣлывается селитры на 5 котловъ, въ лѣто отъ 4 до 6 тысячъ пудъ, которая доставляется въ продажу на Шостенской пороховой заводъ въ глуховскомъ повѣтѣ. Мельницъ водяныхъ 3, вѣтряныхъ 120²⁾. Почтовая станція 1, на ней лошадей 51. Жителей: не платящихъ подати дворянъ 104, духовенства 101, въ томъ числѣ монашествующихъ 10, и особенно монахинь 17; почталіоновъ 100; грековъ 558; отставныхъ отъ военной службы 2; состоящихъ на 6-лѣтней льготѣ 44. Платящихъ подати купцовъ хрѣсті-

---

1) Малое Народное училище въ Нѣжинѣ открыто въ 1783 году. Позже, въ XIX вѣкѣ, оно было преобразовано въ Уѣздное, потомъ въ Городское двухклассное; нынѣ оно выросло въ четырехклассное училище.

О гимназіи высшихъ наукъ, о греческомъ Александровскомъ училищѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Нѣжина сравн. мою замѣтку: „городъ Нѣжинъ въ началѣ XIX в. по описанію московскихъ путешественниковъ“. (Извѣстія Инст. кн. Безбородко, т. XV).

2) Не очень ли много? Вѣрна ли цифра? У Шафонскаго показано: «мельницъ мучныхъ водяныхъ о 18 поставкахъ 7, мельницъ мучныхъ вѣтряныхъ 15». (Чернигов. намѣстн. стр. 465).

анъ 255, мѣщанъ христіанъ 2979, евреевъ 235, козаковъ и разночинцовъ 1895, крестьянъ бывшихъ монастырскихъ 45, помѣщичьихъ 193. Всего 6511 душъ, кромѣ монахинь».

«Кромѣ годовыхъ ярмарковъ, бываютъ въ городѣ еженедѣльные торги по понедѣльникамъ и пятницамъ. На ярмарки, кои продолжаются не менѣе двухъ недѣль, пріѣзжаютъ купцы изъ иностранныхъ земель и изъ разныхъ россійскихъ и малороссійскихъ городовъ, изъ Харьковской и Екатеринославской губерній, съ разными шелковыми, суконными, пушными товарами и галантерейными вещами; сверхъ того изъ окрестныхъ мѣстъ привозятъ рыбу, соль, деготь, хлѣбъ и разные съѣстные припасы, а здѣшніе купцы, кромѣ вывозимыхъ ими иностранныхъ товаровъ изъ нѣмецкихъ городовъ, для продажи которыхъ имѣютъ лавки по вся дни открытыя, торгуютъ вывозимыми изъ черноморскихъ портовъ разными виноградными винами и фруктами, свѣжими и сушеными, изъ которыхъ послѣдніе вообще называютъ бакалією; сверхъ того дѣлаютъ и продаютъ весьма хорошіе сыры, качкавалами называемые. Мѣщана болѣе торги производятъ въ недѣльные торги разными мелочными товарами, также дегтежь, солью, рыбою и разнаго рода другими съѣстными припасами; а сверхъ того они, козаки и разночинцы упражняются въ ремеслахъ разнаго рода, также козаки и крестьяне въ хлѣбопашествѣ; въ разсужденія огородныхъ растений жители занимаютъ здѣсь преимущественно разведеніемъ оныхъ разнаго рода и продажею противъ всѣхъ городовъ⁴¹⁾.

„Повѣтъ (дополненіе). Граничить къ западу съ козелецкимъ, къ сѣверу съ черниговскимъ, къ востоку съ борзенскимъ повѣтами, къ югу съ Полтавскою губернією. Пространства подъ собою занимаетъ 254.838

¹⁾ И Шафонскій замѣчаетъ: „сады и огороды на предмѣстьяхъ у многихъ жителей есть, въ которыхъ всякіе плоды и овощи садятъ и сѣютъ, какіе въ другихъ городахъ водятся. Нѣжинъ особливо огородными овощами славится, ибо въ немъ, кромѣ обыкновенныхъ кореньевъ и зелени, отмѣнная сельдерея, прасъ, разный салатъ и артишоки растутъ, спаржи дикія въ довольномъ количествѣ изъ поля приносятъ“ (Черниг. намѣстнич. стр. 485).

Прасъ, латин. *Allium rogitum*, порей, лукъ-порей. (Даль, Толковый Словарь живаго великорус. языка).

десятинь. Протекающая посреди повѣта рѣка *Остеръ* вливается изъ борзенскаго повѣта и выходитъ въ козелецкой, принимая въ себя съ правой стороны 3 рѣки, отъ запада къ востоку, *Смольянку*, выходящую въ сѣверозападномъ краю изъ козелецкаго повѣта, *Черняховку* и *Бурковку* изъ борзенскаго, изъ которыхъ первая принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны рѣчку *Вертеевку*; съ лѣвой также три: *Носовку*, *Новый Протокъ* и *Вьюнку*, коихъ источники въ семь же повѣтъ, и изъ коихъ послѣдняя принимаетъ въ себя съ правой стороны малую рѣчку. Сверхъ того вершинами своими орошаетъ въ сѣверной части рѣчка *Вересочъ*, выливаясь въ сѣверовосточномъ край въ черниговской повѣтъ, и въ южной рѣка *Галлица*, которая, принявъ въ себя съ лѣвой стороны рѣчку *Хильчевку*, выходитъ въ Полтавскую губернію близъ мѣстечка Монастырища. Наконецъ малую часть сѣверозападнаго угла захватываетъ рѣчка *Переводъ*, выходя изъ козелецкаго повѣта и вливаясь въ Полтавскую губернію. Всего рѣчекъ 13“. (Сравн. описаніе рѣкъ и рѣчекъ нѣжинскаго уѣзда у Шафонскаго, стр. 428—430: есть значительная разница).

„Изъ трехъ мѣстечекъ, въ повѣтъ находящихся, *Мринъ* при рѣкѣ *Острѣ* и *Носовка* при рѣкѣ сего названія, называвшейся въ древнія времена *Рудю*, до открытія намѣстничества въ 1782 году были сотенными кіевскаго, а *Монастырище* при рѣкѣ *Удаѣ* прилуцкаго полковъ. Въ *Носовкѣ* бывають въ году 3 ярмарки: на сырной недѣлѣ, іюня 20 дня и сентября 8; продолжаются по 4 дни; на оныя съѣзжаются купцы изъ *Нѣжина* съ мелочными товарами; сверхъ того бывають еженедѣльные торги по понедѣльникамъ и пятницамъ».

«Изъ нихъ *Носовка* въ древнія времена была городомъ Черниговскаго княжества, подъ названіемъ *Носова*; о немъ упоминается въ исторіи въ 1149 году, въ продолженіе войны кіевскаго в. князя *Изяслава Мстиславича* съ ростовскимъ княземъ *Юріемъ Владиміровичемъ*, изъ которыхъ послѣдній прислалъ къ союзникамъ своимъ, черниговскимъ князьямъ, сына своего *Глѣба* съ войсками, и сей пошелъ на *Переяславль*, гдѣ княжилъ сынъ в. князя, *Мстиславъ*, которой вышелъ ему на встрѣчу, и заставилъ его отретироваться, преслѣдуя же нагналъ его у *Носова* и захватилъ нѣсколько войска его въ плѣнъ. Потомъ вторично упоминается въ 1159 году, что половцы, учиня впаденіе въ русскія границы, опу-

стошили страны отъ Алты до Носова. При владѣнїи поляковъ, когда Малороссїя была раздѣлена на воеводства, мѣстечко Носовка принадлежало кїевскому, и въ немъ было несудовое староство. Во время владѣнїя козаковъ при гетманѣ Самойловичѣ, когда другой гетманъ Юрій Хмельницкій передался полякамъ, въ 1679 году, само назвавшійся гетманомъ козакъ Яненко, привелъ бѣлгородскихъ татаръ подъ Носовкою причинилъ много разоренїя, и всѣхъ жителей татара взяли въ плѣнъ».

«Сель находится 37, между конми Вертѣвка въ сѣверной сторонѣ города, при рѣчкѣ сего названїя, во время владѣнїя козаковъ было сотеннымъ; деревень 12, хуторовъ 53. Церквей каменныхъ 1, деревянныхъ 48. Домовъ каменныхъ 2, деревянныхъ 10,498. Заводовъ селитряной 1, которой находится въ мѣстечкѣ Монастырищѣ, на коемъ выработывается селитры на 1 котель 250 пудъ; винокуренныхъ 70, пивоваренныхъ и солодовенныхъ 36, масляныхъ 118, конскихъ 11, рогатого скота 25; мельницъ водяныхъ 31, вѣтряныхъ 898. Почтовыхъ станцій 3, на нихъ лошадей 81. Жителей, не платящихъ подати, дворянъ 345, духовенства 303; исключенныхъ изъ оклада за 25 лѣтнюю службу 23. Платящихъ подати: козаковъ и равночинцовъ 16,121; крестьянъ бывшихъ монастырскихъ 1991; городамъ принадлежащихъ 794; помѣщичьихъ 16,425. Всего 36,033¹⁾).

«Климатъ въ нѣжинскомъ повѣтѣ здоровой. Почва земли сѣрая и частїю черная, къ плодородїю безъ удабриванїя способна; на ней сѣется рожь, гречиха, пшеница, овесъ, ячень, а на удабриваемыхъ навозомъ мѣстахъ конопля. Урожай бываетъ лучше въ дождливое лѣто, какъ сѣнные покосы на степныхъ мѣстахъ въ оное жъ время. Лѣсъ имѣется строевой и дровяной: березовой, дубовой, сосновой, ольховой, елевой, кленовой, осиновой и орѣшникъ, котораго достаточно для своего только употребленїя. Въ лѣсахъ находятся звѣри: волки, зайцы и изрѣдка лисицы и бѣлки. Птицы: орлы, ястребы, тетеревы, куропатки, соловьи, жаворонки, щеглы, чижи, вороны, галки, сороки и воробьи; въ поляхъ

¹⁾ Итогъ не вполне равенъ частнымъ цифрамъ; сравн. данныя о населенїи нѣжинскаго уѣзда, по ревизїи 1782 года, у Шафонскаго, Черниг. намѣстнич. стр. 437—438.

дрофы и перепелки; при водахъ дикіе гуси и изрѣдка утки, журавли, цапли, кулики, рыболовы и чайки; гадины не много: малыя змѣи, ужи, ящерицы и черепахи».

«Крестьяне владѣльческіе, кромѣ казенныхъ, находятся на издѣльѣ, а оброчныхъ вовсе нѣтъ. Вообще жъ они промышляютъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, занимаются разными по хозяйству работами, также нѣкоторые покупкою и продажею соли, рыбы и дегтю, а козаки и разночинцы нѣкоторые продажею горячаго вина въ своихъ домахъ. Женскій полъ, сверхъ полевой работы, упражняется въ рукодѣліяхъ, пряжѣ льну, конопли и шерсти для своего употребленія и на продажу, по мѣстамъ же занимается торгомъ въ лавкахъ съѣстными припасами. Во всѣхъ селеніяхъ сего повѣта, при владѣльческихъ, разночинческихъ, козачьихъ и другаго званія людей домахъ, имѣется довольно садовъ съ плодоносными деревьями яблоневыми, грушевыми, бергамотными, вишневыми и сливными, коими довольствуются сами жители, а нѣкоторые отдаютъ въ откупъ прїѣзжающимъ нарочно для того изъ разныхъ городовъ промышленникамъ, кои, по созрѣлости, собирая плоды, отвозятъ по разнымъ городамъ¹⁾. Въ огородахъ же сѣютъ и садятъ огурцы, петрушку, пустарнакъ, лукъ, чеснокъ, бобы, горохъ простой и сахарной, капусту, свеклу, морковь, рѣпу и пшеничку²⁾. Металлическихъ рудъ и минеральныхъ водъ нѣтъ».

1) Приведу здѣсь, кстати, еще одну замѣтку про садовую культуру въ Нѣжинѣ изъ статьи, помѣщенной въ словарь Щекатова. „Здѣсь разводятъ виноградъ только въ садахъ, больше для съѣстнаго употребленія, нежели для приготовленія изъ него вина; также растутъ здѣсь изобильно бѣлыя и черныя шелковицы, или туовыя деревья, коихъ листь есть единственная пища шелкоичныхъ червей; весьма желательно и похвально бы было (прибавляетъ неизвѣстный авторъ статьи) стараться не токмо о размноженіи шелковыхъ рукодѣлій, но о томъ, чтобы и самой шелкъ пріобрѣтать въ Россіи“ (Словарь географической Россійскаго государства, собран. А. Щекатовымъ. Москв. 1801—1808, 6 частей; приведенное мѣсто—изъ 4 части, стран. 766, подъ словомъ „Нѣжинъ“).

2) О разведеніи табаку въ Нѣжинѣ и уѣздѣ Марковъ почему-то не говорить. А Шафонскій для конца XVIII вѣка даетъ прямое показаніе: „главное жителей упражненіе состоитъ въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ“.

Здѣсь кончается статья Маркова о Нѣжинѣ и его повѣтъ. Было бы интересно дослѣдовать, откуда вообще онъ заимствовалъ для себя статистическіе и иные подобные матеріалы; и если онъ заимствовалъ ихъ—что вѣроятно—изъ Черниговскихъ присутственныхъ мѣстъ, куда стекались свѣдѣнія для предпринятаго, по предложенію графа П. А. Румянцева—Задунайскаго, описанія Черниговскаго намѣстничества и всей вообще Малороссіи, то спрашивается: какъ относятся частные труды М. Е. Маркова къ трудамъ А. Ф. Шафонскаго и Дм. Ром. Пашенка, специалистовъ дѣла, трудившихся надъ составленіемъ описанія Черниговскаго намѣстничества, по официальному порученію? (Объ нихъ А. М. Лазаревскій, *Опис. старой Малороссіи, полкъ стародубскій*, стр. X; Н. В. Стороженко, *Исторія составл. топогр. опис. Черниг. нам. Шафонскаго*, въ самомъ началѣ статьи). Но я не могу теперь удовлетворительно отвѣчать на эти вопросы, требующіе особыхъ розысканій; ограничиваюсь пока одною постановкой вопросовъ.

и разведеніи табаку. Табакъ продаютъ больше на мѣстѣ купцамъ Могилевской и Полоцкой губерній, а иные и сами туда же оный отвозятъ". (Черниг. намѣстн. стр. 441; свес. стр. 434 про Носовку).

М. Бережковъ.

Дополненіе къ статьѣ о М. Е. Марковѣ.

Статья была уже отпечатана, когда я имѣлъ неожиданное удовольствіе получить изъ Черниговской Архивной Комиссіи формулярный списокъ М. Е. Маркова, представленный имъ самимъ въ Приказъ Общественнаго призрѣнія, въ 1800 году, вслѣдъ за опредѣленіемъ на должность директора черниговскихъ училищъ; за сообщеніе этого интереснаго документа я обязанъ г. правителю дѣлъ Архивной Комиссіи, П. М. Добровольскому: почитаю пріятнымъ долгомъ выразить ему еще разъ мою благодарность за научную услугу, и съ его согласія передаю здѣсь почти весь формуляръ М. Е. Маркова, въ виду біографической его важности, и вмѣстѣ для необходимыхъ поправокъ и дополненій къ тому, что сказано у меня выше про Маркова. Оказывается, что училищной службѣ М. Е. Маркова предшествовала долгая служба военная и военно-административная, да отчасти гражданская служба; въ должность директорскую онъ вступилъ весной 1800 года, имѣя сорокъ лѣтъ отъ роду: слѣдоват. онъ родился въ 1760, либо самое раннее въ 1759 году, а не въ половинѣ XVIII вѣка, какъ я предполагалъ было; въ 1805 году онъ открывалъ Черниговскую губернскую гимназію и сталъ первымъ директоромъ ея; въ этой должности Михайлъ Егоровичъ и скончался 11 августа 1819 года, какъ сообщилъ мнѣ также П. М. Добровольскій, на основаніи извѣстныхъ ему данныхъ, надъ обработкой коихъ онъ теперь трудится. Так. образ. время жизни М. Е. Маркова опредѣляется 59-ю, или самое большое 60-ю годами, значить не столь еще „преклонными“, какъ самъ онъ выражается о себѣ, въ посвященіи своей книжки графу А. К. Разумовскому 1814 года.

А вотъ послужной списокъ М. Е. Маркова, внесенный имъ въ журналъ дирекціи за 1800 годъ, подъ 23 іюня, его собственной руки и правописанія.

М. Б.

«Надворной совѣтникъ, Михаилъ Георгіевъ сынъ Марковъ, 40 лѣтъ, изъ дворянъ, имѣющій во владѣніи дворовыхъ шесть человекъ, въ пансіонѣ пастора Мельтинга два года, а потомъ въ гимназіи Академіи Наукъ четыре года обучался Россійской грамматикѣ, языкамъ нѣмецкому и французскому, ариметикѣ, геометріи, рисовать, географіи, исторіи всеобщей и естественной и поэзіи».

«Вступилъ въ службу въ комисаріатской штатъ чиномъ капралскимъ 1773 года, октября 28; каптенармускимъ чиномъ произведенъ того же года ноября 29, сержантскимъ 1774 г. февраля 17, въ которомъ чинѣ 1777 года командированъ былъ къ генералъ-маіору, Михаилу Сергѣевичу Потемкину, для производства щетовъ переводимыхъ суммъ на армію, и съ нимъ же въ 1780 г. іюля 7 отряженъ былъ въ комисію о разграниченіи Новороссійской губерніи съ Полскою украиню, для сочиненія плановъ; съ 1781 г. маія 7 находился при прежней должности».

«1782 г. августа 8 д. опредѣленъ аудиторомъ въ с.-петербургской драгунской полкъ. 1783 г. въ маѣ мѣсяцѣ произведенъ былъ квартирмейстеромъ въ томской пѣхотной полкъ, и былъ въ походахъ въ іюнѣ мѣсяцѣ тогожь года за Кубанью, при Салимановомъ бродѣ, а послѣ находился при генералъ-порутчикѣ, Павлѣ Сергѣевичѣ Потемкинѣ, въ правленіи дѣлъ секретныхъ и пограничныхъ, въ каковой должности употребленъ былъ за конференцъ—секретаря въ комисіи заключенія трактата съ Его Высочествомъ, царемъ грузинскимъ Иракліемъ, а потомъ съ нимъ же генер. порутч. Потемкинымъ находился 1784 г. въ сентябрѣ мѣс. въ Грузіи, при сочиненіи журнала похода бывшихъ съ нимъ войскъ черезъ Кавказскія горы, и министерскихъ дѣлъ въ Тифлисѣ. По возвращеніи же оттуда, будучи при немъ правителемъ канцеляріи, и дежуръ-маіоромъ при генералъ-маіорѣ Шемякинѣ, былъ въ неоднократныхъ походахъ и сраженіяхъ съ горскими народами, а по отбытіи генер. пор. Потемкина изъ Кавказской губерніи, по ордеру покойнаго генералъ-фельд-маршала, князя Потемкина Таврическаго, 1787 г. іюля мѣс. опредѣленъ былъ къ губернатору той губерніи, для управленія бывшей при немъ секретной экспедиціи по дѣламъ персидскимъ, грузинскимъ и прочихъ сосѣдственныхъ кавказскому краю владѣній, за что и награжденъ былъ въ 1788 г. сентября 11 дня чиномъ капитанскимъ, а въ 1789 г. ок-

тября 16, за болѣзнями, государственною Военною коллегіею, по прошенію, отставленъ съ чиномъ секундъ-маіора».

«Въ 1790 г. іюня 5 дня опредѣленъ въ С.-Петербургскую верхнюю расправу прокуроромъ; 1794 г. ноября 29 дня въ бывшую Новгородсѣверскую губернію губернскимъ прокуроромъ, гдѣ и награжденъ чиномъ коллегскаго ассесора, съ дачею преимущественно предъ прочими старшинства въ семь чинѣ, съ 1790 года іюня 5».

«По обращеніи жь той губерніи въ составъ Малої оссійской, 1797 г. апрѣля 23 дня, опредѣленъ совѣтникомъ въ Малороссійскую казенную палату; 1799 г. іюня 17 дня награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, а сего года маія 7 дня, препоручена должность директора Малороссійской губерніи народныхъ школъ».

«Отправляю и должность совѣтника въ Малороссійской казенной палатѣ».

«Въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не былъ».

«Въ отпускахъ не былъ».

«Женатъ на дочери надворнаго совѣтника Тинкова, Христинѣ; дѣтей нѣтъ сына и двухъ дочерей».

В. СТЭБСЪ и В. БАЛАГЕРЪ

(† 23 апр. и 14 янв. 1901 г.).

I.

Весною нынѣшняго года европейская историческая наука понесла чувствительную утрату. 23 апрѣля, на 76—лѣтнемъ возрастѣ, скончался знаменитый англійскій историкъ, оксфордскій епископъ Вильямъ Стэбсъ, авторъ «Конституціонной исторіи Англіи» и цѣлаго ряда другихъ капитальныхъ трудовъ, посвященныхъ средневѣковой исторіи Англіи. Кромѣ названнаго сочиненія, своею извѣстностью въ Англіи Стэбсъ немало былъ обязанъ также и сборнику документовъ, относящихся къ англійской конституціонной исторіи съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Эдуарда I, сборнику, выдержавшему въ 25 лѣтъ восемь изданій (1870—1895) и снабженному комментаріями и историческимъ введеніемъ, гдѣ въ сжатомъ видѣ представлены главные моменты исторіи политическихъ учрежденій Англіи въ означенный періодъ времени¹⁾. Это введеніе, между прочимъ, переведено и на русскій языкъ студентами Московскаго университета подъ редакціей проф. М. М. Ковалевскаго²⁾, а самый сборникъ документовъ, весьма искусно подобранныхъ и образцово изданныхъ, служилъ и продолжаетъ служить превосходной книгой для практическихъ занятій студентовъ—историковъ какъ у насъ, такъ и за границей.

---

1) Select charters and other illustrations of english constitutional history from the earliest times to the reign of Edward the first, arranged and edited by William Stubbs. Eighth edition. Oxford. 1895.

2) Э. Фриманъ и В. Стэбсъ, Опыты по исторіи англійской конституціи. Москва. 1880.

Насколько высоко цѣнится значеніе историческихъ трудовъ Стэбса въ самой Англійи и какое значеніе придаютъ его смерти, видно изъ заявленія Мэтланда, извѣстнаго историка—юриста, что корона англійскихъ историческихъ студій стала вакантною или, лучше сказать, былъ король, а теперь его нѣтъ¹⁾. Подобное заявленіе едва ли представляетъ преувеличеніе научныхъ заслугъ Стэбса: онъ дѣйствительно былъ однимъ изъ корифеевъ историческаго знанія въ Англійи.

Родился онъ въ Кнагесбороу (Йоркъ) 21 іюня 1825 г., начальное образованіе получилъ въ Рипонѣ, а высшее—въ Оксфордѣ. Завершивъ блестящимъ образомъ свои университетскія студіи въ 1848 г., онъ сдѣлался fellow въ Trinity—College и былъ посвященъ въ духовное званіе. Назначенный викаріемъ Navestock'a въ Эссексѣ, онъ пробылъ въ этой должности 12 лѣтъ, усердно занимаясь въ то же время исторіей. Къ этому періоду относится и появленіе его первыхъ ученыхъ трудовъ (*Registrum sacrum anglicanum*, 1858; *Tractatus de Inventione s. Crucis apud Waltham*, 1860, и др.), написанныхъ подъ замѣтнымъ вліяніемъ нѣмецкой науки того времени. Здѣсь авторъ обнаружилъ отличительныя особенности свои, какъ исторіографа: преобладающій интересъ къ исторіи учреждений, тонкій критическій анализъ источниковъ и стремленіе къ установленію точныхъ хронологическихъ датъ.

Интересъ къ источниковѣднію надолго опредѣлялъ дальнѣйшее направленіе научной дѣятельности Стэбса.

Будучи назначенъ завѣдующимъ архіепископской бібліотекой въ Ламбетъ (Лондон. квар.), гдѣ хранилось много средневѣковыхъ рукописей, онъ скоро примкнулъ къ грандіозному предпріятію по изданію памятниковъ англійской исторіи, во главѣ котораго стоялъ John Romilly (master of the rolls).

Коллекція, въ которой принялъ участіе Стэбсъ, носитъ названіе «*Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*» или «*chronicles and memorials of Great Britain and Ireland during the middle ages*») и стала издаваться въ Лондонѣ съ 1858 г., послѣ того какъ планъ изданія

---

¹⁾ ...within our English realm of historical study there has been a demise of the crown, or rather that they had a king and now are kingless. *The English Historical Review*, No 63 July 1901.

Monumenta Historica Britannica, выработанный Петри, подъ вліяніемъ Перцовскихъ Monumenta Germaniae Historica, не удался и былъ оставленъ парламентомъ, какъ дорого стоющій¹⁾).

По новому плану изданія англійскихъ историческихъ памятниковъ, рѣшено было публиковать каждую хронику или группу однородныхъ документовъ, независимо одна отъ другой, какъ вполне законченное цѣлое, и поручать дѣло въ каждомъ случаѣ извѣстному спеціалисту. Благодаря тому, что матеріалы печатались по мѣрѣ ихъ накопленія, изданіе быстро подвигалось впередъ и въ настоящее время, будучи закончено, обнимаетъ въ 244 томахъ рядъ разнообразныхъ хроникъ, грамотъ и регистровъ, оказывая огромное вліяніе на развитіе англійской исторіографіи.

Наиболѣе выдающимися сотрудниками этого предпріятія были Луардъ и Стэбсъ. Болѣе чѣмъ кто-либо другой, Стэбсъ внесъ въ это предпріятіе духъ строгаго научнаго метода во всемъ, что касается критики источниковъ и установленія текста. Луардъ взялъ на себя обработку и изданіе текстовъ, относящихся къ англійской исторіи XIII в., а Стэбсъ принялся за изученіе текстовъ XII в., главнымъ образомъ для эпохи анжуйскихъ королей. Въ періодъ отъ 1864 до 1889 г. онъ издалъ 17 томовъ памятниковъ. Различнымъ хроникамъ онъ предпосылалъ историко—критическія введенія, являющіяся образцовыми монографіями. Таковы, напр., его блестящія характеристики личности и политики Генриха II, Ричарда Львиное Сердце, Іоанна Безземельнаго и др. Во многихъ отпошеніяхъ въ трудахъ Стэбса эпоха этихъ королей представлена совершенно въ новомъ освѣщеніи.

Въ 1866 г. Стэбсъ былъ назначенъ королевскимъ профессоромъ новой исторіи (*regius professor of modern history*) въ Оксфордскомъ университетѣ. Съ этого времени начинается новый періодъ въ его дѣятельности. Онъ оказалъ огромное вліяніе на характеръ и направленіе историческихъ занятій въ Оксфордѣ. Въ отличіе отъ Кембриджскаго универси-

¹⁾ Въ 1823 Record Comission поручила Петри изданіе хроникъ и другихъ памятниковъ англійской исторіи до конца царствованія Генриха VIII; все изданіе должно было заключать 25 томовъ; но всего вышель одинъ только томъ, и то лишь въ 1848 г., уже послѣ закрытія предпріятія. Cf. Ch. Gross, *The sources and literature of English history from the earliest times to about 1485*. London (Longmans). 1900, pp. 68—70.

тета, гдѣ историческое преподаваніе преслѣдовало болѣе или менѣе практическія цѣли, именно подготовку государственныхъ дѣятелей и администраторовъ, въ Оксфордѣ оно получило строго научный характеръ. Какъ послѣдователь методовъ и традицій нѣмецкихъ историковъ, Стэбсъ старался возбудить въ своихъ слушателяхъ критическое отношеніе къ источникамъ англійской исторіи, стремился содѣйствовать образованію среди наиболѣе способныхъ студентовъ серьезныхъ научныхъ дѣятелей, а не государственныхъ людей, и поставить историческое преподаваніе на ту высоту, на какой оно находилось въ Германіи. Это удалось ему только отчасти, такъ какъ практическимъ курсамъ исторіи онъ предпочиталъ теоретическіе. Въ своей прощальной лекціи, читанной въ Оксфордѣ въ маѣ 1874 г., онъ объяснилъ, что семинарскія занятія требуютъ извѣстной организаціи, а онъ—противникъ организаціи въ дѣлѣ историческаго преподаванія. Впрочемъ, этотъ недостатокъ сами студенты умѣли отчасти исправить. Въ 1882 г. они основали историческій семинарій, гдѣ ежемѣсячно одинъ изъ членовъ читалъ рефератъ, а прочіе обсуждали его, причемъ дебатами руководилъ предсѣдатель, которымъ былъ одинъ изъ профессоровъ, обыкновенно Стэбсъ. Впослѣдствіи въ Оксфордѣ былъ основанъ другой клубъ историковъ, подъ названіемъ Stubbs—Club, гдѣ читались и обсуждались диссертациі по англійской исторіи, лучшія изъ которыхъ награждались денежными преміями¹).

Наконецъ, незадолго до своего выхода изъ университета, въ октябрѣ 1883 г. Стэбсъ устроилъ у себя на дому (Kettle—Hall) подобіе практическихъ занятій, т. наз. Informal—Instruction. Сюда приходили къ нему по одиночкѣ студенты, нуждавшіеся въ его совѣтахъ и разъясненіяхъ по поводу прочитанныхъ книгъ и представлявшіе на его судъ небольшія диссертациі.

Нѣкоторыя изъ его лекцій изданы были отдѣльною книгой подъ заглавіемъ «Seventeen lectures on the study of medieval and modern history». 1867—1884 (Oxford, 1886). Но самымъ цѣннымъ плодомъ его преподавательской дѣятельности была уже упомянутая нами «Конституціонная исторія Англии» (The constitutional history of England. 3 vols. Oxford,

¹) P. Fredericq, L'Enseignement supérieur de l'histoire. Paris 1899, pp. 156—162.

1874—78), вышедшая шестымъ изданіемъ въ 1897 г.; она обнимаетъ исторію аглійскихъ учрежденій съ эпохи древнихъ германцевъ, описанныхъ Цезаремъ и Тацитомъ, до времени вступленія на престолъ династїи Тюдоровъ (1485 г.). Массу новаго матеріала положилъ авторъ въ основу этого труда, съ поразительною легкостью и искусствомъ излагаетъ его и изслѣдуетъ. Блестящее изложеніе сопровождается ученымъ аппаратомъ и не скрываетъ отъ читателя самаго процесса научной работы; возможность для читателя слѣдить за приѣмами и результатами изслѣдованія автора дѣлаетъ эту работу поучительнѣе всякихъ методологическихъ разсужденій. Въ отношеніи совершенства научныхъ приѣмовъ, остроумія и осторожности критики, широты взгляда на событія и способности къ широкомъ обобщеніямъ, мирившейся съ мелочной критикой текста и опредѣленіемъ взаимоотношенія различныхъ рукописей, положенныхъ въ основаніе его, уже упомянутый нами Мэтландъ сравниваетъ Стэбса съ величайшимъ нѣмецкимъ историкомъ Моммзенемъ, оговариваясь, впрочемъ, что научная производительность послѣдняго не была сокращена, какъ у Стэбса, принятіемъ епископскаго сана и что поле изслѣдованія у названныхъ авторовъ было различно, отчего были различны иногда и приемы изслѣдованія.

Задавшись цѣлью предстатить исторію развитія политическихъ учрежденій Англіи, раскрыть причины перемѣнъ, совершавшихъ въ ея конституціонной исторіи, авторъ даетъ не сухой обзоръ законодательныхъ и административныхъ учрежденій Англіи, а облакаетъ въ конкретныя формы среды и времени изучаемыя имъ явленія, даетъ живую картину роста парламентаризма и ставитъ его въ органическую связь съ общими условіями народной жизни и, особенно, съ развитіемъ мѣстнаго самоуправленія. Несмотря на грустныя картины, которыя порой приходится автору раскрывать и отмѣчать въ исторіи своей страны, трудъ его проникнуть философскимъ оптимизмомъ, вѣрой въ лучшее будущее, въ прогрессъ и свободу.

Другимъ достоинствомъ труда Стэбса является полное безпристрастіе къ разсматриваемымъ событіямъ, лицамъ и учрежденіямъ. Несмотря на свою принадлежность къ духовному сословію, несмотря на свой епископскій санъ, многихъ представителей англійскаго клира, какъ высшаго, такъ и низшаго, онъ подвергаетъ суровой и рѣзкой критикѣ, на какую отважится далеко не каждый свѣтскій историкъ.

Но признавая за трудомъ Стэбса такія выдающіяся достоинства, ученая критика, въ лицѣ Vémont'a¹⁾, отмѣчаетъ также и нѣкоторые недостатки.

Такъ, сравнивая отдѣльныя части его „Конституціонной исторіи“, онъ находитъ, что не всѣ они составлены съ одинаковою компетентностью и не вездѣ онъ одинаково оригиналенъ. При изложеніи древнѣйшаго періода англійской исторіи, именно—германскихъ учреждений, живо чувствуется вліяніе Вайца и Маурера. Также не настолько онъ знакомъ съ источниками англосаксонскаго періода, чтобы нарисованную имъ картину можно было признать вполне законченною и оригинальною. Наконецъ, вопросъ о происхожденіи феодализма и парламентарнаго режима не разработанъ имъ съ тою полнотою и точностью, какія достигнуты въ трудахъ позднѣйшихъ историковъ права, Мэтланда и Поллока. Но за то Стэбсъ не зналъ себѣ равныхъ изслѣдователей, когда обращался къ эпохѣ XII—XV вв., для изученія которой изобиловали источники: тамъ онъ чувствовалъ себя полнымъ господиномъ.

Отличаясь большою осторожностью въ своихъ выводахъ, Стэбсъ съ большимъ трудомъ отказывался отъ сложившихся у него по данному вопросу убѣжденій и, переиздавая свои сочиненія, не вносилъ въ нихъ крупныхъ измѣненій, хотя новыя изслѣдованія другихъ историковъ и дѣлали ихъ подчасъ необходимыми.

Послѣ продолжительной ученой и преподавательской дѣятельности Стэбсъ рѣшилъ всецѣло посвятить себя служенію англиканской церкви, къ которой всегда чувствовалъ тяготѣніе. Въ 1884 г. онъ былъ назначенъ епископомъ честерскимъ, а въ 1888 г.—оксфордскимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пересталъ читать лекціи и даже писать; все свое время онъ исключительно отдавалъ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей. Несмотря на свой литературный талантъ, Стэбсъ не пользовался особенною популярностью вслѣдствіе того, что большую часть своихъ изслѣдованій издавалъ въ видѣ предисловія къ мало доступнымъ изданіямъ средневѣковыхъ хроникъ.

II.

Считаю умѣстнымъ здѣсь же упомянуть и о другой потерѣ, понесенной исторической наукой въ лицѣ испанскаго историка, поэта и государственнаго

¹⁾ Revue historique, 1901, Juillet-Août. Cf. цит. ст. Maitland'a.

дѣтеля—Виктора Балагера, родившагося годомъ раньше Стѣбса и скончавшагося 14 января нынѣшняго года въ Мадридѣ. Каталонецъ по происхожденію и симпатіямъ, Балагеръ родился 11 декабря 1824 г. въ г. Барселонѣ, гдѣ и провелъ свое дѣтство и первые годы молодости. Получивъ образованіе на юридическомъ факультетѣ Барселонскомъ университета, онъ рано обнаружилъ сильный поэтическій талантъ и склонность къ историческимъ занятіямъ. Богатый архивъ короны Арагонской въ Барселонѣ далъ ему обильный матеріалъ для составленія двухъ большихъ историческихъ сочиненій, написанныхъ на кастильскомъ языкѣ: „Исторія Каталоніи“ въ 11 томахъ и „Исторія трубадуровъ“ въ 4-хъ. Исторія Каталоніи В. Балагера отличается популярнымъ изложеніемъ средневѣковой и новой исторіи Каталонскаго принципата, причемъ авторъ широко пользуется народными преданіями и легендами для древнѣйшаго періода, не обнаруживая въ достаточной мѣрѣ критическаго къ нимъ отношенія. Для изученія новой исторіи онъ ввелъ массу новаго матеріала, какъ результатъ продолжительныхъ архивныхъ изысканій. Въ свое время трудъ этотъ имѣлъ важное значеніе, какъ первый опытъ полной исторіи Каталоніи, служившій сильнымъ толчкомъ для пробужденія національнаго самосознанія и развитія исторической литературы въ Каталоніи.

Своей литературной славой онъ обязанъ былъ, главнымъ образомъ, лирическимъ и драматическимъ пьесамъ, написаннымъ на каталонскомъ языкѣ, переведеннымъ, большей частью, на французскій, англійскій, нѣмецкій, итальянскій и венгерскій языки и являющимся яркимъ выраженіемъ литературнаго и національнаго возрожденія Каталоніи. Нѣкоторыя изъ его драмъ нашли своего гениальнаго истолкователя въ лицѣ Эрнеста Росси. Балагеръ самъ называлъ себя трубадуромъ XIX ст. и былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей романтическаго направленія въ испанской литературѣ. Вліяніе на литературное развитіе Каталоніи Балагеръ оказывалъ не только своими произведеніями. Подобно фелибрамъ Прованса, съ которыми былъ связанъ тѣсною дружбой, онъ стремился возстановить литературныя традиціи средневѣковыхъ трубадуровъ и такъ наз. «Juegos florales» или «состязанія поэтовъ», о чемъ я имѣлъ честь докладывать въ одномъ изъ предшествующихъ засѣданій общества. Какъ общественный и государственный дѣтель, Балагеръ занималъ видное

мѣсто. Будучи сторонникомъ конституціонной монархіи, онъ стоялъ въ рядахъ либеральной монархической партіи и въ теченіе своей литературной и политической дѣятельности отстаивалъ права на самобытное духовное развитіе отдѣльныхъ частей Испаніи. Когда вспыхнула революція 1868 г., онъ становится однимъ изъ членовъ революціонной хунты въ Барселонѣ и депутатомъ учредительныхъ кортесовъ, которые даютъ ему и другимъ депутатамъ порученіе отправиться въ Италію и предложить Амедею Савойскому испанскую корону. Когда 11 февраля 1873 г. Амедей отрекся отъ престола и кортесы провозгласили республику, Б., какъ убѣжденный роялистъ, вотировалъ противъ республики. Послѣ реставраціи Бурбоновъ въ 1874 г. онъ сталъ въ ряды либерально—династической партіи, занималъ нѣсколько разъ постъ министра колоній, а затѣмъ назначенъ былъ сенаторомъ, каковымъ и оставался до самой смерти. Въ 1883 г. Б. предложилъ организовать самостоятельное министерство народнаго просвѣщенія и ограничить компетенцію т. наз. Ministerio de Fomento, въ составъ которой входили не только дѣла просвѣщенія, но и общественныя работы, торговля, промышленность и земледѣліе. Только въ прошломъ году проектъ Балагера былъ осуществленъ, и Испанія приобрѣла самостоятельное министерство народнаго просвѣщенія.

Все свое состояніе и всѣ доходы со своихъ многочисленныхъ произведеній, составляющихъ болѣе 32 томовъ, онъ употребилъ на сооруженіе и содержаніе музея и библіотеки, основанныхъ въ г. Вилануэва—и—Хельтру и подаренныхъ имъ въ 1884 г. жителямъ названнаго города и его округа. Великолѣпное зданіе, гдѣ помѣщается «Biblioteca—Museo—Balaguer», расположено на берегу моря и окружено великолѣпнымъ паркомъ. При своемъ основаніи библіотека заключала 22,000 т., пожертвованныхъ Балагеромъ, но теперь число это возросло благодаря другимъ пожертвованіямъ. Управление этимъ учрежденіемъ принадлежитъ особой комисіи гласныхъ г. Виллануэвы, издающей ежемѣсячный журналъ «Boletín de la Biblioteca—Museo—Balaguer». Въ послѣднихъ №№ его напечатанъ былъ рядъ личныхъ воспоминаній Бал., подъ заглавіемъ „Notas de mi vida“. Это литературное произведеніе было лебединою пѣснейю Виктора Балагера.

В. Пискорскій.

МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОГОДИНЪ,

какъ профессоръ и историкъ (1800—1875)¹⁾.

Сто лѣтъ тому назадъ, 11-го ноября 1800 г., на самомъ порогѣ XIX в., въ Москвѣ, у крѣпостнаго «домоправителя» графа Салтыкова, Петра Моисеевича Погодина, крестьянина с. Никольскаго—Галкина, Медынскаго у., Калужской губ., родился сынъ Михаилъ, впоследствии извѣстный Московскій профессоръ, историкъ, литераторъ и публицистъ, представитель русской мысли и слова почти первыхъ трехъ царствований XIX в., закончившій свою жизнь 8-го декабря 1875 г. Три четверти

---

¹⁾ Сообщение въ историко филологическомъ обществѣ при Институтѣ князя Везбородко, сдѣланное 8-го декабря 1900 г., въ 25-ю годовщину смерти М. П. Погодина. Пособіями служили: 1) сочиненія М. П. Погодина: а) Несторъ историко—критическое разсужденіе о началѣ русскихъ лѣтописей М. 1839. б) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи. т. I—VII. М. 1846—1856; в) Историко-критическіе отрывки, т. I, М. 1846, т. II: М. 1867; г) Русскій Историческій Сборникъ, издав. Обществомъ Исторіи и Древн. Россійскихъ подъ ред. Погодина. т. I—VII. М. 1837—1844. д) Норманскій періодъ русской исторіи. М. 1859. е) Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. М. 1860; ж) Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Матеріалы для біографіи съ примѣчаніями и объясненіями М. Погодина, ч. I—II. М. 1866; з) Древняя русская исторія до монгольскаго ига. Есть два изданія: одно in 4-о съ атласомъ, а другое составляетъ два первые тома «Собранія сочиненій»; вышло еще 3 т. этихъ сочиненій: въ III—рѣчи, въ IV—политическія письма, въ V—политическія статьи; и) Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Вел. М. 1875. По исторіи славянства изъ трудовъ Погодина болѣе извѣстны: а) Кириллъ

вѣка жилъ и дѣйствовалъ М. П., принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ явленіяхъ умственной и литературной русской жизни за это долгое время, и принадлежалъ къ числу выдающихся дѣятелей своего времени. Онъ хорошо зналъ Россію, посвятилъ себя изученію ея историческихъ судьбъ, находился въ сношеніяхъ и съ свѣтилами тогдашняго литературнаго міра, какъ Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ, Гоголь, и съ людьми различныхъ слоевъ общества и различныхъ степеней образованности. Его наблюдательный умъ постоянно слѣдилъ за движеніемъ русской жизни, умственной, политической и общественной. Патриотомъ онъ

и Меоодій, славенскіе первоучители, изслѣдованіе Добровскаго, перев. съ нѣмец. съ замѣчаніями и приложеніями. М. 1825. б) Добровскаго, Грамматика церковнослав. языка. 1833; Славянскія новости. Письмо къ редактору Ж. М. Н. Просв. Спб. 1838; в) Образцы славянскаго древлеписанія. М. 1840; г) Кирилло-Меоодіевскій сборникъ, изд. по опредѣленію Москов. общ. любителей русской словесности. М. 1865. д) Польскій вопросъ. М. 1867. 2) Капитальный трудъ *Н. П. Барсукова*: „Жизнь и труды М. П. П.“, кн. I—XV. Спб. 1888—1901. 3) Жизнь и труды М. П. П. Ник. Барсукова. Семь книгъ. 1888—1893. Рецензія Академика *М. И. Сухомлинова*. Зап. Имп. Ак. наукъ по историко-филологическому отд. т. 1. Спб. 1895. Отч. о 36-мъ присуд. наградъ графа Уварова, стр. 21—41. 4) Отзывъ о сочиненіи Н. П. Барсукова, тт. VIII—XI, in 8°, Спб. 1894—1897 гг., заслуженнаго ординарнаго проф. по кафедрѣ русской исторіи въ Имп. Казанскомъ универс. Д. А. Корсакова. Зап. Имп. Акад. наукъ. Т. IV, № 2. Спб. 1899. Отч. о 40-мъ присуд. наградъ гр. Уварова. Стр. 21—72. 5) М. П. Погодинъ (р. 1800†1875). Историч. зап. о дѣят. Импер. Москов. археологическаго общ. за первыя 25 лѣтъ существованія. М. 1890. Стр. 103—111. 6) *К. Н. Бестужев-Рюминъ*: „М. П. Погодинъ 1800—1875. Некрологъ. Древ. и Нов. Россія, февр., 1876 г. 7) Егоже: Біографіи и Характеристики. Спб. 1882. М. П. Погодинъ (1800—1875), стр. 231—254. 8) „Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. П.“ М. 1871. 9) Майковъ, Л. Н. Погодинъ въ послѣдніе годы своего профессорства. По поводу VII кн. соч. Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. П.» Историко-литер. очерки. Спб. 1895. стр. 292—303. 10) Біографическій Словарь Имп. Москов. Университета. М. 1855. II, Погодинъ, М. П., стр. 230—274.

былъ не по расчету и не по заказу, а по глубокому своему убѣжденію и искреннему чувству. Преданіями русской старины онъ дорожилъ, какъ основой будущаго развитія Россіи, и непоколебимо вѣрилъ въ Россію, въ русскій народъ, въ его самобытность.... По словамъ Казанскаго профессора Д. А. Корсакова, „цѣлый рядъ поколѣній ученыхъ и литераторовъ, съ которыми онъ находился въ общеніи, то дружескомъ, то враждебномъ—смирился: возникали и прекращались убѣжденія, воззрѣнія, направленія и «вѣянія»,—а онъ все стоялъ несокрушимъ, неизмѣнно и упорно твердя одно и то же. Весьма естественно, что человѣкъ «простой русской среды», человѣкъ народа въ самомъ непосредственномъ значеніи этого слова, со всѣми симпатичными и антипатичными чертами русскаго простолюдина, какимъ былъ Погодинъ—не могъ быть оцѣненъ по достоинству «людьми сороковыхъ годовъ», абстрактными идеалистами—мыслителями и былъ совершенно не понятъ болѣе поздними нашими поколѣніями шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Всѣмъ имъ онъ представлялся или человѣкомъ съ недостаточно выработаннымъ міросозерцаніемъ, или «стародумомъ» и «старообрядцемъ», своего рода протопопомъ Аввакумомъ. До нѣкоторой степени такія воззрѣнія на Погодина справедливы, но только до нѣкоторой степени. Для безпристрастнаго пониманія Погодина необходимо предварительно критически повѣрить, какъ его собственныя мысли и дѣла, такъ и воззрѣнія на него и его современниковъ и позднѣйшихъ поколѣній. Но для того и другаго прежде всего надо собрать матеріалъ. Ориентироваться во всѣхъ этихъ пережвѣчивыхъ теченіяхъ русской мысли, пріурочивъ ихъ къ столь своеобразной личности, какой былъ Погодинъ, въ высшей степени трудно въ настоящее время, потому что не только еще не написана прагматическая исторія русской культуры XIX в. и не скоро даже будетъ написана, но и матеріалъ для такой исторіи далеко еще не собранъ въ достаточной полнотѣ. До сихъ поръ мы имѣемъ только „опыты“ въ этой области, и притомъ опыты „монографическіе“, что вытекаетъ изъ самой сущности предмета, или говоря правильнѣе, изъ его сложности, а слѣдов. и трудности для обработки“ (Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. V, № 2, 1899 г., стр. 22—23).

Въ томъ же смыслѣ высказался о Погодинѣ еще раньше покойный теперь историкъ—профессоръ К. Н. Бестужевъ—Рюминъ. „Біографія Погодина, когда придетъ время ее написать, говорилъ онъ, и когда она

будетъ написано умно, полно и безпристрастно, можетъ быть одною изъ самыхъ поучительныхъ книгъ русскаго XIX в. Понять, оцѣнить и воспроизвести жизнь Погодина—задача не легкая: иные люди выскажутъ все, что могутъ сказать, въ одномъ сочиненіи или въ рядѣ сочиненій одного рода, въ одномъ дѣйствіи или въ рядѣ одинаковыхъ дѣйствій; но бывають и такіе, дѣятельность которыхъ чрезвычайно многостороння и которые высказываются по частямъ, такъ что только изъ совокупности всѣхъ ихъ дѣйствій и писаній можетъ явиться полный и цѣльный обзоръ. Къ этимъ людямъ принадлежитъ и Погодинъ: чтобы вполне понять Погодина, недовольно знать его большія сочиненія, которыя никогда или почти никогда не отличались ни внутренней, ни вѣшной законченностію: законченнаго и завершеннаго ничего не было въ Погодинѣ, въ чемъ едвали не заключается самая большая его сила; нужно знать еще всѣ замѣтки, мелкія статьи, «афоризмы», нужно знать всѣ событія его жизни. Только при такомъ знаніи предъ нами встанетъ весь человѣкъ. Такая біографія, когда она будетъ, освѣтитъ—я увѣренъ въ этомъ—неожиданнымъ свѣтомъ все умственное развитіе русскаго общества XIX в., ибо нельзя указать ни на одного человѣка, который болѣе чѣмъ Погодинъ связанъ было бы съ движеніемъ мысли всего русскаго общества, а не только отдѣльной его части. Намъ, современникамъ, потому и трудно оцѣнить Погодина, что каждый хотѣлъ бы видѣть его въ своемъ приходѣ, а ни одному приходу Погодинъ не могъ отдать себя вполне... Погодинъ былъ одинъ изъ немногихъ упорно ограждающихъ себя отъ такой ограниченности: сходясь, болѣе чѣмъ съ кѣмъ нибудь, съ славянофилами, Погодинъ никогда не былъ славянофиломъ; слѣдя за всѣми движеніями мысли, принимая въ немъ дѣятельное и живое участіе, онъ—представитель здраваго смысла русскаго народа—любилъ преимущественно простаго русскаго человѣка, цѣнилъ русскихъ самородковъ. Погодинъ былъ вполне русскій человѣкъ, съ русскими достоинствами и русскими недостатками—въ этомъ его высокое значеніе и будущему біографу предстоитъ выяснить, какъ выросъ и развился такой типическій русскій человѣкъ... К. Н. былъ увѣренъ, что значеніе Погодина, какъ чисто русскаго человѣка, послужившаго своей странѣ добросовѣстно и честно, какъ человѣка, который постоянно искалъ истины и не считалъ себя ея полнымъ, исключительнымъ обладателемъ, какъ человѣка, готоваго всюду

отыскивать заслугу (вспомнимъ множество скромныхъ людей, имъ отысканныхъ—хоть бы посѣщенія его Хмырова)—будетъ расти, а не уменьшаться, чѣмъ ближе мы съ нимъ будемъ знакомиться (Древ. и Нов. Рос. 1876 г., февраль, стр. 147—148 и 158). Намѣченнымъ почтеннымъ профессоромъ для біографіи Погодина условіямъ въ извѣстной мѣрѣ и удовлетворяетъ обширный и далеко еще впрочемъ незаконченный трудъ *Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“* (I—XV кн.), проливающей обильный свѣтъ не только на своего героя, но и на всю общественную и умственную обстановку, среди которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Не смотря на обиліе подробностей, иногда прямо не относящихся къ Погодину, а по мѣстамъ и политической лиризмъ по поводу тѣхъ или другихъ передаваемыхъ имъ фактовъ, г. Барсуковъ все же является только простымъ правдивымъ лѣтописцемъ многосторонней дѣятельности Погодина, и исполняетъ свою задачу съ большимъ успѣхомъ. Было бы трудно во время часовой бесѣды освѣтить многостороннюю дѣятельность М. П. Погодина съ надлежащею полнотою и обстоятельностью; а потому, въ данномъ случаѣ, мы ограничимъ свою задачу только тѣми ея сторонами, которыя соприкасались съ его профессорскою и историческою дѣятельностью въ области русской исторіи вообще.

Рано пробудилось у Погодина стремленіе къ опредѣленію своей будущей исторической дѣятельности и своихъ историческихъ воззрѣній. Знакомый еще до гимназіи съ русской исторіей по Нехачину („Ядро Россійской исторіи“) и по „Храму славы Россійскихъ героевъ изъ временъ Гостомысла“ (Павла Львова), Погодинъ еще въ годъ окончанія гимназическаго курса (1818 г.) познакомился съ „Исторіей государства Россійскаго“ Карамзина, монументально воссоздаващаго прошлое на твердомъ основаніи историческихъ памятниковъ, съ жадностью прочелъ эту знаменитую книгу, и лѣтомъ же написалъ на нее цѣлую тетрадь замѣчаній. Карамзинъ и Русская исторія были постоянною темою разговоровъ и размышленій и кружка его университетскихъ друзей, въ особенности самого Погодина, котораго страницы Карамзина о злодѣніяхъ Іоанновыхъ приводили въ трепетъ. Въ то время онъ въ Карамзина былъ влюбленъ какъ въ молоденькую женщину, какъ наивно и сознавался въ своемъ Дневникѣ. Не смотря на то, въ то время у Погодина замѣчается, подъ вліяніемъ тогдашнихъ вѣяній, отразившихся отчасти на пыломъ и впечат-

лительномъ Погодинѣ, и нѣкоторое, временное впрочемъ, будированіе противъ Карамзина и его исторіи. Какъ разъ въ тотъ моментъ, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „часть молодежи, увлеченная вольнодумствомъ, политическимъ суетумдріемъ современнымъ и легкомысліемъ, свойственнымъ возрасту своему, замышляла несбыточное преобразование Россіи, и естественно увидѣла въ *Исторіи государства Россійскаго*“ событіе, совершенно противодѣйствующее замысламъ ея.... Имъ не хотѣлось самодержавія; какъ же имъ было не подкапываться подъ твореніе писателя, который чистыми убѣжденіями совѣсти, глубокимъ соображеніемъ отечественныхъ событій и могуществомъ краснорѣчія доказывалъ, что мудрое самодержавіе спасло, укрѣпило и возвысило Россію? Вспомните еще, что Карамзинъ писалъ тогда исторію не совершенно въ духѣ государя, что, по странной перемѣнѣ въ роляхъ, писатель былъ въ нѣкоторой оппозиціи съ правительствомъ, являясь проповѣдникомъ самодержавія, въ то время, когда правительство, въ извѣстной рѣчи при открытіи перваго польскаго сейма въ Варшавѣ, такъ сказать, отрекалось отъ своего самодержавія... Легко понять, какъ досаденъ былъ Карамзинъ самъ молодымъ людямъ, алкавшимъ преобразованій и политическаго переворота. Они признали въ писателѣ личнаго врага себѣ и дѣйствовали противъ него непріятельски“... (Пол. собр. соч. Спб. 1879 г., 11, 216—218). Эта непріязнь молодого поколѣнія къ Карамзину отразилась и на Погодинѣ. Подъ 21 янв. 1821 г. въ Дневникѣ Погодинъ писалъ: „Думаю о сочиненіи обзорѣнія Россійской Исторіи. Я кончу его только Петромъ. Хвалить Александра грѣшно. Мѣсто Екатерины также несовсѣмъ назначено. Мнѣ и на Карамзина мочи нѣтъ досадно за подносительное письмо къ Государю. Неужели онъ не могъ выдумать съ приличіемъ ничего такого, въ чемъ бы не видно было такой грубой, подлой лести? Притомъ, кромѣ лести, связано съ цѣлымъ очень дурно“. Бесѣдуя однажды съ Кубаревымъ объ *Исторіи* Карамзина, Погодинъ пришелъ къ слѣд. заключенію: «Теперь писать Россійскую исторію думать нельзя. Карамзина должна благодарить Россія не за Исторію, но за обогащеніе словесности многими превосходными, драгоценными историческими отрывками. Прежде, нежели думать о написаніи исторіи, должно: 1) напечатать ученымъ образомъ лѣтописи и все историческое; 2) разобрать ихъ, очистить критически; 3) выбрать изъ нихъ нужное для исторіи; 4) собрать все, писанное

древнѣшими писателями о сѣверныхъ народахъ; 5) собрать всѣхъ писателей Византійскихъ, описывавшихъ происшествія между IX и XI в., сличить между собою и выбрать относящиеся до Россійской исторіи; 6) сличить ихъ съ нашими лѣтописями и вывести заключеніе; 7) познакомиться съ Восточною Словесностію, сыскать всѣ книги, рукописи, въ коихъ говорится о Монголахъ; 8) отыскать и издать все, въ нашихъ и нѣмецкихъ архивахъ, относящееся до связи Россіи съ Поляками, Ливонскими рыцарями, Ганзою и, наконецъ, со всѣми европейскимъ дворами, хотя до Екатерины I, и издать съ переводомъ; 9) сдѣлать подробнѣйшее и вѣрнѣйшее землеописаніе Россійскаго Государства; 10) изслѣдовать положеніе древнихъ мѣстъ и опредѣлить ихъ нынѣшними,—географію для каждаго вѣка; 11) изслѣдовать, сличить и исправить хронологію; 12) издать нумизматику; 13) отыскать и описать всѣ древности, разсѣяныя повсемѣстно; 14) собрать и издать всѣхъ писателей, писавшихъ о чемъ нибудь касающемся до Россійской имперіи; 15) сочинить Родословныя таблицы; 16) составить палеографію. Все это составитъ 200 книгъ»... (Барсуковъ, 1, 79—81). Скоро у Погодина антиисторическія увлеченія прошли, и въ письмѣ къ Карамзину при представленіи своей диссертациі «О происхожденіи Руси» (М. 1825 г.) Погодинъ, между прочимъ, писалъ: «у васъ началъ я учиться добру, языку и исторіи; позвольте же посвятить вамъ, въ знакъ искренней благодарности, первый трудъ мой». Въ болѣе зрѣлые годы, благоговѣя предъ удивительнымъ возсозданіемъ древней Россіи, которое представлено въ двѣнадцати томахъ «Исторіи Государства Россійскаго», Погодинъ такъ уже высказывается: „Если бы имѣли несчастіе потерять всѣ источники, наука могла бы еще идти далѣе и совершенствоваться изъ одного его сочиненія. Въ его примѣчаніяхъ заключается почти другая исторія, столь же драгоценная, изъ подлинныхъ словъ составленная“.

Въ университетѣ же черезъ товарища своего Кубарева Погодинъ познакомился съ „Несторомъ“ Шлецера, переведеннымъ въ то время Языковымъ; перечитавъ послѣднее сочиненіе нѣсколько разъ, Погодинъ, по его словамъ, «очутился въ новомъ мірѣ и уразумѣлъ что такое критика». Во второмъ томѣ «Нестора» его поразили слова Шлецера, которыми онъ онъ оканчиваетъ главу о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ: „Знатоки“, писалъ Шлецеръ, „отдадутъ мнѣ справедливость, что я эту X главу моего Нес-

тора отдѣлалъ съ отрицательнымъ стараніемъ, да и не стоила ли она того? Содержаніе ея отрицательно любопытно: жизнь и дѣянія Кирилла и Мефодія; исторія великаго и до сихъ поръ бывшего еще слишкомъ мало извѣстнаго Святополька; крещеніе Славянъ въ Моравіи и Панноніи, введенное греками съ такимъ отличнымъ благоразуміемъ, какого не найдешь во всей Римской исторіи обращенія язычниковъ; изобрѣтеніе славянскія грамоты, переводъ всея Библии на сей языкъ и пр. Пусть какойнибудь молодой человѣкъ потрудится года съ два и напишетъ листовъ пятьдесятъ объясненія на эту X главу. Пусть онъ присоединитъ къ этому: 1) исторію образованія славянскаго языка во всѣхъ его многочисленныхъ нарѣчіяхъ, въ чемъ неоспоримо Руссы успѣли болѣе всѣхъ: сколь много новаго и важнаго для всея европейскія письменности можетъ онъ помѣстить тутъ. Да послужитъ ему въ этомъ образцѣмъ Іосифа Добровскаго *Geschichte der Böhmischen Sprachen und Litteratur*. Пусть 11) опишетъ онъ участь словено-греческія службы Божія, какъ она введена была во многія Европейскія земли, во многихъ продолжалась долго и со славою, но изъ большей части мало по малу истреблена гибельными происками, даже насиліемъ Римскаго духовенства, или даже еще теперь угнетается невѣроятнымъ образомъ, или, по меньшей мѣрѣ, презирается. У насъ уже есть объ этомъ много сочиненій; но большая изъ нихъ часть писана противною стороною и съ безстыднымъ пристрастіемъ: сразиться съ послѣднимъ лавкое славное дѣло для Русскаго, любящаго свою церковь и языкъ“ (11, 577—582). Эти строки, по словамъ біографа, произвели на Погодина глубокое впечатлѣніе и имѣли на него рѣшающее значеніе (1, 55). Уже будучи старикомъ онъ писалъ: «Во время послѣднихъ толковъ безъ толку и безъ знанія о славянофилахъ, мнѣ хотѣлось добратъся, съ котораго времени начинается моя приверженность къ славянамъ, и я дошелъ до убѣжденія, что она начинается именно съ той минуты, когда я впервые прочелъ вышеприведенныя строки Шлецера» (Автобіографическая записка, стр. 98).

Съ этого времени Шлецерь сталъ руководителемъ историческихъ работъ Погодина. Подъ вліяніемъ Шлецера написана уже его первая историческая статья вскорѣ послѣ окончанія университетскаго курса и тогда же напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» (октябрь, 1822 г.): „Разборъ историческихъ таблицъ Флистри“, какъ потомъ и нѣсколько ста-

тей, объясняющих Нестора. По словам К. Н. Бестужева—Рюмина, Погодинъ до конца своей жизни считалъ Шлецера самымъ высокимъ образомъ исторической критики: на изученіи его создались собственные ученые приемы Погодина; выводы Шлецера служили часто основою его собственнымъ выводамъ; молодымъ людямъ, начинающимъ заниматься исторіею, Погодинъ прежде всего давалъ въ руки «Нестора»... Надъ его письменнымъ столомъ постоянно висѣлъ портретъ Шлецера, подаренный ему сыномъ знаменитаго критика, профессоромъ Московскаго университета, и онъ любилъ показывать посѣщавшимъ его экземпляръ „Нестора“ съ собственноручными помѣтками автора, подаренный ему тѣмъ же сыномъ. Великій нѣмецкій критикъ своими достоинствами и своими недостатками оставилъ яркій слѣдъ въ развитіи русской исторической науки: онъ указалъ необходимость изучать всѣ списки лѣтописи и далъ методъ для этого изученія, который впоследствии прилагался Погодинымъ; онъ указалъ на необходимость аналогій не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ; не только между отдѣльными обычаями и учреждениями, но и между общими состояніями различныхъ народовъ; но, увлекаясь гордостью своего нѣмецкаго патріотизма, онъ придавалъ слишкомъ преувеличенное значеніе Варяжскому элементу, непоколебимую вѣру въ скандинавизмъ котораго онъ передалъ и своему ученику, Погодину. Подъ вліяніемъ Шлецера написанъ не только 2-й томъ „Исслѣдованій, лекцій и замѣчаній“, заключающій въ себѣ магистерскую диссертацию автора «О происхожденіи Варяговъ—Руси», но и 3-й, посвященный обзорѣ обществу въ Варяжскій періодъ; здѣсь все приписано скандинавскому, т. е. германскому, вліянію: и религія, и право, и обычаи.... Какъ ни странно то, что Погодинъ, котораго русское чутье держало на сторожѣ противъ того, что вредно національному развитію и что противно внутренней правдѣ, поддался этому заблужденію; но это фактъ. Замѣчательно, что отказаться отъ этой мысли Погодинъ никогда не могъ. Таково противорѣчіе человѣческой природы» (Др. и Нов. Рос. 1876 г., № 2, стр. 149)¹⁾.

¹⁾ Для рѣшенія спора о Варягахъ Погодинъ въ своей магистерской диссертации собралъ всѣ мѣста о нихъ изъ лѣтописей и прочихъ памятниковъ, опредѣлилъ ихъ норманское происхожденіе и отношеніе ихъ къ Русь, и такимъ образомъ сдѣлалъ лучшей сводъ главнѣйшихъ дока-

Третьимъ опредѣляющимъ вліяніемъ, подъ дѣйствіемъ котораго слагались историческія воззрѣнія Погодина и совершенствовалось еіо историко-критическое развитіе, было ученіе такъ называемой *скептической школы*, родоначальникомъ которой былъ профессоръ же Московскаго университета *М. Т. Каченовскій*, преподававшій въ университетѣ и Русскую исторію, бывшій учитель Погодина и редакторъ тогдашняго „Вѣстника Европы“. По мнѣнію К. Н. Бестужева—Рюмина, Каченовскій и Погодинъ взаимно дополняли другъ друга. «Важная заслуга Каченовскаго», говорилъ С. М. Соловьевъ ученикамъ и Погодина и Каченовскаго, но болѣе послѣдняго, чѣмъ перваго, „состояла въ стараніи сближать явленія русской исторіи съ однохарактерными явленіями у другихъ и, что всего важнѣе, преимущественно у славянскихъ народовъ, при чемъ отрицаніе скандинавскаго происхожденія Руси освобождалось отъ вредной односторонности, давало просторъ для другихъ разнородныхъ вліяній, для другихъ объясненій, отъ чего наука много выигрывала“ (Биограф. слѣв. 1, 402). Заслуга Погодина состояла въ томъ, что онъ внесъ въ науку требованіе строгой шлецеровской документальности, а съ тѣмъ вмѣстѣ свой русскій инстинктъ, почти всегда указывавшій на истинное значеніе со-

зательствъ норманизма. Эта метода сдѣлалась путеводною для всѣхъ послѣдующихъ его изслѣдованій. Литература предмета была имъ изучена вполне и всѣ мнѣнія ученыхъ изложены съ необходимыми объясненіями, подтвержденіями и опроверженіями. Для диспута было поставлено девять слѣд. тезисовъ: 1) Варяги—Русь не Шведы; 2) Варяги—Русь не Прусы; 3) Варяги—Русь не Финны; 4) Варяги—Русь не Хозары; 5) Варяги—Русь не Готфы черноморскіе; 6) Варяги—Русь не Фрисландцы; 7) Варяги—Русь составляли племя Норманское, обитавшее въ нынѣшней Швеціи; 8) Доказательства сему послѣдному мнѣнію находятся въ языкѣ и дѣйствіяхъ Варяговъ—Руси, въ лѣтописяхъ отечественныхъ, Византійскихъ, Франкскихъ, Арабскихъ; 9) Сіе мнѣніе составляется изъ изысканій преимущественно Байера, потомъ Струбе, Тунмана, Стриттера, Миллера, Шлецера, Лерберга, Круга, Еверса, Карамзина, Френа. Диссертация Погодина далеко выдѣлялась изъ ряда тогдашнихъ диссертаций, и обратила на себя вниманіе Карамзина, государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева, академика Круга, представителя тогдашней исторической критики, Востокова и др.

бытій и побудившій его никогда не позабывать тѣсной связи прошедшаго съ настоящимъ. Первое столкновение между Каченовскимъ и Погодинымъ произошло еще въ началѣ 20-хъ годовъ: Погодинъ написалъ разборъ Фатерова разсужденія о происхожденіи Руси, „въ переводѣ котораго Каченовскій выразилъ свое мнѣніе“, т. е. объ южномъ происхожденіи этого имени. Каченовскій не напечаталъ этой статьи. «Такъ начался споръ съ Каченовскимъ и борьба въ университетѣ, по словамъ М. П., продолжавшаяся почти 30 лѣтъ, наравнѣ съ тридцатилѣтней религіозной войной въ Германіи» (Биограф. слов. П., 239). Главными предметами спора, одинъ за другимъ, были: происхождение Руси съ сѣвера, по мнѣнію Погодина, а не съ юга, какъ думалъ Каченовскій; достовѣрность Несторовой лѣтописи, въ которой Каченовскій сомнѣвался и которую защищалъ Погодинъ; подлинность Русской Правды и другихъ древнихъ историческихъ памятниковъ. Въ первое пятилѣтіе 30-хъ годовъ (1830—1835 г.), главнымъ органомъ *Скептической школы* были „Ученныя Записки Московскаго университета“, смѣнившія собою «Вѣстникъ Европы». Здѣсь помѣщены самыя замѣчательныя изслѣдованія Каченовскаго о Русской исторіи: 1) *О кожанныхъ деньгахъ, съ примыкающимъ сюда изслѣдованіемъ: О способѣ узнавать вѣкъ и значеніе старинныхъ монетъ Русскихъ*; 2) *О баснословномъ времени въ Россійской исторіи*; 3) *О Русской Правдѣ*. Здѣсь же въ духѣ своего учителя печатали статьи и его ученики, какъ С. М. Строевъ, Н. Станкевичъ и др. Противъ ученія проповѣдуемаго скептиками выступилъ Погодинъ, этотъ, по выраженію М. А. Максимовича, „новый паломникъ Несторовой Лѣтописи, защитникъ ея подлинности отъ строптивыхъ отрицаній невѣрующей критики“. Скептикамъ онъ бросилъ перчатку, по выраженію его біографа, своею статьею: «*О достовѣрности Древней Русской исторіи*», которую начинаетъ такъ: „говорятъ у насъ нѣтъ достовѣрной исторіи IX, X, XI вѣковъ, потому что нѣтъ официальныхъ документовъ и современныхъ лѣтописей: Лѣтопись Несторова подложная, другихъ свидѣтельствъ мало, слѣдов. у насъ нѣтъ достовѣрной исторіи тѣхъ вѣковъ“. Это ученіе скептиковъ Погодинъ раздѣляетъ на «составные вопросы». 1) Какъ древня наша исторія, и на чемъ основывается? 2) Можно ли вѣрить нашимъ Лѣтописямъ о IX, X и XI вѣкахъ? 3) Когда положено имъ основаніе? 4) Писалъ ли Несторъ? 5) Что онъ писалъ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и составило предметъ знаменитой полемики По-

година со скептиками, приведшей его къ слѣдующимъ результатамъ: „Древняя Русская исторія достовѣрна; начало Русскихъ лѣтописей достовѣрно; Русскія лѣтописи начинаются съ XI в.; Нестора должно считать первымъ лѣтописателемъ; лѣтопись его дошла до насъ въ томъ видѣ, какой данъ ей былъ сначала, кромѣ словъ; прежде Нестора непремѣнно были какія нибудь краткія записки (Библ. для чт. 1834 г., кн. 6, стр. 77—104. Исслѣд., замѣч. и лекціи. М. 1846, 1, 3—14, 17—45)¹⁾).

Свою борьбу со скептиками Погодинъ завершилъ въ 1839 г., выпустивъ въ свѣтъ своего *Нестора*, историко-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ Лѣтописей (М. 1839), и посвятилъ его Шафарику „въ знакъ глубочайшаго почитанія и искреннѣйшей дружбы“, — сочиненіе, увѣнчанное Императорскою Академіею наукъ полною Демидовскою преміею. Въ доказательство правдивости Русскихъ источниковъ и вмѣстѣ Несторовой Лѣтописи, Погодинъ приводитъ значительное число хронологически расположенныхъ мѣстъ иностранныхъ историковъ IX, X и XI вв., которые всѣ, бывъ современниками или даже очевидцами повѣствуемыхъ Несторомъ событій, подтверждаютъ ихъ самымъ разительнымъ образомъ. Затѣмъ слѣдуютъ доказательства, что Лѣтопись была сочинена въ Кіевѣ, именно въ исходѣ XI и въ началѣ XII в., и что сочинителемъ ея былъ не кто иной, какъ монахъ Несторъ. Далѣе Погодинъ приводитъ неоспоримые и отчасти новые доводы, удостовѣряющіе, что Несторова Лѣтопись, за изъятіемъ немногихъ только вставокъ, дошла до насъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ была впервые написана, и что Несторъ засталъ въ свое время письменныя историческія свѣдѣнія, которыя и включилъ въ свою болѣе подробную лѣтопись. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ знаменитаго Круга, писавшаго рецензію на книгу Погодина, ученый авторъ весьма убѣдительно защищаетъ часто оспариваемую подлинность договора Олега, Игоря и Святослова съ Греками, присоединяя свои собственные замѣчанія, долженствующія возбудить любопытство Русскихъ правовѣдцевъ; онъ предлагаетъ опытъ разбора Несторовой Лѣтописи, ко-

¹⁾ Подробности о „Скептической школѣ въ Русской исторіографіи и ея противникахъ“ см. подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ въ кн. проф. В. Ст. Иконникова. Кіевъ 1871.

торый может принести несомненную пользу начинающим критикам, рассуждает весьма дѣльно о сказкахъ или сказаніяхъ въ нашей лѣтописи и наконецъ въ послѣдней, десятой главѣ, вѣроятно, стоившей ему наиболѣе труда, представляетъ рѣшительныя доказательства въ пользу истины Несторовыхъ повѣствованій, выведенныя, во 1, изъ сличенія съ показаніямъ другихъ современныхъ ему или по крайней мѣрѣ близкихъ Русскихъ писателей, на которыхъ доселѣ или мало или во все не было обращено вниманія, и, во 2, изъ сличенія съ современными иностранными авторами. Вообще, по мнѣнію Круга, Погодинъ обязанность свою—доказать учеными доводами достовѣрность Лѣтописца, служащаго основаніемъ Русской исторіи, выполнилъ «весьма удовлетворительно, остроумно и отчетливо». По мнѣнію К. Н. Бестужева—Рюмина, это сочиненіе, по стройности построенія, по полнотѣ матеріала—самое лучшее изъ всѣхъ научныхъ сочиненій Погодина; въ особенности чрезвычайно остроумно возстановленіе древней исторіи въ главныхъ чертахъ, безъ помощи первоначальной лѣтописи, на основаніи иноземныхъ источниковъ, которые приводятъ въ необходимость вполне признать лѣтопись произведеніемъ XI в. Это было полною побѣдою надъ скептиками, и наука приняла окончательно всѣ основные выводы этого сочиненія, хотя частности его подвергались и подвергаются опроверженію; но даже тѣ самыя, которые не принимаютъ ни цѣлостности первобытной лѣтописи, ни принадлежности ея Нестору, сознаются однако, что Несторъ Погодина—мастерское критическое изслѣдованіе, и соглашаются съ нимъ въ основѣ» (Біографіи и Характеристики. Спб. 1882 г., стр. 247).

Факты внѣшней жизни Погодина несложны. Въ 1825 г. онъ вступилъ преподавателемъ въ университетъ: сначала преподавалъ всеобщую исторію студентамъ 1-го курса; съ 1828 г. ему порученъ былъ курсъ новой и русской исторіи въ этико—политическомъ отдѣленіи (юридическій факультетъ); съ 1833 г., послѣ выхода въ отставку проф. Ульрихса, Погодинъ избранъ ординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи; а въ 1835 г. былъ переведенъ съ кафедры всеобщей исторіи на кафедру русской, которую и продолжалъ преподавать до 1844 г. включительно, послѣ чего, по выходѣ въ отставку, оставался только академикомъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности (выбранъ въ 1841 г.). Такииъ образомъ исторія внѣшней жизни Погодина распадается на два пе-

ріода: 1) періодъ профессорства и 2) періодъ служенія наукъ въ качествѣ частнаго человѣка.

Какъ профессоръ Всеобщей и Русской исторіи, Погодинъ въ свое время производилъ глубокое впечатлѣніе на слушателей своимъ живымъ словомъ, своего отрывистою, сжатой рѣчью, всегда содержательною. Извѣстна его вступительная лекція по Всеобщей исторіи, читанная при началѣ курса (1833—1834) академическаго года, повравившаяся Пушкину и переведенная потомъ на французскій, нѣмецкій и сербскій языки. Въ ней, между прочимъ, онъ такъ обрисовалъ предметъ историческаго вѣдѣнія. „Грѣхонаденіе, искупленіе, добро, зло, свобода, необходимость, судьба, промыслъ, фатализмъ. Здѣсь поклонникъ стихіямъ, звѣздамъ, животнымъ, силамъ природы, человѣческимъ образамъ, Іеговъ; тамъ христіанъ, мусульманинъ, лютеранинъ, іезуитъ, квакеръ, сенъ—симонистъ. Здѣсь видишь кроткаго Сократа, тамъ Робеспьеръ подписываетъ смерть тысячамъ жертвъ; вотъ умираетъ Катонъ въ Утикѣ, и вотъ апофеозъ Геліогабала. Инквизиція и революціонное празднество въ честь богини разума; вступленіе крестоносцевъ въ Іерусалимъ и Варооломеевская ночь; Руссо на чердакѣ, Мирабо въ народномъ собраніи, Людовикъ XVI на эшафотѣ, неистовство феодальнаго владѣтеля и Парижскій балъ; пирамиды и храмъ св. Петра, цезарь, Мугаммедъ, Гуттенбергъ, Наполеонъ, Колумбъ, Шеллингъ, Петръ Пустынникъ, Вайтъ, Платонъ, Ньютонъ, Рафаель, Петръ Великій».... Изложивъ далѣе свой взглядъ на исторію, профессоръ предупреждаетъ при этомъ, что онъ приложитъ «все свое стараніе быть какъ можно простѣе, не входитъ ни въ какія алгебраическія, нѣмецкія отвлеченности, кои могутъ имѣть мѣсто, приносить пользу развѣ только въ концѣ академическаго образованія, но отнюдь не въ началѣ». Въ заключеніе профессоръ приглашалъ студентовъ заниматься наукою «такъ, чтобы плоды вашихъ занятій содѣлались украшеніемъ, надеждою всей вашей жизни»... „Повѣртѣ мнѣ, ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ наслажденіемъ, когда, ... вознесясь духомъ, вы будете бесѣдовать съ избранными земли, вопрошать ихъ мудрые оракулы, размышлять объ ихъ важныхъ дѣйствіяхъ и судьбахъ человѣчества, разматривать неизмѣримый путь совершенствованія. созерцать и предугадывать законы высшіе и предаваться въ руцѣ Божіи! Вотъ тогда вы узнаете, или почувствуете исторію!... Ни въ какой книгѣ, ни въ какой бібліотекѣ, ни

въ какомъ университетѣ, ни отъ какого профессора нельзя узнать ее такъ, какъ во глубинѣ души своей... Я почту себя счастливымъ, если буду имѣть возможность настроить вашу душу къ такимъ размышленіямъ... (Ж. М. Н. П. 1834 г., ч. 1, стр. 31—44).

По своимъ занятіямъ Погодинъ собственно не былъ готовъ для Всеобщей Исторіи, въ чемъ онъ чистосердечно и сознавался, почему и составилъ себѣ особый планъ, гдѣ высказалъ свои мысли о преподаваніи у насъ Всеобщей исторіи. „Для студентовъ“, писалъ онъ, „вообще необходимы руководства, по которымъ они могли бы повторять выслушанныя лекціи, чтобы присвоить себѣ совершенно ихъ содержаніе; записывая, они лишаются выгоды слышать живое слово и принимать его впечатлѣнія прямо на душу, легко могутъ впадать и пропускать важное. Эта необходимость нигдѣ такъ не ощутительна, какъ у насъ: нашъ студентъ, кромѣ лекцій, не имѣетъ возможности пользоваться никакими посторонними пособіями для науки, ибо ученая русская литература очень бѣдна, а иностранныя книги дороги, рѣдки и часто недоступны для него, по незнанію языковъ... Я чувствую себя не въ силахъ написать вскорѣ такое руководство; ибо не всѣ части исторіи мнѣ равно знакомы. Какимъ же образомъ удовлетворить настоящей потребности? Перевести какое нибудь иностранное руководство? Ни одно не нравится мнѣ вполне и, вотъ въ чемъ главное, всѣ они слишкомъ кратки для насъ, слѣдов., почти бесполезны, ибо на русскомъ языкѣ нѣтъ тѣхъ историческихъ сочиненій, коихъ одни результаты въ нихъ излагаются. Сжатыя положенія (напр., Гереновы въ его Древней и Новой Исторіи) могутъ тогда только быть выразумлены основательно и усвоены крѣпко, когда извѣстны во всѣхъ подробностяхъ частныя бытія (Facta), коимъ онѣ служатъ какъ бы итогами. Нашему студенту гдѣ ихъ читать? Пересказывать же ему не останется времени. Вотъ почему даже историческія системы, отвлеченныя формулы, даже многія мысли, выраженія, важныя для науки, драгоценныя для посвященныхъ въ ея таинства, пропадаютъ на лекціяхъ для большинства, между тѣмъ какъ онѣ—то и имѣютъ право на главное вниманіе въ публичномъ курсѣ. Книга и лекція—двѣ вещи разныя: тамъ имѣешь въ виду только науку, а здѣсь науку и слушателей.»... Сознавая недостатокъ въ русской литературѣ книгъ по всеобщей исторіи, Погодинъ рѣшился распредѣлить свое преподаваніе такъ, чтобы на каждый

годъ избирать двѣ эпохи: одну изъ древней, другую изъ средней или новой. Для этого онъ предполагалъ дѣлать извлеченіи изъ какого либо классическаго сочиненія по избранной эпохѣ. Началомъ этого предпріятія послужило изданіе «Лекцій по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ древняго міра» (2 т. М. 1835—1837). Подобнымъ же образомъ профессоръ предполагалъ обработать сочиненія—Тьери о завоеваніи Англіи Норманнами, Крейцера—о религіяхъ древняго міра, Гиббона, Нибура, Гизо и др. Въ 1837 г. Погодинъ задумалъ издать *Всеобщую Историческую Библиотечку*, и съ помощію своихъ сотрудниковъ ему удалось представить своимъ соотечественникамъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго, произведеніе Пелица—исторію Пруссіи и Саксоніи, Гасса—исторію Ломбардіи, Германна—исторію Неаполя и Сициліи, Раушника—исторію нѣмецкой Ганзы.

Памятникомъ лекцій Погодина по Всеобщей исторіи остаются также и его «*Историческіе Афоризмы*», вышедшіе въ Москвѣ въ 1836 г. О происхожденіи и настоящемъ значеніи ихъ онъ самъ сообщаетъ въ предисловіи къ своему сочиненію. «Это суть мысли, кои въ различныя времена приходили мнѣ въ голову при чтеніи сочиненій о разныхъ историческихъ предметахъ, при размышленіи объ исторіи, кои я записывалъ въ свою памятную книжку. Лаская себя надеждою, что отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не откажется можетъ быть и наука, я назначаю ихъ впрочемъ теперь преимущественно для моихъ слушателей, чтобы доставить имъ темы для разсужденій, бесѣдъ, ученыхъ состязаній,—чтобы обратить ихъ вниманіе на разныя происшествія, пропускаемыя въ исторіяхъ, особенно нашихъ,—дать примѣры, съ сколь разныхъ сторонъ можно разсматривать историческія явленія,—и содѣйствовать къ изощренію ихъ историческаго разсудка, къ образованію въ умѣ ихъ понятія, что есть исторія, и чего въ ней, по моему мнѣнію, искать можно и должно. Сообразно съ этою цѣлью, мнѣ не нужно было давать своимъ Афоризмамъ никакой искусственной формы, приводить ихъ въ порядокъ или систему». За эту безсистемность Афоризмы подверглись жестокому нападкамъ со стороны Библиотеки для Чтенія и даже нѣкоторыхъ друзей Погодина. За то Максимовичъ, Иннокентій, впоследствии архіепископъ Херсонскій, о. Феодоръ Голубинскій и другіе отзывались съ похвалою о нихъ. Бъ почитателямъ ихъ принадлежалъ и Гоголь, познакомившійся съ ними еще въ 1835 г. «Я люблю всегда у тебя читать ихъ, потому что или

найду въ нихъ такія мысли, которыя вѣрны, или найду такія, съ которыми хоть и не соглашусь иногда, но они за то всегда наведутъ меня на другую новую мысль» (Барсуковъ, IV, 261 стр.).

Иной совершенно характеръ Погодинъ придавалъ своимъ лекціямъ по русской исторіи, когда получилъ кафедру послѣдней въ 1835 г. О способѣ этого преподаванія имѣются весьма обстоятельныя указанія. Такъ, Ѳ. И. Буслаевъ, бывший въ ту пору студентомъ, сообщаетъ, что Погодинъ «читалъ съ нами источники, онъ воскрешалъ предъ нами изъ темныхъ сказаній лѣтописи давно отжившее прошедшее, и группируя добываемые факты, не упускалъ случая указывать и на самую личность лѣтописца, гдѣ она наивно высказывалась, придавая свой теплый колоритъ сказанію. Не всегда критическая работа надъ историческимъ источникомъ могла быть доводима до окончательной, округленной картины прошедшаго. Тогда профессоръ предлагалъ намъ наборъ фактовъ, извлеченныхъ изъ разбора: дѣлалъ предположенія, задавалъ вопросы, и возбуждалъ въ насъ стремленіе идти далѣе по пути, который намъ указывалъ. Погодинъ предлагалъ намъ съ кафедры то, что въ данную минуту составляло предметъ его ученыхъ интересовъ, надъ чѣмъ онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ. Потому въ общемъ курсъ онъ всегда отступалъ отъ главной нити изложенія, и вдавался въ спеціальности, иногда отрывочно, внѣ всякой системы сообщалъ намъ свои наблюденія и открытія. Лекція была для него только продолженіемъ его кабинетной работы, однимъ изъ моментовъ его собственной ученой жизни: на кафедрѣ онъ вводилъ насъ въ самый процессъ ученаго труда, который въ ту минуту поглощалъ собою всѣ его умственные интересы: онъ увлекался этими свѣжими интересами собственной работы и тѣмъ самымъ увлекалъ и своихъ слушателей,—не словами, а самымъ дѣломъ, своей личностью внушалъ воодушевленіе и любовь къ наукѣ... Онъ любовно переносился въ прошедшее, дружилъ съ лѣтописцемъ XII в., какъ съ своимъ современникомъ, и чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ въ сообществѣ съ Ольговичами и Мономаховичами»... (М. П. Погодинъ какъ профессоръ, стр. 11—13). И. Д. Бѣляевъ на 50—лѣтнемъ юбилеѣ ученой дѣятельности Погодина о способѣ его преподаванія высказался такъ: «Вы обыкновенно приходили на лекціи съ кипюю книгъ, и высказавши намъ то или другое положеніе, то или другое выработанное вами рѣшеніе, и высказавъ

его кратко и прямо, раскрывали книги, и читали изъ нихъ тѣ мѣста, на основаніи которыхъ вы дошли до такого-то результата, и затѣмъ живо и занимательно объясняли приемы, которые были вами употреблены при вашей работѣ. Такимъ образомъ мы за одинъ разъ узнавали отъ васъ и новое изслѣдованіе, и способъ, какъ дойти до результата, найденнаго вами. Но вы не останавливались на одномъ указаніи пути, а задавали и намъ работы для домашнихъ занятій, и наши работы всегда были прочитываемы вами со вниманіемъ и сдавались намъ съ замѣчаніями, а по инымъ работамъ вы вызывали подавшихъ къ себѣ на домъ и подолгу бесѣдовали съ ними, и давали имъ или указывали книги, которыя нужно прочесть. Кромѣ того, для каждаго студента вашъ кабинетъ и ваша библіотека была открыты по праздникамъ; здѣсь иные спрашивались по книгамъ; иные спрашивали указаній и сидѣли по нѣсколькимъ часамъ, а иные просили книгъ себѣ на домъ».

О нравственномъ вліяніи лекцій Погодина превосходно говорилъ на томъ же юбилеѣ въ 1871 г. кн. В. А. Черкасскій. „Вокругъ его кафедръ, говорилъ князь, охотно собиралась университетская молодежь. Ее привлекало не щегольство изложенія, не внѣшнее краснорѣчіе преподавателя, но, независимо отъ существенныхъ ученыхъ достоинствъ курса, его живое, беззащитное, горячее отношеніе къ дѣлу. Онъ читалъ намъ русскую исторію по источникамъ, знакомилъ насъ не съ одними внѣшними явленіями исторіи, но и съ сокровеннымъ внутреннимъ ихъ смысломъ,—онъ училъ насъ любить науку, любить и уважать Россію, цѣнить тѣ великія тяжелыя жертвы, которыя древняя Русь умѣла принести ради сохраненія своего самостоятельнаго бытія и созданія единственнаго устоявшаго въ буряхъ исторіи славянскаго государства; онъ училъ насъ созавать себя русскими, членами одной русской, одной общей, великой славянской семьи».

Умѣлъ профессоръ по разнымъ поводамъ возбуждать и лучшія чувства у своихъ слушателей. Такова, напр., лекція, прочитанная Погодинымъ по полученіи извѣстія о смерти Пушкина. «Пожию изъ своей студенческой жизни, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, холодное и мрачное утро. Это было въ самомъ началѣ февраля 1837 г. Мы ждали Погодина на лекцію. Приходитъ весь взволнованный, блѣдный, измученный, самъ не свой... Садится на кафедру, и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ не можетъ

примолвить ни слова; наконецъ, задушаемый рыданіями, Погодинъ, обращаясь къ студентамъ, сказалъ: «Въ началѣ нынѣшней лекціи мы должны помянуть нашего незабвеннаго поэта, изъяснить нашу сердечную горестъ объ его преждевременной кончинѣ. Имя Пушкина принадлежитъ Русской исторіи—это одно изъ лучезарныхъ звѣздъ отечественной славы, и я не считаю словъ моихъ неуѣстными на исторической лекціи: какъ сотвореніемъ Ломоносовымъ первой его оды основался настоящій нашъ языкъ, какъ жизнью Карамзина, этого добраго генія, хранителя нашего просвѣщенія, такъ и сочиненіями Пушкина начинается новая эпоха въ русской литературѣ, эпоха національности. Другіе объяснятъ вамъ, въ чемъ состоятъ его поэтическія достоинства, я долженъ смотрѣть только со стороны исторіи. Онъ внесъ въ нее много новыхъ, дорогихъ страницъ. Въ его Борисъ Годуновъ мы увидѣли въ первый разъ поэтическую сторону русскихъ происшествій, и никто не понималъ такъ вѣрно нашихъ лѣтописцевъ, какъ онъ въ монахѣ Пименѣ; въ его Пугачевскимъ бунтѣ мы получили образецъ простоты, безыскусственности разсказа; въ его Онѣгинѣ и другихъ повѣстяхъ представились намъ русскіе люди съ ихъ физиогноміями; отъ его сказокъ вѣетъ русскимъ духомъ. Въ послѣдніе годы онъ выдавалъ очень мало въ свѣтъ; гордому поэту низко было выходить на этотъ безславный, на этотъ нумный таборъ, который раскинутъ на полѣ русской литературы незванными пришельцами. Ему не хотѣлось метать своего бисера передъ этой челядью, передъ этими смѣшными и отвратительными судьями, которые и не хотѣли и не умѣли понять его. Петръ Великій занималъ все его вниманіе. Съ усердіемъ перечиталъ онъ всѣ документы, всѣ сочиненія о немъ писанныя. Не должно было, разумѣется, ожидать отъ Пушкина мелочныхъ изслѣдованій о неважныхъ происшествіяхъ; но можно было быть увѣрену, что зоркій его глазъ проникъ бы очень далеко, онъ увидѣлъ бы многое и представилъ бы главныя черты, главныя краски, живо, вѣрно, какъ представлялись бы онѣ въ его пылкомъ и сильномъ воображеніи. И все это погибло для насъ, погибло невозвратно. Оплачемъ преждевременную кончину нашего дорогаго поэта, и—горько, тяжело мнѣ это выговорить—да послушать она вамъ всѣмъ и поучительнымъ урокомъ».

«Надобно знать», замѣчаетъ по поводу этого слова Буслаевъ, «патріотическія чувства, какія питалъ Погодинъ ко всему, что составляетъ

славу и гордость нашего отечества, и потомъ его товарищескія отноше-
къ Пушкину, чтобы оцѣнить, въ какой степени были искренни и глубо-
ки тѣ чувства, съ которыми профессоръ отнесся къ своимъ слушателямъ.
И теперь, спустя цѣлыя 40 лѣтъ, всякій разъ какъ придетъ мнѣ на
умъ мысль о преждевременной кончинѣ великаго поэта, въ моей па-
мяти живо встаетъ симпатичная личность профессора, который въ одну
изъ самыхъ скорбныхъ минутъ своей жизни не запирается у себя дома въ
эгоистическомъ отчужденіи отъ толпы, но спѣшитъ раздѣлиться съ своими
слушателями великое горе, какъ онъ дѣлился съ ними и своими радо-
стями въ ученыхъ открытіяхъ» (Барсуковъ).

По свидѣтельству самого Погодина, онъ всякой годъ посвящалъ
исключительно какой либо особой части русской исторіи, проходимою въ
подробности, а прочія предлагалъ въ краткихъ обзорѣніяхъ; напр. одинъ
годъ посвящалъ Нестору, другой происхожденію Руси, третій Норманскому
періоду, Борису Годунову, Петру Вел., древней географіи, мѣстничеству,
удѣльному періоду, Монголамъ, Новгороду и пр. Крімъ того, почти каж-
дый годъ открывался особою лекціей о какомъ либо отдѣльномъ предметѣ,
взятомъ по какой бы то ни было причинѣ, напр.: одна лекція заключала
общій взглядъ на всю Русскую исторію, другая разсужденіе о мѣстни-
чествѣ, третья систему Посошкова, развитіе княжеской власти въ пер-
вомъ періодѣ и пр.

По собственному же его свидѣтельству, Погодинъ къ лекціямъ всегда
готовился, и можетъ быть не бывало двухъ въ году, къ коимъ пришло
бы онъ безъ предварительной работы съ вечера и поутру, но пригото-
влялся онъ всегда къ содержанію, и никогда почти къ формѣ, къ изложе-
нію, и результатомъ приготовленія бывала часто только одна мысль, или
положеніе, которыя пропадали для большинства. Онъ старался оживлять ихъ
сообщеніемъ извѣстій о новостяхъ историческихъ, открытіяхъ, трудахъ,
передачей подлинныхъ текстовъ съ комментаріями. Какъ ни недостаточны
были, по его теперешнему мнѣнію (писано въ 1854 г.), его лекціи, но онѣ
внушали любовь или расположеніе къ предмету. Къ числу молодыхъ лю-
дей, вышедшихъ изъ Московскаго университета и расположенныхъ къ изу-
ченію родной исторіи, въ которыхъ Погодинъ видѣлъ хоть каплю и сво-
его меду, въ 50-хъ годахъ онъ причислялъ: Бѣляева, Пассека, Калачева,
Кавелица, Елагина, Попова, Ригельмана, Самарина, Мстиславскаго, Валусева,

Соловьева, Бычкова, Стаховича, Строева М., в. Черкасского, Бецкаго, Григорьева. Полезными опытами были бесѣды о назначенныхъ предметахъ студентовъ между собою и профессоромъ, по разсмотрѣніи и изученіи принадлежащихъ къ нимъ источниковъ и пособій. Такія бесѣды онъ считалъ болѣе соответственными русскому духу. Вообще работать заставлялъ онъ всѣхъ студентовъ много, что наиболѣе доставляло имъ пользы (Біографич. Слов. 11, 248—249).

И въ отставной періодъ своей жизни, продолжавшейся 30 слишкомъ лѣтъ, Погодинъ не переставалъ усердно трудиться надъ разнообразными изслѣдованіями въ области русской исторіи, какъ и бороться съ тогдашними новыми историко-литературными теченіями. Сороковые и пятидесятые годы XIX въ русской литературѣ были порою, когда обозначались два разнородныя теченія въ развитіи нашего общественнаго сознанія, такъ назыв. западническое и славянофильское направленія,—порою непрерывныхъ споровъ о значеніи петровскаго переворота, о возможности самостоятельнаго развитія нашей образованности, о томъ, примирима ли народная самобытность со стремленіемъ къ общечеловѣческому прогрессу и т. п. Довольно назвать имена братьевъ Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Хомякова, Самарина, Грановскаго, чтобы понять, что на сторонѣ и западниковъ и славянофиловъ были люди сильнаго ума, высокихъ дарованій и благороднаго характера. Погодинъ, по собственному его сознанію, не былъ ни западникомъ, ни чистымъ славянофиломъ. Правда, еще въ 30-хъ годахъ онъ завязалъ сношенія съ западославянскими учеными и заговорилъ о древней славянской исторіи и новѣйшемъ національномъ возрожденіи у славянъ, о русской старинѣ и народныхъ началахъ; возбуждая эти вопросы, новые въ то время, Погодинъ, безъ сомнѣнія, способствовалъ образованію славянофильскаго ученія. Но не ему оно обязано своимъ образованіемъ; онъ не былъ въ состояніи выработать ту строгую систему, которую представило это ученіе, когда оно сложилось у Кирѣевскаго и Хомякова. Мало того: Погодинъ отнесся къ воззрѣнію славянофильскому даже критически—съ исторической точки зрѣнія, когда оно выработалось. Различіе міросозерцанія славянофиловъ и міросозерцанія Погодина проф. Д. А. Корсаковъ такъ характеризуетъ: „Славянофилы, сходясь съ Погодинымъ въ любви ко всему русскому, въ особенности къ до—Петровской старинѣ, и въ отрицательномъ отношеніи къ западной Европѣ,

существенно отличались отъ него, какъ самыми свойствами своего мышленія, такъ и основами воззрѣній. Въ противоположность Погодину, они были прежде всего апіорными мыслителями—теоретиками съ сильно развитымъ синтезомъ, и на явленія какъ современной русской жизни, такъ и русской исторіи, смотрѣли съ предвзятой, отвлеченно—теоретической точки зрѣнія; а эта точка зрѣнія опредѣлялась ихъ религіозно—нравственными убѣжденіями, исходящими изъ ученія Восточно—православной Христіанской церкви, но сильно измѣненнаго подъ вліяніемъ доктринъ нѣмецкой идеалистической философіи. Русское самодержавіе понимали славянофилы также весьма своеобразно, идеализируя власть Московскаго царя и не сочувствуя тѣмъ формамъ русскаго государственнаго быта, которыя были заимствованы съ запада Петромъ Вел. и, по ихъ ученію, насильственно привиты имъ русскому народу. Народъ, народность понимали они въ смыслѣ совокупности своеобразныхъ бытовыхъ и нравственныхъ началъ, присущихъ русскому народу, какъ одному изъ величайшихъ народовъ въ восточномъ европейскомъ мірѣ, грекославянскомъ, противоположномъ западно—европейскому міру—романо германскому»... во всемъ (стр. 64). Что касается западниковъ, то въ ихъ воззрѣніяхъ Погодинъ осуждалъ чрезмѣрное преклоненіе предъ авторитетомъ запада и западной науки, пренебреженіе къ народной самобытности, рационализмъ или индифферентизмъ въ религіозной сферѣ.

Къ полемикѣ Погодина съ славянофилами и западниками съ теченіемъ времени примкнула другая полемика съ представителями новой исторической школы, такъ назыв. юридической, или школой родоваго быта. Это послѣдняя полемика со стороны Погодина велась особенно страстно и даже злобно, далеко превосходила съ этой стороны его полемику, въ тридцатыхъ годахъ, съ отрицательными выводами скептической школы и потомъ, въ семидесятыхъ годахъ, съ новыми „историческими ересями“ Д. И. Иловайскаго по варяжскому вопросу и Н. И. Костомарова по поводу разныхъ историческихъ лицъ и также по вопросу варяжскому. Не менѣе страстно велась эта полемика и со стороны главныхъ представителей теоріи родоваго быта, Кавелина и Соловьева и др.¹⁾ Подъ

¹⁾ Относительно Соловьева нужно впрочемъ оговориться, что онъ только въ первыхъ трудахъ своихъ и главнымъ образомъ въ двухъ диссертацияхъ, магистерской и докторской («Объ отношеніяхъ Новгорода

вліянієм историко-філософських воззрѣній Гегеля, представителі этой школы признавали необходимость изученія историческихъ фактовъ лишь на столько, на сколько эти факты могутъ уяснить общія начала исторической жизни русскаго народа, а потому и порицали историковъ, стремящихся только къ вышней фактической полнотѣ. Съ ихъ точки зрѣнія, начало государственное, явившееся на смѣну кровно—родовому, патріархальному, въ лицѣ Петра Великаго достигло высшаго своего развитія и обезпечило наше дальнѣйшее преуспѣяніе. Иначе смотрѣлъ Погодинъ на дѣло. По его мнѣнію прежде всякихъ разсужденій, толкованій и высшихъ взглядовъ, нужно по просту, не мудрствуя лукаво, собрать всё мѣста изъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ объ известномъ предметѣ, и потомъ уже, имѣя ихъ предъ глазами, дѣлать выводы объ его значеніи и отношеніи, въ какомъ онъ находится къ другимъ смежнымъ предметамъ и вообще ко всей исторіи, повѣряя свои выводы прочими свѣдѣніями. Только при такихъ условіяхъ, думалъ Погодинъ, Русская исторія возведена будетъ на степень, на которой ей быть подобаешь, и вразумленная публика перестанетъ толковать о вещахъ, противныхъ нашему духу, развитію, происхожденію, научится уважать свой народъ, воспользуется своими опытами, и начнетъ искать добра тамъ, гдѣ его найти можно, т. е., въ своей землѣ, а не подъ тропиками Рака и Козерога, какъ выражался Погодинъ. Считаая преждевременной всякую попытку обобщенія историческихъ явленій, не изучивъ вѣхъ историческихъ фактовъ, не провѣривъ ихъ критически, Погодинъ и не пошелъ дальше изученія источниковъ и частныхъ явленій русской исторіи въ своихъ историческихъ работахъ, хотя и носилъ въ своей душѣ довольно цѣльное представленіе о русской исторіи²⁾. Въ настоящее время, при болѣе

изъ великимъ князьямъ», и «Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова дома»), является сторонникомъ ученія родового быта и общихъ историческихъ построеній. Послѣдующіе его ученые труды, начиная съ 1 т. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (1851 г.), отличаются весьма обильнымъ подборомъ фактовъ, почему не несправедливо называть его историкомъ—фактистомъ, только хранящимъ основы ученія родового быта.

²⁾ Даже въ 60-хъ годахъ, на склонѣ своихъ дней, Погодинъ обращающимся къ нему за совѣтомъ для занятій по русской исторіи твор-

безпристрастномъ отношеніи какъ къ воззрѣніямъ Погодина, такъ и къ воззрѣніямъ представителей теоріи родового быта, когда крайности направленія сгладились, а лучшія стороны его прочно утвердились, историческая критика воздастъ должное и первому и послѣднимъ. «Школа родового быта», говоритъ проф. Курсаковъ, «какъ всякое новое теоретическое ученіе въ исторической наукѣ, какъ въ наши дни школа экономического матеріализма,—стремилась подвести цѣлый рядъ историческихъ явленій подъ одно главное начало, изъ котораго многія изъ такихъ явленій объяснены быть не могутъ. Школа родового быта изучала явленія русской исторической жизни, преимущественно общественно—юридическаго характера, недостаточно, чтобъ не сказать больше, затрагивая явленія иныя, болѣе высшаго порядка, какъ напр. явленія въ области нравственно—религіозной, умственной, литературной, художественной. И Погодинъ былъ правъ, утверждая, что при изученіи русской исторіи съ точки зрѣнія теоріи родового быта, мы не найдемъ должнаго мѣста для изученія духовной, религіозной нравственной и умственной жизни русскаго народа. «А куда вы дѣнете св. Сергія Радонежскаго?»—говорилъ Погодинъ съ свойственнымъ ему оригинальнымъ лаконизмомъ К. Н. Бестужеву—Рюману, въ сороковыхъ годахъ сильно увлекавшемуся теоріей родового быта. Но Погодинъ, разумѣется, былъ совершенно не правъ, нападая на школу родового быта за ея теоретическое воззрѣніе въ исторіи. Всякая такъ назыв. историческая теорія или, правильнѣе, историческая проблема, историческая гипотеза—является естественнымъ выводомъ обобщающей мысли изъ нѣсколькихъ группъ историческихъ явленій, вновь подмѣченныхъ или прежде опредѣленныхъ, но заново объясненныхъ; эти выводы даютъ матеріалъ—для дальнѣйшихъ критическихъ и обобщающихъ приѣмовъ мысли, и потому теоретическія воззрѣнія въ исторіи, при всей ихъ односторонности и даже неправильности, являются неизбеж-

диль тоже, что въ 30—40-хъ говорилъ своимъ студентамъ: «Читайте лѣтопись и объясняйте себѣ каждое слово, каждое; задумывайтесь надъ мельчайшимъ фактомъ, не торпясь объяснять себѣ его причины сразу... Переноситесь въ старину... Мѣряйте прошедшее ея аршиномъ, не своимъ, нынѣшнимъ... А то у насъ сейчасъ!—а! вѣче—это митингъ.... общинное владѣніе земель—коммуна... и валяй. Этого берегитесь... Ист. Вѣст. 1901 г., 1, 168, Воспом. о. М. П. Погодинъ Н. А. Чаева).

ными и вліятельными факторами прогрессивнаго развитія исторической науки. Въ этомъ отношеніи заслуга школы родоваго быта въ русской исторіографіи несомнѣнна» (стр. 39). Благодаря ей введена въ объясненіе явленій русской исторической жизни идея развитія, смѣна одного общественнаго состоянія другимъ.

Не прекращалась и ученая историческая производительность Погодина, не смотря на его ожесточенную полемику то съ западниками, то съ учеными школы родоваго быта. Такъ, лѣтомъ 1846 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ три первыхъ тома своихъ *Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской исторіи*. Первый томъ посвященъ источникамъ древнѣйшей русской исторіи, преимущественно Несторовой лѣтописи. Въ составъ его вошло прежде напечатанное изслѣдованіе, къ которому присоединены замѣчанія о прочихъ источникахъ: Русской Правдѣ, церковныхъ уставахъ, сѣверныхъ сагахъ, также разборъ всѣхъ мнѣній о Несторовой лѣтописи, разборъ всѣхъ разсужденій скептической школы, объясненіе ея недоразумѣній и разрѣшеніе ея сомнѣній. Предметъ второго тома—происхожденіе Варяговъ—Руси. Здѣсь помѣщено первое разсужденіе Погодина объ этомъ предметѣ, исправленное и дополненное новыми открытіями и изслѣдованіями, сдѣланными въ продолженіе двадцати слѣдующихъ лѣтъ послѣ его перваго изданія. Къ этому тому Погодинъ присоединилъ свои лекціи о Словенахъ, въ которыхъ заключается краткое извлеченіе изъ *Словенскихъ Древностей* Шафарика, переведенныхъ Бодянскимъ, почти вездѣ собственными словами самаго автора. Третій томъ содержитъ изслѣдованія и замѣчанія о событіяхъ и явленіяхъ перваго періода русской исторіи, который Погодинъ называетъ *Варяжскимъ или Норманскимъ* (862—1054), съ объясненіемъ, по принадлежности, всѣхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи, и наконецъ «сравненіе нашего начала съ началомъ прочихъ западныхъ государствъ, гдѣ показали источники различія между ихъ послѣдующими исторіями, даже до настоящаго времени». Слѣдующія 4 т. выходили послѣдовательно съ 1850 г. по 1859 г. и посвящены удѣльному періоду. Здѣсь рѣчь идетъ прежде всего объ источникахъ удѣльнаго періода, о родахъ князей, о правѣ наследства велико-княжескаго, объ отношеніяхъ великаго князя къ прочимъ князьямъ, объ отношеніяхъ ихъ между собою, междусобныхъ войнахъ князей и ихъ сношеніяхъ, о внутреннемъ устройствѣ—о князѣ, дружи,

нѣ, боярахъ и отрокахъ, купцахъ и торговлѣ, землѣ, народѣ и вѣщахъ, духовенствѣ и образованіи, образѣ жизни и характерѣ и пр. Всего предполагалось 9 томовъ. Всѣ они вмѣстѣ должны были представлять собою ученое основаніе для *Древней русской исторіи до монгольскаго ига*, вышедшей въ 1872 г., вскорѣ послѣ его юбилея. По сознанію такихъ компетентныхъ судей, какъ К. Н. Бестужевъ—Рюминъ, «*Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи по русской исторіи*» Погодина могутъ служить драгоценнымъ руководствомъ для занимающагося исторіей дотатарской, и нельзя не пожалѣть о томъ, что начатый имъ хронологическій указатель событій, который долженъ былъ войти въ это собраніе, остался не оконченнымъ... Не смотря на отрывочность изложенія, на сомнительность нѣкоторыхъ результатовъ, на то, что иногда, приводя свидетельства летописи, авторъ какъ-то прихотливо разрываетъ одно и тоже мѣсто на нѣсколько рубрикъ, что лишаетъ его настоящаго значенія и т. п., все таки многіе учились и будутъ еще учиться по этой книгѣ» (Др. и Нов. Рос. 1876 г. № 2, стр. 156).

Въ 1846 г. Погодинъ выпустилъ въ свѣтъ и другой сборникъ статей: «*Историко—Критическіе отрывки*», 2 томъ котораго вышелъ въ 1867 г., слишкомъ черезъ 20 л. Въ предисловіи къ 1 т. авторъ заявилъ: «предлагаю публикѣ собраніе моихъ разсужденій о разныхъ предметахъ русской исторіи, разсѣянныхъ по журналамъ, въ томъ видѣ, какъ они первоначально были напечатаны. Я заблагодарасудилъ присоединить къ нимъ изъ выходящихъ теперь полныхъ моихъ изслѣдованій два разсужденія о формациі государства и параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ государствъ, касательно начала, потому что они, заключаая выводы, могутъ быть любопытными для большинства публики». На этихъ послѣднихъ двухъ статьяхъ мы остановимся ниже, когда будетъ рѣчь о историческихъ и политическихъ воззрѣніяхъ Погодина. Въ томъ же сборникѣ обращаютъ на себя вниманіе статьи: о древней русской аристократіи, о Мосошковѣ и др. Кроме того, масса историческихъ статей и замѣтокъ напечатана была Погодинымъ въ издаваемомъ имъ «Москвитянинѣ», какъ и въ другихъ изданіяхъ, напр. объ Ермоловѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», о Сперанскомъ въ «Русскомъ Архивѣ». Какъ необходимъ «Москвитянинъ» для историка, по массѣ заключающагося тамъ историческаго матеріала, показываетъ указатель этого матеріала, составленный П. И. Бартевымъ. Особен-

ную цѣнность К. Н. Бестужевъ—Рюминъ придавалъ путевымъ замѣткамъ Погодина, исколесившаго Россію изъ конца въ конецъ, отъ Вологды до Астрахани, отъ Петербурга до Крыма и Кавказа. На юбилейномъ обѣдѣ 1871 г., обращаясь къ Погодину, К. Н. между прочимъ говорилъ: «Ища повсюду живаго начала, вы не ограничили вашихъ занятій одними лѣтописями и грамотами, вы хотѣли видѣть и теперешнюю жизнь, провѣрить прошедшее настоящимъ. Съ этими цѣлями вы объѣхали почти всю Россію, и собраніе вашихъ путевыхъ замѣтокъ представитъ историку много указаній и много предостереженій: указаній на то, что живетъ въ народѣ, но нигдѣ не записано, или записано, да никому неизвѣстно,—предостереженій отъ увлеченій предвзятыми теоріями. Много рукописей собрали вы въ этихъ поѣздкахъ для вашего Древлехранилища, но наблюденія, собранныя во время этихъ поѣздокъ, могли быть дорожке самыхъ рукописей. Быть можетъ, не разъ результаты путевыхъ наблюденій не сходились съ результатами вашихъ кабинетныхъ занятій; что же изъ того? Вы указали и то, и другое. Какъ часто въ вашихъ замѣткахъ вы ставите только вопросъ, и этотъ вопросъ, сдается мнѣ, въ иныхъ случаяхъ важнѣе даже отвѣта; отвѣтовъ на досугъ можно писать много, а попасть на вопросъ не всегда бываетъ легко. Да, ваши путешествія по Россіи и результаты ихъ, путевыя замѣтки—важная услуга передъ наукою» (Пятидесятилѣтіе, 65).

Свои собственныя основныя историческія воззрѣнія Погодинъ весьма опредѣленно высказалъ въ трехъ замѣчательныхъ статьяхъ, напечатанныхъ имъ въ сборникѣ статей—«Историко—критическіе отрывки» (1846 г., т. 1): 1, «Взглядъ на Русскую Исторію»; 2, «Параллель Русской исторіи съ исторіею западно-европейскихъ государствъ» и 3, «За Русскую Старину». Первая статья было собственно вступительной лекціей при открытіи курса русской исторіи въ сентябрѣ 1832 г., прочитанной въ присутствіи товарища министра народнаго просвѣщенія графа Уварова. Послѣ вступительныхъ замѣчаній, профессоръ предложилъ взглянуть на Россію «въ настоящую минуту ея бытія» и продолжалъ: «Занимая такое пространство, какого не занимала на одна монархія въ свѣтѣ, ни Македонская, ни Римская, ни Аравійская, ни Франкская, ни Монгольская, она зазелена преимущественно племенами, которыя говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ слѣдов. одинъ образъ мыслей, исповѣдуютъ

одну Вѣру, и, какъ кольца электрической цѣпи, потрясаются внезапно отъ одинаго прикосновенія, между тѣмъ какъ всѣ предшествовавшія состояли изъ племенъ разноразличныхъ, которыя не понимали, ненавидѣли другъ друга, и были соединяемы временно механически, силою оружія, или другими слабѣйшими связями, подъ вліяніемъ одного какого-нибудь могущественнаго генія. Даже нынѣшнія Европейскія государства въ малыхъ своихъ размѣрахъ не могутъ представить такой цѣлости, и занимаютъ несравненно меньшее пространство, состоятъ изъ гораздо большаго количества разнородныхъ частей».

«А сколько единоплеменныхъ намъ народовъ обитаетъ въ средней Европѣ даже до Рейна и Адриатическаго моря, народовъ, которые составляютъ съ нами одно живое цѣлое, которые соединены съ нами неразрывными узами крови и языка, узами крѣпчайшими всѣхъ прочихъ географическихъ и политическихъ соединеній, въ чемъ соглашаются дальновиднѣйшіе изъ нашихъ противниковъ»....

Затѣмъ Погодинъ приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса: «Какъ сложился этотъ колоссъ, стоящій на двухъ полушаріяхъ? Какъ сосредоточились, какъ сохраняются въ одной рукѣ всѣ сіи силы, коимъ ничто, кажется, противостоять не можетъ»? При разсмотрѣніи этого вопроса профессоръ прежде всего останавливается на томъ фактѣ, что къ намъ пришли Варяги не какъ побѣдители, но какъ *добровольно избранные*, и въ этомъ онъ находитъ «первое существенное отличіе въ зреніи, сѣмени Русскаго Государства, сравнительно съ прочими Европейскими. Далѣе—всѣ Европейскія государства, бывъ основаны на развалинахъ Западной Римской имперіи, озаряются изъ Рима свѣтомъ христіанской религіи; мы одно, по какому-то нечаянному случаю, получаемъ ее изъ *Константинополя*, какъ бы предназначенные сохранить и развить особливую сторону Вѣры, только что раздѣлившейся тогда; и у насъ также, какъ въ Греціи, духовенство подчиняется государямъ, между тѣмъ какъ на Западѣ оно вяжетъ и рѣшитъ ихъ».

Продолжая далѣе сравненіе Россіи съ Европою, Погодинъ замѣчаетъ: „Слѣдствіе Крестовыхъ походовъ въ политическомъ отношеніи, т. е. усиленіе монархической власти, было произведено у насъ *Монгольскимъ игомъ*, а Реформацію въ умственномъ отношеніи замѣнилъ намъ, можетъ быть, *Петръ*. Всѣ государства, всѣ народы древніе и новые получали

первоначальное образованіе отъ иностранныхъ: Персы отъ Мидянъ, Египтяне отъ Ефіоплянъ, Ефіопяне отъ Индѣйцевъ, Греки отъ Египтянъ, Римляне отъ Грековъ и пр.; а въ Русской Исторіи какинъ удивительнымъ, страннымъ путемъ шло это образованіе! Припомнимъ нашествіе Нормановъ, Монголовъ, Поляковъ и самихъ Французовъ, эпохи нашего образованія, умственного и гражданскаго“.

«Словомъ сказать, вся исторія наша до малѣйшихъ общихъ подробностей представляетъ совершенно иное зрѣлище: у насъ не было укрѣпленныхъ замковъ, наши города основаны другимъ образомъ, наши сословія произошли не такъ, какъ прочія Европейскія. Доступность правъ, явное раздора между сословіями въ древнемъ и новомъ мірѣ, существуетъ у насъ искони: простолюдину открыть путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и университетскій дипломъ замѣняетъ собою всѣ привилегіи и грамоты, чего нѣтъ въ государствахъ, наиболѣе славящихся своимъ просвѣщеніемъ, степицкъ якобы на высней степени образованія. Необыкновенное явленіе, которому подобнаго напрасно будете вы искать во всей древней и новой исторіи, которое не удивляетъ насъ потому только, что мы слишкомъ къ нему привыкли. Такихъ явленій вполнѣ исполнена наша исторія. Кто сожмгаетъ у насъ Разрядныя Книги и уничтожаетъ мѣстничество, основанное также на заслугахъ? Неразъяренная чернь Бастильская въ минуту звѣрскаго неистовства, ни Гракхъ, ни Мирабо, ни Руссо, а чиновный бояринъ, спокойно, на площади, предъ лицомъ всѣхъ сословій, по повелѣнію самодержавнаго государя Теодора Алексѣевича. Кто доставляетъ намъ средство учиться, понимать себя, чувствовать человѣческое свое достоинство? *Правительство*. Петръ Великій насильно даетъ намъ мірскія книги въ руки, представляетъ примѣръ собою, и тридцать лѣтъ держитъ надъ нами свою мощную десницу, опасаясь, чтобы мы не возвратились въ прежній свой заповѣднй кругъ. Карамзину въ Россіи отъ государя до послѣдняго мѣщанина, умѣющаго читать, всѣ приносили должную дань почтенія; а какъ принимали Гиббона Лондонскіе вельможи, о чемъ онъ съ огорченіемъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ? Байронъ не столько славился своего поэзією, сколько родствомъ съ Норманскими рыцарями; а наши умнѣйшіе государственные люди, напротивъ, ищутъ славы писателя. Всѣ сіи явленія не безъ историческаго основанія».

„Наше дворянство не феодальнаго происхожденія, а собравшееся въ позднѣйшее время съ разныхъ сторонъ, какъ бы для того, чтобы пополнить недостаточное число первыхъ Варяжскихъ пришельцевъ, изъ Орды, изъ Крыма, изъ Пруссіи, изъ Италіи, изъ Литвы, не можетъ имѣть той гордости, какая течетъ въ жилахъ Испанскихъ грандовъ, Англійскихъ лордовъ, Французскихъ маркизовъ и Нѣмецкихъ бароновъ, называющихъ насъ варварами. Оно почтеннѣе и благороднѣе всѣхъ дворянствъ Европейскихъ въ настоящемъ значеніи этого слова; ибо приобрѣло свои отличія *службою* отечеству».

Въ заключеніе своей лекціи профессоръ сказалъ: „Россійская Исторія—это мы сами, наша плоть и кровь, зародышъ нашихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, которыя постепенно развиваясь отъ самаго грубаго начала, наконецъ получили въ насъ настоящую степень своей зрѣлости. Изучая исторію, мы изучаемъ самихъ себя, достигаемъ до своего самопознанія, высшей точки народнаго и личнаго образованія. Это *книга бытія нашего*“..... (Ист.—Крит. отрывки. 1, 1—18).

Во второй своей статьѣ Погодинъ также доказываетъ, что западныя европейскія государства обязаны происхожденіемъ своимъ *завоеванію*, которое опредѣлило и всю послѣдующую ихъ исторію, даже до настоящаго времени. «Въ наше время», пишетъ онъ,—низшіе классы, вслѣдъ за среднимъ, являются на сцену, и точно какъ въ революціи среднее сословіе боролось съ высшимъ, такъ теперь низшее готовится на западѣ къ борьбѣ съ среднимъ и высшимъ вмѣстѣ. Предтечей этой борьбы уже мы видимъ: сенъ—симонисты, социалисты, коммунисты соотвѣствуютъ энциклопедистамъ, представившимъ прологъ къ Французской революціи“. Все это, по замѣчанію Погодина, „составляетъ одну цѣпь и ведетъ свой родъ... отъ завоеванія, т. е., отъ начала западныхъ государствъ. Завоеваніе, раздѣленіе, феодализмъ, города съ среднимъ сословіемъ, ненависть, борьба, освобожденіе городовъ—это первая трагедія Европейской трилогіи. Единодержавіе, аристократія, борьба средняго сословія, революція—это вторая. Уложенія, борьба средняго сословія...—будущее въ руцѣ Божіей“. Обращаясь къ русской исторіи, Погодинъ съ восторгомъ замѣчаетъ, что у насъ въ началѣ ея нѣтъ рѣшительно ни одного изъ характеристическихъ явленій западныхъ исторій, «нѣтъ ни раздѣленія, ни феодализма, ни убѣжищныхъ городовъ, ни средняго сословія, ни рабства, ни нена-

висти, ни гордости, ни борьбы». На вопросъ: «Отчего такое различіе? Погодинъ отвѣчаетъ: «На Западѣ все произошло *отъ завоеванія*, такъ у насъ все происходитъ отъ *призванія*, безпрекословнаго занятія и любовной сдѣлки». Изъ этого основнаго различія выводитъ онъ цѣлый рядъ послѣдующихъ различій между общественностью и ходомъ исторіи въ западной Европѣ и Россіи.

Политическія и историческія воззрѣнія Погодина еще полнѣе и рельефнѣе выражены въ статьѣ «*За Русскую Старину*», помѣщенной въ «Москвитяникѣ» за 1845 г. Статья эта была вызвана статьей редактора Московскихъ Вѣдомостей Е. Θ. Корша о «*Бретани и ея жителей*», въ которой авторъ, воздавая хвалу западнымъ хроникамъ среднихъ вѣковъ, разсудилъ почему—то бросить тѣнь на наши, и какъ будто съ состраданіемъ заявилъ, что «средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него». Въ противоположность такому голословному мнѣнію Погодинъ доказываетъ, что «средній вѣкъ у насъ былъ, какъ и въ западной Европѣ, но только подъ другою формою; тотъ же процессъ у насъ совершался, какъ и тамъ; тѣ же задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ приѣмовъ; тѣ же цѣли достигались, только другими путями. Это различіе и составляетъ собственно занимательность, важность русской исторіи для мыслящаго европейскаго историка и философа. И у насъ было введено христіанство, только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечемъ; и мы начали молиться единому Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, а не перелецетывая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, но духовное, а не мірское; и мы преклонились предъ нимъ, но предъ его словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было также раздѣленіе, междоусобная война, централизація, единодержавіе. У насъ не было, правда, рабства, не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго тиранства; за то было значительное самоуправленіе, патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка. Однимъ словомъ, въ Среднемъ Вѣкѣ было у насъ то, о чемъ такъ старался Западъ уже въ новомъ, не успѣлъ еще въ новѣйшемъ, и едва ли можетъ успѣть въ будущемъ. Мы явили свои добродѣтели и свои пороки, мы совершили свои подвиги, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать на своихъ

великихъ людей... У насъ, разумѣется, не было Парижа, но была Москва; у насъ не было Тоуэра, но былъ Кремль; у насъ не было западнаго средняго вѣка, но былъ восточный, Русскій...

„Петръ Великій, по необходимости, вслѣдствіе естественныхъ географическихъ отношеній Россіи къ Европѣ, долженъ былъ остановить народное развитіе и дать ему на время другое направленіе. Кто изъ насъ не воздастъ должной чести этому необыкновенному генію, кто не удивляется его непримѣрнымъ трудамъ, кто не оцѣняетъ его спасительныхъ подвиговъ, кто, наконецъ, не благовѣстъ предъ его любовью къ отечеству?

«Но прошло уже слишкомъ сто лѣтъ, какъ онъ скончался, и полтора столѣтія, какъ онъ началъ дѣйствовать, а новое время идетъ быстрѣе древняго. Періодъ Петровъ окончивается: главнѣйшія дѣла его довершены, первая задача его рѣшена, ближайшая цѣль его достигнута, то есть: сѣверные враги наши смиренны. Россія заняла почетное мѣсто въ политической системѣ государствъ европейскихъ, приняла въ свои руки европейское оружіе и привыкла обращаться оное съ достаточною ловкостью, можетъ по усмотрѣнію употреблять всѣ европейскія средства и пособія для дальнѣйшаго развитія своей собственной, на время замиравшей, жизни, во всѣхъ ея отрасляхъ.

«Занимается заря новой эры: русскіе начинаютъ припоминать себя и уразумѣвать требованія своего времени; для избранныхъ становится тяжкимъ иностранное иго, умственное и ученое; они убѣждаются, что, сложившись подъ онымъ, они не могутъ произвести ничего самобытнаго, что чужеземная обмана не принимаются, не пускаютъ корней, или производятъ одинъ *пустоцветъ*; они убѣждаются, что для собранія собственной богатой жатвы нельзя поступать пока иначе, какъ *воздѣлывать свою землю*, т. е. разрабатывать свой языкъ, углубляться въ свою исторію, изучать характеръ, преникать духъ своего народа, во всѣхъ сокровенныхъ тайникахъ его сердца, на всѣхъ горнихъ высотахъ его души, однимъ словомъ *познавать самихъ себя*. Они убѣждаются, что настало время испытывать свои силы, и блестящій успѣхъ вознаграждаетъ нѣкоторыя усилія!

«Время безусловнаго поклоненія Западу миновалось, развѣ отъ людей западныхъ, которые не успѣли еще доучить стараго курса,

между тѣмъ какъ начался уже новый. Имъ можно посовѣтовать, чтобы они постарались догнать уходящихъ и стать наравнѣ съ своимъ вѣкомъ, въ чувствахъ уваженія къ самобытности, слѣдов. — своенародности, и слѣдовательно — старины».

«Только такимъ образомъ... можемъ мы исполнить ожиданія самой Европы, ожиданія всѣхъ друзей общаго блага; только такимъ образомъ можемъ мы исполнить свои человѣческія обязанности. Мы должны явиться на Европейской сценѣ,—стану употреблять ихъ любимыя выраженія,—свообразными *индивидуумами*, а не безжизненными автоматами; мы должны показать тамъ свои лица, а не мертвенные дагеротипы какихъ—то за-падныхъ идеаловъ. Своимъ голосомъ должны мы произнести наше имя, своимъ языкомъ должны мы сказать наше дѣло, а не на чуждомъ жаргонѣ, переводя изъ Нѣмецкаго компендіума и французской хрестоматіи; наконецъ, посредствомъ своихъ мотивовъ мы должны выразить нашъ *насосъ*: иначе насъ не приметъ наша старшая братія; съ презрѣніемъ, или много—много съ состраданіемъ, они отвратятъ взоры отъ жалкихъ подражателей, которые тѣмъ несчастнѣе, чѣмъ кажутся себѣ счастливѣе. Въ гармоніи не допускаются отголоски, даже самые вѣрные, не только *фальшивые*, а одни самобытные звуки»...

«На насъ разносятъ клевету, будто мы не уважаемъ Запада. Нѣтъ, мы не уступимъ нашимъ противникамъ въ этомъ чувствѣ уваженія; мы изучали Западъ, по крайней мѣры не менѣе ихъ; мы свято чтимъ тяжелые опыты, перенесенные имъ для общаго блага; мы питаемъ глубокую благодарность за спасительныя указанія, которыя сдѣлалъ онъ своимъ собратіямъ, мы сочувствуемъ всему прекрасному, высокому, чистому, гдѣ бы оно ни проявлялось—на Западѣ и Востокѣ, Сѣверѣ и Югѣ; но мы утверждаемъ, что старыхъ опытовъ повторять ненужно, что указаніями пользоваться должно, что не все чужое прекрасно, что время оказало на Западѣ многіе существенные недостатки, что, наконецъ, мы должны имѣть собственный взглядъ на вещи, а не смотрѣть по прежнему глазами Французовъ, Англичанъ, Италіанцевъ, Пруссаковъ, Австрійцевъ, Баварцевъ, Венгерцевъ и Турокъ»...

«Напрасно взводятъ на насъ клевету, будто мы поклоняемся нечестиво неподвижной старинѣ. Нѣтъ, *неподвижность* старины намъ *противна* столько же, какъ и безсмысленное *шатианье* новизны. Нѣтъ, не

неподвижность, а вѣчное начало, Русскій духъ, вѣющій намъ изъ за-вѣтныхъ нѣдръ этой старины, мы чтимъ богобоязненно и усердно молимся, чтобы онъ никогда не покидалъ святой Руси, ибо только на этомъ краеугольномъ камнѣ она могла стоять прежде и пройти всѣ опасности, поддерживается теперь, и будетъ стоять долго, если Богу угодно ея бытіе. Старина драгоцѣнна намъ, какъ родимая почва, которая упитана, не скажу кровію,—кровію упитана западная земля,—но слезами нашихъ предковъ, перетерпѣвшихъ и Варяговъ, и Татаръ, и Литву, и жестокости Іоанна Грознаго, и революцію Петра Великаго, и нашествіе двадцати языкъ и навожденіе легионовъ духовъ, въ сладкой, можетъ быть, надеждѣ, что отдаленные потомки вкусятъ отъ плѣда ихъ трудной жизни, а мы, несмысленные, мы хотимъ только плясать на ихъ священныхъ могилахъ, радуемся всякому пустому поводу, ищемъ всякаго предлога, даже несправедливаго, наругать на ихъ память, забывая пригѣры нечестиваго Хама, пораженнаго на вѣки вѣковъ, въ лицѣ всего потомства, за свое легкомысліе». Москвитини 1845 г. и «Историко—Критическіе отрывки», М., 1846 г., т. 1, стр. 439—445)

Таковы историко—политическія воззрѣнія Погодина, рѣзко отличающіяся какъ отъ воззрѣній ученыхъ школы родоваго быта, такъ и отъ воззрѣній западниковъ. Съ болѣе частной, національной точки зрѣнія, за своимъ историческія воззрѣнія онъ можетъ быть причисленъ къ той партіи, которая составляла какъ бы фракцію славянофильства и именовалась позднѣе «почвенниками», такъ какъ главный ихъ доводъ тотъ, что высшіе классы оторвались отъ народной почвы и что имъ слѣдуетъ къ ней вернуться. Къ этой партіи причисляются, кромѣ Погодина и Шевырева, еще критикъ Аполлонъ Григорьевъ и критикъ и философъ Страховъ.

Въ заключеніе не могу не напомнить весьма мѣткой характеристики Погодина, какъ историка, сдѣланной проф. Е. Шмурло въ его книгѣ: „Петръ Вел. въ русской литературѣ. Опытъ историко—библіографическаго обзора“. Спб. 1889 г. Здѣсь на стр. 129—130 онъ говоритъ: «Вышедшій изъ среды простаго народа, человекъ, въ сердцѣ котораго всегда былъ отзвукъ для русскаго и національнаго, съ чуткою душою, отзывчивый, умѣвшій тепло отнести къ изучаемымъ явленіямъ, Погодинъ, можетъ быть, и не всегда удовлетворялъ строгимъ требованіямъ науки, но за то всегда умѣлъ въ исторіи подмѣтить человека, а не одни только

его дѣйствія. Поэтому чѣмъ-то согрѣвающимъ вѣетъ отъ его сочиненій. Они, если можно такъ выразиться, душевно написаны. Я думаю, что эти же свойства ума и сердца мѣшали ему пристать къ какому-либо опредѣленному направленію, или создать свою школу. Живя и дѣйствуя въ разгарѣ двухъ направленій, онъ не присталъ ни къ одному изъ нихъ; въ немъ и западнаго много, и славянофильскаго; на ряду съ Соловьевымъ онъ горячо станетъ ратовать за Петра, но рѣзко разойдется съ нимъ изъ за Грознаго; за одно съ славянофилами онъ готовъ преломить литературное копье за Минина, Сусанина и Скопина, но въ «петербургскомъ періодѣ» не увидитъ ничего спеціально-петербургскаго. И это отнюдь не безпринципность: у Погодина есть свои твердые взгляды; но его ли вина, если ихъ нельзя приурочить ни къ какой изъ существующихъ школъ? Я позволилъ бы себѣ сказать, что онъ видитъ дальше каждой любой школы, при чемъ, конечно, черты этой послѣдней не всегда вполне ему понятны и усвоены».... Не даромъ, значить, нѣкоторые изъ почитателей Погодина называли его „прозорливцемъ русской мысли и древней русской и славянской были», и вѣрили въ его продуманное и прочувствованное вѣщее слово. Не даромъ, значить, на его 50-лѣтнемъ юбилеѣ ученой дѣятельности приняли участіе не только всѣ сословія русской земли, отъ Министровъ и государственныхъ людей до хоругвеносцевъ Московскихъ соборовъ, но и представители умственной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, отъ разныхъ «Матиць», славянскихъ писателей, сербскаго митрополита и пр.

712443

Ив. Турцевичъ.

ORBIS IN URBE.

**Центры и общества земляковъ и иновър-
цевъ въ императорскомъ Римѣ**

· I—III вѣковъ.

Н Ъ Ж И Н Ъ,
Типо-Литографія М. В. Глезера, соб. д.
1902.

Печатаю по постановленію Историко-филологическаго Общества, при Институтѣ
кн. Безбородко. Предсѣдатель Общества *М. Бережковъ*.

В В Е Д Е Н І Е.

Городъ Римъ въ первые вѣка имперіи.

Prima urbes inter, divum domus, aurea Roma.

Авзоній.

„ἐν ἑκαίῳ τῇ πόλει ἢ τῆς βασιλείας ἴδονται τύχη“.

Геродіанъ.

Первые три вѣка имперіи были для города Рима послѣднимъ выдающимся періодомъ его жизни въ древности. Это было еще время официальнаго и безраздѣльнаго господства язычества. Въ эти вѣка Римъ весьма разросся, достигъ наибольшаго объема и блеска, тогда возведено было въ немъ множество выдающихся общественныхъ зданій и памятниковъ—послѣ Константина Великаго строительная дѣятельность императоровъ въ Римѣ почти прекращается и вообще въ Римѣ послѣ этого уже не построено было ничего выдающагося; въ эти вѣка укрѣплены были за Римомъ эпитеты: «царствующій», «державный», «вѣчный», «золотой», «священный», и мы знаемъ болѣе Римъ времени имперіи, особенно Римъ первыхъ трехъ вѣковъ ея.

Судьбы города Рима въ эти вѣка зависѣли исключительно отъ правительства, главнымъ образомъ отъ императора; а нѣкоторое специальное отношеніе государственной власти къ городу Риму обуславливалось своеобразнымъ положеніемъ и значеніемъ въ государствѣ, политическою и административною ролью этого города въ теченіе этихъ вѣковъ, что въ свою очередь было слѣдствіемъ предшествующей исторіи этого города-государства.

Римъ былъ въ первые вѣка имперіи не только обычною резиденціею императоровъ, но по прежнему еще чѣмъ-то болѣе,—державнымъ, царствующимъ городомъ; онъ считался господствующимъ надъ міромъ, *orbis Romanus, οἰκουμένη*. Таково было въ это время обычное представление о Римѣ, выраженіе котораго находимъ часто какъ въ официальныхъ документахъ, такъ и у писателей¹⁾.

Довольно часто у авторовъ и въ надписяхъ времени имперіи встрѣчаются эпитеты Рима *ἡγεμονίς, ἡγεμονεύουσα* и въ особенности *βασίλις* и *βασιλεύουσα* (именно при *Ῥώμῃ* или *πόλις*), значительно рѣже—почти только у поэтовъ—соотвѣтствующіе имъ по значенію Латинскіе эпитеты *domina* и *regina*²⁾.

¹⁾ Діонисій Галик. *De orat. ant.*, 3: *ἡ πάντων κρατοῦσα Ῥώμη πρὸς ἑαυτὴν ἀναγκάζουσα τὰς ὅλας πόλεις ἀποβλέπειν*. Элій-Аристидъ говорилъ при Антонинѣ III Грекамъ на сеймѣ провинціи Азіи (ог. XXIII, Keil § 62): *ἀλλὰ μὴν τὰ γε νυνὶ πράγματα καὶ τὸν καθεστηκότα ἀγαθῆ τύχῃ θεομὸν τίς οὕτω παῖς ἢ πρεσβύτης ἔξω τοῦ φρονεῖν, ὅστις οὐκ οἶδεν ὅτι μία μὲν πόλις ἡ πρώτη καὶ μεγίστη πᾶσαν ὑφ' ἑαυτῆ τὴν γῆν ἔχει, εἰς δὲ οἶκος ἅπαντα ἤξηγεῖται, ἡγεμόνες δ' ἡμῖν ἐκ νόμου φαιτῶσι καθ' ἕκαστον ἔτος*. Это-же представленіе нашло себѣ характерное выраженіе въ панегирикѣ Риму того-же Аристида, произнесенномъ въ Римѣ; Ар. обращается къ жителямъ Рима, восхваляетъ городъ Римъ и строй Римскаго государства, при чемъ говоритъ м. пр. и объ императорѣ. М. пр. въ этомъ панегирикѣ онъ говоритъ о Римѣ: *ὅπερ δὲ πόλις τοῖς αὐτῆς ὀρίοις καὶ χώραις ἐστίν, τοῦθ' ἦδε ἡ πόλις τῆ πάσῃ οἰκουμένῃ, ὡσπερ αὐτῆς [χώρας] ἄστυ κοινὸν ἀποδεδειγμένη φαίης ἄν περιόικους ἅπαντας ἢ κατὰ δῆμον οἰκοῦντας [ἄλλους] ἄλλον χῶρον εἰς μίαν ταύτην ἀκρόπολιν συνέρχεσθαι*. Арнобій *Adv. nationes*, VII, 50 говоритъ о *regius principatus* города Рима, онъ-же называетъ Римскій народъ *populus regnator*. Преллеръ, *Röm. Mythol.* II³, 355, говоритъ объ изображеніяхъ *deae Romae*: *Das gewöhnliche Bild der Roma war... das einer matronalen Glücksgöttin und Herrscherin über viele Städte nach Art der Magna Mater*. Срв. прим. на слѣд. страницѣ.

²⁾ Странно, что Фридендеръ, *Sittengeschichte Roms*, I, въ экскурсѣ: *Roma aurea aeterna sacra*, ничего не говоритъ о *domina, regina, ἡγεμονίς, βασίλις* и т. под.; только въ послѣднемъ—полномъ—изданіи этого тома онъ привелъ одно мѣсто, гдѣ Римъ названъ *βασίλις* (Діонъ-К., LXXV, 4);

Эпитеты *regina* и *βασιλίς* или *βασιλεύουσα* употреблялись въ пере-
межку съ *domina*, *ἡγεμονίς* (*ἡγεμονεύουσα*)¹⁾ и, конечно, въ одномъ и томъ-
же значеніи. Что эпитеты *βασιλίς* и *βασιλεύουσα* обозначали Рому, какъ
владычицу міра или городовъ, это видно м. пр. и изъ прямыхъ поясненій
древнихъ писателей. Эти-же эпитеты приданы были и Константинополю,
и въ томъ-же смыслѣ, какъ и первому Риму²⁾.

Державный Римъ былъ въ то-же время общимъ городомъ для всѣхъ
Римскихъ гражданъ.

Римское гражданство при императорахъ все увеличивалось отъ
включенія въ него множества peregrinorumъ, пока наконецъ въ III вѣкѣ

между тѣмъ такихъ мѣстъ очень много. Объ этихъ и другихъ эпитетахъ
Рима въ древности мы будемъ говорить обстоятельно во введеніи къ
сдѣланному нами Русскому переводу панегирика Риму Элія-Аристида;
переводъ этотъ надѣмся напечатать въ ближайшемъ будущемъ.

1) *Regina* u *domina* вмѣстѣ напр. у Фронтинна, *De aquis urbis Romae*,
I, 88: *sentit hanc curam* (о водоснабженіи Рима) *imperatoris piissimi*
Nervae principis sui regina et domina orbis in dies.

2) У Θεμιστία, *or. III*, *Dind.* стр. 50 читаемъ: ἐν τῇ βασιλευούσῃ τῶν
πόλεων (въ Римѣ) ἀναδεί τὸν βασιλεύσαντα (*sic*) τῶν ἀνθρώπων (импе-
ратора, къ которому обращается съ рѣчью ораторъ) ἢ τὰ δευτέρα δι' ὑμᾶς
βασιλεύουσα (Константинополь). Въ *or. I*. онъ называетъ Римъ *βασιλεύουσα*
τῶν πάντων πόλις и *or. XXIII* говоритъ о Римѣ и К-полѣ: ἢ μὲν τῶν
μὲν ἄλλων πόλεων βασιλεύει, τῇ δὲ ὑμετέρα συμβασιλεύει. Срв. у имп.
Юліана, въ *Convivium*, слова о Римѣ Юлія-Цезаря. Намаціанъ, *De redivit*,
47, называетъ Римъ *regina pulcherrima mundi*. Въ IV вѣкѣ эти эпитеты
Рима становились все болѣе и болѣе почти только политическими и
поэтическими реминисценціями. Аммианъ-Марцелинъ XIV, 50 (*Eyssen-*
hardt) говоритъ о Римѣ: *urbs venerabilis post efferatarum gentium cer-*
vices oppressas latasque leges fundamenta libertatis et retinacula velut
frugi parens et prudens et dives Caesaribus tamquam liberis suis regenda
patrimonii iura permisit et olim licet otiosae sint tribus pacataeque cen-
turiae et nulla suffragiorum certamina, set Pompiliani redierit securitas
temporis, per omnes tamen quotquot sunt partes terrarum ut domina
suspicitur et regina et ubique patrum reverenda cum auctoritate canities
populique Romani nomen circumspectum et verecundum.

въ него не вошло почти все свободное населеніе имперіи,¹⁾ orbis in urbem.

Римскіе граждане внѣ Рима, въ Итадіи и провинціяхъ, образовали много отдѣльныхъ *populi*, городовъ, именно муниципій и колоній, но ихъ общимъ городомъ, идеальной *patria communis* былъ и считался Римъ. Колоніи и муниципіи Римскихъ гражданъ, особенно первыя, представляли по своему устройству нѣкоторыя подобія Рима; у нихъ были напр. изображенія Римской волчицы и даже свои Капитоліи. Но настоящей Капитолій, на которой подымались триумфаторы, съ существованіемъ котораго, по вѣрованію Римлянъ, связано было существованіе ихъ государства, былъ одинъ—въ Римѣ; а храмовъ Римской Весты и ея огня въ этихъ городахъ Римскихъ гражданъ, что очень знаменательно и характерно, сколько мы знаемъ, и совсѣмъ никогда не было; для всего Римскаго гражданства была одна Веста съ ея вѣчнымъ огнемъ и палладіумомъ въ Римѣ, только тамъ были ея храмъ или храмы (у главнаго форума и на Палатинѣ) и другія *pignora imperii*.

Римскіе граждане представляли высшую правовую категорію въ народонаселеніи имперіи; они осуществляли властвованіе ихъ общаго державнаго города и наиболѣе пользовались плодами его. Только Римскіе граждане могли служить въ легионахъ и въ преторіанской гвардіи и т. п.; только они могли занимать государственныя должности. Для полученія послѣднихъ однако не достаточно было простого права гражданства, а требовалась принадлежность къ одному изъ высшихъ сословій государства; для полученія магистратуръ, которыя были должностями города Рима и государственными, необходимо было принадлежать къ сенаторскому сословию Рима, которое было какъ-бы прикрѣплено къ этому городу; и получались эти должности только въ Римѣ; назначеніе на нѣкоторыя должности прямо императоромъ тоже обусловливалось принадлежностью къ сенаторскому сословию и предварительнымъ прохожденіемъ извѣстныхъ магистратуръ. Самъ императоръ по правилу долженъ былъ быть изъ сенаторовъ и его власть тоже въ извѣстной мѣрѣ была связана съ городомъ Римомъ.

¹⁾ Имѣя въ виду такую политику Рима, Элій-Аристидъ, *or.* XXVII, Keil § 32, говоритъ о его *πολιτεία: μόνη... αὐτῆ πόλεωσιν μετέβαλε τὸν νόμον*. Намаціанъ, *De red.*, 66 говоритъ Риму: *Urbem fecisti, quod prius orbis erat.*

Вообще государственная власть и государственное право въ первые вѣка имперіи были еще въ значительной мѣрѣ связаны съ этимъ городомъ, были приурочены къ нему, хотя и менѣе, чѣмъ при республикѣ, и хотя они все болѣе эмансипировались отъ него. Когда въ концѣ III вѣка и въ IV вѣкѣ императоры намѣревались совсѣмъ порвать съ Римомъ, какъ *sedes imperii*, освободиться отъ него, то въ Римѣ говорили и писали по поводу этого вообще то-же, что говорили тамъ нѣкогда послѣ Галльскаго нашествія, когда явилась было мысль перенести городъ въ Вейи (Ливій, V, 32).

Въ первые вѣка имперіи требовалось еще—хоть, надо полагать, болѣе для формы—участіе народа въ нѣкоторыхъ государственныхъ актахъ, именно при выборахъ или *renuntiatio* властей (магистратовъ) и при избраніи императора. Народъ могъ принимать—такъ или иначе—въ этихъ актахъ участіе только въ Римѣ, и тамъ только въ извѣстныхъ, издавна для того назначенныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ на Марсовомъ Полѣ, *in vetere potestatis suae sede* (Плиній, *Raneg.*)¹⁾; народъ Римскій въ этихъ случаяхъ представляли Римскіе граждане, жившіе въ данное время въ городѣ Римѣ, главнымъ образомъ *plebs urbana XXXV tribuum*; они фигурировали, гдѣ было нужно, за все Римское гражданство имперіи²⁾. Къ этому народу или населенію Рима вообще императоры

¹⁾ Когда императ. Гонорій шестое свое консульство получилъ и вступилъ въ него въ Римѣ, то поэтъ Клавдіанъ находилъ (*De sexto cons. Honorii*), что этимъ и Риму и консульству возвращается ихъ *maiestas*, и пояснялъ эту мысль такъ (ed. Koch):

neque enim campus sollemnis et arna
Luditur in morem species nec dissona coetu
Aut peregrina nitet simulati iuris imago.
Indigenas habitus nativa palatia sumunt,
Et, patriis plebem castris sociante Quirino,
Mars Augusta sui renovat suffragia campi.

²⁾ Римскіе граждане города Рима дѣлились и при имперіи на трибы, именно на 35 трибъ; сохранялись также дѣленія на центуриі; и этимъ дѣленіямъ соотвѣтствовала нѣкоторая корпоративная организація. Обыкновенно, кажется, полагаютъ, это эти дѣленія и соотвѣтствовавшая имъ организація обнимали только *plebs urbana frumentaria*;

обращались съ рѣчами на *comitiones*, съ эдиктами, онъ имѣлъ привилегію обращаться *en masse* къ императорамъ на общественныхъ зрѣлищахъ съ разнаго рода просьбами и вообще выражать свои желанія, симпатіи и антипатіи. Вслѣдствіе такого значенія и исключительнаго положенія своего Римскіе граждане, жившіе въ Римѣ, въ наибольшей мѣрѣ пользовались особыми льготами, вниманіемъ и щедротами кесарей.

Гораздо болѣе существенное значеніе, чѣмъ народъ, имѣлъ въ государственной жизни первыхъ вѣковъ имперіи сенатъ Рима. Не только въ I—III вѣка, но даже позже онъ былъ болѣе, чѣмъ душой города. Въ интересующій насъ періодъ онъ избиралъ властей (магистратовъ)— правда, въ этомъ все болѣе и болѣе рѣшающее значеніе пріобрѣтало желаніе императора—, избиралъ и новаго императора или утверждалъ его избраніе, имѣлъ въ сущности законодательную власть, былъ одной изъ высшихъ инстанцій суда и публикаціонной инстанціей для императора; гдѣ бы ни находился императоръ, онъ непременно о многихъ своихъ официальныхъ актахъ и важныхъ государственныхъ дѣлахъ доводилъ посланіями до свѣдѣнія сената, и т. п.; вообще сенатъ такимъ образомъ былъ въ эти вѣка существеннымъ факторомъ государственной жизни, важнѣйшимъ *vestigium libertatis*. Этотъ сенатъ былъ и теперь, какъ прежде, при республикѣ, связанъ неразрывно съ городомъ Римомъ: онъ могъ засѣдать и постановлять рѣшенія только въ Римѣ и нигдѣ болѣе, и сенаторы должны были имѣть *domicilium* въ Римѣ.

Уже изъ сказаннаго видно, что и власть императорская была въ эти вѣка еще въ значительной мѣрѣ связана съ Римомъ. Хотя уже въ I вѣкѣ императоры иногда провозглашались и внѣ Рима, однако вполне

Герцогъ, напр., (*Röm. Staatsverfassung* II, стр. 932) говоритъ: Die in der Hauptstadt wohnenden zur plebs urbana gehörigen und zum unentgeltlichen Getreideempfang berechtigten römischen Bürger bilden in letzterer Beziehung ein Ganzes der fünf und dreissig Tribus, bei welchem je die zu einer Tribus gehörigen eine Art Kollegien bilden и пр. Вѣроятно же, кажется, что эти дѣленія обнимали всю plebs urbana и служили не для однихъ только frumentationes. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ было организовать только plebs frumentaria? зачѣмъ именно полное число трибъ Римскаго народа въ городѣ Римѣ? Зачѣмъ, далѣе, дѣленія на seniores и iuniores?

узаконить власть новаго императора могъ только сенатъ, или сенатъ и народъ. Власть императора, правда, отчасти уже эмансипировалась отъ Рима, императоръ былъ и въ Римѣ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ государства и генераль-проконсуломъ (*Mars togatus*, какъ его называетъ Марціалъ), съ другой стороны, онъ приѣмлялъ свою трибунскую власть вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, но все-же новое положеніе, которое уже выставляли въ эти вѣка, что де Римъ тамъ, гдѣ императоръ, не соответствовало вполне дѣйствительности. Императоръ могъ находиться и дѣйствовать въ предѣлахъ своей компетенціи, гдѣ было нужно или ему угодно; но сенатъ и народъ Римскій, отъ котораго, какъ мы видѣли, императоръ въ большей или меньшей мѣрѣ зависѣлъ, находился и могъ дѣйствовать формально только въ Римѣ. Нѣкоторые императоры по долгу жили внѣ Рима, но обыкновенно они жили въ Римѣ, во всякомъ случаѣ Римъ считался настоящею резиденціею императора¹⁾, императорская Веста была только на Палатинѣ, въ Римѣ, въ *patria Palatia*, какъ выражается поэтъ Клавдіанъ²⁾, въ Римѣ-же находились и усыпальницы императоровъ.

По этимъ причинамъ въ случаяхъ борьбы изъ-за верховной власти въ этотъ періодъ считалась весьма важнымъ обладаніе Римомъ, *erat grande momentum in nomine urbis ac praetexto senatus* (Тац. *Hist.*, I, 76), императоръ, провозглашенный въ провинціи, обыкновенно старался поскорѣе занять Римъ³⁾.

¹⁾ Гальскіе императоры III вѣка (Постумъ и др.), желавшіе въ то-же время быть Римскими императорами, по необходимости должны были имѣть свою особую резиденцію (Триръ) и особый сенатъ, но зато хоть на монетахъ своихъ они обыкновенно ставили: *Roma aeterna*.

²⁾ Жителямъ Рима было, конечно, весьма не по душѣ какъ основаніе Константинополя, такъ и то, что императоры Запада перестали постоянно жить въ Римѣ. Краснорѣчиво ихъ претензіи и грустныя жалобы выражаетъ Клавдіанъ; у него *Roma* (*De sexto consul. Non.*) говорить императору:

*Quem, precor, ad finem laribus seiuncta potestas
Exulat imperiumque suis a sedibus errat?
Cur mea, quae cunctis tribuere palatia nomen
Neglecto squalent senio?*

³⁾ У Геродіана, II, 10, 9, Септимій-Северъ говоритъ войску: *φδασορευ*

Таково было политическое значеніе города Рима въ первые вѣка имперіи; конечно, оно съ теченіемъ времени, особенно въ III вѣкѣ, все умалядось; однако даже тогда, когда Римъ престалъ быть центромъ всей имперіи и не былъ болѣе резиденціею даже императоровъ Запада, и тогда онъ не сталъ таки вполне такимъ-же городомъ, какъ другіе города имперіи: слишкомъ для этого было велико его прошлое¹⁾.

Съ установленіемъ имперіи роль сената и магистратовъ въ управленіи городомъ Римомъ все болѣе съуживалась²⁾ и всѣ главныя части этого управленія скоро перешли въ вѣдѣніе императора, за сенатомъ и и магистратами оставалось въ этой области немного. И это вполне

οὖν τὴν Ῥώμην προκαταλαβόντες, ἔνθα ἡ βασιλεία ἐστὶν ἐστία. У него-же, VIII, 7, импер. Максимъ говоритъ: οὐ γὰρ ἐνὸς ἀνδρὸς ἡ ἀρχή, ἀλλὰ κοινὸν τοῦ Ῥωμαίων δήμου ἄνωθεν, καὶ ἐν ἐκείνῃ τῇ πόλει ἡ τῆς βασιλείας ἰδρύεται τόχη.

¹⁾ Моммзѣнъ, *Ephemericis epigt.*, VIII, 297 высказалъ предположеніе, что уже при Септимиѣ-Северѣ Римъ сталъ *de iure* обыкновеннымъ городомъ (*imperante Severo non re solum, sed etiam iure publico urbs Roma desiderat populi Romani locum obtinere exaequata civitatibus reliquis*). Доводы Моммзѣна, приводимые имъ въ подкрѣпленіе этого предположенія, намъ кажутся слишкомъ слабыми. Самъ-же Моммзѣнъ *R. Staatsrecht*, II³, 1068 и сл., говоритъ: *Nachdem... die Regierung von Rom weg verlegt war, blieb die ehemalige Hauptstadt auch ferner ein von dem Statthalterregiment eximirter Bezirk...* и ниже о префектѣ Рима того-же времени: *Gleichsam als Bürgermeister der alten Reichshauptstadt im Range den höchsten bürgerlichen und militärschen Reichsbeamten gleichgestellt, bewahrte er die letzte Erinnerung an die Zeit, wo die Stadt Rom die Herrschaft über das Reich ausgeübt hatte.*

²⁾ Моммзѣнъ, *R. Staatsrecht*, II³, 1032: *Alexandria und Rom sind die beiden einzigen Städte des Reiches, in welchem Legionen oder was dem gleichsteht als Besatzung liegen und denen das Selbstregiment fehlt, denn wenn dort die Bule mangelt, so hat der römische Senat wohl einen Antheil am Staatsregiment, aber über die Stadt Rom keineswegs diejenige Gewalt, welche den Decurionen über jedes Municipium zukommt und die sogenannten Magistrate der Stadt sind, je höher sie im Range stehen, desto mehr Reichs und desto weniger städtische Beamte.*

понятно: по указаннымъ выше причинамъ вопросъ о настроеніи, благоустройствѣ Рима и порядкѣ въ немъ былъ для новой монархіи весьма важнымъ. Въ вѣдѣніе императора перешли именно: полиція города и пожарная часть, завѣдываніе продовольственною частью и водоснабженіемъ города, русломъ и берегами Тибра и канализаціею, завѣдываніе строительнаго частью и общественными зданіями и мѣстами, также отчасти общественными зрѣлищами и т. п. Эти функціи собственно предоставлены были непосредственно императору, а онъ назначалъ для каждой изъ нихъ кураторовъ, префектовъ—изъ сенаторовъ и всадниковъ—или просто приказчиковъ своихъ (прокураторовъ), довѣренныхъ лицъ изъ своихъ вольноотпущенниковъ.

Средства на содержаніе этихъ и другихъ частей управления городомъ Римомъ и на его городское хозяйство давало государство (эрарій и фискъ). Много стоилъ государству этотъ «державный», «золотой» городъ! Громадныя суммы шли на *ranis et circenses* и т. п., но также громадныя—и на благоустройство его во всѣхъ частяхъ, на оздоровленіе и украшеніе. Большая часть грандіозныхъ сооружений Рима, уцѣлѣвшихъ отъ древности вполнѣ или отчасти доннѣ, принадлежитъ времени имперіи и возведены они по инициативѣ императоровъ¹⁾.

Такъ какъ Римъ въ первые вѣка имперіи былъ не только императорскою резиденціею, но и по своему управленію и т. п. въ значительной мѣрѣ императорскимъ городомъ, составляя для императоровъ предметъ особыхъ заботъ и попеченій, то въ виду этого является естественнымъ вопросъ, не назывался-ли тогда Римъ официально или хоть обычно «императорскимъ».

Нѣкоторые ученые понимали въ этомъ смыслѣ эпитеты Рима *βασιλῆς* и *βασιλευόουσα*, напр. Преллеръ (*Röm. Mythologie* II³, 358); такъ, по видимому, понимаетъ ихъ и Фридендеръ (въ указ. в. м.) и др.²⁾ Уже изъ выше приведеннаго нами о *βασιλῆς*, кажется, вполнѣ ясно, что по-

¹⁾ Ниссенъ, *It. Landeskunde*, II, 523: Die Kaiserbauten bestimmen unsere sinnliche Anschauung vom antiken Rom.

²⁾ *Dig. XXVII*, 1, 6, 11: τῆς βασιλευούσης (πόλεως) издатели переводятъ то *urbs regia*, то *urbs aeterna*. Поэтъ Пруденцій, *Περὶ στεφ.* II, 76, называетъ Римъ *urbs regia*, но едва-ли кто—раньше его.

ниманіе этихъ словъ по отношенію къ Риму въ смыслѣ „императорскій“— совершенно неправильно, да и вообще βασιλῆς и βασίλειος не значать regia, а—regina и regnans.

Другой извѣстный эпитетъ Рима времени имперіи, sacra¹⁾, обыкновенно понимаютъ тоже въ значеніи «императорскій», слово sacer понимаютъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблялось при имперіи нерѣдко о томъ, что такъ или иначе имѣло близкое отношеніе къ императору Г. Иорданъ *Forma urbis Romae*, стр. 8, обстоятельно обосновываетъ такое пониманіе слова sacra, какъ эпитета Рима, и полагаетъ, что официально этотъ эпитетъ сталъ употребляться не ранѣе, какъ въ правленіе Септимія-Севера и Каракаллы²⁾; это объясненіе Иордана принимаютъ Гиршфельдъ (*Verwaltungsgeschichte*, стр. 174), Фридендербъ³⁾ и Ниссенъ (последній *urbs sacra* переводитъ прямо *Kaiserstadt*).

1) Кажется, въ древнихъ текстахъ нигдѣ не встрѣчается *Roma sacra*, а только *urbs sacra*.

2) Иорданъ въ ук. м. говоритъ: *Urbis numini nova sacra ab illis imperatoribus (Септ.—Северомъ и Каракаллой) instituta esse licet non extra dubitationem positum sit, tamen non improbabili ratiocinatione videor mihi posse statuere. nam cum inde ab Hadriani principatu, qui Romae Venerique templum fecit, urbis aeternae nomen pervagatum sit, urbis sacrae nomen videtur imperantibus Severo et Caracalla primum esse usurpatum.... imperatores inde ab Augusto constat conditorum restitutorum patronorum urbis Romae personas affectasse.... ita Romulo alterius nomine vocitari non recusavit Augustus, ita Commodum narrat Dio 72,15 statuam suam cum bove mari boveque femina poni passum esse, opinor utpote qui aratro pomerium duceret novamque urbem conderet coloniam Commodianam. ita denique Romam a se multifariam instauratam sacram urbem suam Severus et Antoninus vocaverunt itaque magis magisque urbs Roma non populi Romani, sed domus imperatoriae principisque quasi praedium habita est.*

3) Фридендербъ, *Sittengeschichte Roms*, I², стр. 74, какъ будто принимаетъ объясненіе Иордана, но прибавляетъ м. пр., что Римъ называется *urbs sacra* уже ранѣе (С. I. L. IX, 4796 и XIV, 2852) и что поэтому возможно, что этотъ эпитетъ вошелъ въ употребленіе уже при Адрианѣ—вслѣдствіе сооруженія въ Римѣ храма Венеры и

Такое пониманіе *urbs sacra*, по нашему мнѣнію, возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Не рѣшаясь совсѣмъ его отвергнуть, мы однако находимъ возможнымъ рѣшительно утверждать, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—можетъ быть, и многихъ—Римъ называется „священнымъ“ безъ всякаго отношенія къ императору, что причина его священности не его отношеніе къ императору, а что онъ былъ священнымъ самъ по себѣ, а извѣстное отношеніе Рима къ императору и наоборотъ могло быть, самое большее, развѣ только однимъ изъ мотивовъ для присвоенія Риму эпитета *sacra*.

При имперіи чуть не каждый городъ имѣлъ почетное имя, а многіе по нѣскольку ихъ, особенно города Греческаго Востока; часто города получали почетныя названія, произведенныя отъ именъ императоровъ. Подобныя прозвища не выдѣляли бы Рима изъ ряда многихъ другихъ городовъ имперіи и, слѣдовательно, для него не имѣли *raison d'être*.

Неронъ, правда, думалъ было (*destinaverat*) назвать Римъ Неронополемъ, а Коммодъ дѣйствительно таки официально объявилъ его Коммодовскою колоніею; но это вызвало протестъ и во всякомъ случаѣ было чѣмъ-то эфемернымъ.

Urbs sacra во всякомъ случаѣ могло быть употребляемо въ двухъ значеніяхъ¹⁾. Мы полагаемъ, что Римъ назывался священнымъ прежде всего потому, что въ немъ было много святынь, м. пр. въ немъ находились величайшія святыни государства, храмъ Юпитера на Капитоліѣ, храмъ Весты съ палладіумомъ и т. п.²⁾; далѣе, вѣдь генію Рима уже при республикѣ воздавалось въ провинціяхъ религиозное почитаніе, а при имперіи построенъ храмъ и въ Римѣ, Римъ былъ *terrarum dea gentium-*

Ромы. Изъ этого, казалось бы, слѣдуетъ, что, вѣроятно, Римъ стали называть священнымъ не въ смыслѣ «императорскій».

¹⁾ Такъ-же двумысленно и слово *augustus*. Римъ называется *civitas augusta* напр. въ *Cod. Theodos.*, Ῥώμη σεβαστή находимъ въ надписяхъ.

²⁾ *Wissowa, Religion u. Kultus der Römer*, стр. 28, говоритъ о Римѣ первыхъ вѣковъ имперіи: Die Roma aeterna war gewissermassen in demselben Sinne zum *penetrable* des Weltreiches geworden, wie früher die aeterni Vestae foci (*Val. Max. IV 4, 11*) das der Hauptstadt gewesen waren.

que, genetrix deorum, divum domus, totius mundi templum; не только Палатинъ называли при императорахъ священнымъ, но также и Тибръ и Марсово Поле; Римъ былъ urbs Martia, urbs Quirini; Апулей называетъ Римъ sacrosancta civitas, Аммианъ-Марцелинъ—urbs sacratissima, импер. Юлианъ—θεοφιλεστάτη, и это, очевидно, безъ всякаго отношенія къ императору. Этотъ „священный“ городъ императоры могли называть „своимъ“, но и онъ называлъ императоровъ своими.

Уже подь конецъ республики Римъ былъ открытымъ городомъ и распространился за свои старинныя стѣны, еще болѣе онъ разросся въ первые два вѣка имперіи, въ продолжительный періодъ pacis Romanae. Діонисій Галикарнасскій, жившій, какъ извѣстно, долго въ Римѣ при Августѣ, говоритъ о Римѣ своего времени, что тогда уже много мѣстъ было заселено по-городски за стѣнами города, которыя де и замѣтить трудно, и что, если опредѣлять величину города, принимая въ расчетъ и эти мѣста, то нельзя сказать, гдѣ кончается городъ и начинается не-городъ¹⁾.

Плиній при Веспасіанѣ писалъ, какъ и раньше Діонисій, что за стѣнами Рима образовались какъ-бы новые города²⁾. Несомнѣнно, къ этому времени площадь Рима должна была значительно расшириться сравнительно съ площадью времени Августа.

¹⁾ Діон. Галик., Antiqu. IV, 13 (Kiessling): προσωτέρω δὲ (именно далѣе царской стѣны) οὐκέτι προῆλθεν ἢ κατασκευὴ τῆς πόλεως..., ἀλλ' ἔστιν ἅπαντα τὰ περὶ τὴν πόλιν οἰκούμενα χωρία, πολλὰ ὄντα καὶ ἀτείχιστα καὶ ῥᾶστα πολεμίοις ἐλθοῦσιν ὑποχείρια γενέσθαι· καὶ εἰ μὲν ταῦτά τις ὄρων τὸ μέγεθος ἐξετάζειν βουλήσεται τῆς Ῥώμης, πλανᾶσθαι τε ἀναγκασθήσεται καὶ οὐχ ἔξει βέβαιον σημεῖον οὐδὲν, ᾧ διαγνώσεται μέχρι ποῦ προβαίνουσα ἔτι πόλις ἐστί, καὶ πόθεν ἄρχεται μηκέτ' εἶναι πόλις, οὕτω συνύφανται τὸ ἄστυ τῇ χώρᾳ καὶ εἰς ἄπειρον ἐκμηκνωμένης πόλεως ὑπόληψιν τοῖς θεωμένοις παρέχεται.

²⁾ Плиній, N. h., III, 5, 67 (Detlefsen): Clauditur (городъ) ab oriente aggere Tarquini Superbi inter prima opere mirabili. namque eum muris aequavit..... cetero munita erat praecelsis muris aut abruptis montibus, nisi quod exspatiantia tecta multas addidere urbis. Марціалъ, VI, 4, говоритъ, что Римъ обязанъ Домвициану „столькими городами“ (Cum tot

При Веспасіанѣ, въ 73 году, произведено было измѣреніе городской черты (моенія),— вѣроятно, измѣрена была установленная тогда или только расширенная прежняя таможенная линія вокругъ города. Длина ея, по свидѣтельству Плинія, составляла 19,5 километра, нѣсколько болѣе длины Авреліановой стѣны. Она была обозначена камнями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней, гдѣ требовалось, должны были быть, надо полагать, какія-нибудь особыя загражденія.

Плиній говоритъ о 37(?) воротахъ Рима въ его время; должно быть, они находились на этой таможенной линіи города; но во всякомъ случаѣ она не представляла сплошной стѣны и не служила укрѣпленіемъ¹⁾.

Древніе, говоря о величинѣ Рима, обращаютъ вниманіе и на высоту домовъ и вообще зданій въ немъ. Такъ, тотъ-же Плиній говоритъ, что, только принявъ въ расчетъ высоту домовъ, можно правильно судить о величинѣ Рима²⁾; а Элій-Аристидъ въ панегирикѣ Риму говоритъ, что

---

iam tibi debeat triumphos, tot deos, tot urbes и пр.). Фридендеръ³⁾ поясняетъ эти слова такъ: So viel Erweiterungen Roms, dass es gleichsam neue Städte sind; при этомъ онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ хоть указать на приведенное нами мѣсто Плинія. Но о какомъ-нибудь расширеніи площади города Рима при Домиціанѣ мы ничего не знаемъ; вѣроятно, подъ tot urbes Марціала слѣдуетъ разумѣть увеличеніе при этомъ императорѣ Римскаго гражданства—а слѣдовательно, въ нѣкоторомъ смыслѣ и patria communis его—основаніемъ колоній Римскихъ гражданъ и дарованіемъ права Римскаго гражданства цѣлымъ городамъ: въ одной надписи (В. С. Н., XVI, 150) находимъ ἄστεα μόρια Ῥώμας.

¹⁾ См. Richter, Topogr. d. St. Rom, 60².

²⁾ N. h., III, 5, 67: quod si quis altitudinem tectorum addat, dignam profecto aestimationem concipiat fateaturque nullius urbis magnitudinem in toto orbe potuisse ei comparari. Последнее предложеніе Ниссенъ переводитъ такъ: So kommt keine Stadt auf Erden dieser gleich; такъ-же передаютъ эти слова и Лянчани. Но при такомъ переводѣ выходило бы, что Римъ при Веспасіанѣ не былъ безусловно самымъ большимъ городомъ in toto orbe; между тѣмъ уже Сенека называлъ Римъ civitas maxima, urbs immensa; срв. у Виргилія, Ecl. I, 24:

... haec tantum alias inter caput extulit urbes,
quantum lenta solent inter viburna cupressi.

Римъ представляетъ изъ себя какъ-бы нѣсколько городовъ, одинъ надъ другимъ: такъ высоки въ немъ зданія. Другія, болѣе точныя сообщенія объ этомъ древнихъ показываютъ, что высота домовъ въ древнемъ Римѣ была болѣе значительною, чѣмъ въ самыхъ большихъ современныхъ намъ городахъ Европы¹⁾.

Тотъ-же Аристидъ въ той-же рѣчи называетъ Римъ *πάντα μεγάλη*, говоритъ, что городъ кажется ему неизмѣримымъ и что онъ доходитъ даже до моря²⁾. Аристидъ разумѣлъ, конечно, полосу земли вдоль Тибра по направленію къ Остіи, несомнѣнно, въ значительной степени заселенную и оживленную, да и сама Остія, хотя и особый городъ, была какъ-бы частью Рима, поскольку она служила главнымъ образомъ потребностямъ Рима³⁾. Конечно, въ этихъ словахъ Аристида есть большое преувеличеніе панегириста; однако, если не совсѣмъ то-же, что онъ, то нѣчто подобное о размѣрахъ императорскаго Рима въ обширномъ смыслѣ слова говорятъ и нѣкоторые новые ученые, какъ увидимъ ниже.

Писатель III вѣка Геродіанъ говоритъ (VII, 12, 7), что большимъ пожаромъ, бывшимъ въ Римѣ въ 238 году, уничтожена была весьма значительная часть (*μέγιστον μέρος*) города и что эта выгорѣвшая часть Рима была больше, чѣмъ площадь самаго большого города того времени⁴⁾.

¹⁾ Ниссенъ, It. Landeskunde, II, 518: An den Pariser Boulevards kommt nicht einmal die Haushöhe vor, die Kaiser Augustus für 4 m breite Gassen erlaubt hat.

²⁾ Аристидъ, XXVI (*Εἰς Ῥώμην*), Keil § 7: *καλύπτει μὲν ἄκρους πρώονας, καλύπτει δὲ τὴν ἐν μέσῳ γῆν, καταβαίνει δὲ καὶ μέχρι θαλάττης...* Ниссенъ, Ital. Landeskunde, II, 526 говоритъ: Angesichts der vorhandenen Ueberreste kann man den Alten die über keine heutigen Verkehrsmittel verfügten, wol nachfühlen dass Rom den Eindruck des Unermesslichen wach rief.

³⁾ Флоръ, Epit. I, 4: *Ostiamque in ipso maris fluminisque confinio coloniam posuit (Анкъ Марціѣ) iam tum videlicet praesagens futurum, ut totius mundi opes et commeatus illo velut maritimo urbis hospitio reciperentur.*

⁴⁾ Геродіанъ, VII, 12, 7: *τοσοῦτον δὲ μέρος τῆς πόλεως πῦρ ἐλομήνατο ὡς μηδεμίαν τῶν μεγίστων πόλεων ὀλόκληρον δύνασθαι τῷ μέρει ἐξισθῆναι.*

Городъ въ обширномъ смыслѣ, простиравшійся такъ далеко, какъ *continentia* (*aedificia*) его, обозначали словами *Roma* или *urbs Roma*; центральную же и главную часть этого великаго Рима составлялъ и въ это время городъ въ Сервіевыхъ стѣнахъ; это былъ собственно городъ, *urbs* въ узкомъ смыслѣ слова¹⁾.

Есть въ нашей традиціи и другое, болѣе древнее, опредѣленіе периферіи или черты города Рима въ обширномъ смыслѣ, именно черта города опредѣлялась первыми мильевыми камнями ведущихъ изъ Рима большихъ дорогъ, считая отъ воротъ Сервіевой стѣны; какъ эта черта опредѣлялась между дорогами, мы не знаемъ. Намъ кажется мало вѣроятнымъ, чтобы эта черта служила при имперіи долго настоящею городскою чертою въ правовомъ отношеніи. Одинъ юристъ времени имперіи говоритъ, что родившіеся *in continentibus* Рима считались родившимися въ Римѣ²⁾. Моммзенъ (*Staatsrecht*, II³, 1035), называя эту черту *Rechtsgrenze*, прибавляетъ, что для взиманія налога съ наслѣдствъ полагалась другая городская черта, именно *mille passus* отъ *continentia aedificia*³⁾.

Весьма расширившійся Римъ времени имперіи долгое время не былъ

¹⁾ Dig. L, 16, 87 (Momms.): *Marcellus libro duodecimo digestorum*. Ut Alfenus ait, urbs est Roma, quae muro cingeretur, Roma est, etiam quae continentia aedificia essent: nam Romam non muro tenus existimari ex consuetudine cotidiana posse intelligi, cum diceremus Romam nos ire, etiamsi extra urbem habitaremus. Dig. XXXIII, 9, 4: *Paulus libro quinto ad Sabinum*, 4: Si ita legetur „penum, quae Romae sit“, utrum quae est intra continentia, legata videtur an vero ea sola, quae est intra murum? et quidem urbes fere omnes muro tenus finiri, Romam continentibus, et urbem Romam aequae continentibus. Срв. Dig. L., 16, 2 пр.: *Paulus libro primo ad edictum*. Urbis appellatio muris, Romae autem continentibus aedificiis finitur, quod latius patet.

²⁾ Dig. L, 16, 14: *Idem* (Terentius Clemens) *libro tertio ad legem Iuliam et Papiam*. Qui in continentibus urbis nati sunt, Romae nati intelleguntur.

³⁾ Моммзенъ выводитъ это изъ слѣдующаго мѣста, Dig. L, 16, 154: *Macer libro primo ad legem vicensimam*. Mille passus non a milliario urbis, sed a continentibus aedificiis numerandi sunt.

окруженъ городскою стѣною; Элій-Аристидъ говоритъ о Римѣ своего времени, что Римъ и не безъ стѣнъ, какъ надменная Спарта, но и не заключенъ въ стѣнахъ, какъ былъ нѣкогда Вавилонъ; но стѣны де Рима, въ то-же время стѣны его державы, это—пограничныя укрѣпленія и города и стоящія тамъ войска. Эти гордыя слова любили, надо полагать, повторять о Римѣ его граждане въ тѣ вѣка имперіи, когда Риму не грозила ниоткуда извнѣ опасность; но наконецъ ему пришлось опять подумать о городскихъ стѣнахъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова.

Новая стѣна Рима построена въ концѣ III вѣка императорами Аврелианомъ и Пробомъ и называется по имени перваго изъ нихъ Аврелиановой; ббльшая часть ея стоитъ и теперъ. Длина ея составляетъ почти 19 километровъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта стѣна далеко не обняла всего Рима, какимъ онъ былъ въ лучшее время имперіи¹). Площадь, заключенная въ этихъ стѣнахъ, была значительно меньше площади, ограниченной линіею городской таможенной заставы времени Веспасіана. Эта линія обнимала, надо полагать, почти всѣ *continentia aedificia* Рима въ обширномъ смыслѣ слова.

Слѣдовавшая за *continentia aedificia* полоса шириною въ одну Римскую милю, т. е. около 1²/₅ версты, хоть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (см. выше) еще относилась къ городу, и Римъ со включеніемъ этой полосы занималъ площадь приблизительно въ 30 квадратныхъ километровъ, границы его приближались къ известной возвышенности, теперъ называемой *Monte Mario*, къ *Pons Mulvius* на Тибрѣ, базиликѣ *S. Agnese* и катакомбамъ по *via Appia*.

Ниссенъ, *Ital. Landeskunde*, II,—мы этою работою вообще пользовались—опредѣливъ, какъ и у насъ только что приведено, черту города въ обширномъ смыслѣ слова (*Rechtsgrenze*), продолжаетъ: «Наконецъ въ нѣкоторой мѣрѣ можетъ быть отнесена къ городскимъ предметямъ

---

¹) Ниссенъ, *It. Landeskunde*, II, говоритъ объ этой стѣнѣ: *Unwillkürlich erweckt sie eine Vorstellung vom alten Rom die nicht zutrifft, da sie nicht die Blüthe sonder den Verfall zum Ausdruck bringt. Wenn der eingeschlossene Raum nur 1230 ha (Beloch) misst, so umfasst die von Vespasian gezogene Stadtgrenze eine mehr als anderthalb mal so grosse Fläche.*

и во всякомъ случаѣ вполнѣ отъ города зависѣла широкая полоса виллъ кругомъ города, и городская черта оканчивалась—не *de iure*, а фактически—только послѣ 4—5 миль (авторъ разумѣетъ мили Римскія). Римъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, т. е. со всѣми своими обширными предмѣстіями занималъ, по мнѣнію этого ученаго, площадь приблизительно въ 120 квадратныхъ километровъ, изъ коихъ приблизительно половина заключалась въ городской чертѣ (*Rechtsgrenze*) и шестая часть—внутри таможенной линіи (*Mauthgrenze*).

Р. Лянчани, въ настоящее время, безспорно первый знатокъ топографіи древняго Рима и древностей *Campagna di Roma*, въ одной изъ своихъ работъ о древнемъ Римѣ (*Ancient Rome in the light of the recent discoveries*, стр. 266) говоритъ о древнихъ виллахъ нынѣшней *Campagna di Roma*: «Число этихъ виллъ—дѣйствительно невѣроятное. Надо исходить всю Кампанью, какъ я въ теченіе двадцати лѣтъ, надо изслѣдовать отдаленнѣйшіе уголки ея по обѣимъ сторонамъ Тибра и Аніена, какъ это сдѣлалъ я, чтобы признать, какъ близка къ истинѣ теорія тѣхъ, кои распространяютъ площадь Рима до самыхъ окрестностей Остіи, Бовиллы, Тускула, Тибура и Вей. Въ золотой вѣкъ имперіи, пока Римъ еще не былъ превращенъ въ укрѣпленный лагерь, что сдѣлано Аврелианомъ, невозможно было опредѣлить даже приблизительно его площадь. За густой сердцевиною четырнадцати частей, на которыя раздѣленъ былъ городъ Августомъ, за массой сплошныхъ зданій слѣдовала вторая полоса домовъ, раздѣленныхъ одинъ отъ другаго маленькими садами, затѣмъ, далѣе—третья полоса—домовъ, раздѣленныхъ болѣе обширными участками земли, и наконецъ слѣдовалъ четвертый поясъ—большихъ виллъ и обширныхъ *latifundia*, изъ которыхъ каждое представляло населенную и цвѣтущую деревню¹⁾».

Расширеніе города Рима въ первые вѣка имперіи видно м. пр. изъ расположенія его могилъ и кладбищъ вокругъ него. Въ началѣ имперіи хоронить дозволялось вообще за Сервиевой стѣной; но, такъ какъ городъ расширялся, то приходилось выбирать мѣста для могилъ и кладбищъ все далѣе и далѣе отъ этой стѣны. Много отдѣльныхъ гроб-

¹⁾ Срв. W. Sombart, *Die römische Campagna* (Staats- und socialwiss. Forschungen herausgeg. von Schmoller, VII, 3 Heft), стр. 128.

ницъ, колумбаріевъ и т. п. находится за Авреліановой стѣною, большою частью вблизи большихъ дорогъ; послѣднія были окаймлены гробницами верстъ на восемь и болѣе отъ Рима.

Также у большихъ дорогъ или недалеко отъ нихъ находились т. н. катакомбы христіанъ и Евреевъ, но большою частью внѣ самой крайней городской черты (стр. XVI), на значительномъ разстояніи отъ Авреліановой стѣны¹⁾. Это были кладбища иновѣрцевъ, относившихся отрицательно къ язычеству вообще, хоронившихъ своихъ покойниковъ, не сожигая ихъ. Христіанскихъ катакомбъ вокругъ Рима насчитываютъ около 50; площадь всѣхъ равна приблизительно 246 гектарамъ, а длина всѣхъ ихъ корридоровъ—876 километрамъ. Еврейскихъ катакомбъ близъ Рима извѣстно мало.

Постепенное расширеніе площади города Рима въ концѣ республики и въ первые вѣка имперіи вызывалось, конечно, постояннымъ приростомъ его населенія, но не этимъ однимъ, а также возрастающими потребностями комфорта и роскоши, удовлетворить которымъ представлялась возможность, пока Римъ оставался открытымъ городомъ и могъ свободно расширяться. Богатые и знатные Римляне времени имперіи, жившіе въ Римѣ, хотѣли имѣть дачи не только въ окрестныхъ горахъ и у моря, но также близъ города, даже почти въ городѣ. Извѣстно, что въ императорскомъ Римѣ было много садовъ и парковъ.

Населеніе Рима въ первые вѣка имперіи, да и вообще въ древности, не можетъ быть опредѣлено съ нѣкоторою точностью, но вообще признается несомнѣннымъ, что оно было весьма значительно, въ первомъ вѣкѣ, а вѣроятно, и во второмъ, было даже громадно. Римъ времени имперіи по населенности былъ первымъ городомъ не только древняго міра,

---

¹⁾ Kraus, *Roma sotterranea*, 61²: Das Gesetz untersagte eigentlich nur die Beerdigung innerhalb der alten Ringmauer des Servius Tullius; die Beisetzung der hh. Ioannes und Paulus in ihrer Wohnung auf dem Coelius und diejenige mehrerer Martyrer durch die hl. Pudenciana angenommen, findet sich jedoch auch nicht einmal eine Spur eines christlichen Begräbnissplatzes innerhalb der Mauern des Aurelian und Honorius (при Гоноріѣ Авреліановой стѣны были обновлены). Срв. Лянчани, *The ruins a. excav. of ancient Rome*, стр. 336.

но и вплоть до начала прошлаго вѣка ни одинъ городъ Европы не имѣлъ столь высокой цифры населенія, какъ Римъ въ лучшее время имперіи.

Прежде цифру населенія императорскаго Рима уже чрезчуръ преувеличивали, исходя изъ невѣрныхъ представленій о величинѣ города и въ виду громадности его общественныхъ сооруженій¹⁾. Теперь обыкновенно полагаютъ, что населеніе Рима времени имперіи доходило до одного или даже до полутора милліона. Высшей цифры оно достигало, вѣроятно, въ первомъ и во второмъ вѣкѣ. Белохъ полагаетъ, что эта цифра была нѣсколько ниже милліона, но что въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ она не подвергалась значительнымъ колебаніямъ. Ниссенъ, считающій высшею цифрою полтора милліона, старается доказать, что она начала значительно понижаться уже при Неронѣ и никогда уже болѣе не достигала прежней высоты, а къ 200 году она была вдвое меньше, чѣмъ въ началѣ имперіи. Намъ кажется, что вполне согласиться съ этимъ утвержденіемъ Ниссена нельзя. Убыль въ населеніи Рима отъ эпидеміи и т. п., на что указываетъ Ниссенъ, пополнялась быстрѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ городѣ имперіи, такъ какъ Римъ, какъ то признаетъ и Ниссенъ, жилъ главнымъ образомъ притокомъ населенія извнѣ. Другіе доводы Ниссена тоже, кажется, возбуждаютъ нѣкоторыя сомнѣнія.

Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что населеніе Рима въ концѣ перваго вѣка и во второмъ должно было быть громадно; такимъ оно было по свидѣтельству Арріана, Галена, Діона-Кассія, Геродіана²⁾.

¹⁾ Ниссенъ, *It. Landesk.*, II, 523: Die erhaltenen Bauwerke sind ..... geeignet das Urtheil über die städtische Entwicklung zu verwirren. Während sie durch den Ehrgeiz ihrer Urheber theils durch die fortschreitende Verfeinerung der Sitten ins Leben gerufen worden sind, erwecken sie unwillkürlich die Vorstellung als ob die Einwohnerschaft, wie trügerische Erfahrungen der Gegenwart zu lehren scheinen, seit Begründung des Reichs bis zur Verlegung der Hauptstadt nach Byzanz in steter Zunahme begriffen gewesen sei, mindestens die anfängliche Höhe behauptet habe.

²⁾ Арріанъ, *Dissert. Epict.*, III, 13, 2 (Dübner): "Ὅταν γοῦν ἀπολέσωμεν ἢ ἀδελφόν ἢ υἱόν....., λέγομεν ἀπολελεῖσθαι ἐρημοί, πολλάκις ἐν Ῥώμῃ

Римъ въ первые вѣка имперіи жилъ почти исключительно соками Италиі и провинцій¹⁾. Оттуда преимущественно и вообще извнѣ пополнялось и его населеніе. Въ эти-же вѣка Римъ былъ наиболѣе посѣщаемъ пріѣзжими изъ Италиі и провинцій и изъ-за границы имперіи.

Въ эти вѣка въ Римской имперіи были весьма часты и оживленны сношенія между ея жителями, городами и провинціями, что весьма много способствовало сближенію и смѣшенію народностей, языковъ и религій²⁾. Въ то время это было въ такой мѣрѣ первый разъ въ исторіи, и это сближеніе и въ нѣкоторой мѣрѣ объединеніе человѣчества, вызванное въ значительной степени всеобъединявшимъ владычествомъ державнаго Рима, имѣло весьма важное значеніе для дальнѣйшаго развитія человѣчества. Конечно, все это должно было имѣть мѣсто въ высшей степени въ Римѣ, центрѣ государства: Римъ былъ самымъ важнымъ очагомъ этой культурной амальгамациі.

Въ первые вѣка имперіи число разныхъ инородческихъ и иноязычныхъ элементовъ въ населеніи Рима было наибольшее, разнородность и пестрота его населенія во всѣхъ отношеніяхъ достигала высшей степени. Въ тѣ вѣка можно было говорить объ *orbis in urbe*.

Римъ основалъ много колоній въ Италиі и провинціяхъ и наконецъ самъ въ нѣкоторомъ смыслѣ сталъ колоніею.

ὄντες τοσοῦτου ὄχλου ἡμῖν ἀπαντῶντος καὶ τοσοῦτων συνοικούντων, ἕσθ' ὅτε πλῆθος δούλων ἔχοντες. Галенъ, tom. V. ed. Bas. p. 585: *ἐν Ῥώμῃ διέτριψα πόλει τοσοῦτον ἀνθρώπων πλῆθος ἐχούσῃ, ὥστε πένεσθαι Πολέμωνα τὸν ῥήτορα, τῆς οἰκουμένης ἐπιτομὴν αὐτὴν εἰπόντα.* Мѣста Діона-Кассія и Геродіана см. ниже, стр. 4 и 18.

¹⁾ Ниссенъ, *It. Landeskunde*, II, 527: In viel höherem Masse als es von modernen Grosstädten gilt, war ihr (населенія города Рима) Bestand auf Einfuhr von Sklaven und Einwanderung angewiesen.

²⁾ Плиній, *N. h.*, XIII, 1, 2: *quis... non communicato orbe terrarum maiestate Romani imperii profecisse vitam putet commercio rerum ac societate festae pacis omniaque etiam quae ante occulta fuerant in promiscuo usu facta? О томъ-же N. h.*, XXVII, 1, 3: *inmensa Romanae pacis maiestate non homines modo diversis inter se terris gentibusque, verum etiam montis et excedentia in nubis iuga partusque eorum et herbas quoque invicem ostentante.*

Какъ увидимъ ниже, жители многихъ городовъ имѣли въ Римѣ въ нашъ періодъ свои общества; объ одномъ такомъ обществѣ говорится— въ надписи,— что оно есть какъ-бы колонія даннаго города. Императоръ Коммодъ объявилъ таки и формально весь Римъ колоніею имперіи¹⁾. Это была, конечно, причуда, страшная мысль, но не безъ нѣкотораго остроумія. и во всякомъ случаѣ она объясняется тогдашнимъ положеніемъ Рима и положеніемъ и политикою этого императора. Римъ давно уже былъ *de facto* какъ-бы нѣкоею *colonia conueniunt*, притокъ населенія извнѣ вообще долженъ былъ быть тогда очень великъ, а послѣ большого пожара и опустошительной эпидеміи былъ особенно желателенъ и, можетъ быть, переселеніе иногородныхъ въ Римъ поощрялось Коммодомъ, какъ нѣкогда Нерономъ, послѣ извѣстнаго пожара. Въ то-же время императоръ, какъ и многіе другіе, враждовалъ съ сенатомъ и видѣлъ опору для себя въ провинціяхъ, онъ хотѣлъ быть Римскимъ Геркулесомъ, миротворцемъ и вообще благодѣтелемъ *orbis terrarum, οἰκουμένης*.

Въ III вѣкѣ послѣ Р. Хр. населеніе Рима все болѣе и болѣе уменьшалось и все болѣе и болѣе выдѣляло изъ себя приплытые элементы,

---

¹⁾ Такъ, кажется, слѣдуетъ понимать слова Діона-Кассія, LXXVII, 15 (Boissevain): τὴν δὲ Ῥώμην ἀθάνατον εὐτοχῇ κολωνίαν οἰκουμένης τῆς γῆς (καὶ γὰρ ἀποικὸν αὐτὴν ἑαυτοῦ δοκεῖν ἐβόλευτο) ἐπωνόμασεν. Въ примѣчаніи издатель поясняетъ: κολωνίαν οἰκουμένης τῆς γῆς] *coloniam ab orbe terrarum inhabitatam* = *coloniam orbis terrarum?* an κολωνίαν οἰκουμένης τῆς γῆς? *verum expectes κολωνίαν τῆς οἰκουμένης, sed οἰκουμένης τῆς γῆς κολωνίαν* v. Негв. (litt.). Для пониманія этого мѣста Діона слѣдуетъ сравнить съ нимъ мѣсто Атеней, приведенное у насъ ниже, стр. 81. Мы тамъ приводимъ его по послѣднему изданію, Кайбеля, но считаемъ чтеніе его: ὄρος οἰκουμένης δῆμον τὴν Ῥώμην φησί *неправильнымъ*. Если ὄρος *рукописей*—правильно, то послѣ него, вѣроятно, должно было слѣдовать τῆς Ῥώμης, такъ какъ ниже никакого опредѣленія οἰκουμένης нѣтъ, а идетъ рѣчь все о Римѣ; такимъ образомъ слѣдуетъ читать: ὄρος τῆς Ῥώμης οἰκουμένης δῆμον τὴν Ῥώμην φησί; этому οἰκουμένης δῆμος *соотвѣтствуетъ* ὁ σύμπας δῆμος οἰκουμένης. Изъ прежнихъ издателей Швейггейверъ и Диндорфъ читали: Ὅτι οἰκουμένης δῆμον τ. Ῥ. φ., а Мейнеке— Ὅρα, οἰκουμένης δῆμον и пр. Намъ кажется несомнѣннымъ что въ оригиналѣ было οἰκουμένης δῆμον.

особенно Восточные, и притокъ извнѣ былъ уже значительно слабѣе прежняго¹⁾.

И въ первые вѣка имперіи практиковалось иногда выселеніе изъ Рима нѣкоторыхъ элементовъ пришлаго населенія; но это было, надо полагать, довольно рѣдко; отъ IV вѣка, напротивъ, мы умѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о фактахъ этого рода²⁾. Жившій въ этомъ вѣкѣ историкъ Аммианъ-Марцеллинъ XIV, 6, 21 говоритъ: *illud... non dubitatur, quod cum esset aliquando virtutum omnium domicilium Roma, ingenuos advenas plerique nobilium, ut Homerici baccarum suavitate Lotophagi, humanitatis multiformis officiis retentabant. nunc vero inanes flatus quo-*

¹⁾ Гарнакъ, *Die Mission u. Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten*, стр. 12, прим. 1: Im dritten Jahrhundert (послѣ Р. Хр.) fängt Rom an das Griechische auszuscheiden; im Laufe des vierten Jahrhunderts wird es wieder eine lateinische Stadt.

²⁾ Къ приведеннымъ или указаннымъ ниже, стр. 23 и 24, свидѣтельствамъ прибавимъ здѣсь еще кое-что. Руфину, *comiti Orientis*, распорядившемуся выселить изъ Антиохіи иногородныхъ вслѣдствіе недостатка въ городѣ съѣстныхъ припасовъ, извѣстный Ливаній пишетъ м. пр.: τὰ δ'αὖ περὶ τὸν ὄϊτον· οὐ μὲν καὶ ταῦτα ἄξια τῆς Ῥώμης τετόλμηχας. Для V вѣка интересное свидѣтельство по занимающему насъ вопросу находимъ въ слѣдующей новеллѣ Валентиніана III, отъ 440 года (Hänel): *Impp. Theodosius et Valentinianus AA. Edictum ad populum. Urbis Romae, quam merito caput nostri veneramur imperii, in tantum nos cura non deserit, ut quieti eius atque abundantiae modis omnibus consulamus. Graecos itaque negotiatores, quos pantapolas dicunt, in quibus manifestum est, maximam inesse multitudinem, magnamque in emendis vendendisque mercibus diligentiam, ulterius non patimur sacrae urbis habitatione secludi, licet eos dissensio ac maxime invidia tabernariorum magis quam venerabilis urbis Romae utilitas, a negotiatione submoverit. §. 1. Idcirco hoc edicto singuli universique cognoscant, pantapolis ad urbem Romam redeundi negotiandique licentiam restitutam, ut cura pervigili ubertas populo ministretur, et in rebus suspectis a maiore multitudine civitas possit habitari, ita, ut, si quis statuta pretia non servaverit, in eum pro qualitate facti vindicta procedat, nec ob unius aut alterius delictum omne corpus liceat excludi.*

rundam vile esse quicquid extra urbis pomerium nascitur aestimant¹⁾).

Вопросъ объ orbis in urbe въ первые вѣка имперіи, т. е. объ иногородныхъ и иновѣрческихъ элементахъ въ населеніи Рима и вообще въ Римѣ,—намѣ показался очень интереснымъ, а въ извѣстномъ трудѣ Фридендера *Sittengeschichte Roms* и въ монографіи Пельмана *Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte* мы не находили всего, что можетъ освѣщать этотъ вопросъ. И въ нашей настоящей небольшой работѣ, конечно, тоже не собрано все, сюда относящееся, и далеко не все уяснено надлежащимъ образомъ. Главнымъ образомъ насъ заинтересовалъ вопросъ о т. наз. *stationes* городовъ въ императорскомъ Римѣ; опубликованіе нѣсколькихъ новыхъ эпиграфическихъ свидѣтельствъ о нихъ послужило ближайшимъ поводомъ къ составленію настоящей работы.

---

¹⁾ Нѣчто подобное о *φιλανθρωπία* знатныхъ Римлянъ по отношенію къ *ξένοι* говорить Лаврентій Лидіецъ, *De mag. Rom.* г. р., I, 20.

Orbis in urbe. Центры и общества земляковъ и иновѣрцевъ въ императорскомъ Римѣ I—III вѣковъ.

πολύς τε λαός ἐν αὐτῇ
ἀντολίης πάσης ἢ δ' ἐσπερίας πολυούλβου
οἰκήσει.

Oracula Sibyllina.

Съ установленіемъ въ Римѣ монархіи для Римскаго государства наступилъ сравнительно довольно продолжительный періодъ мира¹⁾. Въ особенности первые два вѣка имперіи были временемъ интензивной культурной работы и объединенія отдѣльныхъ частей громаднаго государства, взаимнаго сближенія входившихъ въ него народностей. Разнаго рода сношенія между Италіею и провинціями и отдѣльными городами становились все болѣе и болѣе частыми и скоро достигли небывалыхъ размѣровъ. Этому способствовали единство и устойчивость государственной власти, все болѣе увеличивавшееся правовое объединеніе частей государства и элементовъ населенія, общественная безопасность, превосходные, какихъ міръ никогда еще не видалъ, пути сообщенія, наконецъ,—last not least—распространеніе на громадномъ пространствѣ имперіи двухъ культурныхъ языковъ, Латинскаго и Греческаго. Писатель II вѣка Грекъ Элій-Аристидъ говорилъ о рах Романа въ панегирикѣ Риму:

---

¹⁾ Аннианъ, прооет., 6: καὶ ἔστι καὶ τοῖςδε τοῖς αὐτοκράτορας ἐς τὸν παρόντα χρόνον ἐγγυτάτω διακοσίων ἐτῶν, ἐν οἷς ἢ τε πόλις μάλιστα κατεχομήθη, καὶ ἡ πρόσοδος ἐπὶ πλεῖστον ἠύξηθη, καὶ πάντα ἐν εἰρήνῃ μακρῶ καὶ εὐσταθεῖ προήλθεν ἐς εὐδαιμονίαν ἀσφαλῆ.

„вся земля, какъ-бы во время какого-то всеобщаго праздника, сложила съ себя старое желѣзное бремя и обратилась спокойная къ украшенію себя и веселію. Никакія другія соревнованія не служатъ болѣе мотивами дѣятельности людей, у всѣхъ городовъ одно соревнованіе—какъ бы быть самыми красивыми.... Всѣ говорятъ, что земля—мать и общее отечество всѣхъ людей; вы (Римляне) наилучше это показали и сдѣлали истинною. Теперь можно и Греку и варвару передвигаться, куда хочешь, какъ-бы изъ родного города въ родной. Не страшны болѣе Киликійскія ворота, ни узкіе и песчаные пути въ Египеть чрезъ земли Арабовъ, ни непроходимыя горы, ни громадныя рѣки, ни необщительныя племена варваровъ; для безопасности достаточно быть Римляниномъ или, вѣрнѣе, только однимъ изъ вашихъ подданныхъ. Слова Гомера, что земля обща для всѣхъ, вы сдѣлали истинною, измѣривъ всю вселенную, настроивъ на рѣкахъ разнаго рода мостовъ, прорѣзавъ горы и сдѣлавъ ихъ проѣзжими, настроивъ станцій и заведши вездѣ жизнь и порядокъ.... Начало такой жизни положилъ городъ Аѳинянъ, а упрочили все это вы... Вы теперь общіе путеводители для всѣхъ, отверзши всѣ врата вселенной, давши всѣмъ желающимъ возможность лучше видѣть все, установивъ общіе для всѣхъ законы и положивъ конецъ тому, что въ разсказахъ представлялось занимательнымъ, а при трезвомъ взглядѣ на дѣло было невыносимымъ»¹⁾).

¹⁾ Другой писатель, болѣе поздняго времени, притомъ христіанинъ, относившійся къ нѣкоторымъ сторонамъ Римской жизни отрицательно, именно Тертуллианъ, повторяетъ почти то-же самое (*De anima*, 30): *Nam et Aborigines nunc in suis sedibus permanent, et alibi amplius gentilitatem feneraverunt. Certe quidem ipse orbis in promptu est, cultior de die et instructor pristino. Omnia iam pervia, omnia nota, omnia negotiosa, solitudines famosas retro fundi amoenissimi oblitteraverunt, silvas arva domuerunt, feras pecora fugaverunt, harenae seruntur, saxa panguntur, paludes eliquantur, tantae urbes quantae non casae quondam. Iam nec insulae horrent, nec scopuli terrent, ubique domus, ubique populus, ubique respublica, ubique vita.... Onerosi sumus mundo, vix nobis elementa sufficiunt, et necessitates artiores, et querellae apud omnes, dum am nos natura non sustinet.*

Сенека (философъ) говоритъ о своемъ времени, что въ каждомъ городѣ проживаетъ множество иногородныхъ (*peregrina multitudo*), что даже на негостеприимной Корсикѣ, гдѣ онъ самъ жилъ въ изгнаніи, болѣе пришлыхъ элементовъ, чѣмъ мѣстныхъ, *plures peregrini quam cives consistunt* (*Ad Helv. de consol.*)¹⁾

Но, понятно, особенно многихъ изъ другихъ городовъ и мѣсть имперіи привлекалъ къ себѣ Римъ, державный, царствующій городъ, центръ государства и правительства, идеальная *patria communis* многочисленныхъ повсюду разсѣянныхъ его гражданъ²⁾, городъ, по словамъ древнихъ, заставлявшій обращать къ нему взоры всѣхъ людей, резюмэ всего міра и сборный пунктъ для всего міра³⁾.

Уже въ концѣ республики наплывъ иногородныхъ въ Римъ былъ весьма значителенъ; онъ сталъ еще больше при имперіи⁴⁾.

Тотъ-же Сенека говоритъ: „Посмотри на это громадное население Рима, которое едва вмѣщаютъ зданія громаднаго города: значительно боль-

¹⁾ Я употребляю слово «иногородный» въ обширномъ смыслѣ со-ответственно понятію древнихъ о городѣ-гражданствѣ. Гражданами города у древнихъ были не только горожане, городскіе жители, но также и сельскіе, имѣвшіе гражданство даннаго города. *Dig. L, I, 30: Ulpianus libro sexagesimo primo ad edictum. Qui ex vico ortus est, eam patriam intelligitur habere, cui reipublicae vicus ille respondet. Dig. L, 16, 239: Pomponius libro singulari enchiridii, 2... nec tantum hi, qui in oppido morantur, incolae sunt, sed etiam qui alicuius oppidi finibus ita agrum habent, ut in eum se quasi in aliquam sedem recipiant.*

²⁾ *Dig. L, 1, 33: Idem (Modestinus) libro singulari de manumissionibus. Roma communis nostra patria est.*

³⁾ Галенъ: ἐν Ῥώμῃ διέτριψα, πόλει τοιούτων ἀνθρώπων πλήθος ἔχουσα, ὥστε πένεσθαι Πολέμωνα τὸν ῥήτορα τῆς οἰκουμένης ἐπιτομήν αὐτὴν εἰπόντα. Флоръ, *Virg. or. an poëta:.... «Florum vides, fortasse et audieris, si tamen in illo orbis terrarum conciliabulo sub Domitiano principe crimini nostro adfuisti.*

⁴⁾ Діонъ-К., XXXVII, 9: καὶ ἐν τούτῳ (въ 65 году до Р. Хр.) πάντες οἱ ἐν τῇ Ῥώμῃ διατρίβοντες πλὴν τῶν τῆν νῦν Ἰταλιαν οἰκούντων ἐξέπεσον Γαίου τιγὸς Παππίου δημάρχου γνώμῃ, ἐπειδὴ ἐπεπόλαζον καὶ οὐκ ἐδόκουν ἐπιτήδευοι σφίσι εἶναι ξυνοικεῖν. (Кв. Циц.), *De pet. cons., 14, 54.*

шая часть этой толпы не у себя на родинѣ; они собрались сюда изъ своихъ муниципіевъ и колоній и вообще со всего свѣта... Прибави сдѣлать имъ перекличку и спросить, откуда каждый изъ нихъ родомъ;—ты увидишь, что бѣольшая часть ихъ, оставивъ свои постоянныя мѣста жительства, явились въ этотъ, конечно, громадный и прекрасный городъ, но не ихъ родной“. Сатирикъ Ювеналь называлъ во II вѣкѣ Римъ Греческимъ городомъ: такъ много было въ немъ Грековъ, особенно изъ Малой Азій и Сиріи. Историки Геродіанъ и Діонъ-Кассій говорятъ о весьма большомъ количествѣ и разнообразіи пришлыхъ элементовъ среди населенія императорскаго Рима¹⁾.

Что влекло иногородныхъ въ Римъ? Сенека въ томъ-же мѣстѣ говоритъ далѣе: „Однихъ привлекло сюда честолюбіе, другихъ—служебныя обязанности, иныхъ—возложенное на нихъ депутатство, иныхъ—страсть къ роскоши, ищущая для себя удобнаго и обильнаго пороками мѣста, иныхъ—страсть къ образованію, иныхъ—зрѣлица; иныхъ привлекла сюда дружба, духъ предприимчивости, ищущій широкаго поля для дѣятельности; нѣкоторые принесли сюда свое продажное краснорѣчіе, другіе—продажную красоту; коротко говоря, всякаго рода люди стекаются въ этотъ городъ, дорого платящій и за добродѣтели, и за пороки“²⁾.

1) Геродіанъ, I, 12: *μάλιστα δὲ τὸ πάθος (эпидемія) τῇ Ῥωμαίων πόλει ἤχμασεν ἅτε πολυανθρώπων τε οὔσῃ φύσει καὶ τοὺς πανταχοῦθεν ὑποδεχομένη.*

2) Ad. Helv. de consol., 6, 2: *Adspice aedum hanc frequentiam, cui vix urbis immensae tecta sufficiunt: maxima pars istius turbae patria caret. ex municipiis et coloniis suis, ex toto denique orbe terrarum confluxerunt. Alios adduxit ambitio, alios necessitas officii publici, alios imposta legatio, alios luxuria opportunum et opulentum vitium locum quaerens, alios liberalium studiorum cupiditas, alios spectacula, quosdam traxit amicitia, quosdam industria laxam ostentandae virtuti nacta materiam. quidam venalem formam adtulerunt, quidam venalem eloquentiam. Nullum non hominum genus concurrat in urbem et virtutibus et vitium magna pretia ponentem. Iube istos omnes ad nomen citari et «unde domo» quisque sit quaere: videbis maiorem partem esse, quae relictis sedibus suis venerit in maximam quidem ac pulcherrimam urbem, non tamen suam. Deinde ab hac civitate discede, quae veluti communis potest dici, omnes urbes circumi: nulla non magnam partem peregrinae multitudinis habet.*

Весьма много иногородныхъ изъ Италиі и провинцій пріѣзжало въ Римъ по судебнымъ дѣламъ, съ просьбами, ходатайствами и жалобами; многіе должны были являться по распоряженію властей, напр. въ качествѣ присяжныхъ, свидѣтелей и т. п. Много сохранилось свидѣтельствъ о посылкѣ въ Римъ депутатовъ провинціями, городами и частными обществами¹⁾.

Многіе изъ иногородныхъ пріѣзжали въ Римъ и проживали въ немъ болѣе или менѣе продолжительное время по торговымъ дѣламъ, какъ купцы, торговые агенты, приказчики и т. п. Этотъ громаднѣйшій городъ требовалъ для себя громаднаго количества съѣстныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ, а также предметовъ роскоши; но самъ почти ничего не производилъ²⁾.

¹⁾ См. напр. Тац., *Ann.* II, 35: *Conventum Italiae et affluentis provincias praesentiae eius (императора) servanda dicebat.* Присяжныхъ для судовъ въ Римѣ полагалось нѣсколько тысячъ чело­вѣкъ (Плиній, *N. h.*, XXXIII, 1, 30.). Списокъ ихъ устанавливалъ самъ императоръ—главнымъ образомъ изъ всадниковъ, а также лицъ съ цензомъ вдвое меньшимъ всадническаго. Многимъ изъ нихъ приходилось пріѣзжать *ad munus iudicandi* въ Римъ изъ Италиі и даже провинцій. Моммзень, *Röm. Strafrecht*, стр. 213: *unter dem Principat wird von dem Domicil abgesehen und sind Italiker in grosser Zahl und auch Provinzialen insbesondere aus den Rom näher liegenden und zum lateinischen Sprachgebiet gehörigen Gegenden auf die Geschwornenliste gebracht und zum Dienst bei stadtrömischen Gerichten einberufen worden.* См. его-же *R. Staatsrecht*, III, 537. Сенека, *De ira*, III, 33: *evocati o longinquis regionibus iudices.* Свет., *Galba*, 14: *Iudicibus sextam decuriam adici precantibus non modo negavit, sed et concessum a Claudio beneficium, ne hieme initioque anni ad indicandum evocarentur, eripuit.* Плиній, *N. h.*, XXIX, 1, 18: *decuriae pro more censuris principum examinantur... et qui de nummo iudicet a Gadibus columnisque Herculis arcessitur.* Квинтил., *Inst.* IV, 2, 45: *cum praesertim lector non fere nisi eruditus, iudicem rura plerumque in decurias mittant.*

²⁾ Открыв. св. Іоанна, гл. 18: «И купцы земные восплачутъ и возрыдають о ней (великой блудницѣ, Вавилонѣ, т. е. Римѣ); потому что товаровъ ихъ никто уже не покупаетъ, товаровъ золотыхъ и серебрян-

Стремилась въ Римъ многіе съ цѣлью получить образованіе, усовершенствоваться въ наукахъ и искусствахъ. Въ Римѣ было, конечно, не мало разныхъ школъ, много выдающихся учителей по разнымъ предметамъ, но особенно славился Римъ на всю имперію своими школами правовѣднія.

Ученые, философы, риторы, поэты, учителя, адвокаты, врачи, архитекторы, актеры, художники и мастера разнаго рода стекались въ Римъ, чтобы тамъ найти приложеніе своимъ знаніямъ и искусству, нажить деньги и приобрести извѣстность.

Въ Римѣ этого времени были богатѣйшія собранія пособій для научной и литературной работы. Многіе ученые и писатели изъ разныхъ частей имперіи работали и писали свои произведенія въ Римѣ.

Что общественныя зрѣлища Рима были многочисленны и великолѣпнѣе, чѣмъ гдѣ бы ни было, это слишкомъ извѣстно; извѣстно и то, какъ велика была въ эти вѣка страсть къ этимъ зрѣлищамъ въ всѣхъ почти частяхъ имперіи.

ныхъ, и камней драгоценныхъ, и жемчуга, и виссона, и порфиры, и шелка, и багряницы, и всякаго благовоннаго дерева, и всякихъ издѣлій изъ дорогихъ деревьевъ, изъ мѣди и желѣза и мрамора, корицы и ониміама и мура и ладана, и вина и елея, и муки и пшеницы, и скота и овецъ, и коней и колесницъ, и тѣлъ и душъ человѣческихъ.... Торговавшіе всѣмъ симъ, обогатившіеся отъ нея, станутъ вдали, отъ страха мученій, плача и рыдая, и говоря: горе, горе тебѣ, великій городъ, одѣтый въ виссонъ и порфиру и багряницу, украшенный золотомъ и камнями драгоценными и жемчугомъ. Ибо въ одинъ часъ погибло такое богатство. И всѣ кормчіе, и всѣ плывущіе на корабляхъ, и всѣ корабельщики, и всѣ торгующіе на морѣ стали вдали..... и посыпали пепломъ головы свои, и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебѣ, городъ великій, драгоценностями котораго обогатились всѣ, имѣющіе корабли на морѣ». Аристидъ, Панег. Риму: «Доставляется сюда со всей земли все, что даетъ каждое время года и каждая мѣстность, что даютъ рѣки, озера, искусства Грековъ и варваровъ..... все, что добывается и производится у каждаго народа, все это неперемѣнно имѣется всегда здѣсь.... Если же чего не видно здѣсь, то этого и не было и не существуетъ вообще.»

Въ Римѣ собрано было громадное количество художественныхъ произведеній разнаго рода, въ томъ числѣ были произведенія самыхъ великихъ греческихъ мастеровъ. Немало было въ немъ замѣчательныхъ произведеній архитектуры и вообще всякихъ *mirabilia*, и въ общемъ городъ производилъ на прїѣзжихъ необыкновенное впечатлѣніе¹⁾.

Нѣкоторые изъ иногородныхъ прїѣзжали въ Римъ на короткое время, другіе проживали въ немъ подолгу или водворялись на постоянное жительство, имѣли *domicilium*²⁾.

Domicilium въ данномъ городѣ признавалось за иногороднымъ лишь въ такомъ случаѣ, если онъ вполне и надолго основался въ немъ, *larem constituerat*, сдѣлалъ его главнымъ и постояннымъ мѣстомъ своей дѣятельности; прожить въ городѣ нѣкоторое время, даже имѣть въ немъ домъ или другую недвижимую собственность было для этого недостаточно³⁾.

Domicilium въ Римѣ, равно и въ Италіи, давало нѣкоторыя привилегіи и преимущества, въ особенности, конечно, Римскимъ гражданамъ. Такъ Римскій гражданинъ *iure domicilii* въ Римѣ пользовался привилегіями *ius liberorum*, имѣя троихъ дѣтей, тогда какъ въ Италіи для

1) См. Фридендеръ, *Sittengesch. R.*, I.

2) Атеней VIII, 361 говоритъ о празднованіи въ Римѣ Парилій: ἐκείνην τὴν ἡμέραν κατ' ἐμαυτὸν ἐπίσημον ἄγουσι πάντες οἱ τὴν Ρώμην κατοικοῦντες καὶ οἱ ἐνεπιδημοῦντες.

3) *Cod. Iust. X, 40 (39) 7: Idem AA. (Диоклет. и Максиміанъ) et CC. Aurelio. Cives quidem origo manumissio adlectio adoptio, incolas vero, sicuti et divus Hadrianus edicto suo manifestissime declaravit, domicilium facit. Et in eodem loco singulos habere domicilium non ambigitur, ubi quis larem rerumque ac fortunarum summam constituit, unde rursus non sit discessurus, si nihil evocet, unde cum profectus est, peregrinari videtur. Dig. XXXXVII, 10,5: *Ulpianus libro quinquagesimo sexto ad edictum*, 5..... ponamus enim studiorum Romae agere: Romae utique domicilium non habet. *Cod. Iust. X, 40(39), 2: Imp. Alexander A. Crispo. Nec ipsi, qui studiorum causa aliquo loci morantur, domicilium ibi habere creduntur, nisi decem annis transactis eo loci sedes sibi constituerunt, secundum epistolam divi Hadriani, nec pater, qui propter filium studentem frequentius ad eum comitat.**

этого нужно было имѣть четверыхъ, въ провинціяхъ—пятерыхъ¹⁾; только имѣвшіе *domicilium* въ Римѣ Римскіе граждане могли попасть въ списки *plebs urbana frumentaria*.

Иногородные въ Римѣ, какъ Римскіе граждане, такъ и peregrini, конечно, должны были во всемъ подчиняться мѣстнымъ властямъ и судились въ мѣстныхъ судахъ²⁾.

Провинціалы такимъ образомъ въ Римѣ не подлежали власти провинціальныхъ наместниковъ; изъ нихъ Римскимъ гражданамъ не приходилось для провокаціи къ императору и т. п. ѣхать, иногда издалека, въ Римъ. Однако иногда какъ Римскіе граждане, такъ и peregrini изъ другихъ городовъ находили для себя болѣе удобнымъ, чтобы ихъ дѣла рѣшались на родинѣ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. когда иногородные находились въ Римѣ по порученіямъ отъ своихъ обществъ или по вызову правительства, они имѣли *ius domum revocandi*³⁾.

Иногородные Римскіе граждане, имѣвшіе *domicilium* въ Римѣ, мог-

¹⁾ *Fragm. Vatic. 247: Paullus libro I editionis secundae de iurisdictione tutelari. Qui tres pluresue liberos habent superstites, excusari solent.... Sed hic numerus in Italia cives Romanos liberat: nunc ex constitutione principum nostrorum nec in Italia, sed Romae tantum exemplo municipalium munerum.*

²⁾ Герцогъ, R. Staatsverf., II, стр. 836: *In der Jurisdiction blieben Stadt—und Peregrinenprätor gesondert, so lange die Peregrinität ein selbständiges Rechtsgebiet grösseren Umfangs war, d. h. bis auf Caracallas Veralgemeinerung des römischen Bürgerrechts. Inschriftliche Zeugnisse gehen über diese Zeit nicht hinaus.*

³⁾ *Dig. V, I, 2: Idem (Ulpianus) libro tertio ad edictum, 3. Legatis in eo quod ante legationem contraxerunt, item his qui testimonii causa evocati sunt vel si qui iudicandi causa arcessiti sunt vel in provinciam destinati, revocandi domum suam ius datur, eo quoque qui ipse provocavit non imponitur necessitas intra tempora provocationis exercendae Romae vel alio loco ubi provocatio exercetur aliis pulsantibus respondere: nam Celsus huic etiam domus revocationem dandam ait, quoniam ob aliam causam venerit.... divus Pius Plotio Celsino rescripsit eum, qui tutelae reddendae causa Romam erat a se evocatus, alterius tutelae causa, cuius causa non erat evocatus, non debere compelli iudicium suscipere.*

ли быть назначаемы тамъ опекунами или попечителями, зато они въ то-же время обыкновенно освобождались отъ этихъ повинностей въ ихъ городахъ¹⁾). Граждане же, не имѣвшіе *domicilium* въ Римѣ, къ отбыванію этой повинности не привлекались²⁾). Мы уже видѣли, что Римскіе граждане извѣстнаго ценза вызывались въ Римъ изъ Италиі и провинцій для отбыванія *munus iudicandi*. Конечно, къ этому привлекались прежде всего тѣ изъ иногородныхъ, которые имѣли *domicilium* въ Римѣ. Имѣвшіе въ Римѣ *domicilium* peregrины не могли быть въ Римѣ ни присяжными, ни опекунами, по крайней мѣрѣ Римскихъ гражданъ.

Пріѣзжать въ Римъ и жить въ немъ вообще не воспрещалось прямо ни Римскимъ гражданамъ изъ иногородныхъ, ни peregrинамъ, какъ таковымъ, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, на которые указываемъ ниже³⁾). Но на дѣлѣ иногороднымъ часто не легко было даже посѣщать Римъ; даже изъ Римскихъ гражданъ только весьма небольшой процентъ составляли жившіе въ Римѣ, ихъ идеальной *patria communis*; весьма многимъ изъ нихъ и видѣть ея ни разъ не приходилось⁴⁾).

Жизнь въ Римѣ была очень дорога, и уже это одно дѣлало для многихъ невозможнымъ продолжительное проживанье въ немъ. Но глав-

¹⁾ Dig. XXVII, 1,19: *Idem* (Ulpianus) *libro trigesimo quinto ad edictum*. Illud usitatissimum est, ut his, qui in Italia domicilium habeant, administratio rerum provincialium remittatur. Dig. XXVII, 1,30: *Papinianus libro quinto responsorum*, 1: cum oriundus ex provincia Romae domicilium haberet, eiusdem curator decreto praesidis ac praetoris constitutus rerum administrationem utrobique suscepit. placuit eum duas curationes administrare non videri, quod videlicet unius duo patrimonia non viderentur.

²⁾ Fragm. Vatic., 203:.. Est et hoc genus excusationis, si quis se dicat domicilium non habere, (*ubi datus est ad tutelam veluti*) Romae delectus ad munus, vel in ea provincia, ubi domicilium non habet. Fragm., Vatic. 204:.. Proinde qui studiorum causa Romae sunt, praecipue civilium, *debent excusari, quia tantum temporis causa agunt, studii cura distracti*.

³⁾ Dig. L, 1,31: *Marcellus libro primo digestorum*. Nihil est impedimento, quo minus quis ubi velit habeat domicilium, quod ei interdictum non sit.

⁴⁾ Аристидъ, XIV Keil: πολλοὶ μὲν ἐν ἐκάστῃ πόλει πολῖται ἑμέτεροι οὐχ ἦττον ἢ τῶν ὀροφύλων, οὐδ' ἰδόντες πῶ τις αὐτῶν τὴν πόλιν.

ное, что дѣлало это для иногородныхъ затруднительнымъ или даже прямо невозможнымъ, это были ихъ обязанности по отношенію къ ихъ городскимъ обществамъ.

Никто не могъ по своему желанію перестать быть гражданиномъ города, къ которому принадлежалъ по рожденію, усыновленію, манумисіи, или къ которому былъ приписанъ, и освободиться отъ обязанностей по отношенію къ нему. Поэтому и проживавшіе въ Римѣ иногородные, какъ peregrini, такъ и Римскіе граждане, хотя бы имѣли въ немъ domicilium и какъ бы долго въ немъ ни жили, все таки оставались сами, а равно и ихъ вольноотпущенники, гражданами своихъ городовъ и должны были, какъ таковые, занимать въ нихъ должности и исполнять извѣстныя общественныя повинности, если по закону или въ силу особыхъ привилегій не были отъ нихъ свободны, если не имѣли соотвѣтствующихъ льготъ, *immunitas*, *ἀτέλεια*.

Иногородные, проживавшіе въ другихъ городахъ, тоже сохраняя свою *origo*, привлекались *iure domicilii*—неизвѣстно точно, съ какого времени—въ качествѣ *incolae* къ отбыванію мѣстныхъ повинностей; но въ Римѣ *incolatus* въ этомъ смыслѣ собственно не было; Римъ не былъ городомъ въ томъ смыслѣ, какъ другіе города имперіи, не могъ быть поставленъ съ ними рядомъ: онъ не имѣлъ своего особаго городского устройства, особыхъ городскихъ *honores* и *munera*; его *honores* были въ то-же время государственными и *munera publica*, какія могли быть въ немъ, выполнялись должностными лицами; оставалось только одно *munus civile*—опека и попечительство—и *munus indicandi* (см. выше).

Поэтому, если бы иногородные, переселяясь на жительство въ Римъ, *eo ipso* освобождались бы отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ своимъ городамъ, то, пользуясь нѣкоторыми привилегіями *domicilii* въ Римѣ, они бы оказывались въ самомъ привилегированномъ положеніи и это привлекало бы массу иногородныхъ въ Римъ. Но этого не было: они, были въ извѣстной степени прикрѣплены къ своимъ городамъ.

Отправление городскихъ должностей и исполненіе *munera personalia*

---

¹⁾ Cod. Iust. X, 38(39), 4: *Impp Diocletianus et Maximianus A. A. Secundo*. *Origine propria neminem posse voluntate sua eximi manifestum est.*

требовали личнаго присутствія въ городахъ ихъ гражданъ; замѣна названныхъ тупега денежными взносами не дозволялась. Въ случаѣ надобности городъ вызывалъ своего гражданина изъ Рима или другого города, гдѣ онъ въ данное время находился или проживалъ¹⁾. Даже для поѣздки въ Римъ на короткое время надо было быть свободнымъ въ данное время отъ отбыванія городскихъ и иныхъ повинностей или получить отсрочку; таковая въ нѣкоторыхъ случаяхъ полагалась по закону, напр., если кто отправлялся въ Римъ съ апелляціею къ императору;²⁾ полагались также вообще для лицъ, привлекавшихся къ отбыванію повинностей и находившихся въ отлучкѣ, извѣстные льготные сроки.

Такимъ образомъ, посѣщать Римъ и проживать въ немъ представлялось больше возможности тѣмъ изъ иногородныхъ, которые не обязаны были занимать въ своихъ городахъ должности и были въ большей или меньшей мѣрѣ свободны отъ тупега, особенно *personalia*. Въ такомъ положеніи находились отдѣльные лица и извѣстныя категоріи лицъ.

Женщины—по крайней мѣрѣ въ городахъ съ Римскимъ устройствомъ—не могли занимать никакихъ общественныхъ должностей и были почти совсѣмъ свободны отъ тупега *personalia*; полную свободу отъ послѣднихъ давало *ius liberorum*—это, разумѣется, только лицамъ, имѣвшимъ право Римскаго гражданства. Жена имѣла *domicilium* тамъ, гдѣ и мужъ ея, и освобождалась отъ тупега на родинѣ; за вдовою признавалось, если она не выходила замужъ, прежнее *domicilium* по мужу.

¹⁾ Kuhn, D. städt. u. bürgerl. Verf. d. Röm. R., I, стр. 13: Den antiken Verhältnissen entspricht... was ich mich von dem Bürger eines neueren Staates gelesen zu haben erinnere... Ein französischer Graf, welcher nach Moskau reist, kehrt, kaum dort angelangt, wieder heim, weil er aus den Zeitungen ersieht, dass er in seiner Heimath zum Geschworenen bestellt worden sei. Das wäre in dem Römischen Reiche etwas ganz Gewöhnliches gewesen. Такимъ образомъ, едва-ли можно говорить, какъ Фридендеръ (Sittengesch. R., II, стр. 52), о die vollkommen ungehemmte Freizügigkeit даже по отношенію къ первымъ вѣкамъ имперіи.

²⁾ Dig. V, §, 8: *Idem* (Papinianus) *libro primo responsorum*, 5. Qui maximos principes appellavit et causam propriam acturus Romam profectus est: quoad cognitio finem accipiat, ab honoribus et civilibus muneribus apud suos excusatur.

Льготное положеніе въ большей или меньшей мѣрѣ давалъ извѣстный возрастъ, болѣзнь или слабость, бѣдность, *ius liberorum*, государственная или общественная служба и нѣкоторыя профессіи.

Нѣкоторыя лица или категоріи лицъ пользовались *immunitate* въ силу службы или профессіи, но поэтому-же они должны были оставаться въ своихъ городахъ или провинціяхъ, а нѣкоторыя, занимаясь извѣстною профессіею или проходя службу въ Римѣ, въ силу этого самаго освобождались отъ *honores* и *munerum* въ своихъ городахъ и провинціяхъ.

Свободны были отъ *honores* и *munerum* въ своихъ городахъ тѣ лица, которыя *rei publicae causa aberant*, т. е. находились въ отсутствіи по казенной надобности; это были главнымъ образомъ лица, состоявшія на государственной и императорской службѣ. Такихъ иногородныхъ было немало въ Римѣ. Римскіе сенаторы, происходившіе изъ другихъ городовъ, имѣли и должны были имѣть въ Римѣ *domicilium dignitatis* и были свободны отъ *munerum* и *honores* въ ихъ городахъ; *honores* въ нихъ они могли занимать, если хотѣли и представлялась возможность¹⁾.

Многіе Римскіе всадники изъ иногородныхъ состояли въ Римѣ на императорской службѣ или присяжными и въ силу этого, пока *rei p. c. aberant*, были свободны отъ *honores* и отъ *munerum personalia* въ своихъ городахъ (*Dig. XXVII, 1, 22.*).

Наибольшій процентъ изъ иногородныхъ *rei publicae causa absentes* въ Римѣ составляли военные тѣхъ частей, которыя постоянно стояли въ Римѣ²⁾.

¹⁾ *Dig. L, 1 22: Idem (Paulus) libro primo sententiarum, 4... Senatores et eorum filii filiaeque quoque tempore nati nataeve, itemque nepotes, pronepotes et proneptes ex filio origini eximuntur, licet municipalem retineant dignitatem. Senatores, qui liberum commeatum id est ubi velint morandi arbitrium impetraverunt, domicilium in urbe retinent. Dig. L, 1, 23: Hermogenianus libro primo iuris epitomarum. Municeps esse desinit senatoriam adeptus dignitatem quantum ad munera: quantum vero ad honores, retinere creditur originem, denique manumissi ab eo eius municipii efficiuntur municipes, unde originem trahit.*

²⁾ *Dig. IV, 6,7: Ulpianus libro duodecimo ad edictum. Milites plane, qui Romae militant, pro rei publicae causa absentibus habentur.*

Ветераны пользовались при имперіи вообще большими привилегіями; м. пр. они были свободны отъ городскихъ налоговъ и по крайней мѣрѣ отъ *munera personalia* или нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Свободны были отъ налоговъ и *munera* въ своихъ городахъ и провинціяхъ лица, состоявшія въ Римѣ учителями языковъ, риторики, проповѣдѣнія, врачи, отчасти философы, судовладельцы и купцы, занимавшіеся специально доставкою въ Римъ хлѣба и оливковаго масла, атлеты, одержавшіе побѣды на священныхъ состязаніяхъ въ Римѣ и др.¹⁾

1) Dig. L, 6, 2: *Paulus libro pri no responsorum*. Eos, qui Romae profiterentur proinde in patria sua excusari muneribus oportere, ac si in patria sua profiterentur. Dig. XXVII, 16: *Modestinus libro secundo excusationum*, 8. Ἔστιν δὲ καὶ ἐν ταῖς τοῦ βασιλέως Κορμόδου διατάξεσιν ἐγγεγραμμένον κεφάλαιον ἐξ ἐπιστολῆς Ἀντωνίνου τοῦ Εὐσεβοῦς, ἐν ᾧ δηλοῦται καὶ φιλοσόφους ἀλειτουρησίαν ἔχειν ἀπὸ ἐπιτροπῶν. ἔστι δὲ τὰ ῥήματα ταῦτα: Ὁμοίως δὲ τούτοις ἀπασιν ὁ θεϊότατος πατήρ μου παρελθὼν εὐθύς ἐπὶ τὴν ἀρχὴν διατάγματι τὰς ὑπαρχούσας τιμὰς καὶ ἀτελείας ἐβεβαίωσεν, γράψας φιλοσόφους ῥητορας γραμματικούς ἰατροὺς ἀτελεῖς εἶναι γυμνασιαρχῶν ἀγορανομῶν ἰσρωσυνῶν ἐπισταθμῶν σιτωνίας ἀλαιωνίας καὶ μήτε κρίνειν μήτε πρεβεύειν μήτε εἰς στρατείαν καταλέγεσθαι ἀκοντας μήτε εἰς ἄλλην αὐτοὺς ὑπερσίαν ἐθνικὴν ἢ τινα ἄλλην ἀναγκάζεσθαι .... 11. Τὸν ἐν Ῥώμῃ σοφιστεύοντα ἢ σαλαριῶ ἢ καὶ χωρὶς σαλαρίου ἄφεσιν ἔχειν νενομοθέτηται ὑπὸ τῶν θειοτάτων Σεβήρου καὶ Ἀντωνίνου, οὕτως ὡς ἂν εἰ ἔτυχεν ἐν ἰδίᾳ πατρίδι διδάσκων αἷς νομοθεσίαις δύνатаί τις ἐκεῖνον προσαγαγεῖν τὸν λόγον, ὅτι κοινῆς οὔσης τε καὶ νομιζομένης πατρίδος τῆς βασιλευούσης εἰκότως ἂν ὡς ἐν ἰδίᾳ πατρίδι χρήσιμον ἑαυτὸν παρασχὼν ἀλειτουρησίαν καρπώσεται. 12. Νόμων δὲ διδάσκαλοι ἐν ἐπαρχίᾳ διδάσκοντες ἄφεσιν οὐκ ἔξουσι, ἐν Ῥώμῃ δὲ διδάσκοντες ἀφίενται. Филостратъ, V. Soph., I, 20 (о философѣ Фаворинѣ изъ Арелата): Ἀρχιερεὺς δὲ ἀναρρηθεὶς ἐς τὰ οἶκα ἐφῆκε μὲν ὑπὲρ τῶν τοιούτων νόμους, ὡς ἀφεῖμένος τοῦ λειτουργεῖν, ἐπειδὴ ἐφιλοσόφει. τὸν δὲ ἀτοκράτορα ὁρῶν ἐναντίαν ἑαυτῷ θέσθαι διανοούμενον, ὡς μὴ φιλοσοφεῖν, ὑπέτέμετο αὐτὸν ὧδε и пр. Срв. Dig. L, 5, 8. Юлій-Цезарь привлекалъ учителей и врачей въ Римъ и перергинамъ изъ нихъ давалъ право Римскаго гражданства (Свет., Jul. 42). Врачей, практиковавшихъ въ Римѣ(?), уже Августъ освободилъ отъ *munera*, какъ сообщаетъ Діонъ-Кассій LIII, 30. Dig. L, 6, 6(5): *Callistratus libro primo regularum*, 3. *Negotiatores*,

Наконецъ, *immunitas*—ἀτέλεια давалась также всякаго рода лицамъ за ихъ заслуга въ видѣ отличія. Давали ее и сами города, но обыкновенно императоры, рѣдко сенатъ¹⁾.

Конечно, число лицъ, имѣвшихъ привилегіи этого рода, было незначительно сравнительно съ общою цифрою населенія.

Хотя переселеніе въ Римъ и продолжительное проживаниеъ въ немъ по указаннымъ причинамъ было часто затруднительно, иногда невозможно, однако при громадности государства было немало иногородныхъ, которые имѣли возможность долго жить въ Римѣ. Число иногородныхъ, болѣе или менѣе постоянно жившихъ въ Римѣ, было во время имперіи весьма значительно; несомнѣнно, ихъ было значительно больше, чѣмъ тѣхъ, для коихъ Римъ былъ не только *patria communis*, но и единственной, тѣхъ, кои *originem ab urbe Roma habebant*,—*cives urbici*, по позд-

---

*qui annonam urbis adiuvant item navicularii, qui annonae urbis serviunt, immunitatem a muneribus publicis consequuntur, quamdiu in eo actu sunt. nam remuneranda pericula eorum, quin etiam exhortanda praemiis merito placuit, ut qui peregre muneribus et quidem publicis cum periculo et labore fungantur, a domesticis vexationibus et sumptibus liberentur: cum non sit alienum dicere etiam hos rei publicae causa, dum annonae urbis serviunt, abesse. Dig. L. 5, 9: Paulus libro primo responsorum. Paulus respondit privilegium frumentariis negotiatoribus concessum etiam ad honores excusandos pertinere. Лампр., Alex. Sev., 22: Negotiatoribus ut Romam volentes concurrerent maximam immunitatem dedit. Объ атлетахъ Dig. XXVII, 1, 6, 12 и Cod. Inst. X. 54(53), 1: *Imp. Diocletianus et Maximianus AA. et CC. Hermogeni*. Athletis ita demum, si per omnem aetatem certasse, coronis quoque non minus tribus certaminis sacri, in quibus vel semel Romae seu antiquae Graeciae, merito coronati, non aemulis corruptis ac redemptis probantur, civilium munerum tribui solet vacatio.*

¹⁾ Либенамъ (*Städteverw.*, стр. 426) утверждаетъ, что ее могъ дать только императоръ; но это невѣрно: см. *Cod. Inst. X, 47(46), 1* и *V. Gordian., 32*. Положенія объ *immunitas* или ἀτέλεια были не вполне одинаковы въ первые вѣка имперіи въ городахъ разныхъ категорій, и даже во всѣхъ городахъ одной и той-же категоріи. См. о *munera* и *immunitas* у Houdouy, *Droit municipal* и въ названныхъ трудахъ Куна и Либенама.

вѣйшей терминологіи originarii или originales¹⁾). Въдь даже большинство Римскихъ сенаторовъ не были таковыми, т. ск., Romani di Roma. Уже въ послѣднее время республики Цицеронъ могъ сказать о сенаторахъ Рима: «Кто изъ насъ, сенаторовъ, происходитъ не изъ муниципіевъ?» При императорахъ чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе сенаторское сословіе пополнялось лицами изъ провинціаловъ, сначала изъ западной половины имперіи, а позже и изъ восточной; позже всѣхъ другихъ получили доступъ въ сенатъ Египтяне. Еще болѣе было иногородныхъ и инородческихъ элементовъ въ Римѣ во всадническомъ сословіи и въ особенности въ plebs urbana, въ частности въ plebs frumentaria.

Стоявшія постоянно въ Римѣ военныя части пополнялись большею частью изъ иногородныхъ, въ частности изъ провинціаловъ²⁾).

Многочисленное рабское населеніе Рима заключало въ себѣ множество инородческихъ и иновѣрческихъ элементовъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи и изъ-за границы³⁾). Ежегодно много рабовъ доставлялось на рынки изъ провинцій и изъ-за границы; прѣвзавшіе въ Римѣ

1) Dig. I., 4, 3: *Idem* (Ulpianus) *libro secundo opinionum*. Et qui originem ab urbe Roma habent, si alio loco domicilium constituerunt, munera eius sustinere debent. См. Моммзенъ, Staatsrecht, III, 787.

2) О преторіанцахъ Тац., Ann. IV, 5: Novem praetoriae cohortes Etruria ferme Umbriaque delectae aut vetere Latio et coloniis antiquitus Romanis. Діонъ-К., epit. I. LXXIV, 2: *μάλιστα δὲ ἐπεκάλουν αὐτῶ* (Септ—Сев.) *τινες ὅτι καθεστηκότος ἐκ τε τῆς Ἰβηρίας(?) τῆς τε Μακεδονίας καὶ τοῦ Νωρικοῦ μόνον τοὺς σωματοφύλακας εἶναι, καὶ τούτου καὶ τοῖς εἰδεσιν αὐτῶν ἐπιεικεστέρων καὶ τοῖς εἶθεσιν ἀπλουστέρων ὄντων, τοῦτο μὲν κατέλυσεν, ἐκ δὲ δὴ τῶν στρατοπέδων ὁμοίως πάντων τὸ αἰεὶ ἐνδεὲς ὄν ἀντικαθίσταει τάξας, αὐτὸς μὲν ὡς καὶ ἐπιστησόμενος διὰ τοῦτο τὰ στρατιωτικὰ μᾶλλον αὐτοῖς χρῆσάμενος, καὶ τι καὶ ἄθλον τοῖς ἀγαθοῖς τὰ πολέμια προθήσων ἐποίησεν αὐτό, τῷ δὲ δὴ ἔργῳ σαφέστατα τὴν τε ἡλικίαν τὴν ἐκ τῆς Ἰταλίας παραπέλεσε πρὸς ληστείας καὶ μονομαχίας ἀντὶ τῆς πρὶν στρατείας τραπομένην, καὶ τὸ ἄστυ ὄχλου στρατιωτῶν συμμίκτου καὶ ἰδεῖν ἀγριοτάτων καὶ ἀκοῦσαι φοβερωτάτων ὁμιλῆσαι τε ἀγροικοτάτων ἐπλήρωσε.*

3) Тац., Ann. XIV, 44: Postquam nationes in familiis habemus, quibus diversi ritus, externa sacra aut nulla, colluviem istam non nisi metu coercueris.

провинціалы и вообще иногородные, особенно водворявшіеся въ немъ на жительство, привозили съ собою немало своихъ рабовъ.

Путемъ отпущенія на волю эти разнородные рабскіе элементы постоянно проникали въ свободное населеніе Рима и дѣлали его все болѣе и болѣе инородческимъ.

Въ низшихъ слояхъ свободнаго населенія императорскаго Рима преобладали вольноотпущенники; а потомки вольноотпущенниковъ уже въ первое время имперіи составляли значительный процентъ въ сенаторскомъ сословіи и еще болѣе во всадническомъ¹⁾.

При разнообразномъ составѣ населенія императорскаго Рима въ немъ было большое разноязычіе; но преобладали, конечно, Латинскій языкъ и Греческій. Этотъ послѣдній, имѣя громадную литературу, будучи весьма распространенъ, особенно на Востокѣ, будучи въ значительной мѣрѣ языкомъ торговли, занималъ и въ Римѣ весьма видное мѣсто. Онъ былъ распространенъ и въ высшемъ обществѣ и въ низшихъ слояхъ населенія; значительная часть рабовъ говорила на немъ. Ему обучали въ школахъ. Съ Адриана въ Римѣ была казенная каеэдра Греческаго краснорѣчія. (ὁ αἰὼν δρῶνος). Греческіе софисты, риторы и философы произносили публично свои рѣчи на Греческомъ языкѣ. Въ публичныхъ бібліотекахъ Рима были Греческія отдѣленія. На Греческомъ языкѣ иногда давались драматическія представленія. На Капитолійскомъ агонѣ происходили м. пр. состязанія въ Греческой поэзіи и Греческомъ краснорѣчіи. Греческій языкъ допускался въ сенатѣ²⁾ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ; въ императорской канцеляріи было осо-

¹⁾ Надписи Рима, особенно надгробныя, показываютъ, какъ много было въ населеніи Рима уже начала имперіи вольноотпущенниковъ. Тац., Ann. XIII, 26: late fusum id corpus (именно libertinorum). hinc plerumque tribus (т. е. plebs urbana XXXV tribuum), decurias, ministeria magistratibus et sacerdotibus, cohortes etiam in urbe conscriptas, et plurimis equitum, plerisque senatoribus non aliunde originem trahi.

²⁾ Вал.-Макс., II, 2, 3: quis ergo huic consuetudini, qua nunc Graecis actionibus aures curiae exsurdantur, iannam patefecit? ut opinor, Molo rhetor, qui studia M. Ciceronis acuit: eum namque ante omnes exterrarum gentium in senatu sine interprete auditum constat.

бое отдѣленіе Греческой корреспонденціи. Наконецъ, надписи на этомъ языкѣ помѣщались на зданіяхъ разнаго рода, памятникахъ, посвященіяхъ и на могилахъ перегриновъ и иновѣрцевъ.

При имперіи по указаннымъ причинамъ приливъ въ Римъ населенія изъ Италіи и провинцій все увеличивался; Римъ скоро сталъ громаднымъ городомъ съ миллионнымъ населеніемъ; послѣднее, какъ мы видѣли, было весьма разнородно, значительную часть его составляли рабы; одновременно съ элементами свѣжими, здоровыми, полезными въ Римъ стремилось, особенно съ Востока, немало сомнительныхъ и прямо вредныхъ, немало всякаго сброда, искавшаго легкой наживы и не пренебрегавшаго для этого никакими средствами.

Чрезмѣрное увеличеніе населенія Рима было для правительства нежелательно по многимъ причинамъ. Жизнь большого города вообще, естественно, всегда представляетъ нѣкоторыя своеобразныя темныя стороны; а въ городахъ древности, при существованіи рабства, онѣ должны были сказываться вообще въ сильной степени и въ Римѣ въ частности еще болѣе вслѣдствіе нѣкоторыхъ особыхъ и исключительныхъ условій положенія и жизни этого города. Этотъ городъ, какъ извѣстно, при имперіи получалъ хлѣбъ издалека, изъ-за моря, главнымъ образомъ изъ Африки; и вотъ уже временныя затрудненія въ доставкѣ хлѣба и, какъ слѣдствіе этого, дороговизна его неразъ вызывали волненія среди населенія Рима. Было для этого не мало и другихъ причинъ и поводовъ. Населеніе Рима времени имперіи, по свидѣтельству древнихъ, было вообще весьма подвижно, легкомысленно и часто мятежно, подобно населенію Александріи и Антиохіи, этихъ *enfants terribles* Римской имперіи. А между тѣмъ безпорядки и волненія были особенно нежелательны въ Римѣ, резиденціи императора и вообще центрѣ правительственной власти. Уже древніе объясняли себѣ указанные особенности въ характерѣ населенія Рима времени имперіи его многолюдностью и обиліемъ въ немъ разнородныхъ пришлыхъ элементовъ¹⁾ и, конечно, были правы. Такъ смотрѣло на дѣло

1) Теперь эти надписи собраны Кайбелемъ въ *Inscr. Gr. Sicil. Italiae*. Тац., *Ann.*, XV, 44: *per urbem...*, quo cuncta undique atrocita aut pudenda confluent celebranturque. Гордіанъ, VII, 7: *καὶ πάντες μὲν γὰρ ὄχλοι κοῦφοι πρὸς τὰ καινοτομούμενα, ὁ δὲ Ῥωμαίων δῆμος ἐν πλήθει μεγίστω*

и само правительство: въ интересахъ поддержанія порядка, безопасности и спокойствія въ Римѣ и для огражденія достоинства царствующаго города оно 1), по возможности, старалось не допускать въ Римъ извнѣ по крайней мѣрѣ людей завѣдомо неблагонадежныхъ, опороченныхъ, и 2), иногда удаляло изъ Рима проживавшихъ тамъ такихъ-же опасныхъ или по чему-либо неудобныхъ людей, особенно перегриновъ и вообще иногородныхъ. Приведемъ и рассмотримъ свидѣтельства объ этомъ древнихъ.

Мѣста для ссылки разныхъ видовъ были при имперіи ввѣ Италіи; это были преимущественно острова, *νησοί φυγάδικαί*, какъ ихъ называетъ Плутархъ (срв. Тац., Hist., I, 2: *plenum exiliis mare*). Что лица, сосланные въ извѣстныя мѣста, съ лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ или безъ него, будь они изъ Рима или другихъ мѣстъ, не могли посѣщать Рима, само собою разумѣется¹⁾.

Иногда данному лицу на болѣе или менѣе продолжительное время воспрещалось отлучаться куда-бы то ни было изъ его родного города или вообще изъ мѣста жительства²⁾.

Часто практиковалась въ первые вѣка имперіи высылка—административнымъ или инымъ порядкомъ—изъ отдѣльныхъ городовъ или цѣлыхъ областей безъ водворенія въ извѣстномъ мѣстѣ жительства (Dig. XXXXVIII, 22, 7). Высланные такимъ образомъ изъ какого-либо

καὶ ποικίλῳ συκλῦδων τε ἀνθρώπων πολὺ καὶ ῥάδιον ἔχει πρὸς τὸ τῆς γνώμης εὐκίνητον. Діонъ-К., Dind. vol. V. стр. 217: *ὁ δὲ δῆμος τῶν Ῥωμαίων διὰ τε τὸ πλῆθος καὶ τὴν ποικίλιν τῶν συκλῦδων ἀνθρώπων τῶν εἰς αὐτὸν συνόντων ῥᾶον τῶν ἄλλων ἐπαίρεται καὶ μετὰ εὐχερίας πρὸς τὰ ἄτοπα τρέχει.*

¹⁾ Dig. XXXVIII, 19,4: *Marcianus libro tertio decimo institutionum.* *Relegati sive in insulam deportati debent locis interdictis abstinere. et hoc iure utimur, ut relegatus interdictis locis non excedat.... et nemo potest com meatum remeatumve dare exuli, nisi imperator, ex aliqua causa.* Срв. Плутархъ De exilio, 12. Клавдій однажды позволилъ нѣкоторымъ изъ изгнанниковъ прибыть на короткое время въ Римъ—по случаю его триумфа (Cvet., Claud, 17).

²⁾ Dig. XXXVIII, 22, *Idem(Ulp.) libro decimo de officio proconsulis,* 19: *Solet praeterea interdici sententia quibusdam, ... ne excedant patriam vel in vicis quibusdam morentur.*

города или области eo ipso лишались права жить въ Римѣ и даже посѣщать его на короткое время, воспрещеніе пребыванія въ какой-либо провинціи или нѣсколькихъ провинціяхъ имѣло всегда послѣдствіемъ воспрещеніе пребыванія въ Римѣ и въ Италіи вообще¹⁾).

Солдатамъ, и вообще военнымъ, уволеннымъ со службы за преступленія, также воспрещалось жить въ Римѣ и посѣщать его²⁾).

¹⁾ Свет., Claud., 23: sanxit, ut... quibus a magistratibus provinciae interdicerentur, urbe quoque et Italia summoventur. Dig. XXXXVIII, 22, 7. *Idem* (Ulpianus) *libro decimo de officio proconsulis*, 14... Constitutum est, cui patria interdictum est, etiam urbe abstinere debere; contra autem si cui urbe fuerit interdictum, patria sua interdictum non videtur... Si cui plane non patria sua, sed aliqua civitate interdictum sit videndum est, an etiam patria sua itemque urbe interdictum dicamus: quod magis est. Dig. XXXXVIII, 22, 18(19): *Callistratus libro...* * Relegatus morari non potest Romae, etsi id sententia comprehensum non est, quia communis patria est: neque in ea civitate, in qua moratur princeps vel per quam transit. iis enim solis permissum est principem intueri, qui Romam ingredi possunt, quia princeps pater patriae est. Dig. XXXVIII 23, 13: * *Paulus libro...* * Ei qui a relegato manumissus est Romae morari non licet, cum ne patrono quidem eius liceat.

²⁾ Cod. Iust. XII, 35, 3: *Idem. A.* (Antoninus) *Iuliano*. Milites ignominia missi, cum infamia notantur, nullis honoribus, qui integrae dignitatis hominibus deferri possunt, uti possunt. habeant autem morandi ubi velint potestatem, praeterquam in eis locis, quibus specialiter arcentur. Dig. III, 2, 2: *Ulpianus libro sexto ad edictum*, 4: Ignominia autem missis neque in urbe neque alibi, ubi imperator est, morari licet. Dig. XXVII, 1, 8: *Modestinus libro tertio excusationum*, 9. Γράφει δὲ καὶ Οὐλπιανὸς οὕτως. Sed ignominia missi ab urbicis plane tutelis excusantur, quia ingredi eis urbem non licet. Dig. XXXXVIII, 16, 13. *Idem* (Macer) *libro secundo de re militari*, 3:... et is, qui ignominia missus est, neque Romae neque in sacro comitatu agere potest. Dig. III, 2, 1: *Iulianus libro primo ad edictum*. Praetoris verba dicunt: „Infamia notatur qui ab exercitu ignominiae causa ab imperatore eove, cui de ea re statuendi potestas fuerit, dimissus erit“. Dig. III, 2, 2: *Ulpianus libro sexto ad edictum*. Quod ait praetor: „qui ab exercitu dimissus erit“: dimissum accipere debemus militem caligatum, vel si quis alius usque ad centurionem, vel praefectum

Не имѣли права жить въ Римѣ, надо полагать, также peregrini dediticii. Такъ назывались тѣ peregrini, которые прежде сражались какъ враги противъ Рима и, будучи побѣждены и сдавшись, не были обращены въ рабовъ, но зато изъ всѣхъ свободныхъ людей въ Римскомъ государствѣ имѣли наименьше правъ. Юристъ Гай говоритъ о нихъ (Instit., I, 13, 14, см. ниже, примѣч.), какъ объ особой, существовавшей въ его время, категоріи свободныхъ людей; изъ его-же словъ видно, что ихъ правовое положеніе было совершенно то-же, что и такъ называемыхъ peregrini dediticii, тѣхъ, которые считались dediticiorum numero.

Терминъ peregrini dediticii съ самаго начала имперіи сталъ м. пр. употребляться также для обозначенія одной категоріи вольноотпущенниковъ, именно тѣхъ, которые по своимъ правамъ, или, вѣрнѣе, безправію, приближались къ peregrini dediticii въ собственномъ, первоначальномъ значеніи этого слова. Это были именно такіе вольноотпущенники, которые, будучи рабами, за извѣстныя преступленія подверглись тяжелымъ и позорнымъ наказаніямъ. О нихъ прямо засвидѣтельствовано, что они не имѣли права жить въ Римѣ и ближе ста миль отъ него, въ противномъ случаѣ, они продавались въ рабство въ пользу казны и, будучи рабами, тоже не могли находиться въ Римѣ и на указанномъ разстояніи отъ него.

---

cohortis vel alae vel legionis, vel tribunus sive cohortis sive legionis dimissus est. hoc amplius Pomponius ait etiam eum, qui exercitui praeest, licet consularibus insignibus utitur, ignominiae causa ab imperatore missum hac nota laborare: ergo et si dux cum exercitui praeest dimissus erit, notatur, et si princeps dimiserit et adiecerit ignominiae causa se mittere, ut plerumque facit, non dubitabis et ex edicto praetoris eum infamia esse notatum: non tamen si citra indignationem principis successor ei datus est и пр.

1) Гай, Instit. I, 13: Lege Aelia Sentia cavetur, ut qui servi a dominis poenae nomine vincti sint quibusve stigmata inscripta sunt, deve quibus ob noxam quaestio tormentis habita sit et in ea nona convicti sint, quive ut ferro aut cum bestiis depagnarent traditi sint, inve ludum custodiamve coniecti fuerint, et postea vel ab eodem domino vel ab alio manumissi, eiusdem condicionis liberi fiant, cuius condicionis sunt peregrini

Изъ этого само собою, кажется, слѣдуетъ, что вообще рабы, подвергнутые сказаннымъ наказаніямъ, не могли являться или быть приводимы въ Римъ, и, если подвергались имъ въ Римѣ, то немедленно были удаляемы изъ него¹⁾).

Иногда продавали рабовъ подъ условіемъ вывоза купившимъ изъ какого-либо одного города или цѣлой области. Такіе рабы не допускались въ Римъ; рабъ, проданный подъ условіемъ вывоза его новымъ владѣльцемъ изъ какого бы ни было города, eo ipso не могъ жить и быть отпущеннымъ на волю въ этомъ городѣ и также въ Римѣ; а если рабъ былъ проданъ подъ условіемъ вывоза изъ цѣлой провинціи, то не могъ жить также нигдѣ въ Италіи; въ случаѣ несоблюденія этого условія купившій такого раба терялъ на него право и тотъ становился опять собственностью прежняго владѣльца²⁾).

Переходимъ къ свидѣтельствамъ объ удаленіи изъ Рима peregrinorum и иногородныхъ.

При республикѣ Римское правительство прибѣгало неравъ къ высылкѣ изъ Рима peregrinorum, напр. въ 187 г., въ 126 и 65³⁾. Случаи

dediticii. 14. Vocantur autem (peregrini dediticii) hi qui quondam adversus populum Romanum armis susceptis pugnauerunt, deinde victi se dediderunt. 26. Pessima itaque libertas eorum est, qui dediticiorum numero sunt; nec ulla lege aut senatus consulto aut constitutione principali aditus illis ad civitatem Romanam datur. 27. Quin etiam in urbe Roma vel intra centesimum urbis Romae miliarium morari prohibentur; et si qui contra ea fecerint, ipsi bonaque eorum publice venire iubentur ea condicione, ut ne in urbe Roma vel intra centesimum urbis Romae miliarium serviant, neve unquam manumittantur; et si manumissi fuerint, servi populi Romani esse iubentur. et haec ita lege Aelia Sentia comprehensa sunt.

¹⁾ Однако есть упоминанія о клейменныхъ рабахъ въ Римѣ (Марциалъ, VIII, 75, 9: Quattuor inscripti portabant vile cadaver).

²⁾ Cod. Iust. IV, 55,5: *Idem A. (Alexander) Sextiano Serapioni.* Qui exportandus a domino de civitate sua venit, nec in urbe Roma morari debet: qui autem de provincia certa, nec in Italia, si itaque contra legem constitutam factum probare potes, utere iure, quod propterea tibi competit.

³⁾ Объ удаленіи изъ Рима и Италіи подданныхъ государства, съ

такой ксенеласіи бывали иногда и при императорахъ.

Августъ послѣ извѣстнаго пораженія Римскихъ легионовъ Германцами удалилъ изъ Рима Германцевъ и Галловъ(?), служившихъ въ отрядѣ императорскихъ тѣлохранителей, а также и остальныхъ Германцевъ и Галловъ, проживавшихъ въ Римѣ; онъ считалъ опаснымъ оставлять въ такое время около себя и въ Римѣ этихъ варваровъ¹⁾. Въ другой разъ, уже по иному поводу, Августъ удалилъ на нѣкоторое время изъ Рима почти всѣхъ перегриновъ. Светоній Aug. 42 сообщаетъ, что Августъ однажды по причинѣ дороговизны въ Римѣ съѣстныхъ припасовъ выселилъ изъ города продажныхъ рабовъ, гладиаторовъ, часть прислуги и всѣхъ перегриновъ за исключеніемъ врачей и учителей²⁾.

которымъ Римъ воевалъ или собирался воевать, говорить напр. Полибій XXVII, 7. По свидѣтельству Ливія, XXXIX, 3. по просьбамъ Латинскихъ городовъ, выселено было изъ Рима много Латвианъ, которые являлись въ Римъ на цензъ и внесены были въ списки Римскихъ гражданъ (hac conquisitione duodecim milia Latinorum domos redierunt, iam tum multitudine alienigenarum urbem onerante). Срв. XLI, 8 и 9. Цицеронъ, De off., III, 11, 47: Male etiam qui peregrinos urbibus uti prohibent eosque exterminant, ut Pennus apud patres nostros, ut Papius nuper. Nam esse pro cive qui civis non sit, rectum est non licere..... usu vero urbis prohibere peregrinos inhumanum est. Срв. Діона-К. XXXVII, 9 (мѣсто приведено выше).

¹⁾ Свет., Aug. 49. Діонъ-Кассій, LVI, 23: ἐπειδὴ τε συχνοὶ ἐν τῇ Ῥώμῃ καὶ Γαλάται καὶ Κελτοὶ, οἱ μὲν ἄλλως ἐπιδημοῦντες οἱ δὲ καὶ ἐν τῷ δουροφορικῷ στρατευόμενοι, ἦσαν, ἐφοβήθη μὴ τι νεοχημῶσι, καὶ τούτους μὲν ἐς νήσους τινὰς ἀπέστειλε, τοὺς δὲ ἀόπλους ἐχχωρῆσαι τῆς πόλεως προσέταξε.

²⁾ Magna vero quondam sterilitate ac difficili remedio, cum venalicias et lanistarum familias peregrinosque omnes, exceptis medicis et praecceptoribus, partimque servitorum urbe expulisset, ut tandem annona convaleuit, impetum se cepisse scribit frumentationes publicas in perpetuum abolendi, quod earum fiducia cultura agrorum cessaret: neque tamen perseverasse и проч. Срв. Діона-К., LV, 26: ταῦτά τε οὖν τοὺς Ῥωμαίους ἐλόπει καὶ προσέτι καὶ λιμὸς ἰσχυρός, ὥσθ' ὑπ' αὐτοῦ τοὺς τε μονομαχοῦντας καὶ τὰ ἀνδράποδα τὰ ὄνια ὑπὲρ πεντήκοντα καὶ ἑπτακοσίους σταδίους ἐξωσθῆναι, ἔχ

Перегрины въ это время могли быть только изъ провинціаловъ; нѣкоторые врачи и учителя въ Римѣ—это были большею частью Греки—, выходить, не были Римскими гражданами (срв. Свет., Iul. 44)¹⁾. Такимъ образомъ, при Августѣ высланы были изъ Рима только провинціалы, какъ и при республикѣ въ 65 г. до Р. Хр.

Бъ высылкѣ изъ Рима перегриновъ или вообще иногородныхъ по случаю дороговизны съѣстныхъ припасовъ прибѣгали, вѣроятно, иногда и послѣ Августа, въ первые вѣка имперіи; по крайней мѣрѣ въ IV вѣкѣ это бывало нерѣдко, а случаи дороговизны и голода въ Римѣ бывали неразъ и въ предыдущіе вѣка (см. Фридендеръ, Sittengesch. Roms, I.). Изъ Амвросія, De offic. ministr., III, 7, видно, что въ его время обыкновенно въ такихъ случаяхъ выселяли изъ Рима peregrinos; онъ разумѣлъ, подъ peregrini, конечно, Римскихъ гражданъ иногородныхъ²⁾. Ливаній (Or. Antioch.) говоритъ объ Антиохійцахъ, что они не оказывались никогда

τε τῆς θεραπείας καὶ τὸν Αὐγούστον καὶ τοὺς ἄλλους τὸ πλεῖστον ἀποπέμψασθαι... καὶ ἐκδημεῖν τε τοῖς βουλευταῖς ἔνθα ἂν ἐδεήσωσιν ἐπιτραπῆναι.

¹⁾ Плиній, N. h. XXIX, 1, 16: Non rem antiqui damnabant, sed artem.... Ideo templum Aesculapii, etiam cum reciperetur is deus, extra urbem fecisse iterumque in insula traduntur et, cum Graecos Italia pellerent diu etiam post Catonem, excepisse medicos. Далѣе Плиній говоритъ, что изъ Римлянъ весьма немногіе избирали профессію меѣика.

²⁾ De off. min. III, 7, 45 (Krabinger): Sed et illi, qui peregrinos urbe prohibent, nequaquam probandi.... 46. Quanto ille rectius, qui cum iam provecta processisset aetate et famem toleraret civitas, atque, ut in talibus solet, peterent vulgo, ut peregrini urbe prohiberentur, praefecturae urbanae curam ceteris maiorem sustinens convocavit honoratos et locupletiores viros, poposcit, ut in medium consulerent, dicens, quam inmane esset peregrinos eici, quam hominem exueret qui cibum morienti negaret... 49. Quanto hoc utilius, quam illud quod proxime Romae factum est, eiectos esse urbe amplissima, qui iam plurimam illic aetatem transegerant, flentes cum filiis abisse, quibus velut civibus amoliendum exsillium deplorarent, interruptas conplurium necessitudines, diremptas affinitates? Et certe arriiserat anni fecunditas, investicio urbs sola egebat frumento; potuisset ¹uari, si peteretur ab Italis frumentum, quorum filii expellebantur.... 50....

въ необходимости прибѣгать къ такой обидной мѣрѣ по отношенію къ проживавшимъ къ ихъ городѣ ξένοι, хотя видѣли примѣръ этого въ Римѣ, который де, выселяя иногородныхъ, превращаетъ такимъ образомъ недостатокъ сѣстныхъ припасовъ въ обиліе ихъ¹⁾.

Неразъ бывали въ первые вѣка имперіи случаи массоваго выселенія изъ Рима по распоряженію властей всѣхъ лицъ, державшихся извѣстной религіи или лицъ извѣстной профессіи, если эти лица признавались вообще неудобными или вредными для общественнаго порядка и спокойствія. Чрезмѣрное накопленіе въ Римѣ нерѣдко разнородныхъ и иновѣрческихъ пришлыхъ элементовъ было для правительства и города по многимъ причинамъ нежелательно. Особенно низшіе слои населенія Рима, не привыкшіе къ труду, жившіе отчасти на счетъ государства, отличались большою подвижностью и разнузданностью; пришлые, особенно нѣкоторые иновѣрческіе, элементы возбуждали иногда вражду къ себѣ со стороны другихъ и вообще волненія, напр. прозелитствомъ, гаданьями и т. п.; философы, особенно циники, обращались съ своими проповѣдями публично и проч. и къ простому народу, и иногда съ рѣзко нападками на существующій порядокъ²⁾. И вотъ правительство находило иногда

Quantis corporatorum subsidiis dudum Roma fraudata est! Potius et illos non dimittere et evadere famem expectatis ventorum oportunis flatibus... См. также Марцелинъ, XIV, 6, 18 и XXVIII, 4, 32 и Симмахъ, Epist. II, 7.

¹⁾ οὕτω τῇ τε γῇ πρέπων ὄχλος ὁ παρ' ἡμῖν, τῷ τε ὄχλῳ τῆς γῆς ἢ φύσει, δι' ἣν οὐδεπώποτε τὸν ξένιον ἠναγκάσθημεν ἀδικῆσαι διὰ τῆς περὶ τοὺς ξένους ὀμότητος καὶ τοι τὸ παραδειγμα τῆς Ῥώμης ἔχοντες, ἢ τὴν τῶν ἀναγκαίων σπάνιν, ἢ νικᾶ ἂν τοῦτο συμπέσῃ, τῇ τῶν ξένων ἐλάσει πρὸς ἀφθονίαν μαθίστησιν ἡμᾶς δὲ οὐ κατέκλεισεν εἰς τοιαύτην ἔλασιν ἢ γῇ (Libanii Orat. et declam. Rec. Reiske.).

²⁾ Тертулл., Ad nat. I, 4: Et tamen philosophis patet libertas transgrediendi a vobis in sectam et auctorum et suum nomen, nec quisquam illis odium movet, cum in mores, ritus, cultus, victusque vestros palam ac publice omnem eloquii amaritudinem elatrent, cum legum contemptu, sine respectu personarum, ut quidam etiam in principes ipsos libertatem suam inripe iaculentur. Это они позволяли себѣ и въ Римѣ, но не всегда это имъ сходило даромъ.

нужнымъ высылать изъ Рима и Италии нѣкоторыхъ иновѣрцевъ и лицъ нѣкоторыхъ профессій и воспрещать таковымъ вновь появляться въ Римѣ и жить въ немъ. Эти воспрещенія распространялись и на лицъ, постоянно жившихъ въ Римѣ, но чаще, надо полагать, на прѣѣзжихъ и временно проживавшихъ въ немъ, въ особенности перегриновъ.

Имѣются свидѣтельства о высылкѣ изъ Рима при Тиберіѣ и Клавдіѣ Евреевъ и іудействующихъ, а также поклонниковъ Египетскихъ божествъ¹⁾.

О выселеніи изъ Рима христіанъ или о воспрещеніи имъ жить въ немъ, кажется, нѣтъ свидѣтельствъ; впрочемъ, вѣроятно, у Светонія, Claud. 25²⁾ подъ Іудеями слѣдуетъ разумѣть христіанъ изъ Іудеевъ. Въ позднѣйшее время имперіи не допускались въ Римъ еретики.

Неразъ выселяемы были изъ Рима разнаго рода гадатели (Халдеи, маги, математики, астрологи)—большею частью перегрины. Профессиональные гадатели (Халдеи) были изгнаны изъ Рима уже въ 139 г. до Р. Хр., потомъ—при Августѣ. Начиная съ Тиберія профессиональное вѣдовство преслѣдуется въ Италиі, какъ уголовное преступленіе; гадателей разнаго рода или просто удаляли изъ Рима и Италиі, или—, подвергнувъ предварительно тѣлесному наказанію, или отправляли въ ссылку³⁾.

Въ первомъ вѣкѣ два раза были удаляемы изъ Рима почти всѣ философы, именно при Веспасіанѣ и Домиціанѣ⁴⁾; это были большею

1) Филонъ, Leg., 23 и 24, Тац., Ann., II; 85, Свет., Tib., 36, Иосифъ-Фл., Antiqu., XVIII, 3, 5, Свет., Claud. 25. Въ первый разъ Евреи были удалены изъ Рима уже при республикѣ, именно въ 139 году до Р. Х. (Вал.-Макс., I, 3,3.).

2) *Iudaeos impulsore Chresto assidue tumultuantes Roma expulit.* Тертулл., Apolog., 3: *Sed et cum perperam Chrestianus pronuntiatur a vobis (nam nec nominis certa est notitia apud vos), de suavitate vel benignitate compositum est.* Срв. Ad nat., I, 3.

3) Тац., Ann., I, 32: *facta et de mathematicis magisque Italia pellendis senatus consulta.* Діонъ-К., LXVI, 9.: *τοὺς τε ἀστρολόγους ἐκ τῆς Ῥώμης ἐξώρισεν* (Веспасіанъ), *καίπερ πᾶσι τοῖς ἀρίστοις αὐτῶν χρώμενος.* Тертулл., De idol., 9: *urbs et Italia interdicitur mathematicis.* Больше объ этомъ см. у Моммзена, Roem. Strafrecht.

4) Діонъ-К. epit. LXVI, 13: *καὶ πάντας αὐτίκα τοὺς φιλοσόφους ὁ*

частью Греки, иногородные и даже peregrini. Во второмъ и третьемъ вѣкѣ этого, кажется, не бывало, напротивъ, нѣкоторые изъ императоровъ весьма благоволили къ философамъ и представляли имъ значительную свободу слова, или по крайней мѣрѣ мирились съ нею.

Имѣются также свидѣтельства о высылкѣ изъ Рима доносчиковъ, актеровъ и лицъ, занимавшихся проституціею¹⁾.

Конечно, гораздо чаще такихъ массовыхъ высылковъ изъ Рима бывали случаи высылки отдѣльныхъ лицъ упомянутыхъ категорій.

Упомянемъ, наконецъ, еще о чрезвычайной мѣрѣ, принятой Септ.-Северомъ по отношенію къ преторіанцамъ: раскассировавъ гвардію, онъ воспретилъ всѣмъ бывшимъ преторіанцамъ, подъ страхомъ смертной казни, показываться на разстояніи ближе ста миль отъ Рима (Геродианъ, II, 13). Такимъ образомъ они въ этомъ отношеніи очутились всѣ въ положеніи *ignominia missi*.

Иногородные, проживавшіе въ Римѣ постоянно или временно, будучи въ большей или меньшей степени связаны съ своими городами и провинціями, группировались тамъ въ общества одногороджанъ и однопровинціаловъ или по крайней устранивали соотвѣтственные свои центры, которые въ то-же время могли быть полезны и для спеціальныхъ интересовъ отдѣльныхъ профессиональныхъ группъ, наир. купцовъ. Были въ Римѣ также и профессиональныя общества изъ лицъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ городамъ или провинціямъ; наконецъ,—общества иновѣрцевъ, тоже состоявшія, если и не исключительно, то въ значительной мѣрѣ, изъ иногородныхъ, въ частности провинціаловъ.

Οὐεσπασιανός, πλὴν τοῦ Μουσωνίου, ἐκ τῆς Ῥώμης ἐξέβαλε, τὸν δὲ Δημήτριον καὶ τὸν Ὀστίλιον καὶ ἐς νῆσους κατέχλεισε. Геллій N. A., XV, II, 3: *Neque illis solum temporibus nimis rudibus necdum Graeca disciplina ex-politit* (именно при республикѣ, въ 173 г. до Р. X.), *philosophi ex urbe Roma pulsati sunt, verum etiam Domitiano imperante senatusconsulto eieci atque urbe et Italia interdicti sunt.* Срв. Діонъ-К., *epit. LXVII, 13.*

¹⁾ Свет., Tit., 8, Плиній, Paneg., 34, Геродианъ, II, 4, Тац., Ann., II, 14.

Объ этихъ обществахъ и центрахъ до насъ дошло немало свидѣтельствъ отъ древности; къ разсмотрѣнію ихъ мы теперь и переходимъ.

Сначала посмотримъ, какія общества или центры имѣли въ Римѣ отдѣльные города и провинціи и извѣстныя категоріи гражданъ отдѣльныхъ городовъ и провинцій.

C. I. L. VI, 9677 имѣется слѣдующая надгробная надпись: D(is) M(anibus). | (Publius) Clodius Athenio | negotians salsarius, | q(uin)q(uen-nalis) corporis negotiantium | Malacitanorum, et Scantia Successa coniunx eius | vivi fecerunt sibi et libertis libertabusque suis posterisque eorum. | In fronte p(edes) XIII, in agro p(edes) XII. Спрашивается, было-ли это corpus negotiantium Malacitanorum въ Римѣ. Либевамъ полагасть, что имѣется въ виду общество въ Римѣ (R. Vereinswesen, стр. 96: In Rom Kauffleute aus Malaca. C. VI 9677.). Вальцингъ выражаетъ сомнѣніе (Corpor. profess., II, стр. 168): «всѣ-ли члены этого коллегія—спрашивается онъ—вели ту-же торговлю? было-ли въ Римѣ купцовъ изъ Малаги достаточно для того, чтобы образовать тамъ общество? Или, можетъ быть, здѣсь разумѣется общество въ Малагѣ, предсѣдатель котораго былъ погребенъ въ Римѣ?» Купцы могли быть не только salsarii, а также и другихъ категорій; всѣхъ ихъ могло быть въ Римѣ значительное количество. Малака вѣдь была довольно значительнымъ торговымъ городомъ; въ ней проживали купцы даже съ Востока (I. G. S. I., 2540.); по свидѣтельству Страбона, Малака имѣла *ταρχείας μεγάλας*, а рыбныхъ товаровъ разнаго рода изъ южной Испаніи шло много въ Римъ и вообще Италію. Далѣе, мало вѣроятно, чтобы всѣ negotiantes Малаки составляли на мѣстѣ одно общество, corpus; вѣроятнѣе, что въ Малакѣ, какъ обыкновенно и въ другихъ значительныхъ городахъ, были отдѣльныя общества купцовъ разныхъ категорій; въ Римѣ же такое общее corpus всѣхъ тамъ проживавшихъ купцовъ изъ Малаки совершенно естественно. Набонецъ, Атеніонъ жилъ въ Римѣ со своими и устроилъ тамъ еще при жизни для себя и своихъ усыпальницу; но вѣдь, живя въ Римѣ, едва-ли онъ могъ быть квинквенналомъ, значить, и членомъ, общества въ Малагѣ. По этимъ соображеніямъ мы считаемъ вѣроятнымъ, что упоминаемое въ этой надписи общество купцовъ было въ Римѣ.

Еще болѣе вѣроятно, что въ Римѣ имѣли свое общество или центръ купцы или судовладѣльцы другого города южной Испаніи, болѣе торго-

ваго и вообще болѣ значительнаго, чѣмъ Малава, именно—Гадъ (нын. Бадиска). Уже въ началѣ имперіи торговый флотъ предприимчивыхъ Гадитанцевъ былъ весьма значителенъ, а въ послѣдствіи тѣмъ болѣе¹⁾.

C. I. L., XIV, 160 имѣется слѣдующая надпись (Fragmentum tabulae marmorariae. Translatum Romam ex civitate Portuensi): [Pro salute imp. Caesaris T. Aelii] | Hadriani An[tonini] | Aug Pii p. p. et M. [Aelii] | Caesaris can . . . . .] | anaptoterium [M. Ulpius] | Aug. lib. Appianu[s] nomine] | suo et Ulpiae M[. . . . .] | filiae suae | civibus Ga[. . . . .] | donum dedit. Что пожертвовалъ Аппіанъ, сказать трудно. Кайбель предполагалъ, что anaptoterium значило accubitorium (срв. C. I. L., III, 7960.) и что этому слову предшествовало candelabrum. Можетъ быть, слѣдуетъ читать: cantharum et anaptoterium и видѣть въ этихъ словахъ обозначеніе фонтана? Но, въ чемъ бы ни состоялъ даръ Аппіана, несомнѣнно, что онъ назначался для какого-то зданія или мѣста, принадлежавшаго civibus Ga . . . . . или нанимаемаго ими, и что, слѣдовательно, эти cives проживали въ Портѣ (portus Traiani) въ значительномъ числѣ и имѣли тамъ свой нѣкотораго рода центръ. Далѣе, почти несомнѣнно, что жертвователь былъ землякомъ или согражданиномъ ихъ. Какого же города это были граждане? Кайбель склоненъ читать Gazaeis, но допускаетъ и чтеніе Gaditanis; при этомъ онъ указываетъ на надпись (Греческую) на пьедесталѣ статуи императора Гордіана, поставленной въ Портѣ Газейцами (I. G. S. I., 926; въ этой надписи Газа называется αὐτόνομος). Были и другія города,—почти все на Востокѣ—, названія которыхъ начинались съ Ga (Garziuga, Gaba, Gabala, Gadara, Gabae и др.); но наша надпись, полагаемъ, не имѣла никакого отношенія ни къ гражданамъ какого-либо изъ этихъ городовъ, ни къ Газейцамъ. На пожертвованіяхъ Газейцамъ и другимъ peregrinнымъ городамъ Востока мы бы ожидали надписи на Греческомъ языкѣ или на Греческомъ и Латин-

¹⁾ Страбонъ, III, 5,3: οὗτοι (Гадитанцы) γὰρ εἰσιν οἱ ἄνδρες οἱ τὰ πλεῖστα καὶ μέγιστα ναυκλήρια στέλλοντες εἰς τε τὴν κατ' ἡμᾶς θάλατταν καὶ τὴν ἔκτος, οὔτε μεγάλην οἰκοῦντες νῆσον οὔτε τῆς περαιᾶς νεμενομένοι πολλὴν οὔτ' ἄλλων εὐποροῦντες νήσων, ἀλλὰ πλεον οἰκοῦντες τὴν θάλασσαν, ὀλίγοι δ' εὐοικοῦντες ἢ ἐν Ῥώμῃ διατρίβοντες ἐπεὶ πλήθει γε οὐδεμᾶς ἂν ἀπολείπεσθαι δόξειεν τῶν ἐξω Ῥώμης πόλεων.

скомъ¹⁾ (срв. ниже приводимыя свидѣтельства о *stativones* городовъ въ Римѣ). Если же въ надписи стояло *Gaditaniis*, то языкъ ея не возбуждаетъ никакого сомнѣнія и кое-что другое въ ней объясняется тогда легко: Аппіанъ, выходяло бы, былъ землякомъ Гадитанцевъ или вообще изъ Испаніи, онъ—вольноотпущенникъ императора Траяна, какъ извѣстно, родомъ Испанца (онъ былъ, какъ говоритъ Діонъ-К., Ἰβηρ... οὐκ Ἴταλὸς οὐδ' Ἰταλιώτης); можетъ быть, Аппіанъ вывезенъ былъ будущимъ императоромъ изъ Испаніи въ Италію и тамъ получилъ право Римскаго гражданства.

Гадитанцы, проживавшіе въ Портѣ, Остини и Римѣ были, конечно, главнымъ образомъ купцы²⁾.

Вообще Испанія, особенно южная, вела весьма обширную и оживленную торговлю съ Римомъ и вообще Италією³⁾. Оттуда привозилась

¹⁾ Въ одной Греческой надписи Газа называется колонією и въ одной Латинской—Гадара; но эти свидѣтельства весьма неопредѣленны. Можно смѣло утверждать, что Газа не была при Антонинѣ Піѣ городомъ Римскихъ гражданъ. LeBas-Wadd., III, 1904: Κωλωνία Γάζης, ἐπὶ Ἡρώδου Διοφάντου, ιε? Ce monument nous apprend que Gaza avait reçu le titre de colonie; il n'y a aucune trace de ce fait sur les nombreuses monnaies de Gaza qui s'étendent depuis le règne d'Auguste jusqu' à celui de Gordien et je ne crois pas qu'il soit mentionné ailleurs. Срв. Head, Hist. numism., стр. 680. Schürer, Gesch. d. jüd. Volkes, II, стр. 63 полагаютъ, что Газа сдѣлана Римскою колонією послѣ Гордіана. О Гадарѣ см. С. I. L., III, 181, и Head, Hist. num., стр. 665. Можетъ быть, это были такія-же колоніи, какъ Птолемаида, въ которой колонію составляли собственно Римскіе солдаты и о которой Ульпіанъ (Dig. L., 15, 31) говоритъ: nihil praeter nomen coloniae habet.

²⁾ Въ Римѣ, какъ можно заключать изъ Ювенала и Морціала, было немало Гадитанскихъ танцовщицъ и пѣвицъ.

³⁾ Страбонъ, III, 2, 5 (о Турдетаніи): ἀπαντα δ' ἡ ἐμπορία πρὸς τὴν Ἰταλίαν ἐστὶ καὶ τὴν Ῥώμην. 6. τὴν δὲ ἀφθονίαν τῶν ἐκχομιζομένων ἐκ τῆς Τουρδητανίας ἐμφανίζει τὸ μέγεθος καὶ τὸ πλῆθος τῶν ναυκληριῶν· ὀλκάδες γὰρ μέγιστα παρὰ τούτων πλέουσιν εἰς Δικαιορχίαν καὶ τὰ Ῥώτια, τῆς Ῥώμης ἐπὶ κείνου· τὸ δὲ πλῆθος μικροῦ δαῖν ἐνάμιλλον τοῖς Διβουχοῖς *ἐκπολλαπλασιασῆς*. Срв. Плиній N. h., III, 7, 1. Объ этой торговлѣ Испаніи съ Римомъ свидѣтельствуютъ доселѣ въ Римѣ надписи на обломкахъ глиняныхъ сосудовъ,

въ Римѣ преимущественно: превосходное оливковое масло, разные рыбные товары, не уступавшіе достоинствомъ Понтійскимъ, металлы, лошади и югатыи скоть, шерсть, медь, воскъ, смола, также хлѣбъ, вино и др.

Элианъ Hist. anim., XIII, 6 говоритъ объ одномъ находившемся у моря зданіи въ Дікеархіи (Путеолахъ), въ которомъ былъ складъ товаровъ— между прочимъ рыбныхъ—Испанскихъ купцовъ (ἐς οἶκόν τενα πάραλον, ἔνθα ἦν φόρτος Ἰβηρικῶν ἐμπόρων καὶ ταρίχη τὰ ἐκεῖθεν ἐν σκαύεσιν ἀδροῖς); изъ его-же разсказа видно, что Испанскіе купцы жили въ Путеолахъ; онъ разсказываетъ именно, какъ эти купцы устроили засаду въ названномъ зданіи на морского полипа, проникавшаго въ ихъ склады по кловкѣ и пожирившаго рыбные товары; засѣли тамъ, по его словамъ, купцы, пострадавшіе отъ этого страннаго гостя и другіе изъ любопытства. Итакъ, во II вѣкѣ (?) Испанскіе купцы имѣли въ Путеолахъ склады товаровъ и сами проживали тамъ; а что они составляли тамъ нѣкотораго рода общество, какъ напр. тамъ-же Тирійцы, можно считать несомнѣннымъ: разнаго рода частныя общества были въ первые вѣка имперіи весьма распространены почти во всѣхъ частяхъ имперіи; о нихъ до насъ дошло множество свидѣтельствъ (см. въ особенности Waltzing, Etude hist. sur les corporations professionnelles chez les Romains. 4 тома).

Въ Римѣ и Остіи, Испанскихъ купцовъ проживало, конечно, не меньше, чѣмъ въ Путеолахъ.

Въ одной надписи Рима, II вѣка, C. I. L., VI, 1625 находимъ mercatores olearii ex Baetica; они поставили въ Римѣ статую своему патрону. Въ концѣ надписи стоитъ: curatoribu[s] Cassio Faus[to] Caecilio No[norato]. Ясно, что эти купцы составляли общество, corpus; но, спрашивается, было-ли это общество въ Римѣ? Кажется, можно это предполагать въ виду того, что его составляли купцы изъ всей провинціи и что

изъ которыхъ образовалась находящаяся на берегу Тибра Черепковая гора, Monte Testaccio (окружность — около версты, высота — около 150 футовъ). Рихтеръ, Topogr. d. St. Rom., стр. 130: Es ist kein Zweifel, dass diese ungeheuren Scherbenmassen von den Gefässen herrühren, in denen die überseeischen Waren anlangten. Namentlich ist es Spanien, in erster Linie die fruchtbare Provinz Baetica, und Africa, deren Handelsverkehr mit Rom in diesen Inschriften sich widerspiegelt.

въ надписи упоминаются кураторы общества. Опреѣленіе ex Baetica не исключаетъ возможности такого предположенія, хотя изъ него и не слѣдуетъ непременно, чтобы эти купцы жили въ Римѣ¹⁾.

Сохранилось нѣсколько надгробныхъ надписей Испанскихъ купцовъ, похороненныхъ въ Римѣ. Въ одной изъ нихъ C. I. L., VI, 1935, читаемъ: L(ucio) Mario | Phoebo | viatori | tribunicio || decuriae maioris, mercatori | olei Hispani ex | provincia | Baetica. Если определеніе ex pr. Baetica относится къ mercatori, то это былъ Испанскій купецъ, жившій постоянно въ Римѣ. Другая надпись C. I. L., XIV, 397: L. Numicio C. lib. Agathemero | sevirо Adustali | negotiatori ex Hispania citeriore и пр. помѣщена издателемъ между надписями Остин, но, можетъ быть, и она принадлежитъ Риму.

Болѣе интереса для насъ представляетъ слѣдующая надгробная надпись, C. I. L., 29722: D(is) M(anibus) s(acrum). C(aio) Sen[tio] Regu-
liano, eq(uiti) r(omano), diffus(ori) oleario ex Baetica, | curator(i) eiusdem
corp(oris), negot(iatori) vinario Lugu||dun(i) in canabis consisten(ti), cura-
tori et patrono ei|usdem corporis, nautae Arari|co, patrono eiusd(em) corpo-
ris, | patrono (sex) vir(um) Luguduni consistentium, L(ucius) Silenius Re-
ginus Au[g(ustalis)] et Ulattia | Metrodora et filii eiusdem ponendum cu-
raverunt, | procurante Dionysio et || Belliciano et . . . . . Надпись эта
весьма напоминаетъ нѣкоторыя надписи Ліона, особенно С., XIII, 1954;
толкованіе ея представляетъ затрудненія. Сентій Регулианъ—diffusor ole-
arius (т. е. оптовый торговецъ оливковымъ масломъ) ex Baetica; умеръ
въ Римѣ; онъ былъ curator corporis diffusorum oleariorum. Опять вопросъ:
гдѣ было это общество? Тогда какъ другія общества, которыхъ Сентій
былъ кураторомъ или патрономъ, обозначаются и по мѣсту ихъ нахож-
денія, corpus diff. olear. ближе не опредѣляется, или надо предполагать,
что оно было тоже ex Baetica, какъ и кураторъ его. Выходитъ какъ

¹⁾ Срв. C. I. L. III, 5212: cives Romani (e)x Italia et aliis provin-
ciis in Raetia consistentes и C. I. L., VI, 1401: col. Augusta Bisica
Lucana ex Africa, C. I. L. VI, 1010: Hipponenses ex Africa, В. С. Н.,
VI, стр. 30: *Ἡρασονηστῆται οἱ ἐκ Πόντου*. Ср. Schulten, De conventibus civ.
Roman., стр. 100: aut ἐν—dicitur, si origo ipsa exprimitur, aut ἐξ—,
si origo comparatur cum loco negotiationis.

будто, что это общество было въ Римѣ. Сентій не могъ быть одновременно по крайней мѣрѣ кураторомъ обществъ въ разныхъ мѣстахъ. Последнею и главною его спеціальностью, можно думать, была торговля масломъ. Возможно, что онъ жилъ тогда уже въ Римѣ и былъ кураторомъ тамошняго общества Испанскихъ купцовъ. Или онъ умеръ въ Римѣ, прѣбывавъ туда на время по дѣламъ—личнымъ или тѣхъ обществъ, коихъ былъ кураторомъ или патрономъ? *Diffusores olearii* упоминаются еще въ надписяхъ С. I. L., II, 1481 и XII, 714.

Въ надписи С. I. L., VI, 1620—должно полагать, II вѣка—находимъ *mercatores frumentarii et olcarii Afragi'*); они поставили въ Римѣ статую(?) префекту анноны. Нѣкоторые полагаютъ, что это были мѣстные купцы города Рима, торговавшіе хлѣбомъ и оливковымъ масломъ изъ Африки или также доставлявшіе эти товары въ Римъ. Вальцингъ называетъ ихъ *marchands qui transportaient à Rome le blé et l'huile d'Afrique*. Срв. Schulten, *De conventibus civ. Rom.*, стр. 100. Намъ кажется, что доставлявшіе въ Римъ эти товары были скорѣе *navicularii* или *negotiatores*, чѣмъ *mercatores*.

Торговля съ Римомъ съверной Африки была весьма обширна. Прежде всего оттуда Римъ получалъ почти все потребное для него количество хлѣба; затѣмъ также много оливковаго масла и другихъ товаровъ; Александрія кроме своихъ мѣстныхъ произведеній доставляла въ Римъ также разные товары съ Востока. Вели съ Римомъ торговлю и Греческія города, особенно Малой Азій; но особенно обширна и оживленна была торговля—съ Римомъ, Италією и другими частями имперіи—Сирийскихъ городовъ²⁾.

Доставкою въ Римъ хлѣба и оливковаго масла занимались весьма многіе купцы и судовладѣльцы—какъ мѣстные изъ Рима и Остіи³⁾, такъ

1) Срв. С. I. L., VI, 9676: *negotians salsamentarius et vinarius Maurarius*.

2) Нѣкоторыя приморскіе города Востока имѣли титулъ *ναυαρχία*, напр. Тиръ, Сидонъ и Триполь въ Финикіи, Эги, Корикъ и Себаста въ Киликіи, Никополь въ Эпирѣ, Томи въ Мезіи и др.

3) Юристъ Гай (*Dig. III, 4, 1*) говоритъ, что въ его время было въ Римѣ *congrus naviculariorum* (или нѣсколько ихъ?); а въ надписяхъ Остіи

въ особенности иногородные, преимущественно изъ сѣверной Африки и Испаніи. Эти *negotiatores*, qui *annonam urbis adiuvabant* и *navicularii*, qui *annonae urbis serviebant* (Dig.),¹⁾ пользовались нѣкоторыми привилегіями и вообще составляли предметъ особыхъ попеченій со стороны правительства. При своихъ частыхъ, регулярныхъ сношеніяхъ съ Римомъ, они, естественно, должны были имѣть тамъ или въ Остіи свои центры.

Иногородные кушцы и судовладѣльцы обыкновенно не жили постоянно или подолгу въ Римѣ или Остіи, или жили сравнительно немногіе, но зато очень многіе изъ нихъ очень часто посѣщали эти мѣста и потому въ этихъ, а также и другихъ торговыхъ, особенно приморскихъ, городахъ должны были въ своихъ интересахъ имѣть нѣкотораго рода центры, конторы или факторіи, гдѣ бы каждый изъ нихъ могъ, прибывъ въ данный городъ, найти своихъ людей, сдѣлать скоро нужныя справки и т. п. Такіе центры могли примыкать къ существовавшимъ уже обществамъ земляковъ или единовѣрцевъ, или, наоборотъ, служили основой для образованія таковыхъ, гдѣ ихъ еще не было²⁾.

упоминаются *Ostienses navicularii*. Въ одной надписи города Рима, С. I. L., VI, 9682, упоминается *corpus maris Adriatici*, а въ одной Остіи-ской — *navicularii maris Adriatici*. Полагаемъ, что въ той и другой разумѣется одно и то-же общество и что это были мѣстные судовладѣльцы. Вальцингъ полагаетъ, что *Ostienses navicularii* étaient probablement des *bateliers faisant le sabotage sur la côte*. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что *navicularii marini*, доставлявшіе хлѣбъ и другіе товары въ Римъ, были большею частью иногородные. Въ Дигестахъ неразъ говорится объ освобожденіи ихъ отъ тѣхъ или иныхъ *munera municipalia*.

¹⁾ Многочисленные *navicularii*, имѣвшіе дѣла съ казною, по видимому, были особенно извѣстны; этимъ, вѣроятно, объясняется слѣдующая глосса, *Corp. Gloss.*, ed. Götz, V, стр. 625: *navicularii sunt qui transferebant frumenta in urbem aut ubicunque erat imperator*.

²⁾ Ziebarth, *D. griech. Genossenschaften*, стр. 28: *Natürlich waren diese Handelsgilden durchaus nicht auf den Ort ihrer Gründung beschränkt. Bei ihren vielfachen Geschäftsreisen knüpften die Einzelnen eine Menge Handelsbeziehungen an, blieben auch längere Zeit im Auslande und gründeten dort neue ähnliche Vereine. Wir werden uns daher die griechischen Handelshäfen und später die der ganzen Welt mit einem Netz von Zweig-*

Судовладельцы из Африки упоминаются в надписях Остии; такъ изъ нихъ узнаемъ, что *domini navium Carthaginiensium ex Africa* въ 140 или 141 г. до Р. X. посвятили что-то въ Остии или Портѣ императору Антонину Пію (C. I. L., XIV, 99), а *domini navium Afrarum univrsarum item Sardorum* въ 173 году сдѣлали то же,—вѣроятно, поставили статую—одному Остійскому гражданину, *duumviro, mercatori frumentario, patrono corporis curatorum navium marinarum*,—[*curam a*]gentibus P(ublico) Aufidio|.... ro, M(arco) Clodio Fortuna|[tiano Pludente, Lucio) Tadio Fel(ice)...., наконецъ, *οι ναύκληροι τοῦ πορευτικοῦ Ἀλεξανδρείου στόλου* сдѣлали что-то ὑπὲρ σωτηρίας καὶ διαμονῆς импер. Коммода. Для Египтянъ Остии и Порты сборнымъ мѣстѣмъ могъ служить и храмъ ихъ національнаго божества въ Портѣ; въ надписи I. G. S. I., 919 неокоръ этого храма называется также ἐπιμελητῆς παντὸς τοῦ Ἀλεξανδρείου στόλου. Изъ надписей же узнаемъ, что въ Остии было особое частное общество попечителей о морскихъ судахъ.

Между Греческими надписями, найденными въ Римѣ, имѣется слѣдующая, I. G. S. I., 1052: *Αὐτοκράτορι Καίσαρι Τίτῳ Αἰλίῳ Ἀδριανῷ Ἀντωνείῳ Σεβαστῷ Εὐσεβείῃ καὶ Μάρκῳ Αὐρηλίῳ Καίσαρι καὶ [τ]ῷ . . . . . | . . . . . ὠν τῆς πρώτης καὶ μεγίστης μητροπόλεως τῆς [Ἀ]σίας καὶ δις νε[ω]κόρου τῶν Σεβαστῶν ναυκλήροις καὶ ἐ[μ]πόροις . . . . . Μ. Οὐλπίος Φέρμος Δομestικός | περι[ό]δονε[ί]κης παραδοξος καὶ ἐπὶ βαλανείων Σεβαστῶν †† τοῦ ἐκ θεμελίων σὺν ἅπαντι περὶ αὐτὸν κόσμῳ καὶ ἀγάλμ[α]σιν . . . . . и пр.*

Въ началѣ второй строки стояло, несомнѣнно, Ἐφεσίων (такое чтение дано уже въ *Inscr. ad res Rom. pertin.*, № 147). Доместикъ этой надписи это тотъ-же Ефесянинъ, о которомъ говорится I. G. S. I., 1110. Благодаря стараніямъ его отца ἡ ἱερά συναδος τῶν περὶ Ἠρακλέα ἀθλητῶν получила въ Римѣ особое мѣсто (οἶκημα, τέμενος) для своихъ собраній, а онъ, какъ видимъ изъ приведенной надписи, построилъ что-то въ честь императорскаго дома и купцовъ и судовладельцевъ города Ефеса, или для этихъ послѣднихъ. Что онъ построилъ, угадать трудно; Банья

vereinen der ναύκληροι überzogen denken müssen. Vielfach verbergen sich die Gilden vielleicht unter *Landsmannschaften* und *Kultvereinen*, welche ihren wahren Charakter nicht besonders im Titel betonen.

и Тутэнъ предполагають ξουτόν; но, кажется, постройка должна была служить чѣмъ-то для купцовъ и судовладѣльцевъ. Несомнѣнно одно, что купцы Ефеса жили въ Римѣ и представляли тамъ замѣтную группу среди лицъ этихъ профессій¹⁾; вѣроятно, они составляли общество или имѣли свой центръ; можетъ быть, Доместикъ выстроилъ зданіе для ихъ собраній (срв. другія подобныя надписи, ниже приводимыя). Какъ ниже увидимъ, другой Малоазійскій Грекъ основалъ въ Римѣ общество для гражданъ своего родного города.

Вѣроятно, многіе города Востока, особенно торговые, имѣли свои колоніи или центры для своихъ гражданъ въ Римѣ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились свидѣтельства. Особенно обстоятельное свидѣтельство дошло до насъ о нѣкотораго рода обществѣ въ Римѣ гражданъ большого торговаго города Финикии, Тира; это—Греческая надпись времени Марка Аврелія, именно 174 года по Р. Хр. Оказывается, что проживавшіе въ Римѣ Тирійцы имѣли тамъ свой центръ, στατίων, Такъ какъ намъ еще надо уяснить, что представляла изъ себя эта στατίων, и такъ какъ это Латинское обозначеніе встрѣчается и въ Греческихъ текстахъ, какъ надписяхъ, такъ и другихъ, то и мы оставляемъ его въ формѣ, наиболѣе близкой къ подлинному Латинскому, а равно и соответствующее ему «стаціонарій».

Собственно въ этой надписи говорится прежде всего и главнымъ образомъ о στατίων Тирійцевъ въ городѣ Путолахъ; но изъ нея-же ясно, что и Римская ихъ стація была совершенно въ томъ-же родѣ. Первая половина надписи представляетъ посланіе Тирійскихъ стаціонаріевъ въ

¹⁾ Ефесъ въ то время былъ еще значительнымъ портовымъ городомъ. Элій-Аристидъ, XXIII, 24 (Keil): οἶμαι δὲ καὶ πάντας ὅσοι στηλῶν Ἰρακλέους ἐντὸς καὶ ποταμοῦ Φάσιδος οἰκιστομένους τὴν Ἐφεσον ὀρθῶς ἀνδιανοεῖσθαι, τοῦτο μὲν τῇ τῶν λιμένων κοινότητι, τοῦτο δὲ καὶ ταῖς ἄλλαις ὑποδοχαῖς. πάντες γὰρ ὡς εἰς πατρίδα καὶ αὐτὴν κομίζονται καὶ οὐδεὶς οὕτως ἀγνώμων οὐδ' οὕτως σφόδρα ὁμόσε τοῖς φανεροῖς ἰών, ὅστις οὐκ ἀνσυχωρήσειεν ταμείον τε κοινὸν τῆς Ἀσίας εἶναι τὴν πόλιν καὶ τῆς χρείας καταφυγὴν. Импер. Каракалла, по ходатайству провинціи Азіи, сдѣлалъ обязательнымъ для проконсуловъ ея per mare Asiam applicare καὶ τῶν μητροπόλεων Ἐφεσον primam attingere (Dig., I, 16, 4).

Путеолахъ ихъ родному городу. Приводимъ его здѣсь въ Русскомъ переводѣ (Греческій текстъ надписи въ полномъ видѣ мы приводимъ въ приложеніи). «Властямъ, думѣ и народу Тира, (слѣдуютъ титулы города) родного города, отъ проживающихъ въ Путеолахъ (гражданъ) привѣтъ. Благодаря богамъ и счастью государя нашего императора есть въ Путеолахъ, какъ большинству изъ васъ извѣстно, какъ другія стациі, такъ и наша, выдающаяся среди другихъ и красотой и величиною. Издавна о ней заботились проживавшіе въ Путеолахъ Тирійцы; ихъ было много и они были богаты; а теперь приходится заботиться намъ, хотя насъ и немного. Неся расходы на жертвы и вообще культъ нашихъ отечественныхъ боговъ, почитаемыхъ здѣсь въ храмахъ, мы не въ состояніи платить за наемъ стациі по 250 (?) денаріевъ въ годъ, въ особенности послѣ того, какъ на насъ возложены новые расходы на агонь въ Путеолахъ бутисіа. Поэтому мы просимъ васъ принять мѣры, которыя обезпечивали бы на будущее время существованіе вашей стациі. А оно будетъ обезпечено, если вы озаботитесь объ уплачиваемыхъ нами ежегодно за наемъ стациі 250 (?) денаріяхъ. Что же касается другихъ расходовъ, на ремонтъ зданія и на священные дни государя императора, то мы принимаемъ ихъ на себя, чтобы не обременять нашъ родной городъ. При этомъ мы позволяемъ себѣ напомнить вамъ о томъ, что мы не получаемъ никакихъ доходовъ ни отъ судовладельцевъ, ни отъ купцовъ на здѣшнюю стацию, какъ то практикуется въ царствующемъ Римѣ. Итакъ мы настоятельно просимъ васъ подумать о нашемъ положеніи и объ этомъ дѣлѣ. Писано въ Путеолахъ 23 іюля, въ консульство Галла и Флакка Корнеліана». За этимъ посланіемъ въ надписи слѣдуетъ выписка изъ протоколовъ думы города Тира: въ ней сначала говорится, что прочтено было посланіе Тирійскихъ стационаріевъ, переданное однимъ изъ нихъ, Лахетомъ, и сообщается содержаніе его; затѣмъ идетъ рѣчь о предложеніи, сдѣланномъ въ думѣ, и о постановленіи думы; вотъ это мѣсто: «Послѣ прочтенія его (посланія) Филоклъ, сынъ Діодора, сказалъ: «Наши стационаріи въ Римѣ всегда прежде имѣли обычай уплачивать изъ своихъ доходовъ стационаріямъ въ Путеолахъ по 250 (?) денаріевъ и Путеольты просятъ, чтобы это самое пособіе давалось имъ и впредь; если же Римскіе стационаріи не желаютъ выдавать такового, то они сами берутся содержать объ стациі на тѣхъ-же условіяхъ. Гласные восклик-

нули: «Предложеніе Филокла хорошо; просьба Путеольцевъ основательна. Всегда такъ было и теперь пусть будетъ такъ. Это полезно для нашего города. Да будетъ по старинѣ!» За этимъ въ концѣ надписи читаемъ еще слѣдующее: «Прочитано было записка, поданная Лахетомъ, сыномъ Примогеніи, и сыномъ его Агатонодомъ, Тирійскими стаціонаріями Тирійской стаціи, что въ Августовой колоніи Путеолахъ, въ которой они говорятъ, что нашъ городъ имѣетъ двѣ стаціи, одну въ царствующемъ Римѣ, а другую въ Августовой колоніи Путеолахъ....»

Все это было вырѣзано на мраморѣ и хранилось, несомнѣнно, въ Путеольской стаціи Тирійцевъ, какъ важный документъ: надпись эта найдева была именно въ Пуццуоли (теперь она находится въ Римѣ, въ Museo Capitolino). Очевидно, просьба Путеольскихъ стаціонаріевъ Тира была удовлетворена.

Итакъ видимъ, что въ Римѣ, какъ и въ Путеолахъ, проживавшіе тамъ Тирійцы имѣли свой центръ, составляли общество или колонію—въ томъ смыслѣ, какъ мы говоримъ о колоніяхъ иностранцевъ въ нашихъ большихъ городахъ. Какъ самая колонія, такъ и мѣсто ея собраній обозначались Латинскимъ словомъ *statio*, а члены назывались стаціонаріями. Эти стаціи не были исключительно торговыми обществами, факторіями, какъ ихъ называетъ Моммзенъ и за нимъ другіе ученые; это были колоніи въ сказанномъ смыслѣ, землячества одногорожанъ, имѣвшія въ виду, конечно, главнымъ образомъ торговые цѣли, но не ихъ исключительно: *στατιωνάριοι* называются въ надписи иначе *οἱ ἐνοικοῦντες*. Стаціи были, какъ говорится въ надписи, полезны для города Тира.

Стаціонаріи поддерживали въ названныхъ городахъ культъ отечественныхъ боговъ, принимали также участіе въ мѣстныхъ культахъ, въ частности въ празднованіи императорскихъ дней, сносились съ роднымъ городомъ и мѣстными государственными и городскими властями, оказывали, конечно, взаимно другъ друга поддержку и т. п. Для этихъ цѣлей колоніи должны были имѣть извѣстную организацію, должностныхъ лицъ, матеріальныя средства, кассу; денежные средства ихъ составлялись изъ взносовъ стаціонаріевъ, м. пр. Тирійскихъ судовладѣльцевъ и купцовъ, отчасти, вѣроятно, изъ добротныхъ пожертвованій. Касса, документы и т. п. хранились, конечно, въ стаціяхъ, которыя служили и мѣстомъ собраній для стаціонаріевъ.

Станція Тирійцевъ въ Путеолахъ была большихъ размѣровъ и красива. Въ Римѣ ихъ станція, надо полагать, была еще виднѣе. Эти зданія или помѣщенія нанимались стационарiями. Странно, что Тирiйцы ни въ Римѣ, ни въ Путеолахъ не имѣли собственнаго зданiя для своихъ стационарiевъ; нѣкоторые другiе города въ Римѣ, какъ увидимъ ниже, имѣли собственные станцiи.

Приводя выше посланiе Тирiйской колонiи въ Путеолахъ, мы при обозначенiи суммы, которую будто бы колонiя платила ежегодно за наемъ своей *stat'ion*, поставили знакъ вопроса, такъ какъ цифра эта возбуждаетъ сомнѣнiя. Въ текстѣ стоитъ вездѣ $\overline{CN}$ со знакомъ денарiя впереди. Моммзенъ нѣкогда¹⁾ объ этой цифрѣ писалъ: *CN kann 100 und 100000 Denare bezeichnen; doch ist die erstere Summe offenbar zu gering.* Тутъ или небрежность или какое-то недоразумѣнiе. Теперь впрочемъ онъ даетъ другую цифру; мы же указали на давнишнюю ошибку его только потому, что цифру 100000 денарiевъ приводятъ до сихъ Фридендеръ (*Sittengesch. R., II, стр. 78.*), Либенамъ и другiе. Теперь Моммзенъ (*R. Gesch., V, стр. 467.*) говоритъ, что Тирiйская факторiя въ Остiи выдавала менѣе значительной Путеольской ежегодно субсидiю въ 1000 сестерциевъ. Почему Моммзенъ помѣщаетъ Тирiйскую станцiю уже не въ Римѣ, а въ Остiи, не знаемъ, — онъ этого не поясняетъ; полагаемъ, это невѣрно — въ виду прямого свидѣтельства надписи²⁾.

1000 сестерциевъ равнялись бы 250 денарiямъ, которые значатся въ надписи; но эта сумма, полагаемъ, слишкомъ мала, какъ годичная плата за наемъ станцiи. Зданiе Тирiйцевъ въ Путеолахъ выдавалась среди

¹⁾ *Berichte üb. d. Verhandl. d. Sächs. Gesellsch. d. Wiss. Philol. hist. Classe. 1850, стр. 61.*

²⁾ Либенама эта новая, предполагаемая Моммзеномъ, Остiйская факторiя Тирiйцевъ совершенно сбита съ толку. *Röm. Vereinswesen, стр. 90* онъ пишетъ: *So gab es in Ostia eine Niederlassung tyrischer Schiffer und Gewerbetreibender, welche der an Mitgliederzahl geringern in Puteoli jährlich 1000 Serterzen zuschoss.,* а дальше, на основанiи приведенной нами надписи и указанной статьи Моммзена, говоритъ о Римской факторiи Тирiйцевъ, которая де давала ихъ-же факторiи въ Путеолахъ ежегодно субсидiю въ 100000 денарiевъ. Невѣроятная путаница!

другихъ этого рода величиною и красотою и вотъ—за наемъ его платили будто бы всего 250 денаріевъ въ годъ. Да ради такой ничтожной суммы не было ни малѣйшаго расчета посылать нарочно депутата не только въ Тиръ, но и въ близкій Римъ¹⁾.

Изъ посланія Тирійскихъ стационаріевъ въ ПUTEОЛАХЪ видно, что въ то время въ ПUTEОЛАХЪ были *στατίωνες* и другихъ городовъ и что Тирійская давно уже существовала. Уже изъ этого мы вправѣ заключать, что въ Римѣ ихъ было еще больше. Самыя Латинскія обозначенія *στατίων*, *στατιωνάρτοι* указываютъ на то, что это было нѣчто общезвѣстное, обычное въ Римѣ и Италиі. Дѣйствительно, мы имѣемъ еще прямыя или косвенныя свидѣтельства о *stationes* другихъ городовъ въ Римѣ; а что до насъ дошли свидѣтельства не о всѣхъ ихъ, а только о немногихъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно.

Изъ одной надписи времени Антонина Пія узнаемъ объ основаніи въ это время въ Римѣ коллегія гражданъ Малоазійскаго города Нисы. Надпись эта (В. С. Н., IX, стр. 127) представляетъ декретъ этого города въ честь гражданина его Тита Элія-Алкивіада; въ немъ между прочимъ говорится, что Алкивіадъ основалъ въ Римѣ коллегію своихъ согражданъ и пожертвовалъ на это учрежденіе капиталъ, чтобы граждане Нисы составляли въ Римѣ какъ бы свою колонію—*ἔτι δὲ καὶ ταύτας ἐ[ξ]ε]ῦ-ρεν εἰς τὴν πατρίδα καινὰς εὐεργεσίας τό τε κολλήγιον καλούμενον ἐκ τῶν αὐτοῦ πολιτῶν ἐν τῇ βασιλευσῆι Ῥωμαίων πόλει συστησάμενος καὶ χρήματα κοινὰ παρ' αὐτοῦ καθιερώσας καὶ πολλὰς καὶ μεγάλας ἐπ' αὐτῷ τιμὰς κατα[σ]τησάμενος, ἵνα ὡσπερ ἀποικία τις ἢ δῆμος ἡμέτερος, οὐ ξένος οὐδὲ ἀλλότριος, ἀλλὰ ἐγχώριος παρὰ Ῥωμαίοις διατελῆι. Въ надписи не говорится ничего о мѣстѣ собраній этого *κολλήγιον*; но, что оно имѣло для этого особое зданіе или вообще помѣщеніе, свою собственную или наемную *statio* или *schola*, это само собою разумѣется.*

Въ другой надписи—времени Марка Аврелія—найденной (въ 1882 г.) уже въ Римѣ, и притомъ на главномъ форумѣ, *ad sacram viam*, говорится о *στατιων* какого-то Греческаго города. Вотъ текстъ, этой крат-

¹⁾ Срв. напр. С. I. L., VIII, 2557: . . . Si qui d(e) col(legis) tra-
m(are) proficiscetur, cum pr(omotus) s(it), acc(ipient) viat(icum) pro(ces-
sus) m(iles) denarios CC, eq(es) a(utem) [(denarios)] D.

кой, но весьма интересной надписи изъ I. G. S. I., 1064: Ἀσφαλείας
 vel σωτηρίας ἕνεκ]εν τοῦ κυρίου [ἡμῶν | αὐτοκράτο]ρος Μ. Ἀδρηλίου [. . . . |
 Ἄντωνε[ίου Σεβαστοῦ Εὐσεβοῦς [. . . nomen mulieris]ς τὴν στατίωνα
 [τῶν . . . .]ανῶν φιλοσεβαστῶν καὶ | φιλορωμ]αίων ἀνεγείρασα σὺν τῷ
 πα[ντί | κόσμῳ τῇ ἐ]αυτῆς πατρίδι ἀνέθηκεν. Итакъ, какъ видимъ, Греческій
 городъ—можетъ быть, Сарды (см. ниже)—имѣлъ во II вѣкѣ въ Римѣ—
 вѣроятно, у главнаго форума—благодаря усердію богатой своей гражданки
 прилично обставленное специальное помѣщеніе, служившее центромъ ко-
 лоніи или общества его гражданъ. Въ надписи не говорится о такомъ, но,
 вѣроятно, этотъ важный даръ неизвѣстной намъ жертвовательницы долженъ
 былъ послужить поводомъ къ образованію общества, если его раньше не было.

Изъ надписей I. G. S. I. 1008 и 1009, найденныхъ тоже въ Римѣ:
 Θεὰν Κόρην Σαρδιανοῖς Δ(ούκιος) Αὐρ(ήλιος) Σάτυρος ἀπελ(εύθερος) Σεβασ(τοῦ)
 ἀνέθηκεν и Θεὰν Κόρην | Σαρδιανοῖς | Μάρκος | Αὐρήλιος || Σύμφωρος | Σεβασ-
 στοῦ | [ἀπελεύθερος ἀνέθηκεν] Кайбель справедливо заключаетъ о суще-
 ствованіи въ Римѣ нѣкотораго общества Сардійцевъ (Sardianorum videtur
 collegium vel sodalicium aliquod vel stationem fuisse). Надпись принадле-
 жить, надо полагать, II вѣку. Сатиръ и Симфоръ, вѣроятно, сами были
 родомъ изъ Сарды.

Кантарелли изъ надписи I. G. S. I., 1066 заключаетъ о существо-
 ваніи въ Римѣ, именно у главнаго форума, стациі Тарсійцевъ. Само по
 себѣ очень вѣроятно, что и Тарсійцы имѣли такую въ Римѣ, но изъ
 этой надписи отнюдь этого не видно.

Недавно найдены были въ Римѣ, у главнаго форума (in via sacra,
 ante basilicam Constantinianam и ad ecclesiam S. Hadriani), еще двѣ
 Греческія надписи (впервые опубликованы въ Bullett. comm. di Roma,
 1899, стр. 251 и 242), въ которыхъ упоминаются стациі городовъ.

Первая начертана на пьедесталѣ небольшой статуи (женщины) и
 гласить: Ἴσμηγνὸς Ἰωηνοῦ υἱὸς | Τίβεριεὺς τῇ στατίῳνι. Очевидно, эта ста-
 туя была пожертвована Римской стациі города Тибериады однимъ изъ
 его гражданъ, проживавшимъ въ Римѣ¹⁾.

¹⁾ Подобныя посвященія или пожертвованія stationibus встрѣчаемъ
 и внѣ Рима: С. I. L., II, 2915: Station? | Segisamanensium Aelius Mari-
 timus | exedram cum basi d. s. p. f. c.; тамъ-же, 2011: M. Caelius Ale-
 xander tabulam marmoream d. d. stationi serrariorum Augustorum.

Вторую изъ этихъ надписей Гатти прочелъ такъ: Στατίων | [τῶν Τυρίων τῶν καὶ Κλαυδοπολιτῶν Συρία] Παλαιστίνη . . . . | Μον . . . . τῆ πατρίδι. Онъ полагалъ—а за нимъ и Кантарелли (Bull. com. 1900, стр. 127), что это та-же стація Тирійцевъ, о которой говорится въ посланіи Путеольскихъ стационаріевъ Тирійцевъ ихъ родному городу. Кантарелли утверждаетъ, что Тиръ находился въ Сиріи-Палестинѣ и назывался Κλαυδοπολις, получивъ де такое названіе отъ императора Клавдія, какъ его получили и другіе Греческіе города, ставшіе Римскими колоніями. Это чтеніе надписи и поясненія его не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Тиръ находился въ Συρία Φοινίκη, Сиріи-Финикии и Римскою колоніею онъ не былъ до Септимія-Севера¹⁾—въ посланіи Путеольскихъ стационаріевъ онъ названъ αὐτονομος. Далѣе, мало вѣроятно, чтобы стація Римской колоніи помѣщала надписи въ Римѣ на Греческомъ языкѣ, и названіе Κλαυδοπολις уже само по себѣ, какъ разъ наоборотъ, указываетъ на civitas peregrina. А изъ civitates peregrinae Сиріи-Палестины Клавдіополемъ называлась Тиверіада (на монетахъ ея находимъ Τιβεριέων Κλαυδιέων или Κλαυδοτιβεριέων) и Габа (надписи на монетахъ: Κλαυδι(εων) Φιλιπ(πέων) Γαβηνῶν).¹⁾ Ясно, что въ нашей надписи могло стоять имя только перваго изъ этихъ городовъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы, ознакомившись съ этого надписью, не задумываясь, отвергли чтеніе перваго издателя и предполагали читать въ ней [Τιβεριέων; τῶν казалось намъ излишнимъ, такъ какъ его не находимъ иногда въ другихъ подобныхъ надписяхъ; Τιβεριων же, полагали мы, могло стоять вмѣсто Τιβεριέων (см. C. I. G., 9922 Τιβεριεύς). Но теперь оказывается, что нѣтъ надобности предполагать такое искаженіе этого слова. Въ Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, № 132 надпись эта дается уже въ слѣдующемъ видѣ: Στατίων | [τῶν Τυρίων τῶν καὶ Κλαυδοπολιτῶν Συρία | Παλε[στίνη] | . . . . μον . . . . τῆ πατρίδι. Издатели (Банья и Тутэнъ) говорятъ, что чтеніе вновь провѣрено по камню Вальери (Nobis recognovit D. Vaglieri), и послѣ этого они все таки читаютъ:

¹⁾ См. Henze, De lib. civitatibus и Head, Hist. numm.

²⁾ Колонія Птолемиада на монетахъ называется Col. Claudia Neronia Ptol.

[τῶν Τυρρέων (!) и повторяютъ въ примѣчаніи: Ergo Tyrgus urbs Claudiiopolis etiam dicebatur, ut et aliae civitates quae a Claudio imperatore civitate donatae fuerunt. Cfr. de Vit., Опом., s. v. Конечно, слѣдуетъ читать [Τυρρέων.

О statio Noricorum въ Римѣ¹⁾ находимъ свидѣтельство въ надписи С. I. L. VI, 250 (найдена въ Римѣ): Genio | noricorum | L. Iulius Bassus | stationarius | eorum | d(e)d(ica)vit. Моммзенъ говоритъ въ поясненіи ея: Collatis locis Suetonii Nero 37 et Plinii N. h. XVI, 86 apparet eo loci, ubi haec ara dedicata est, Norici civitates Invarum Celeiam Uirunum reliquasque stationem suam habuisse cum stationario curam agente²⁾.

Если надпись С. I. L. VI, 342: [Herculi Tiburtino et] . . . . Asinius Panarist(us) | . . . . idemque stationem дѣйствительно найдена была въ Римѣ и принадлежала Риму, то изъ нея съ нѣкоторою вѣроятностью можно заключать о существованіи въ Римѣ statio Tiburdius³⁾.

Намъ остается еще привести два общихъ свидѣтельства о stationes городовъ въ Римѣ и у главнаго форума. Свидѣтельства эти принадлежатъ первому вѣку имперіи; мы же приводимъ ихъ здѣсь послѣдними, такъ какъ, можетъ быть, другія, уже приведенныя, помогутъ намъ лучше понять и уяснить себѣ эти очень общія и краткія свидѣтельства.

Светоній Nero, 37 сообщаетъ, что Нерономъ казненъ былъ между прочими нѣкто Сальвидіенъ и ему при этомъ было поставлено въ вину то, что онъ tabernas tres de domo sua circa forum civitatibus ad stationem locasset. Светоній находилъ такое обвиненіе неслыханнымъ; значитъ,

¹⁾ Норикъ славился желѣзомъ и желѣзными издѣліями, которыя доставлялись и въ Римъ. Петроній, Sat., 70: attuli illi Roma cultros Norico ferro.

²⁾ Слово stationarius (στατιωνάριος), кажется, нигдѣ ни въ надписяхъ, ни у авторовъ не встрѣчается въ значеніи «завѣдующій стаціею» (въ надписяхъ находимъ praefectus и praepositus stationis), а означаетъ лицъ, принадлежащихъ къ данной стаціи. Срв. впрочемъ Corp. glossat. Latin. Ed. Götz, II, стр. 311: Stationarius ἐπιστάριος ο τῆς καταμονῆς ἡγούμενος и Επιστάριος ο τῆς καταμονῆς ἡγούμενος: stationarius, мансепс.

³⁾ Въ надписи С. I. L., XIV, 480 находимъ какихъ-то III viri Portuensium in urbe agentium.

эта *locatio* практиковалась уже и раньше и была дѣломъ обыкновеннымъ. Неронъ, надо полагать, увидѣлъ въ этомъ со стороны Сальвидіена исканіе популярности въ нѣкоторыхъ городахъ.

Важнѣе для насъ то, что сообщаетъ объ этихъ *stationes* Плиній. Изъ него узнаемъ, что въ его время корни одного очень стараго дерева, находившагося на главномъ форумѣ, близъ Капитолія, шли подъ стціями муниципіевъ и достигали форума Цезаря¹⁾.

Мы видѣли, что нѣкоторыя стціи peregrinныхъ городовъ въ Римѣ, находились, вѣроятно, у главнаго форума; а вотъ оказывается, что тамъ же былъ цѣлый рядъ *stationes* Римскихъ гражданскихъ городовъ, а также, можетъ быть, и Латинскихъ²⁾, и это уже въ первой половинѣ I вѣка имперіи. Очевидно, это было уже нѣчто постоянное; эти *stationes* были для читателей современниковъ Плинія и Светонія, очевидно, нѣчто хорошо знакомое; имъ не надобно было пояснять, что это такое. Для насъ, къ сожалѣнію, это не столь ясно; но, кажется, ясно то, что вопросъ о нихъ представляетъ большой интересъ и заслуживаетъ обстоятельнаго разсмотрѣнія.

Вопроса о *stationes* городовъ въ Римѣ касались уже болѣе или менѣе многіе ученые, но въ полномъ объемѣ и съ привлеченіемъ всѣхъ имѣющихся о нихъ свидѣтельствъ древности, съ должною обстоятельностью и основательностью онъ доселѣ еще не былъ разсмотрѣнъ; теперь же, съ прибавленіемъ въ послѣднее годы нѣсколькихъ новыхъ эпиграфическихъ свидѣтельствъ объ этихъ *stationes*, онъ еще болѣе обратилъ на себя вниманіе и представляется болѣе возможности уяснить его³⁾.

¹⁾ N. h., XVI, 86: altera lotos in Vulcanali quod Romulus constituit ex victoria de decumis, aequaeva urbi intelligitur . . . . radices eius in forum usque Caesaris per stationes municipiorum penetrant. Упоминаніе о *stationes munic.* въ регионаріѣ Рима не есть, конечно, другое самостоятельное древнее свидѣтельство о нихъ, а вставка интерполятора изъ Плинія.

²⁾ Municipium иногда употребляется, какъ общее обозначеніе муниципіевъ и колоній.

³⁾ По поводу этихъ новыхъ находокъ Кантарелли помѣстилъ въ *Bullett. comm. di Roma* 1900 (выпускъ Aprile-Settembre) статью *Le sta-*

Изъ предыдущаго видно, что у насъ имѣется больше свидѣтельствъ и свѣдѣній о *stationes* въ Римѣ peregrinныхъ городовъ Греческаго Востока, чѣмъ о *stationes municipiorum*. Но уже одно это общее обозначеніе для тѣхъ и другихъ позволяетъ намъ рѣшительно утверждать, что всѣ онѣ были въ одномъ и томъ-же родѣ и, слѣдовательно, что общается объ однѣхъ изъ нихъ, можетъ быть отнесено и къ другимъ.

Въ Латинскихъ и Греческихъ текстахъ времени имперіи есть еще немало упоминаній о другихъ *stationes* разнаго рода. Посмотримъ, нельзя ли изъ нихъ извлечь что-нибудь для уясненія специально насъ теперь интересующихъ *stationes* и *stationes* городовъ въ Римѣ.

Слово *statio* встрѣчается довольно часто въ Латинскихъ текстахъ времени имперіи съ значеніями: стоянка, постъ, контора, отдѣленіе, управленіе, присутственное мѣсто и т. п.; перешло это Латинское слово въ этотъ періодъ и въ Греческій языкъ.

Во первыхъ, мы находимъ—въ Римѣ и внѣ Рима—*stationes* правительственныя, именно военныя, полицейскія, финансовыя (фискальныя) и вообще административныя, какъ то: *stationes vigilum, frumentariorum, stationes annonae, stationes aquarum, marmorum, vicesimae hereditatum* и *vicesimae libertatis, stationes agrariae* и другія; это были по нашему: посты, конторы, отдѣленія, управленія.

Геллій (N. Att. XIII, 13, 1) упоминаетъ о существовавшихъ въ Римѣ въ его время *stationes ius publice docentium aut respondentium*.

Были, конечно, въ Римѣ и *stationes tabelionum*; вообще мы имѣемъ упоминаніе объ этихъ *stationes* только отъ позднѣйшаго времени имперіи; но это, несомнѣнно, слѣдуетъ приписать случайности¹⁾.

---

tionis municipiorum. Она вообще заслуживаетъ вниманія, но не даетъ полнаго разсмотрѣнія вопроса объ этихъ *stationes* и не безъ промаховъ. М. пр. странно, что для автора всѣ *stationes* городовъ въ Римѣ—*stationes municipiorum*. Почти все то, что мы здѣсь излагаемъ объ этихъ *stationes*, было высказано нами въ рѣчи, произнесенной 5 ноября 1900 года въ публичномъ засѣданіи Историко-филологическаго Общества, состоящаго при Институтѣ Князя Безбородко.

¹⁾ *Novellae constit. Iustiniani, t. XXIII, nov. XLIV (Hänel):* ἵνα τοῖσιν ἀπαντα ταῦτα κωλύσωμεν, διὰ τοῦτο τὸν παρόντα γράφομεν νόμον, καί

Въроятно, открытыя для всѣхъ кабинеты или клиники врачей также назывались *stationes*¹⁾.

Далѣе, *statio* встрѣчается въ значеніи: мѣсто собраній частнаго общества. Такъ въ надписи C. I. L., VI, 7458 упоминается *statio collegii cossorum Aug. p.*; въ большой Греческой надписи I. G. S. I., 956 (начала IV вѣка послѣ Р. Хр.) три раза упоминается *στατίων* (въ Римѣ) общества атлетовъ или Гераклеистовъ (*εἴτε τις κατασταθῆ (?) ἐπὶ τῇ στατίωνι ἀρχιγραμματεῦς . . . ἐδώκαμεν δὲ καὶ τῷ πρώτῳ ἀρχιερεῖ Μ. Αὔρ. (Ρώδωνι) τὰ ἔκτοπα τῶν στηλῶν καὶ πιττακίων πάντων τῶν προτεθέντων ἐν τῇ στατίωνι . . . ἀλλὰ εἴ τις βούλεται ἀντίγραφα ἑαυτοῖς τῶν στηλῶν, ἄραι εἰς ἕκαστος τῶν βουλομένων ἕνθα καὶ νενομίσται, ὅπου καθιέρωνται, ἐν τῇ ἱερᾷ στατίωνι*). C. I. L. III, 924 находимъ объявленіе магистра и казначеевъ *collegii Iovis Cerneni* о прекращеніи дѣятельности этого общества; объявленіе выставлено было *ad stationem Resculi*; Либенамъ справедливо, какъ намъ кажется, видить въ этой *statio Versammlungslocal des Vereins*²⁾.

Употреблялось *statio* и для обозначенія самого собранія и общества (срв. *ἐκκλησία, συναγωγή*). Тертуллианъ, *Apolog.*, 3 говоритъ: *Nonne philosophi de auctoribus suis nuncupantur Platonici, Epicurei, Pythagorici? etiam a locis conventiculorum et stationum suarum Stoici, Academici?* C. I. L., XI, 1436 находимъ: *reliquit testamento collegio fabrum navalium Pisanorum stationi vetustissimae et piissimae*. У Киприана словомъ *statio* два раза обозначается какое-то собраніе христіанъ³⁾.

ταῦτα παραφυλάττεσθαι πάντως βουλόμεθα παρὰ τῶν συμβολαιογράφων, εἴτε ἐπὶ ταύτης τῆς εὐδαιμονος πόλεως, εἴτε ἐν ἐπαρχίαις εἶεν. γινωσκόντων ὡς εἰ παρὰ ταῦτά τι πράττειεν, ἐκπεσοῦνται πάντως τῶν καλουμένων στατιώνων, καὶ ὁ παρ' αὐτῶν σταλεῖς ἐφ' ᾧ τε ἐπιταγῆναι τὸ συμβόλαιον, καὶ παραγεγόμενος αὐτὸς κύριος τῆς ἐπὶ τῆς στατιώνος αὐθεντίας.

¹⁾ Плиній, N. h., XXIX, 6, 12 сообщаетъ, что первому врачу изъ Грековъ, поселившемуся въ Римѣ, дана была *taberna empta ob id publice*; а слова *taberna* и *statio* употреблялись иногда какъ синонимы.

²⁾ Для обозначенія мѣста собраній частныхъ обществъ обыкновенно употреблялось слово *schola*.

³⁾ *Cypriani Epit.* XLIII, (Hartel, стр. 598): *Qui cum in statione invidiose quoque conviciis et clamoribus turbulentis prouerent et flagitarent*

Стациями назывались также публичные, для всѣхъ открытыя помѣщенія, гдѣ можно было собираться, посилѣть и побесѣдовать,—¹⁾ въ родѣ Греческихъ лесхъ, λέσχαί (см. Pauly, Realencyclopädie, s. v.). Ювеналь въ началѣ XI сатиры говоритъ, что, если Рутилій пообѣдаетъ роскошно, то объ этомъ говорятъ omnes conventus, thermae, stationes, omne theatrum²⁾. Плиній Младшій, стараясь обезпечить одному кандидату голоса избирателей (т. е. сенаторовъ), обходилъ дома и stationes (Epist. II, 9, 5: Itaque presso amicos, supplico, ambio, domos stationesque circumeo). Овъ-же въ другомъ письмѣ (XII, 13) жалуется на равнодушіе публики къ публичнымъ чтеніямъ; м. пр. онъ говоритъ тамъ, что въ то время, какъ идетъ чтеніе. plerique in stationibus sedent tempusque audiendis fabulis conterunt ac subinde sibi nuntiarı iubent, an iam recitator intraverit, an ex magna parte evolverit librum: tum demum ac tunc quoque lente cunctanterque veniunt и пр. Очевидно, эти stationes находились совсѣмъ близко отъ того мѣста, гдѣ происходило публичное чтеніе; послѣднее же происходило въ данномъ случаѣ, надо полагать, на одномъ изъ форумовъ: что публичныя чтенія въ Римѣ происходили м. пр. и на форумахъ, это

quae se adferre ac probare dicebant publice a nobis et plebe cognoscerentur, gravitati nostrae negavimus convenire, ut collegae nostri iam delecti et ordinati et laudabili multorum sententia comprobati ventilari ultra honorem maledica aemulantium sententia pateremur. Epist. XLVIII, 3: Nicophorum acoluthum descendere ad navigandum festinantem de statione statim dimisi. О другихъ значеніяхъ слова statio у христіанскихъ писателей здѣсь говорить нѣтъ надобности.

¹⁾ Срв. Corp. glossat. Lat. Ed. Götz, II, стр. 187: Statio σταθμος συνεδρια και παρεδρια. ормос. II, 436: Στασις καταμονη statio. II, 270: Διαγωγή remoratio statio. II, 275: Διατριβη remoratio statio. II, 436: Στασις η καταμονη statio.—Στατίων statio. Гесихій, Lexic.: Συνέδρα ή στάσις, ήν νῦν (когда?) στατίωνα λέγουσι. Срв. тамъ-же: Στασις, συνέδρα, ἐργαστήριον. По видимому, и statio обозначало м. пр. лавку, рундукъ, мастерскую; срв. Dig., XLVII, 10, 15, 7 (Ulpianus): si quis ad domum tuam venerit te absente, convicium factum esse dicitur. idem et si ad stationem vel tabernam ventum sit, probari oportere.

²⁾ Срв. Марціалъ, VII, 97: Te convivium, te forum sonabit,
Aedes, compita, porticus, tabernae.

прямо засвидѣтельствовано. Итакъ, весьма вѣроятно, что Плиніи имѣлъ въ виду *stationes*, находившіяся у одного изъ форумовъ.

О такихъ-же, по всей вѣроятности, т. е. для всѣхъ открытыхъ *stationes* говоритъ и у Ульпіанъ *Dig. XXXX, 11, 4, 7: denique eum quoque qui in foro eodem agat, si circa columnas aut stationes se occultet, videri latitare veteres responderunt.* Подъ *veteres* онъ разумѣлъ юристовъ конца республики и начала имперіи.

Есть еще въ нашихъ источникахъ упоминанія о *stationes* разнаго рода у форумовъ или на форумахъ. С. I. L., IX, 5438 находимъ *collegia quae attingunt eidem foro.* Здѣсь *collegia*, очевидно, тоже, что *stationes* или *scholae*. О *scholae* (или *stationes*?) у форума Остіи см. напр. у Вальцинга, *Corporat. profess.*, I, 219. *Aegypt. Urkunden d. Berlin. Museen.*, I, № 326 упоминается *στασιων* (фискальная) ἐν τῇ Σεβαστῇ ἀγορᾷ въ городѣ Арсиноѣ. Въ *Fragm. Vatic.*, 34 читаемъ: *Argarii Caesariani qui in foro Traiano habent stationes* и пр. Нѣкоторые полагаютъ, что *stationes* юристовъ въ Римѣ находились у *forum Iulium* (Karlowa, *Rechtsgeschichte*, I, 673); а что вообще *stationes* этого рода, а также напр. еще *stationes tabellionum* и т. п. находились у форумовъ или по близости отъ нихъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Свидѣтельства о *stationes* городовъ у главнаго форума въ Римѣ нами приведены выше.

Изъ этой справки о разныхъ *stationes* въ Римѣ и внѣ его выходитъ, что *stationes municipiorum* и вообще городовъ въ Римѣ, по видимому, болѣе всего подходятъ къ *stationes* частныхъ обществъ. Посмотримъ однако, нельзя-ли видѣть въ нихъ нѣчто иное, какъ иначе объясняли себѣ нѣкоторые ученые назначеніе этихъ *stationes*.

Знаменитый Нибуръ полагалъ, что въ *stationes municipiorum* у форума въ Римѣ Римскіе граждане собирались передъ подачею голосовъ въ трибахъ¹⁾. Можетъ быть, граждане отдѣльныхъ трибъ или городовъ дѣйствительно имѣли въ Римѣ при республикѣ на время комиціальныхъ сходовъ нѣкоторые центры, но ясныхъ свидѣтельствъ объ этомъ у насъ

---

¹⁾ Beschreib. d. Stadt Rom, III, 1, стр. 68: unter *stationes municipiorum* sind wohl Hallen zu verstehen, unter denen sich die Bürger der Municipien versammelten, um nachher in den Tribus abzustimmen.

нѣтъ¹⁾); извѣстія же о *stationes* городовъ въ Римѣ всѣ относятся къ тому времени, когда народныхъ собраній съ подачею голосовъ тамъ уже не было, да и *stationes* въ Римѣ имѣли не только города Римскихъ гражданъ, но и другіе.

Моммзенъ въ примѣчаніи къ приведенной нами ПUTEОЛЬСКОЙ надписи (I. G. S. I., 830) полагалъ, что ТИРІЙСКАЯ СТАЦІЯ въ ПUTEОЛАХЪ находилась у форума и служила для того, чтобы ТИРІЙЦЫ, находившіеся въ ПUTEОЛАХЪ, могли оттуда смотрѣть разныя общественныя зрѣлища, происходившія на форумѣ, что для той-же цѣли служили и *stationes* городовъ, находившіяся у главнаго форума въ Римѣ; *Graecostasis*, по его мнѣнію, тоже была *locus spectaculorum* (срв. R. G., I, 416). На это объясненіе, совершенно неправильное²⁾, мы считали нужнымъ обратить вниманіе читателя, такъ какъ оно принадлежитъ Моммзену и нигдѣ имъ прямо не взято назадъ, хотя онъ теперь считаетъ ТИРІЙСКІЯ СТАЦІИ факторіями (см. выше, стр. 38), и оно повторяется другими, напр. Вальцингомъ, *Corpor. profess.*, III, стр. 443 и въ *Inscr. ad res Rom. pert.*, № 111.

Неразъ высказывалось мнѣніе, что *stationes* городовъ у Римскаго форума служили мѣстами, гдѣ депутаты городовъ ожидали аудіенціи въ сенатѣ или гдѣ они вообще находились, особенно днемъ, чтобы каждый, кому было нужно, могъ ихъ легко найти. Конечно, стаціи могли служить

¹⁾ Что кандидаты въ концѣ республики нанимали иногда для себя дома или помѣщенія у форума на время выборныхъ компаній, можно утверждать на основаніи слѣдующаго мѣста Плутарха, *Ромр.*, 66: ἐπει δὲ μετὰ τὴν μάχην ὁ Καίσαρ ὑπὸ τῶν ἀποριῶν ἀναστὰς ἐβιάζετο δι' Ἀθαμάνων εἰς Θεσσαλίαν, οὐκέτι ἀνεχτὸν ἦν τὸ φρόνημα τῶν ἀνδρῶν (Помпейцевъ), ἀλλὰ φεύγειν Καίσαρα βούντες οἱ μὲν ἀκολουθεῖν καὶ διώκειν ἐκέλευον, οἱ δὲ διαβαίνειν εἰς Ἰταλίαν, οἱ δὲ θανάποντας εἰς Ῥώμην καὶ φίλους ἐπιπέπον οἰκίας προκαταληφμένους ἐγγὺς ἀγορᾶς ὡς αὐτίκα μετιόντες ἀρχάς. Занятыя въ то время кандидаты иногда и о мѣстахъ для избирателей на зрѣлищахъ, м. п. на форумѣ.

²⁾ Довольно будетъ указать на то, что, по мнѣнію Моммзена, *locus spectaculorum in senatu* (Юстинъ, *Philipp.*, XLIII, 5, 16) значитъ (*locus*) *curiae Hostiliae proximus*. Это объясненіе Моммзена обстоятельно опровергаетъ Кантарелли (*Bullett. comun.*, 1900); слѣдовало только еще сдѣлать справку о зрѣлищахъ на форумѣ въ Римѣ и ПUTEОЛАХЪ при имперіи.

и для этой цѣли; но этого, полагаемъ, мало, не въ этомъ только было ихъ назначеніе; для этой цѣли было достаточно и т. н. грекостася¹⁾. Иной городъ вѣдь посылалъ за весь годъ или даже за нѣсколько лѣтъ въ Римъ одну депутацію или депутата (Веспасіанъ предписалъ, чтобы города не посылали къ императору или сенату болѣе чѣмъ по три депутата, и это правило оставалось въ силѣ и впоследствии), а стадія была у него нанята на годъ или нѣсколько лѣтъ или была собственностью города.

Указанныя мнѣнія о назначеніи *stationes* городовъ выводились главнымъ образомъ изъ того, что нѣкоторыя изъ этихъ *stationes* въ Римѣ находились у главнаго форума. Считая эти мнѣнія неправильными, мы полагаемъ, что всѣмъ этого рода *stationes* и *statiōnes*, изъ коихъ нѣкоторыя находились у форума или форумовъ, соотвѣтствовали нѣкотораго рода общества или колоніи одногорожанъ, какъ колонія Тирійцевъ и *καλλήγιον* Нисейцевъ.

Римскіе граждане, проживавшіе въ городахъ peregrinorum или на территоріяхъ этихъ городовъ (при имперіи такіе города, какъ извѣстно, были только въ провинціяхъ) образовали тамъ свои *conventus*; по всей вѣроятности, у нихъ тоже были свои *stationes* для собраній; не разъ въ источ-

¹⁾ При республикѣ грекостася служила для этой цѣли, какъ видно изъ Варрона, *De l. L.*, V, 155: *locus substructus ubi nationum subsisterent legati qui ad senatum essent missi. is Graecostasis appellatus a parte, ut multa.* При имперіи она могла и не служить для этой цѣли, разъ были у форума *stationes* городовъ. Что она въ это время была *eine Ehrentribüne für Zuschauer von Distinction*, какъ утверждалъ Иорданъ (*Top. R.*, I, 2, 243), это пока не доказано (срв. *Annali dell' Inst.*, 1860). Вѣроятно, у Плутарха, *De soll. anim.*, 19 подъ 'Ελλήνων ἀγορά (πρὸ τοῦ τερμένους ὁ καλοῦσιν 'Ελλήνων ἀγορὰν) слѣдуетъ разумѣть грекостася. Самое слово «грекостася» указываетъ, по видимому, на нѣчто, заимствованное у Грековъ. Сколько намъ извѣстно, никто изъ писавшихъ доселѣ о грекостаси не указалъ на нѣчто аналогичное—можетъ быть, и прототипъ ея?—въ Родосѣ. Витрувій (II, 15, 20) сообщаетъ, что царица Артемисія, захвативъ городъ Родосъ, поставила—вѣроятно, на главной городской площади—трофей, и Родосцы, считая грѣхомъ уничтожить его, *circa eum locum aedificium struxerunt et id erecta Graia statione texerunt, ne qui posset aspicere, et id αἶθρον vocitari jusserunt.*

никахъ упоминаются кураторы этихъ конвентовъ. Колоніи однопорожанъ въ Римѣ не назывались *conventus*—вѣроятно, потому, что *conventus* предполагало собраніе гражданъ изъ разныхъ городовъ и вообще мѣстъ (см. Шультэнъ, *De convent. civ. Rom.*, стр. 100).

О внутренней организаціи обществъ иногородныхъ въ Римѣ мы знаемъ собственно только то, что даютъ надписи о *stativones* Тирійцевъ и о *κολλήτιον* Нисейцевъ. Можно думать, что къ такому обществу однопорожанъ-земляковъ могъ принадлежать всякій гражданинъ даннаго города, проживавшій въ Римѣ, безъ особаго избранія; слово *κολλήτιον*, если оно употреблено въ Греческой надписи въ его точномъ смыслѣ, предполагаетъ болѣе замкнутое общество, вступленіе въ члены котораго обставлено было извѣстными условіями и формальностями.¹⁾ Центры однопорожанъ, мѣста для ихъ собраній назывались *stationes*; можетъ быть, *stativones* Греческихъ городовъ обозначались также словомъ *οἶκος*²⁾. Нѣкоторые города имѣли собственные стаціи или *οἶκοι*, другіе нанимали ихъ. Это были помѣщенія болѣе или менѣе значительнаго размѣра или отдѣльныя особыя зданія, специально для этой цѣли построенныя; тѣ и другія имѣли соответствующую обстановку, извѣстный *κόσμος*³⁾. Стаціи нѣкоторыхъ городовъ находились у форума—не потому, чтобы на форумѣ устраивались какія общественныя зрѣлища—при имперіи этого почти никогда не бывало—а потому, что главный форумъ и другіе, находившіеся около него, представляли средоточіе общественной и отчасти государственной дѣятельности: на форумахъ происходили судебныя процессы, тутъ всегда можно было легко найти адвокатовъ и т. п. нужныхъ людей, это было центральное мѣсто для денежныхъ сдѣлокъ и торговли, у главнаго форума находились зданіе сената, государственное казначейство и архивъ, надъ форумомъ возвышался Палатинъ съ императорскимъ дворцомъ и Капитолій съ его святилищами и пр.

¹⁾ Земляческое *collegium* находимъ еще *C. I. L. III, 1394: col(l). (G)alatarum* (въ Дакии).

²⁾ Срв. *ὁ οἶκος τῶν Ἀλεξανδρέων* въ Томахъ и *ὁ οἶκος τῶν ἐν Τόμει ναυκλήρων* (Ziebarth, *D. griech. Vereinswesen*).

³⁾ Стаціи городовъ особняки съ ихъ *κόσμος*, вѣроятно, нѣсколько походили на лесху Книдянъ въ Дельфахъ (см. Плутархъ, *De def. oracul.*, 6 и Извѣстія Русскаго Археол. Инстит. въ К.—полѣ, IV, 1, стр. 152 и сл.).

Мы полагаемъ, что какъ стациа Тирійцевъ въ Римѣ, такъ и стациа другихъ городовъ не служили исключительно для торговыхъ цѣлей; вѣдь не даромъ же онѣ называются стациями муниципіевъ или городовъ, а не купцовъ соотвѣствующихъ городовъ. Моммзенъ, вѣроятно, исходя изъ убѣжденія, что стациа Тирійцевъ были только торговыми факторіями, помѣщаетъ 'теперь одну изъ нихъ въ Остію, а не въ Римѣ. Кантарелли также видитъ въ *stationes* городовъ въ Римѣ только торговыя факторіи; онъ находитъ полную аналогію между этими стациями и т. наз. фундаками, которые нѣкогда имѣли Италіанскіе купцы въ нѣкоторыхъ городахъ Востока и иноземные купцы въ Венеціи и нѣкоторыхъ другихъ торговыхъ городахъ Италіи; намъ кажется, что онъ видитъ аналогичное и въ томъ, въ чемъ его на самомъ дѣлѣ не было или гдѣ оно по крайней мѣрѣ не можетъ быть констатировано на основаніи нашихъ источниковъ.

Нисеецъ Алкивіадъ, какъ мы видѣли, организовалъ въ Римѣ *κολλήτιον* своихъ согражданъ для того, чтобы они составляли въ Римѣ какъ-бы колонію и не были бы тамъ чужими, т. е., слѣдовательно, чтобы могли выступать, сноситься съ кѣмъ было нужно и вообще дѣйствовать, какъ признанныя земляческія группы, общества; а дума Тира признавала стациа Тирійцевъ въ Римѣ и Путеолахъ полезными для города. Вообще нѣкоторое объединеніе въ извѣстномъ центрѣ одногорожанъ, проживавшихъ въ Римѣ, было полезно, во-первыхъ, для нихъ самихъ, именно для совмѣстнаго почитанія родныхъ боговъ, для цѣлей торговыхъ и взаимопомощи; было оно, во-вторыхъ, уже по этому самому полезно и для ихъ городовъ, а также при ихъ сношеніяхъ съ Римомъ и т. п.

Граждане городовъ, даже собственно Римскихъ, проживавшіе въ Римѣ, обыкновенно представляли особыя группы въ силу принадлежности къ своимъ городамъ, общихъ обязанностей и привязанностей. Извѣстно, что первые вѣка имперіи были временемъ наибольшаго процвѣтанія городского самоуправленія и городского патріотизма въ Римскомъ государствѣ; притомъ же въ это время все еще существовали разныя категоріи городовъ, и даже города одной категоріи представляли особенности въ ихъ строѣ, менѣе города собственно Римскіе, болѣе города перегриновъ—соотвѣственно ихъ географическому положенію, этнографическому характеру и ихъ прошлому, въ частности ихъ отношеніямъ къ Риму. Все это сближало гражданъ отдѣльныхъ городовъ и внѣ ихъ.

Иногородные, состоя на государственной или императорской службѣ, даже будучи Римскими сенаторами, обыкновенно не чуждались своихъ городовъ и согражданъ, а поддерживали съ ними связи и сношенія и заботились, по мѣрѣ возможности, объ ихъ интересахъ, въ особенности, если состояли формально покровителями (патронами) своихъ городовъ. Вѣдь обыкновенно города старались найти себѣ патроновъ изъ Римскихъ сенаторовъ или состоящихъ или состоявшихъ на императорской службѣ вѣдниковъ, и притомъ, по возможности, изъ своихъ земляковъ. По свидѣтельству историка Аппіана, въ его время (II в.) каждый городъ имперіи имѣлъ въ Римѣ патрона¹⁾. Само собою разумѣется, что эти патроны должны были поддерживать сношенія съ гражданами покровительствуемыхъ ими городовъ въ Римѣ, а это было удобнѣе всего черезъ *stationes* этихъ городовъ. И патроны, и *stationes* городовъ могли быть многимъ полезны городамъ при ихъ сношеніяхъ съ Римомъ, въ частности при сношеніяхъ съ правительствомъ въ Римѣ, какъ-то, оказывая тѣ или иные услуги ихъ депутатамъ, сообщая изъ Рима нужныя имъ свѣдѣнія и т. п. Евреи и христіане Рима сносились съ обществами своихъ единоплеменниковъ въ другихъ частяхъ имперіи, доставляя имъ, въ случаѣ надобности, нужныя свѣдѣнія. Иосифъ-Флавій рассказываетъ, что однажды при Августѣ Еврейскихъ депутатовъ (изъ Палестины) на Палаatinъ, гдѣ имъ назначена была аудіенція, сопровождало 8000 проживавшихъ въ Римѣ Евреевъ. Почему не могли дѣлать того-же стационаріи другихъ городовъ для ихъ депутатовъ? При Маркѣ Авреліѣ извѣстный Каппадокійскій лжепророкъ Александръ, по свидѣтельству его современника Лукіана, имѣлъ въ самомъ Римѣ многочисленныхъ агентовъ-развѣдчиковъ изъ лицъ преданныхъ ему; эти развѣдчики узнавали будто образъ мыслей и желанія богатыхъ и знатныхъ Римлянъ и напередъ сообщали Александру, какіе вопросы, предположительно, тѣ ему поставятъ, и такимъ образомъ у него были заранѣе готовые отвѣты для нихъ, когда они обращались къ нему. Тѣмъ болѣе могли имѣть въ своихъ интересахъ—вполнѣ благонамѣренно и открыто—подобныхъ агентовъ въ Римѣ цѣлые города, выбирая ихъ специально изъ своихъ тамошнихъ стационаріевъ или пользуясь

¹⁾ Аппіанъ, *V. civ.*, II, 4: ὡπερ ἀπάσαις πόλεσιν ἔστι τις ἐν Ῥώμῃ προστατής.

ихъ случайными и добротными услугами¹⁾. Въ нашихъ источникахъ есть упоминанія о подобныхъ агентахъ въ Римѣ нѣкоторыхъ вассальныхъ царей.

Сношенія провинціальныхъ городовъ съ центральнымъ правительствомъ въ Римѣ были въ первые вѣка имперіи довольно часты, но еще чаще къ нему обращались города Италіи, особенно часто въ I и II вѣкахъ;²⁾ въ Италіи, какъ извѣстно, до учрежденія *ipridici consulares*—во II вѣкѣ—не было помѣстныхъ государственныхъ властей, которыя бы въ нѣкоторой мѣрѣ соответствовали наместникамъ провинцій.

Нѣкоторыя общества иногородныхъ въ Римѣ были въ то-же время въ большей или меньшей мѣрѣ и обществами религіозно-культурными, какъ и другія частныя общества разнаго рода въ Римѣ и внѣ его; но были въ Римѣ также частныя общества религіозныя, посвятившія себя специально почитанію извѣстнаго божества или божествъ, и общества, т. е. сказать, сакрально-профессіональныя, т. е. служившія цѣлямъ извѣстныхъ культовъ. Намъ здѣсь интересуютъ изъ этихъ обществъ лишь такія, которыя посвящены были культамъ боговъ иноземныхъ, для Рима чужихъ, т. е. общества иновѣрцевъ, и такія, которыя, хотя служили для цѣлей культовъ Римскихъ, но состояли въ большей или меньшей мѣрѣ изъ иногородныхъ и иноземцевъ.

Древніе Римляне были по своему весьма религіозны и относились вообще довольно толерантно къ чужимъ религіямъ, въ частности подданныхъ имъ городовъ и народовъ. Въ этой выдающейся и своеобразной религіозности Римлянъ и ихъ религіозной толерантности уже древніе

¹⁾ Въ Дигестахъ, L, 1, 36 приводится такой фиктивный случай: одинъ городъ поручаетъ своему гражданину, проживающему въ Римѣ *studiorum gratia*, подать присланное ему прошеніе отъ имени города императору; этотъ по нѣкоторой причинѣ не выполнилъ этого порученія самъ, а передалъ его своему согражданину, который тоже тогда находился въ Римѣ, и пр. Изъ одной надписи (Dittenb., Syll², 418) узнаемъ, что императоръ Гордіанъ далъ въ Римѣ отвѣтъ на прошеніе одного сельскаго общества (во *Оракіи*) черезъ одного преторіанца, принадлежавшаго къ тому-же обществу.

²⁾ Городская дума одного муниципія (Вей) устроила однажды даже засѣданіе въ Римѣ.

—сами Римляне и Греки—усматривали одну изъ причинъ ихъ мирового владычества¹⁾, и новые ученые тоже въ известной мѣрѣ признають эту причинную связь. Религіозная толерантность Римлянъ обуславливалась, во-первыхъ, общимъ характеромъ классическаго язычества и, во-вторыхъ, особенностями ихъ народнаго характера, религіознаго развитія и вообще исторіи народа; она была отчасти слѣдствіемъ, отчасти причиною постепеннаго роста ихъ государства и включенія въ него множества инородческихъ и иновѣрческихъ элементовъ²⁾. Ихъ религіозная толерантность не была, впрочемъ, вполне принципиальной и абсолютной, а отчасти, такъ сказать, практически оппортунистической; она

¹⁾ У Минуція-Фелікса, Octavius, 6 (Halm) язычникъ Цецилій говоритъ: *per universa imperia, provincias, oppida videmus singulos sacrorum ritus gentiles habere et deos colere municipes, ut Eleusinos Cererem, Phrygas Matrem, Epidaurios Aesculapium, Chaldaeos Belum, Astarten Syros, Dianam Taurios, Gallos Mercurium, numina universa Romanos. sic eorum potestas et auctoritas totius orbis ambitum occupavit, sic imperium suum ultra solis vias et ipsius Oceani limites propagarunt, dum exercent in armis virtutem religiosam, dum urbem muniunt sacrorum religionibus, castis virginibus, multis honoribus ac nominibus sacerdotum, dum obsessi et circa solum Capitolium capti colunt deos, quos alius iam sprevisset iratos, et per Gallorum acies mirantium superstitionis audaciam pergunt telis inermes, sed cultu religionis armati, dum captis hostilibus moenibus adhuc ferociente victoria numina victa venerantur, dum undique hospites deos quaerunt et suos faciunt, dum aras extruunt interdum etiam ignotis numinibus et manibus. sic dum universarum gentium sacra suscipiunt, etiam regna meruerunt.*

²⁾ Моммзень, R. Strafrecht, 570: Für die weitherzige Toleranz der republikanischen Religionspolitik ist die Vormachtstellung Roms zugleich Ursache und Wirkung gewesen. Das passive Verhalten des römischen Staats zu den Acten der nationalen Religion einerseits und andererseits die lediglich polizeiliche Oberaufsicht über die recipirten und die nicht recipirten ausländischen Culte gehören zu den unveränderlichen Maximen der römischen Staatsverwaltung, die auch in den ersten Jahrhunderten der Monarchie nicht viel minder befolgt worden sind als in der republikanischen Epoche.

практиковалась главнымъ образомъ и въ наибольшей мѣрѣ по отношенію къ религіямъ языческимъ, затѣмъ въ большей мѣрѣ по отношенію къ перепегринамъ, чѣмъ къ Римскимъ гражданамъ; отъ послѣднихъ требовалось признаніе боговъ государства, хотя имъ вообще не воспрещалось почитаніе и иныхъ боговъ; друидизмъ напр. воспрещенъ былъ свачала (Августомъ) только для Римскихъ гражданъ¹⁾.

Въ своемъ городѣ Римляне вообще допускали для отдѣльныхъ лицъ и частныхъ обществъ почитаніе чужихъ боговъ. Нѣкоторые изъ *dii peregrini* и *sacra peregrina* всегда оставались въ Римѣ таковыми, чужими, но многіе изъ нихъ съ теченіемъ времени были тамъ приняты официально, *publice recepti*, и въ этомъ смыслѣ стали Римскими. Кибела говоритъ у Овидія: *Dignus Roma locus, quo deus omnis eat*; дѣйствительно, многіе боги находили это мѣсто достойнымъ себя, пришли сюда и были приняты, одни раньше, другіе позже, многихъ перенесли сами Римляне и водворили у себя официально, культы другихъ справлялись частнымъ образомъ.

Уже при царяхъ Римъ усваивалъ чужихъ боговъ и чужіе культы; это-же продолжалось и въ послѣдующіе періоды его исторіи. Между прочимъ побѣды и завоеванія Рима сопровождались иногда перенесеніемъ въ Римъ боговъ и культовъ покоренныхъ имъ городовъ и народовъ, онъ перенывалъ къ себѣ ихъ боговъ (это впрочемъ было только въ Италіи); вообще съ расширеніемъ Римскаго orbis и сношеній Рима расширялся и кругъ почитаемыхъ имъ боговъ²⁾; иныхъ изъ нихъ Римляне стали у себя по-

1) Виссова, *Religion und Kultus der Römer*, стр. 78: Dem einzelnen Bürger ist es nicht untersagt, *in solo privato* auch vom Staate nicht recipirte Gottheiten zu verehren, falls er damit nicht gegen die allgemeine Ordnung verstösst und darüber seine Pflichten gegen den öffentlichen Gottesdienst nicht vernachlässigt, in noch höherem Masse ist der von der nationalen Gottesverehrung angeschlossene Fremde in seiner eigenen Religionsübung unbeschränkt, soweit nicht die Rücksicht auf Ordnung und gute Sitte in Frage kommt.

2) Ируденцій, *Contra Symm.*, II, 356:

Roma triumphantis quotiens ducis inclita currum
Plausibus excepit, totiens altaria divum
Addidit et spoliis sibimet nova numina fecit.

читать послѣ поражений и вообще въ години общественныхъ бѣдствій. Такъ или иначе, по тому или иному поводу, они приняла культы многихъ Латинскихъ и вообще Италийскихъ городовъ, Греческіе культы Южной Италиі, затѣмъ нѣкоторые изъ Греціи, Малой Азіи и т. д.

При имперіи, съ наплывомъ въ Римъ провинціаловъ, съ появленіемъ ихъ и на тронѣ кесарей, продолжали водворяться въ Римѣ новые боги и новые культы, весьма многіе частнымъ образомъ, а нѣкоторые приняты были и официально государствомъ. Собственно Греки могли уже въ этой области мало дать Риму новаго¹⁾. Многіе Греческіе боги и культы давно уже были приняты въ Римѣ и уже перестали считаться *dii peregrini* и *vasa peregrina*; таковыми теперь были для Рима новые полу-греческіе или и совсѣмъ варварскіе боги и культы; эти-то культы, главнымъ образомъ Восточныя, теперь распространяются и утверждаются въ Римѣ. Эти культы уже раньше были распространены среди Грековъ и въ Римѣ являлись въ эллинизованномъ видѣ; однако, какъ вообще не соответствовавшіе характеру Римскаго богопочитанія, даже будучи уже широко распространены въ Римѣ въ нѣкоторыхъ слояхъ населенія, они встрѣчали отпоръ въ другихъ и особенно со стороны правительства, нѣкоторые признаны были государствомъ только уже въ III вѣкѣ, а нѣкоторые не были приняты никогда.

Уже при республикѣ (въ 204 г.) учрежденъ былъ въ Римѣ культъ Кибелы, *Magna Mater*, и храмъ ей построенъ (въ 191 г.) внутри померія, именно на Палатинѣ; но нѣкоторыя части ея культа были неофициальными. Позже (по мнѣнію Виссова, при Антонинѣ Піѣ) это измѣнилось; тогда-же установленъ новый большой (мартовскій) праздникъ въ ея честь и приняты такъ наз. тавроболіи.

Въ концѣ республики проникъ въ Римѣ культъ Египетскихъ божествъ: Изиды, Сераписа и др. Первый храмъ Изидѣ построенъ былъ государствомъ внѣ померія, на Марсовомъ Поля; упоминается онъ въ первый разъ подъ 71 годомъ. Онъ построенъ послѣ Тиберія, — вѣроятно,

¹⁾ Императоръ Клавдій (I), по свидѣтельству Светонія, думалъ было перенести въ Римъ изъ Элевзина знаменитыя мистеріи Деметры; въ этомъ-же родѣ есть свидѣтельство, не совсѣмъ ясное, объ Адрианѣ. О Греческихъ агонахъ въ Римѣ см. ниже.

при Калигулѣ, когда, слѣдовательно, этотъ культъ былъ признанъ государственнымъ (см. Висова, назв. соч., стр. 298).¹⁾ Въ III вѣкѣ Каракалла построилъ нѣсколько храмовъ Египетскимъ божествамъ уже въ городѣ, именно: великолѣпный храмъ Серапису на Квириналѣ, можетъ быть, храмъ Изиды и Серапису на Целіѣ, и др.

Также уже въ концѣ республики проникъ въ Римъ культъ Команской богини Ма, которую Римляне называли именемъ ихъ родной Беллоны; но государственный культъ ея учрежденъ гораздо позже, можетъ быть, въ началѣ III вѣка послѣ Р. Хр. (Виссова, назв. соч., стр. 290).

Со II вѣка послѣ Р. Хр. начинаютъ преобладать въ Римѣ другіе культы Востока, Сирійскіе и Персидскіе, напр. Ваала Долихинскаго, Юпитера Геліопольскаго, *dea Syria*, *Sol invictus*, Митры и др. Около этого-же времени распространяются въ Римѣ также культы божествъ Фракійско-фригійскихъ, Кароагенской *Dea Caelestis* и др., и вообще Римъ въ это время, можно сказать, наводняется иноземными культурами. Большая часть ихъ оставалась всегда частными культурами²⁾, но нѣкоторые приняты были и государствомъ; время этого принятія не для всѣхъ ихъ можетъ быть установлено съ полною достовѣрностью. Культъ *Deae Caelestis* въ Римѣ учрежденъ при Септиміѣ-Северѣ или Каракаллѣ, происходившихъ, какъ извѣстно, изъ Африки; культъ Геліогабала держался официально въ Римѣ короткое время только при императорѣ того-же имени; культъ Солнца учрежденъ Авреліаномъ.

Въ концѣ II вѣка и въ III вѣкѣ н. Р. Хр. въ Римѣ, по словамъ Тертуллиана, былъ *conventus omnium daemoniorum*; вмѣстивъ въ себѣ

¹⁾ Луканъ VIII, 831: *Nos in templa tuam Romana accepimus Isim
Semideosque canes et sinistra iuventia luctus
Et quem tu plangens hominem testaris Osirim.*
Миндуцій-Феликсъ, Oct., 22: *Haec tamen Aegyptia quondam, nunc et sacra
Romana.*

²⁾ Виссова, назв. соч., стр. 312: *Die Masse fremder Gottesdienste, die seit dem Ausgange des 2. Jahrhunderts in Rom irgendwie private Ausübung finden, ist unübersehbar. Ibid., 80: Es ist nicht immer mit Sicherheit auszumitteln, ob die Kultusstätten solcher ausländischer Gottheiten, die wir im 3. und 4. Jahrhundert in Rom intra und extra pomerium in grosser Zahl nachweisen können, Staatstempel sind oder nicht.*

боговъ всей имперіи, Римъ въ это время сталъ пантеономъ всего orbis Romanus, totius mundi templum (Аммианъ-Марцелл., XVII, 4, 13); въ это время всякій подвластный Риму язычникъ, прибывъ въ Римъ, находилъ тамъ своихъ боговъ, а иные могли ихъ найти тамъ уже задолго до этого времени.

Такіе языческіе культы Востока въ Римѣ, какъ «тысячеименной» Изиды, Magna Mater, Солнца, Митры и др., въ противоположность собственно Греческимъ и Римскимъ, отличались уже нѣкоторою исключительностью¹⁾ и стремленіемъ къ прозелитизму; въ особенности въ то время, когда они водворились прочно въ Римѣ, они были склонны къ монотеизму, къ уподобленію себѣ и поглощенію въ себѣ другихъ боговъ и культовъ и подрывали классическую Греко-римскую религію²⁾. Какъ чуждыя старому Римскому богопочитанію, они встрѣчали сначала въ Римѣ со стороны власти враждебное отношеніе и подвергались извѣстнымъ ограниченіямъ; съ другой стороны, и христіанскіе писатели особенно вооружались именно противъ нихъ, какъ болѣе опасныхъ соперниковъ христіанству. Но все таки и эти языческія религіи болѣе или менѣе мирились съ другими языческими, хотя и старались ихъ поглотить; допускали онѣ и пр. и культъ Римскихъ императоровъ. Религіи же вполне монотеистическія, Еврейская и христіанская, уже по принципу своему не могли отнюдь признавать рядомъ съ собою какой-либо языческой, какъ истинной, и воспринимать элементы какихъ бы то ни было языческихъ религій, не

¹⁾ Порфирій въ біографіи Плотина рассказываетъ, что одинъ Египетскій жрецъ производилъ для Плотина вызываніе духовъ покойниковъ въ храмъ Изиды, такъ какъ, по его убѣжденію, это было единственно чистое мѣсто во всемъ Римѣ.

²⁾ Виссова назв. соч., стр. 81: *Gemeinsam ist allen diesen Religionen, dass jede von ihnen die einzige und alleinige Wahrheit zu überliefern und ihren Gläubigen den einzig wirklichen Gott zu bieten behauptet; mit der thatsächlichen Existenz und Verehrung der zahlreichen andern Götter findet man sich durch die Lehre ab, dass sie sämtlich nur unvollkommenere Offenbarungen oder andere Namen der einen wahren Gottheit seien und dass diese all die verschieden benannten Kräfte und Persönlichkeiten in sich vereinige.*

азма, изступленныхъ плясокъ, собранія подаяній, нѣтъ и мистерій, и что, хотя въ Римѣ весьма много инородческихъ элементовъ и всякій иноземецъ почитаетъ своихъ боговъ по своимъ обрядамъ, однако государство не принимало всѣхъ особенностей чужихъ культовъ, а почитаетъ даже чужихъ боговъ по своему¹). При имперіи, какъ уже сказано, съ теченіемъ времени эти странные для Римлянина культы Грековъ и Востока съ ихъ оргазмомъ и мистеріями все болѣе водворялись въ Римѣ; однако и позже Римское государство, принимая боговъ, не принимало на себя вообще или всецѣло ихъ культовъ, которые и справлялись отчасти частными обществами, состоявшими изъ иноземцевъ.

Какъ уже выше сказано нѣкоторыя части культа Кибелы въ Римѣ были неофициальными, онѣ только допускались правительствомъ, но выполнялись жрецами и жрицами и вообще «фанатиками» Кибелы изъ Фригійцевъ, но долгое время отнюдь не Римскими гражданами. Это не были государственные жрецы, а—сакрально-профессиональное общество иноземцевъ. Кастраты, въ своемъ странномъ, пестромъ нарядѣ, съ музыкантами они въ извѣстные дни года ходили по городу, распѣвали—на Греческомъ языкѣ—гимны въ честь Кибелы²), плясали (упоминаются *ballatores Cybeles*) и собирали добротныя подаянія. Упоминающіеся въ надписяхъ времени имперіи жрецы и жрицы Кибелы въ Римѣ и архи-

¹) *Antiquit.*, II, 19: οὐδ' ἂν ἴδοι τις παρ' αὐτοῖς, καίτοι διεφθαρμένων ἤδη τῶν ἔθῶν, οὐ θεοφορήσεις, οὐ κορυβαντισμοὺς, οὐκ ἀγυρμούς, οὐ βακχείας καὶ τελετὰς ἀπορρήτους, οὐ διάπανυχιασμοὺς ἐν ἱεροῖς ἀνδρῶν σὺν γυναιξίν, οὐκ ἄλλο τῶν παραπλησίων τούτοις τερατευμάτων οὐδὲν . . . καὶ ὁ πάντων μάλιστα ἔγωγε τεθαύμακα, καίπερ μυρίων ὄσων εἰς τὴν πόλιν ἐληλυθότων ἔθνῶν, οἷς πολλὴ ἀνάγκη σέβειν τοὺς πατρίους θεοὺς τοῖς οἰκοθεν νομίμοις, οὐδενὸς εἰς ζῆλον ἐλήλυθε τῶν ξενικῶν ἐπιτηδευμάτων ἢ πόλις δημοσίᾳ, ὁ πολλοῖς ἤδη συνέβη παθεῖν, ἀλλὰ καὶ εἰ τινα κατὰ χρησμοὺς ἐπεισηγάγετο ἱερά, τοῖς ἑαυτῆς αὐτὰ τιμᾶ νομίμοις (далѣе приводится въ примѣръ культъ Кибелы въ Римѣ).

²) *Serвій ad Georg.* II, 394: pleraque enim sacra pro gentium qualitate, pleraque secundum suum ritum coluntur. Nam hymni Libero apud Graecos Graeca, apud Latinos Latina voce dicuntur. Hymni vero Matris deum ubique propriam i. e. Graecam linguam requirunt.

галлы уже—Римскіе граждане (большею частью вольноотпущенники); но эти надписи—поздняго времени, когда эти жречества стали доступны и для Римскихъ гражданъ; Виссова полагаетъ, что это произошло во второй половинѣ II вѣка послѣ Р. Хр.

Въ томъ-же родѣ, какъ долгое время служители Кибелы, были также жрецы и вообще служители (*fanatici*) Ма-Беллоны и *Deae Sygiae* въ Римѣ; государственными жрецами они, вѣроятно, не были никогда; это были частныя общества нищенствующихъ иноземныхъ жрецовъ (изъ Каппадокійцевъ и Сирійцевъ), которымъ разрѣшалось выступать съ своими своеобразными культами и публично. *Bellonarii*, или *fanatici Bellonae*, въ черной одеждѣ, тоже съ музыкантами, ходили по Риму; отъ возбуждающихъ звуковъ литавръ и трубъ приходили въ религиозный экстазъ—Марціалъ называетъ ихъ *entheata* (или *entheae*) *turba Bellonae*—и выполняли свои дикія пляски, наносили себѣ топорами раны, пророчествовали и т. п. Кастраты *Deae Sygiae* тоже ходили по городу—съ изображеніемъ своей богини—, выполняли свои священные пляски, ранили себя, собирали подаянія и т. п.

Весьма странное положеніе, соотвѣтственно его своеобразному характеру, занималъ въ Римѣ мистическій культъ Митры. Во II и особенно въ III вѣкѣ онъ былъ весьма распространенъ въ Римѣ, какъ и во многихъ частяхъ имперіи; въ Римѣ въ немъ принимали участие не только люди низшихъ слоевъ, но и высоко поставленныя лица, даже императоры; Діоклеціанъ и Максиміанъ называютъ Митру покровителемъ Римской державы; однако нѣтъ основаній утверждать, чтобы этотъ культъ былъ когда-либо принятъ государствомъ или хотя бы самъ Митра причисленъ былъ къ *di publici populi Romani*; даже въ III вѣкѣ, а тѣмъ болѣе раньше, религія Митры въ Римѣ была дозволеннымъ иновѣріемъ, но не государственной религіей¹⁾; общества митраистовъ (*sacrorum*) въ Римѣ были частными религиозными обществами, подземныя святилища

¹⁾ Виссова, назван. соч., стр. 80: Die ganze Art und Anlage des Mithrasdienstes mit seinen Grottentempeln und kleinen Gemeinden, seinen Graden und Weihungen entzog sich derart den Formen der römischen Staatskirche, dass wahrscheinlich aus diesem Grunde eine offizielle Reception des Mithras unter die *di publici p. R.* nie erfolgt ist, obwohl der Kult an Verbreitung und Einfluss alle anderen übertraf.

Митры, митреи (храмовъ, какіе строились другимъ языческимъ богамъ, онѣ не имѣлъ), довольно многочисленныя въ Римѣ, были мѣстами для частнаго богослуженія, жрецы Митры не были жрецами государственными, въ государственномъ календарѣ не находимъ праздника Митры; въ государственномъ культѣ какъ-бы заступалъ мѣсто Митры другой Sol invictus (вѣдь и Митра иногда назывался такъ), культъ котораго съ sacerdotes publici введенъ Аврелианомъ и праздникъ котораго справляли 25 декабря.

При республикѣ, именно въ 186 году до Р. Хр., Римское правительство строго преслѣдовало распространившіяся было въ Римѣ и Италіи *Vaschanalia*. По свидѣтельству Сервія (къ Ecl., V, 29) Цезарь ввелъ въ Римѣ какой-то культъ Діониса—должно быть, полувосточнаго характера, мистическій. Культъ Діониса съ такимъ характеромъ существовалъ въ Римѣ, несомнѣнно, во время Септимія—Севера; въ надписяхъ этого времени упоминаются общества, посвященныя этому культу; они называются «священными спирами» (*spira*, *σπειρα*); упоминаются *spirarches*, *parastata*, *hierophantes* и *archibucolus* этихъ обществъ. Это были, по всей вѣроятности, общества частныя. Прямыхъ свидѣтельствъ о включеніи этого культа въ число Римскихъ государственныхъ не имѣется и само по себѣ оно мало вѣроятно; впрочемъ, по свидѣтельству Діона-Кассія, Септимій-Северъ построилъ въ Римѣ большой храмъ Діонису.

Въ одной надписи г. Рима упоминается нѣкое религиозное общество, посвященное культу Пальмирскихъ божествъ (С. I. L., VI, 50, 51 и др.); также въ надписи Рима находимъ *cultores Jovis o(ptimi) m(aximi) Dolicheni* (С. I. L., VI, 400 и сл.); въ первомъ и во второмъ вѣкѣ имперіи, вѣроятно, культъ этого бога не былъ государственнымъ.

Collegium pastophorum, по свидѣтельству Апулея, существовало въ Римѣ уже при Суллѣ. Это общество и другія при культахъ Изиды и Сераписа въ Римѣ въ первое время имперіи были частными обществами и впослѣдствіи *fanatici* Изиды и служители Сераписа были по крайней мѣрѣ большею частью изъ иноземцевъ,—главнымъ образомъ, надо полагать, изъ Египетскихъ Грековъ или вообще Египтянъ; даже въ государственномъ культѣ Египетскихъ божествъ въ Римѣ сохранялся, полагаетъ, въ нѣкоторой мѣрѣ Греческій языкъ. Въ императорскомъ Римѣ было нѣсколько обществъ Изиды; вѣроятно, значительная часть ихъ членовъ состояла изъ пришлыхъ элементовъ.

Изъ одной Греческой надписи (I. G. S. I., 1084)—146 года послѣ Р. Хр.—узнаемъ о существованіи въ Римѣ въ то время сакральнаго общества пѣанистовъ Серписа, *ἱερά τάξις τῶν παλαιστῶν τοῦ ἐν Ῥώμῃ Διὸς μεγάλου Σεράπιδος καὶ θεῶν Σεβαστῶν*. Уже Греческій языкъ надписи показываетъ, что это были Греки или Египтяне и распѣвали они свои пѣаны, конечно, на Греческомъ языкѣ. Эти пѣанисты составляли свое общество (упоминаются ихъ *προφήτης* и *χοράτωρ*) и имѣли свой *οἶκος*. Септимій-Северъ, особенно интересовавшійся культомъ Сераписа, далъ обществу какое-то *beneficium*, которое потомъ подтвердилъ за ними Каракалла (I. G. S. I., 1059). По всей вѣроятности, это сакрально-профессиональное общество служило для потребностей государственнаго культа.

Въ этомъ-же родѣ, вѣроятно, была *magna synodus psaltum*. Это сакрально-профессиональное общество упоминается въ одной надписи времени республики, но, по всей вѣроятности, продолжало существовать и при имперіи. Членами его были почти все, судя по именамъ, Греки. Вѣроятно, такое-же общество въ Римѣ составляли и гимнологи¹⁾. Уже самыя названія указываютъ на нѣчто не вполне Римское (срв. *collegium tibicinum et fidicinum, qui sacris publicis populi Romani praesto sunt*). Болѣе намъ извѣстно о подобныхъ-же обществахъ Греческихъ Діонисовыхъ техниковъ и атлетовъ въ Римѣ времени имперіи.

На многочисленныхъ, относившихся, какъ извѣстно, къ культу *ludi publici* и *saera certamina* императорскаго Рима выступали м. пр. Греческіе артисты разнаго рода и атлеты.

Уже при республикѣ въ Римѣ были сценическія представленія, на которыхъ давались м. пр. и Греческія пьесы, но на Латинскомъ языкѣ въ переводахъ или передѣлкахъ; уже тогда приглашались изрѣдка въ Римъ труппы Греческихъ актеровъ, Греческіе музыканты и атлеты; но при имперіи это бывало чаще и собственно регулярныя Греческія музыкаскія и гимнастическія состязанія пересажены были на почву Рима только

---

¹⁾ Уже для Греческаго культа Аполлона, рано принятаго въ Римѣ, требовались нѣкоторые специалисты изъ Грековъ: при коллегіи жрецовъ, хранившихъ Сивилины книги, содержавшія Греческіе тексты, полагались переводчики изъ Грековъ; на *ludi saeculares* одинъ изъ гимновъ былъ на Греческомъ языкѣ. Жрицы Цереры въ Римѣ были Гречанки родомъ.

слѣдующіе вѣка и привлекалъ въ Римъ разнаго рода артистовъ изъ всѣхъ частей имперіи, въ особенности Грековъ; м. пр. Домиціанъ построилъ громаднѣйшій одеонъ на Марсовомъ Поляхъ. Вообще Греческая музыка была весьма распространена въ Римѣ времени имперіи, нерѣдко, видимо, и на сценѣ слышался Греческій языкъ¹⁾.

Римское общество Діонисовыхъ технитовъ имѣло извѣстную организацію, властей, жрецовъ, свой центръ, мѣсто для собраній, дѣлало постановленія, устраивало празднества, сносилось съ другими обществами технитовъ и т. п.

Въ надписи В. С. Н., IX, стр. 124 и сл.,²⁾ времени Антонина Пія, представляющей постановленіе общества Діон. технитовъ города Ефеса въ честь извѣстнаго уже намъ Нисейца Алквіада, упоминается м. пр. τὸ ἱερόν ἐπὶ Ῥώμης τέμενος τῶν ἀπὸ τῆς οἰκουμένης τέχνητων; именно говорится, что Алквіадъ снабдилъ этотъ τέμενος прекрасными книгами и что Римскіе техниты въ числѣ другихъ отличій, оказанныхъ ему, избрали его пожизненно своимъ ἀρχιερέος и постановили, чтобы имя его въ спискахъ этихъ жрецовъ ставилось всегда первымъ. Поляндъ (De collegiis artificum Dionysiacorum, стр. 22) видитъ въ этомъ τέμενος commune templum omnium orbis Romani artificum. Но, во-первыхъ, это не былъ храмъ, а, такъ сказать, подворье; это было то-же, что τέμενος Греческихъ атлетовъ въ Римѣ, о которомъ мы знаемъ нѣсколько больше (см. ниже). Во-вторыхъ, это τέμενος было центромъ Римскаго общества технитовъ Діониса, а всего союза лишь въ той мѣрѣ, поскольку къ этому обществу принадлежали техниты другихъ обществъ, проживавшіе временно въ Римѣ. Поляндъ полагаетъ, что Римское общество ихъ было центральнымъ, что оно избирало ἀρχιερέος другихъ обществъ—съ согласія императора—и списокъ ихъ всѣхъ хранился будто-бы въ архивѣ его, что отдѣльныя общества, назначивъ кому-либо отличіе, испрашивали каждый разъ утвержденія соотвѣт-

¹⁾ Фридендеръ, Sittengesch., II², 430: Die angeführten Textworte (изъ трагедіи, въ которой выступалъ Неронъ) sind griechisch und in dieser Sprache mögen die Texte der Tragödien in Rom damals öfter abgefasst gewesen sein... Ueberhaupt wurde die griechische Sprache auf den Bühnen Roms in der Kaiserzeit wol nicht selten gehört.

²⁾ Полный текстъ этой надписи мы приводимъ въ приложеніи.

ствующих постановлений у императора и у Римскаго общества технитовъ. Все это Поляндъ выводитъ изъ указанной надписи. Намъ кажется, что въ ней разумѣются *ἀρχηεῖς* одного Римскаго общества: оно могло ихъ имѣть одновременно нѣсколько, разъ избираетъ Алкивиада въ это званіе въ видѣ отличія (срв. τῷ πρῶτῳ ἀρχηεῖς общества Греч. атлетовъ въ Римѣ, у насъ выше, стр. 45); *προσβεία* же, о которой говорится въ надписи, по нашему мнѣнію, имѣла цѣлью *μαρτορία* (*laudatio*) передъ императоромъ и Римскимъ обществомъ технитовъ, которое съ своей стороны могло присоединиться къ *μαρτορία* Ефесскаго общества передъ императоромъ. По этимъ соображеніямъ намъ представляется пока сомнительнымъ, чтобы Римское общество технитовъ было формально центральнымъ, завѣдывавшимъ общими дѣлами союза; но несомнѣнно, что оно, какъ находившееся въ Римѣ и, конечно, имѣвшее въ числѣ своихъ членовъ всегда много выдающихся технитовъ изъ разныхъ мѣстъ, имѣло большое значеніе и для всего союза. Въ этомъ, вѣроятно, смыслъ слѣдуетъ понимать и эпитетъ его *μεγαλή*; вообще же оно называется такъ-же, какъ и другія общества этого рода, м. пр. *περιπολιτικῆ*.

Были въ Римѣ времени имперіи и другія общества актеровъ¹⁾; изъ нихъ одно очень напоминаетъ общество Діонисовыхъ технитовъ, это—*synodus parasitorum Apollinis*. Полагаютъ, что оно учреждено было специально для культа Аполлона и одновременно съ учрежденіемъ въ Римѣ *ludi Apollinares* (въ 212 г. до Р. Хр.); но мы имѣемъ о немъ свидѣтельства почти все отъ времени имперіи. Въ надписяхъ упоминаются, какъ принадлежавшіе къ нему—мимы, архимимы, пантомимы, трагическіе и комическіе актеры; нѣкоторые изъ нихъ называются *hieronicae*, т. е. побѣдителями на священныя состязаніяхъ, и *archiereus synodi* (см. Вальцангъ, *Corpor. profess.*, IV, стр. 111 и сл.). Упомянутія о *synodus parasitorum* находимъ въ Латинскихъ надписяхъ; но упоминаемые въ нихъ *parasiti*—частью Греки (по происхожденію) и мы думаемъ, что и въ этомъ синодѣ преобладали Греки, *patio comoeda*. Что это было нѣчто первоначально вполне Греческое, видно уже изъ названій: *parasiti* (это слово

¹⁾ Въ надписяхъ находимъ *corpus scaenicorum Latinorum, commune omnium, omnia corpora ad scaenam*.

зѣсь отнюдь не обозначало комическихъ актеровъ, исполнившихъ роли нахлѣбниковъ, а—членовъ сакрально-профессиональнаго общества), *synodus, archiereus synodi, hieronica*¹⁾).

Въ концѣ II вѣка и въ III вѣкѣ Діонисовы техниты, по видимому, уже не пользовались въ Римѣ тѣмъ значеніемъ, какъ прежде; несомнѣнно музыкалія искусства и состязанія приходили все больше и больше въ упадокъ, вытѣсняемыя отчасти гимническими, которыя въ это время были болѣе по вкусу публики и стали играть еще болѣе видную роль, чѣмъ въ предыдущее время. Греческая атлетика къ этому времени прочно привилась въ Римѣ послѣ того, какъ долгое время она, несмотря на официальное покровительство со стороны власти, встрѣчала антагонизмъ въ нѣкоторой части общества, и это не только въ Римѣ, но и вообще на Западѣ. Изъ Римлянъ мало было охотниковъ выступать на Греческихъ атлетическихъ состязаніяхъ—нагими атлетами; приходилось болѣею частью приглашать для нихъ Греческихъ атлетовъ; у Грековъ же этого рода специалистовъ было множество и они были вышколены по всѣмъ правиламъ искусства, такъ что могли насадить это искусство и въ Римѣ. Уже Августъ приглашалъ на устраиваемыя имъ игры атлетовъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи. Мы уже говорили о гимническомъ агонѣ въ Римѣ, учрежденномъ Нерономъ и о Капитолійскомъ агонѣ Домиціана, который привлекалъ въ Римъ м. пр. и атлетовъ, главнымъ образомъ, конечно, Грековъ. Домиціанъ устроилъ на Марсовомъ Полѣ стадій, о которомъ и теперь напоминаетъ Piazza Navona (иначе *Circo agonale*). Ювеналъ возмущался при мысли, что уже Римскій гражданинъ получаетъ награды атлета; Плиній (*Epist. IV, 22*) по поводу уничтоженія гимническаго агона въ г. Виеннѣ (въ Галліи) писалъ: *Vellem etiam Romae tolli posset*; мотивы такого желанія онъ поясняетъ: *Placuit agona*

¹⁾ Виссова, назв. соч., стр. 241 говорятъ о *ludi Apollinares*: Als erstes ständiges Jahres-Spielfest einer Gottheit des *graecus ritus* unterstanden sie, abweichend von den *Ludi Romani* und *Plebei*, der Leitung des *Praetor urbanus* und unterschieden sich auch sonst von den altrömischen Spielen, namentlich durch starkes Hervortreten der scenischen Vorführungen: es hängt damit zusammen, dass in Rom und Italien die Schauspieler-gesellschaften sich als *parasiti Apollinis* unter den besonderen Schutz dieses Gottes stellen.

tolli, qui mores Viennensium infecerat, ut noster hic omnium. Nam Viennensium vitia intra ipsos resident, nostra late vagantur: utque in corporibus, sic in imperio gravissimus est morbus, qui a capite diffunditur. Но не смотря на эти протесты нѣкоторыхъ стародумовъ, Римъ становился все болѣе urbs Graeca и, такъ сказать, генеральнымъ депо эллинизма и вообще ориентализма для всего Запада; м. пр. и Греческая атлетика входила въ немъ все болѣе въ моду, хотя по прежнему профессиональными атлетами въ Римѣ были большею частью Греки. Греческимъ атлетамъ въ Римѣ и вообще покровительствовали Траянъ, Адрианъ, Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій—онъ увлекался атлетикою, хотя не терпѣлъ гладиатуры—, не говоря уже о Коммодѣ и Каракаллѣ. Септимій-Северъ выписывалъ въ Римѣ для своихъ триумфальныхъ игръ музыкаскихъ и гимническихъ артистовъ изъ всѣхъ частей имперіи. При Александрѣ-Северѣ упоминается гимническій агонъ, подъ предѣдательствомъ императора: въ честь Александра Великаго. Устраивались въ Римѣ нерѣдко и въ послѣдующее время гимническія состязанія, какъ обычные регулярныя (нѣкоторыя состязанія этого рода были въ это время прибавлены къ прежнимъ); такъ и чрезвычайныя по поводу нѣкоторыхъ событій; объ императорѣ Каринѣ сообщается, что онъ пригласилъ въ Римъ на свои игры 1000 атлетовъ.

Какъ видимъ, Греческимъ атлетамъ представлялось въ Римѣ много случаевъ показать свое искусство, приобрести славу и деньги. Одержатъ побѣду на священномъ агонѣ въ Римѣ для атлета было большой славою, эта побѣда давала и привилегіи (см. выш. стр. 14).

Въ нѣкоторыхъ городахъ Греческаго Востока были при имперіи общества атлетовъ; есть свидѣтельства о таковыхъ въ Олимпіи, Афродисіадѣ, Александріи и др. Богомъ-покровителемъ атлетовъ и ихъ обществомъ былъ Гераклъ. По видимому, и общества Греческихъ атлетовъ всей имперіи были въ нѣкоторой мѣрѣ объединены, подобно обществамъ Дионисовыхъ технитовъ—иногда эти техниты составляли съ атлетами одно общество; *ὁ σύμμαχος ἑστώς* надписей, несомнѣнно, указываетъ на какое-то ихъ объединеніе или союзъ. Но вопросъ объ организаци¹⁾ его темень;

¹⁾ Рейшъ (Pauly-Wissowa, Realencycl., s. v. Athletai): Die Beziehungen, in welchen die zahlreichen Abtheilungen, deren Namen in ausserrömi-

мы здѣсь не можемъ входить въ разсмотрѣніе его и сообщимъ только то, что извѣстно объ обществѣ Греческихъ атлетовъ въ Римѣ.

Проживавшіе въ Римѣ Греческіе атлеты изъ разныхъ мѣстъ имѣли тамъ свой центръ, составляли общество. Это общество называетъ себя въ двухъ надписяхъ (I. G. S. I., 1105 и 1109) ἡ ἱερὰ εὐστικὴ σύνοδος τῶν περὶ Ἦρακλέα ἀπὸ καταλόσεως ἐν τῇ βασιλίδι Ῥώμῃ κατοικούντων. Вилламовицъ-Меллендорфъ высказалъ (Ind. schol. Gotting., 1884.) предположеніе, что это общество было сначала въ Сардахъ и, будучи тамъ уничтожено, перешло въ Римъ; это-же странное утвержденіе повторяютъ Полянды (назв. сочин. стр. 24.) и Кайбель (I. G. S. I., 1105)¹⁾. Но, во-первыхъ, мы знаемъ только о εὐστός въ Сардахъ; затѣмъ, какъ это общество, изгнанное изъ Сардъ, могло возродиться и водвориться въ Римѣ? Κατάλοις въ указанныхъ надписяхъ, конечно, означаетъ не «уничтоженіе», а «временное пребываніе (Риччи правильно передаетъ τῶν ἀπὸ καταλ. κατοικ. словомъ ospitanti; см. также конецъ прим. на стр. 69).

Императоръ Адрианъ въ своемъ рескриптѣ (134 г.) συνόδῳ εὐστικῇ τῶν περὶ τὸν Ἦρακλέα ἀθλητῶν ἱερωνεικῶν στεφανειτῶν пишетъ, что прикажетъ дать имъ въ Римѣ мѣсто и зданіе (οἶκημα), гдѣ бы они могли помѣщать свои γράμματα. (I. G. S. I., 1054). Было-ли это мѣсто не вполне подходящее, или дано было имъ только временно, во всякомъ случаѣ къ Антонину Пію они обращались съ тою-же просьбою; этотъ императоръ въ рескриптѣ тому-же обществу (I. G. S. I., 1055) говоритъ, что распорядился объ отводѣ имъ мѣста для ихъ ἱερά и γράμματα, именно у самыхъ термъ, построенныхъ его дѣдомъ (Траяномъ), гдѣ они и раньше уже обыкновенно собирались во время Капитолійскаго агона. Въ

chen Inschriften begegnen, zu einander und zu dem römischen Verein stehen, sind noch unaufgeklärt. Vielleicht umfasste in späterer Zeit eine einheitliche Organisation alle Abtheilungen; denkbar wäre, dass darin die privilegierten Sieger eine besondere Abtheilung bildeten. Срв. Ziebarth, D. griech. Vereinswesen, стр. 89.

¹⁾ Въ примѣч. къ указ. надписи Кайбель говорятъ: V. 2. ἀπὸ καταλόσεως i. e. postquam dissoluta est synodus; constitisse autem antea Sardibus coniecit Wielamowitzins, cuius quidem urbis xystus inter mirabilia numerabatur, Cfr. Ind. schol. Gott. 1884 p. 8: ὁ εὐστός ἐν Σάρδει ἡ Ἦρακλέα χρητὶς ἐν Σάρδει ἔχουσα ἐν βάθει βαθμοῦς σν.

обоихъ этихъ случаяхъ, какъ видно изъ рескриптовъ, депутатомъ къ императору былъ Ефесянинъ Ульпій-Доместикъ, оба рескрипта посланы были ἀπὸ Ῥώμης. Ясно, что это были ходатайства отъ общества атлетовъ въ Малой Азійи. Тотъ-же Доместикъ въ одной надписи (I. G. S. I., 1110) называется χρίστης τοῦ τέμενος καὶ τῶν ἐν αὐτῷ ἀναθημάτων σὺν καὶ τοῖς θεοῖς; значить, онъ исходатайствовалъ у императора мѣсто въ Римѣ для Греческихъ атлетовъ и обставилъ его прилично. Это τέμενος служило центромъ для всѣхъ Греческихъ атлетовъ, прїѣзжавшихъ въ Римъ и проживавшихъ тамъ, для всего ξυστός; это видно изъ слѣдующей надписи (I. G. S. I., 1109), въ которой упоминается общій ἀρχιερεὺς Греческихъ атлетовъ, а также проστάτης и ἄρχοντες Римскаго ихъ общества: Ἡ ἱερὰ ξυστικὴ σύνοδος τῶν | περὶ Ἡρακλέα ἀπὸ καταλύσεως | ἐν τῇ βασιλίδι: Ῥώμῃ κατοικοῦντων | Μ. Οὐλπίου Δομestικὸν διὰ βίου ξυστάρχην καὶ ἀρχιερέα τοῦ σύμπαντος ξυστοῦ, περιδονεΐκην, παράδοξον, ἐπὶ βαλανείων Σεβαστοῦ | τὸν ἑαυτῶν προστάτην καὶ αὐτὸν πρεσβεύσαντα | καὶ αἰτησάμενον τὸ τέμενος τῷ σύμπαντι ξυστῶ, τὴν τιμὴν ἀναθέντος Μεττίου Ἀμερίμου ||, ἐπὶ ἀρχόντων | Ἀ. Οὐγενίου Ἀγριππιανοῦ καὶ Μ. Μεττίου Ἀμερίμου.

Итакъ, подворье или мѣсто собраній Греческихъ атлетовъ въ Римѣ называлось τέμενος¹⁾, какъ таковое-же Діонисовыхъ технитовъ (ἱερὸν τέμενος). Въ надписи I. G. S. I., 956—начала IV вѣка—упоминается (ἱερὰ) στατίων то же общества атлетовъ. Надо полагать, что это—иное обозначеніе для того-же τέμενος. Наконецъ, въ Латинской надписи IV вѣка C. I. L., VI, 10154 встрѣчаемъ aclatarum (sic) curia; это, вѣроятно, то-же самое, что упомянутыя τέμενος и στατίων. Что curia могло означать то-же, что τέμενος и στατίων, никто, полагаемъ, не станетъ отрицать; но, почему не употреблено statio athletarum, если дѣйствительно τέμενος и στατίων атлетовъ были одно и то-же, для насъ неясно. Во всякомъ случаѣ, мѣсто могло называться и στατίων, но ужъ никакъ не ξυστικὴ σύνοδος, какъ его называютъ Лянчани, Риччи и другіе; вѣдь σύνοδος обозначало «общество» и «собраніе», но не «мѣсто собраній». Мѣсто подворья атлетовъ на Эсквилинѣ опредѣлено, сохранилось отчасти и самое помѣщеніе²⁾.

¹⁾ О значеніи слова τέμενος; см. выше, стр. 49, также у Діона-Кассія, LV, 8 и LXXVIII, 24.

²⁾ Лянчани, The ruins and the excavations of ancient Rome, стр.

Въ этомъ мѣстѣ найдены были статуи атлетовъ и цѣлый рядъ надписей, преимущественно Греческихъ (I. G. S. I., 1102 и сл.); эти надписи находились на пьедесталахъ статуй особенно прославившихся атлетовъ, главнымъ образомъ ἀρχιερεῖς τοῦ παντὸς ἑστιάου¹).

389: The curia Athletarum or ἑστιάη σύνδοξ discovered in February 1569, and again in 1660—1661 and 1713—1716, in the garden of. S. Pietro in vincoli, on the north-east side of the baths of Traian, where remains of their meeting-hall can still be seen (villa Hickson-Field).

¹) Обстоятельно говорить объ этомъ мѣстѣ, найденныхъ въ немъ предметахъ и объ атлетахъ въ Римѣ Риччи въ монографіи: *La ἑστιάη σύνδοξ e la Curia athletarum presso s. Pietro in Vincoli, Roma, 1891*, и въ *Bullett. comm.*, 1891). У насъ, къ сожалѣнію, была подъ рукою только статья Риччи *Athleta* въ *Dizionario epigrafico*, въ которой о самомъ подворьѣ атлетовъ сообщается очень немногое.

σταθонаριεβѣ не было совсѣмъ имени и
страннымъ является καὶ послѣ δῆμῳ (Με
того-же мнѣнія); при нашей же интерпрю
и безъ опредѣленія (срв. ниже ἕνα μὴ τ

2) Μομμζενъ въ примѣчаніи κτ
contigisse sibi (συνπεσεῖν), videntur ibi κτου
attributae, ut mercedem annuam pro his
Вѣроятно, мы имѣемъ здѣсь порчу текста
случаѣ, пришлось бы ἐπισκευὴν понимать
не можетъ быть отнесенѠ къ σταθωνο
tingere («доставаться»); поправка συνπεσε

3) Послѣ Λάχηςτος въ надписи ετο
Πρειμογενείας sensu caret; μητρόθεν enim

2. Bulletin de Correspondance Helléισυν-

Εἰσηγησαμένου Ποπλίου Αἰλίου Πομπη[ια], δε
αινος Σιδῆτου καὶ Ταρσέ[ως] καὶ Ῥοδίο[υ],
ποιη]τοῦ πλειστονεῖκου, μελοποιοῦ καὶ ραψ[ι
Θε]οῦ Ἀδριανοῦ, θεολόγου ναῶν τῶν ἐν Π[α] τὰς
ἀγωνοθέτου ἀποδεδειγμένου τῶν Σεβ[αστῶν] αἰ
Ἰουθίων, ἐπιψηφισαμένου Πο[πλίου] Αἰλίου ἰώως
Κο[ζικη]νοῦ, κίθαρωδοῦ Καπετωλιονεῖκου λων
Ἵλομπιονεῖκου παραδόξου— Ἐπειδὴ Ἀλι[ος] μὲν,
Ἀλκιβιάδης ἀνὴρ παιδεία καὶ μεγαλοπροσ[ύ]μα-
δ]ιαφέρων, τοῖς τε ἄλλοις τῆς ἀ[ρ]ε[τ]ῆς κα
κεκοσμημένος ἐκ πολλοῦ δια[τελεῖ] καὶ ἐχ gago
δώδεκα ἐτῶν καὶ [πρώ]ην πάντας εὖ ποιῶν ορθῆ
μουσικούς καὶ πρὸς ἀξίωμα καὶ μεγαλοπρ[έ] μι-
πειαν τῇ συνόδῳ ἐπιλαμβανων καὶ περ[ὶ] 1.
πολλῶν αὐτοφιλοτειμημένος εἰς ἡμᾶς
καὶ τὸ κοινὸν ἔτι καὶ βιβλίους θαυμαστο[ῖς]
ἐπεκ]ό[σμη]σεν τὸ ἱερόν ἐπὶ Ῥώμης τέμενο
τῶν] ἀπὸ τῆς οἰκουμένης τεχνειτῶν καὶ δω
μεγαλοπρεπεῖ προσχρῆται χωρίων ἵπποστα-
σίων, ἀ]πνεύμας ἀφ' οὗ πρόσδοτον αἰώνιον
δ[ι]τηνε]χῆ [καρπ]ωσόμεθα, νεμόμενοι τὰ
σ[ό]δους καὶ ἕκαστην ἐτήσιον Θεοῦ

· титуловъ этого города, что мало вѣроятно; при ней, дакъ, ъмизеньъ объяснялъ его такъ: Für και δῆμῳ latinisierend; Кайбель-пещи оно будетъ, кажется, на мѣстѣ; τῇ πόλει было понятно ἢ πόλιν βαρῶμεν и Ἐκ τῶν ἀκτῶν βουλής).

Этой надписи говорить: Tyrii... cum scribant stationem suam (въ Путолахъ) publicae (stationes) fuisse et civitatibus ita legato Puteolano penderent. Этотъ выводъ не имѣетъ основаній. На. После статіωνος, должно быть, стояло και; въ противномъ въ смыслѣ „украшение“, „убранство“; συνπεσόουσης никакъ не и συμπίπτειν; сколько мы знаемъ, никогда не значить соп-посας тоже не даетъ удовлетворительнаго смысла.

Этъ Преимογενείας; Кайбель устраняетъ этѣ слово (quod traditur Lachetem non magis quam Agathopodem appellari credibile).

ique, IX, стр. 124 и сл.:

ουῶ	οῦ]σιν ἐπὶ τὸν ἐν τῇ μεγίστῃ και πρώτῃ μη[τρο- πόλει τῆς Ἀσίας και δις νεωκόρῳ τῶν Σεβα[σ-
ουδοῦ	τῶν Ἐφεσίων πόλει τῶν μεγάλων Ἐφεσίων
εργάμῳ,	πε]νταετηρικὸν ἀγῶνα, και αὐτοὺς ἐπὶ ταῖς δεδογμέναις εἰς τὸν ἄνδρα τειμαῖς προσ-
.....	νοῆσαι χάριν ἀμοιβῆς δικαίαν ψηφίσασθαι [και εἰ- κόνας ἐπιχρῶσους και ἀνδριάντας ἀναστή]σαι
η	ἐν τε τοῖς ἱεροῖς τῆς Ἀσίας τῶν αὐτοκρατόρων
λο[ῖς	ναοῖς ἐν τε τῇ φιλοσεβάζω Νύση πατρίδι τ[οῦ Ἄλ- κιζιάδου στήλην τε ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Ἀπόλλωνος
το[ῦς	ἀναγράψαι τῶν ψηφισμάτων και ἐν τοῖς λοιποῖς α]ὐτοῦ ἔργοις και κατὰ πόλεις ἀπάσας ἐν ἀ[μφο-
:	τέρων ὑπόμνημα χρηστὸν ἦ, τῆς τοῦ Ἄλκι- β[ιάδου μεγαλοφροσύνης και τῆς τῶν εὐ πα[σχόν-
:	των χάριτος, τετειμηθεῖν τε αὐτὸν ἀναγορεύσει
ρεᾶ	χρυσῶ στεφάνῳ ἐν ταῖς τοῦ διὰ πάντων ἀγῶ[νος ιερουργίαις τε και σπονδαῖς και κατὰ πάντα σ[ύλ- λογον ἀναγορεύεσθαι τε και προτειμᾶσθαι, ἀντι[γρά- φά τε τῶν ψηφισμάτων και παρ' αὐτὸν ἐκπέμψαι και πρὸς τὴν λαμπροτάτην πατρίδα αὐτοῦ Νυσαέω[ν πόλιν διὰ πρέσβευτῶν Πο[πλίου) Αἰλίου ΠομπηIANOῦ αιονος Σιδῆτου και Ταρσέως και Ροδίου, ποι[η-

ΔΟΒΑΒΛΕΝΙЯ.

Καὶ στρ. 1. Oracula Sibyllina, XIV, 130 (Geffcken):

καὶ τότε δ' αὖ Ῥώμης κτίσις ἔσσειται ἀγλαοτεύκτου
 χρυσῶ ἠλέκτρῳ τε καὶ ἀργύρῳ ἠδ' ἐλέφαντι
 κόσμῳ ἐπαιρομένης· πουλὸς δέ τε λαὸς ἐν αὐτῇ
 ἀντολίης πάσης ἠδ' ἐσπερίας πολυόλβου
 οἰκήσει·

Здѣсь говорится не объ основаніи Рима, а о времени имперіи.

Καὶ στρ. 3, прим. 3. Срв. Атенеѣ, *Dipnosoph.*, I, 36 (Kaibel):
 ὁρος οἰκουμένης· δῆμον τὴν Ῥώμην φησί. λέγει δὲ καὶ ὅτι οὐκ ἂν τις σκοποῦ
 πόρρω τοξεύων λέγοι τὴν Ῥώμην πόλιν ἐπιτομὴν τῆς οἰκουμένης· ἐν ἣ συν-
 ἰδεῖν ἔστιν οὕτως πάσας τὰς πόλεις ἰδρυμένας, καὶ κατ' ἰδίαν δὲ τὰς πολλὰς,
 ὡς Ἀλεξανδρέων μὲν τὴν χρυσῆν, Ἀντιοχέων δὲ τὴν καλὴν, Νικομηθεῶν δὲ
 τὴν περικαλλῆ, προσέτι τε (com. inc. IV 604 M.)

τὴν λαμπροτάτην πόλεων πασῶν ὅποσας ὁ Ζεὺς ἀναφαίνει,
 τὰς Ἀθήνας λέγω. ἐπιλείπει δ' ἂν με οὐχ ἡμέρα μία ἐξαριθμούμενον τὰς
 ἐν τῇ Ῥωμαίων οὐρανοπόλει [Ῥώμῃ] ἀριθμούμενας πόλεις, ἀλλὰ πᾶσαι αἱ
 κατὰ τὸν ἐνιαυτὸν [ἀριθμούμεναι] διὰ τὸ πλῆθος. καὶ γὰρ ὅλη ἔθνη ἀθρόως
 αὐτόθι συνήκισται, ὡς τὸ Καππαδοκῶν καὶ Σκυθῶν καὶ Ποντίων καὶ ἄλλων
 πλειωνῶν. οὗτοι οὖν πάντες, ὁ σύμπας δῆμος τῆς οἰκουμένης, τὸν ἐφ' ἡμῖν,
 φησί, φιλόσοφον ὀρχηστὴν Μέμφιν ἐκάλεσαν ἀπαρχαῖζοντες τὴν διὰ τοῦ σώμα-
 τος αὐτοῦ κίνησιν τῇ τῶν πόλεων ἀρχαιοτάτῃ καὶ βασιλικωτάτῃ.

По всей вѣроятности, это мѣсто—изъ (рѣчи?) того-же Полемона (знаменитаго
 софиста времени Адриана и Антонина Пія). Странно, что Jüttner въ своей
 монографіи *De Polemonis rhetoris vita operibus arte* даже не упоми-
 наетъ ни объ этомъ мѣстѣ Атенея, ни о выше приведенномъ Галена.

Καὶ στρ. 4. Ювеналь, III, 58:

Quae nunc divitibus gens acceptissima nostris
 Et quos praecipue fugiam, properabo fateri,
 Nec pudor obstabit. Non possum ferre, Quirites,
 Graecam urbem; quamvis quota portio faecis Achaëi?
 Iam pridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes,
 Et linguam et mores et cum tibicine chordas

Obliquas nec non gentilia tympana secum
 Vexit et ad circum iussas prostare puellas.
 Ite quibus grata est picta lupa barbara mitra!
 Rusticus ille tuus sumit trechedipna, Quirine,
 Et ceromatico fert niceteria collo!
 Hic alta Siccyone, ast hic Amydone relicta,
 Hic Andro, ille Samo, hic Trallibus aut Alabandis,
 Esquilias dictumque petunt a vimine collem
 Viscera magnarum domuum dominique futuri.

Срв. Лукіанъ, De mercede conductis, 17: εὐδὸς οὖν καὶ τοιοῦτός τις ἐν αὐτοῖς περὶ σοῦ (среди кліентовъ Римлянъ о новомъ, поступившемъ въ домъ ихъ патрона, Грекѣ) λόγος· Τοῦτο ἡμῶν τοῖς ἄλλοις δεινῶν ἐλείπετο καὶ τῶν ἀρτι ἐσεληλυθότων ἐς τὴν οἰκίαν δευτέρους εἶναι καὶ, Μόνοις τοῖς Ἑλλησι τοῦτοις ἀνέωχται ἢ Ῥωμαίων πόλις.

Къ стр. 5. Ниссенъ, Ital. Landeskunde II, стр. 527 говоритъ, что Римъ von der Arbeit der Provinzen lebte und keine nennenswerte Ausfuhr besass.

Къ стр. 5, прим. 2. Одинъ Фригійскій купецъ 2 (?) вѣка п. Р. Хр. совершилъ въ теченіе своей жизни поѣздку въ Италію 72 раза.

Къ стр. 6. Діонъ-Кассій LXXIX, 26 говоритъ: οὐδὲ γὰρ ἐν τῇ πόλει μόνῃ τὸ δεινὸν ἔμεινεν, ἀλλὰ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην αὐτῆς, ὑφ' ἧς τὸ θέατρον ἀεὶ ποτε ἐπληροῦτο, ἐπέσχευεν. Діонъ разумѣлъ амфитеатръ (въ Римѣ—Колизей), сильно пострадавшій при имп. Макринѣ отъ пожара, въ чемъ видѣли дурное предзнаменованіе.

Къ стр. 7. Ниссенъ, Ital. Landeskunde, II, 530 говоритъ о преимуществахъ императорскаго Рима передъ республиканскимъ: Trotz Allem war es besser geworden seit den Tagen wo Saturninus und Clodius die Quiriten zur Wahlschlacht führten, Rom hatte mehr Luft und Grün erhalten, fließendes Wasser in verschwenderischer Fülle, Prachtbauten und Kunstwerke ohne Zahl wie nie eine Stadt auf Erden besessen hat.

Къ стр. 8. Конечно, намѣстники и города могли въ извѣстныхъ случаяхъ вызывать изъ Рима ихъ подчиненныхъ и гражданъ. Срв. стр. 9, прим. 2 и стр. 13, пр. 1.

Къ стр. 8. Аппіанъ, В. civ. II, 120 говоритъ по поводу событій въ Римѣ послѣ смерти Юлія-Цезаря, что только въ Римѣ происходитъ даровая раздача хлѣба бѣднѣйшимъ людямъ и что это де привлекаетъ въ Римъ изъ Италіи людей празднотлюбивыхъ и т. под. (τὸ τε αἰτηρέσιον τοῖς πένησι χορηγούμενον ἐν μόνῃ Ῥώμῃ τὸν ἀργὸν καὶ πτωχεύοντα καὶ

ταχυερῶν τῆς Ἰταλίας λεῶν ἐς τὴν Ῥώμην ἐπάγεται). Но вѣдь не всякій поселившійся въ Римѣ получалъ право на frumentatio, а только нѣкоторые граждане, и имѣлись списки такихъ лицъ. Далѣе, нѣчто подобное frumentatio publica въ Римѣ практиковалось въ извѣстной мѣрѣ и въ другихъ городахъ имперіи. Либенамъ, Städteverwaltung im röm. Kaiserreiche, стр. 111, по поводу приведеннаго мѣста Аппіана говорить: Das mag für Italien derzeit zutreffend gewesen sein, nicht aber für den Osten und später auch für die Städte des Westens и пр.

Къ стр. 15. Въ первомъ вѣкѣ имперіи для охраны особы императора былъ м. пр. отрядъ Германцевъ (Germani corporis custodes, упоминается и collegium Germanorum). Этихъ Германцевъ замѣнили впоследствии Equites singulares (отрядъ въ 1000 человекъ); учреждены они были, можетъ быть, при Домиціанѣ, первыя упоминанія о нихъ имѣются отъ времени Траяна. Они набирались изъ сѣверныхъ полуварваровъ, особенно изъ Фракійцевъ. И въ Римѣ эти варвары почитали своихъ боговъ, какъ видно изъ многочисленныхъ надписей, большая часть которыхъ найдена на мѣстѣ ихъ бывшихъ казармъ на Эсквилинѣ, вблизи Целія. На Целіѣ находились при императорахъ м. пр. Castra peregrinorum. Что это были за peregrini, достовѣрно неизвѣстно. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, названіе peregrini указываетъ на то, что это были солдаты, набранные изъ peregrini внѣ Италіи; другіе полагаютъ, что это обозначеніе указываетъ только на родъ ихъ службы, именно они будто употреблялись въ качествѣ курьеровъ, фельдъегерей или жандармовъ.

Къ стр. 16. Діонисій Галик. выражалъ мнѣніе (Antiqu., IV, 24), что слѣдовало бы цензорамъ или консуламъ ежегодно всѣхъ вновь отпущенныхъ въ Римѣ на волю рабовъ, среди которыхъ, по его словамъ, обыкновенно было много дурныхъ элементовъ, подвергать какъ-бы нѣкотораго рода цензу и признанныхъ неблагонадежными выселять изъ Рима и водворять въ другихъ мѣстахъ. Извѣстно, что при Августѣ специальнымъ закономъ ограничено было право частныхъ лицъ (Римскихъ гражданъ) отпускать на волю своихъ рабовъ.

Къ стр. 16. Ниссенъ, It. Landeskunde, II, 127 говорятъ: Durch den unablässigen Nachschub aus solchen Kreisen (вольноотпущенниковъ) erklärt sich warum die Haltung der hohen Gesellschaft unter dem Regimente der Caesaren je länger desto bedientenhafter wird.

Къ стр. 21, прим. 1. Свет., Nero, 43: creditur destinasse... quidquid in urbe hominum Gallicanorum esset contrucidare (...ut conscios populorum suorum atque fautores)... Срв. Діонъ-К., LXXI, 11 (о М. Авреліѣ): διὰ

τοῦτ' (именно вслѣдствіе возмущенія въ Равеннѣ поселенныхъ тамъ Германцевъ) οὐκέτι ἐς τὴν Ἰταλίαν οὐδένα βάρβαρον εἰσήγαγεν, ἀλλὰ καὶ τοὺς προαφικμένους ἐξώκισεν.

Къ стр. 21, прим. 2. Dig. XVIII, 7, 5: *Papinianus libro decimo quaestionum*. Cui pacto venditoris pomerio cuiuslibet civitatis interdictum est, urbe etiam interdictum esse videtur, quod quidem alias cum principum mandatis praeciperetur, etiam naturalem habet intellectum, ne scilicet qui careret minoribus, fruatur maioribus.

Къ стр. 23. Ниссенъ, It. Landeskunde, II, 527: oft genug wenn die Zufuhr aus Afrika und Aegypten stockte, sind Fremde und Slaven ausgetrieben worden. Но по крайней мѣрѣ для первыхъ трехъ вѣковъ имперіи нельзя сказать, насколько это бывало часто, и даже, было-ли вообще часто.

Къ стр. 23 и 24. См. Pöhlmann, Die Uebervölkerung der antiken Grosstädte. Приведемъ здѣсь еще свидѣтельство Θεμιστία, XVIII, Dind. p. 270: οὐχουν δεῖ ἡμῖν (Константинополю) ἐνηλασίας συνεχοῦς, καθάπερ τῇ μητροπόλει, φάρμακον τῆς ἐνδείας χαλεπώτερον, ἀλλ' ἐπιρρέουσιν ἀκολούτως σὺν τῇ τῶν καλῶν περιουσία οἱ χρησόμενοι αὐτοῖς ἐπ' ἐξουσίας.

Къ стр. 41 и 42. Гюльзенъ въ Beiträge z. alten Geschichte, herausg. v. Lehmann, II, стр. 280 (Neue Inschriften vom Forum Romanum, № 67) приводитъ эту-же надпись съ чтеніемъ τῶν Τυρίων, ссылаясь на Гатти, и поясняетъ: Die *statio* der Tyrier am Forum Romanum war bereits bekannt aus der Puteolanischen Inschrift Kaibel, IGI. 830: neu ist der Beiname *Claudiopolis*. По видимому, Гюльзенъ чтеніе надписи самъ не провѣрилъ; или Вальери ошибся? Во всякомъ случаѣ Τυρίων въ надписи не могло стоять, такъ какъ въ Сиріи-Палестинѣ никогда никакого Тира не было. Последней строки этой надписи никто доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, не пополнилъ. Намъ кажется, что надпись слѣдуетъ читать приблизительно такъ:

Στατίων

Τιβεριέων τῶν καὶ Κλαυδιαπολιτῶν Συρία

Παλε[σ]τείνη

Ῥώμῃ ἡγε]μον[ίδι καὶ] τῇ πατρίδι.

Срв. напр. С. I. L., III, 14195: ἡγεμονίδος Ῥώμης.

Къ стр. 42. При раскопкахъ на мѣстѣ Эмилиевой базилики найденъ былъ небольшой пьедесталъ съ слѣдующею надписью: Numini deaez Viennaе | ex d(ecurionum) d(ecreto) M. Nigidius Paternus | II viral(is) pon(endum) cur|avit (Notizie degli scavi 1899, стр. 289. Bull. com. 1899).

Гюльзенъ, приведши въ указ. мѣстѣ эту надпись, дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: Vielleicht stand die Dedication in einer *statio*, welche die Municipales von Vienna, gleich denen von Tarsus und Claudiopolis, am Forum hatten. Ueber Personification gallischer Städte s. Caetani-Lovatelli *Bull. comun.* 1891, p. 245—251. Die Dea Vienna findet sich auch CIL. XII, 5864.

Къ стр. 46, прим. 1. Corp. gloss. Lat., II, 138, 12: *Officina*, *σουργιον*, *εργαστηριον*, *статіон*, *περικκοιτισα*, *εργασια*.

Къ стр. 47. Cod. Theodos. XIV, 9, 3 (Hänel) читаемъ: *Universos, qui, usurpantes sibi nomina magistrorum, in publicis magistrationibus cellulisque collectos undecunque discipulos circumferre consuerunt ab ostentatione vulgari praecipimus amoveri* и пр.. Это-же самое повторяется Cod. Justin. XI, 19(18), 1. Слово *magistratio* находимъ кромѣ этого мѣста только одинъ разъ, въ рукописяхъ Апулея Dogm. Plat., 2 (тамъ впрочемъ вмѣсто *magistratio* нѣкоторые читаютъ *magis ratiōne*); въ нашемъ мѣстѣ оно должно значить «школа». Сомнительно однако, чтобы это слово, если оно дѣйствительно существовало, имѣло такое значеніе; во всякомъ случаѣ такое значеніе не идетъ для нашего мѣста; въ самомъ дѣлѣ, если эти *publicae magistrationes* были дѣйствительно школы, то вѣдь въ нихъ въ извѣстное время должны были быть учащіеся и учителя, а въ другое время онѣ должны были быть заперты или вообще закрыты для постороннихъ. Нѣтъ, въ *magistrationibus* должно скрываться обозначеніе какихъ-то публичныхъ, общедоступныхъ помѣщеній; при немъ вполне понятно и умѣстно было и рядомъ стоящее *cellulisque* (срв. Cod. Theod. XV, 1, 53, гдѣ рѣчь идетъ объ *exedrae* и *cellulae* какихъ-то городскихъ портиковъ). Такимъ обозначеніемъ въ этомъ мѣстѣ, рядомъ съ *cellulae* могло быть только *stationibus* и мы предлагаемъ такую поправку: *in publicis vagi stationibus cellulisque*; такое чтеніе было бы очень близко къ чтенію рукописей и устраняло бы всякія затрудненія.

Къ стр. 51. О фондакахъ иностранцевъ въ Венеціи см. Simonsfeld, *Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig*. 1887.

Къ стр. 57. Срв. Арнобій, *Adv. nationes*, VI, 7: *pec erubuit civitas maxima (Римъ) et numinum omnium cultrix* и пр.

Къ стр. 60. При Тиберіѣ, когда изъ Рима выслано было по распоряженію правительства въ Сардинію 4000 Евреевъ¹⁾, способныхъ къ

¹⁾ По Тациту высланы были Евреи и Египтяне, но Юсіфъ и Светоній говорятъ только о Евреяхъ.

военной службѣ, Евреевъ въ Римѣ, по расчету Гарнака (D. Mission, стр. 5), было по меньшей мѣрѣ 10000 человекъ. Diese Berechnung, прибавляеть (въ укад. м.) этотъ ученый, stimmt freilich schlecht zu der anderen Nachricht, 23 Jahre früher hätten 8000 römische Juden eine palästinische Deputation verstärkt (см. у насъ стр. 51). Iosephus hat entweder die jüdische Kopfzahl hier eingesetzt oder er hat sehr stark übertrieben. Наибольшей цифры Еврейство въ императорскомъ Римѣ достигало, надо полагать, при Неронѣ, до Еврейской войны.

Къ стр. 61. Гарнакъ, Die Mission, говорить спеціально о Римской еkkлезіи христіанъ на стр. 494—500. Приводимъ отсюда нѣсколько мѣстъ: Erst unter dem Bischof Fabian (kurz vor der Mitte des 3. Jahrhunderts) ist die römische Kirche eine vorherrschend lateinische geworden und erhielt gleich darauf in dem Presbyter Novatian ihren ersten lateinischen Schriftsteller. Natürlich war aber ein beträchtliches lateinisches Element längst in der Gemeinde vorhanden. Neben den griechischen Gottesdiensten muss es mindestens seit der Mitte des 2. Jahrhunderts in Rom auch lateinische gegeben haben, die bald Uebersetzungen der heiligen Schriften erheischten. . . . Die christliche Gemeinde Roms hat bereits (въ концѣ I вѣка) die Charakterzüge der Roma in sich aufgenommen, obgleich sie eine griechische Gemeinde ist, und sie fühlt sich als die Gemeinde der Welthauptstadt. . . . Die Bedeutung des Christentums in Rom (во 2 и 3 вѣкѣ) ergibt sich auch aus mehreren Stellen in Tertullians Schriften, der Haltung der römischen Bischöfe seit Victor und aus der grossen Anzahl der Sekten, die in Rom am Anfange des 3. Jahrhunderts Gemeinden besaßen: wir kennen neben der katholischen eine montanistische, teodotianische (adoptianische), modalistische, marcionistische und mehrere gnostische Gemeinden, dazu die Gemeinde des Hippolyt. Число христіанъ главной («католической») еkkлезіи г. Рима около 250 года п. Р. Хр. было, по мнѣнію Гарнака, никакъ не ниже 30000 человекъ¹⁾, скорѣе гораздо больше; онъ склоненъ даже принять цифру 50000, которую выводитъ Фридлендеръ. Ниссенъ It. Landeskunde, II, стр. 542, сообщивъ, что число погребенныхъ въ катакомбахъ христіанъ насчи-

¹⁾ Основаніемъ для этого расчета служить сообщеніе Евсевія (Hist. eccl., VI, 43), что клиръ еkkлезіи г. Рима состоялъ въ 251 г. изъ 155 лицъ (епископа, 46 пресвитеровъ и пр.) и что въ ней было 1500 вдовъ и другихъ лицъ, нуждавшихся въ поддержкѣ.

тывають 2¹/₂ милліона, прибавляєть: да diese Zahl einen Zeitraum von reichlich drei Jahrhunderten umspannt, ist sie geeignet vor einer Ueberschätzung der Stärke der Christengemeinde und der Bevölkerungsziffer der späteren Kaiserzeit überhaupt zu warnen.

Къ стр. 62. Гарнакъ, Die Mission, стр. 26: hier interessieren uns nicht sowohl die Reisen der berufsmässigen Missionare als vielmehr die Reisen anderer hervorragender Christen; denn sie lehren uns, wie lebendig der persönliche Austausch und Verkehr in den ersten Jahrhunderten gewesen ist. Dabei tritt die römische Gemeinde in überraschender Weise in den Vordergrund: sie ist der Zielpunkt der meisten Christen, die wir als Reisende kennen. Vgl. Caspari Quellen z. Taufsymb. B. III (1875). Тамъ-же, стр. 270, прим. 1. читаемъ: Der Zug nach den grossen Städten, der alle neuen Religionsunternehmungen auszeichnet, führt allem zuvor in die Hauptstadt. Wie hat Paulus gestrebt, nach Rom zu kommen! На той-же страницѣ Гарнакъ говорить о письменныхъ сношеніяхъ между христіанами первыхъ вѣковъ: Auch hier steht die römische Gemeinde im Vordergrund. Wir wissen von folgenden Briefen und Uebersendungen dieser Gemeinde (слѣдуетъ перечень).

Къ стр. 63, прим. 1. Это мѣсто Діонисія Галикарн. приводитъ дословно уже Евсевій Праерг. evang, II, 8.

Къ ст. 64. Новое обстоятельное изслѣдованіе Кюмона о митраизмѣ (Cumont, Les mystères de Mithras, 1900) показало, что на Греческомъ Востокѣ онъ только въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ имѣлъ адептовъ, напротивъ былъ довольно распространенъ на Западѣ—начиная со второй половины 2 вѣка. Гарнакъ, Die Mission, стр. 531 говорить о митраизмѣ въ Римѣ: Rom wurde im 3. Jahrhundert geradezu Zentrum des Mithradienstes und feierte in und mit diesem Kult den Kaiser als consubstantivum soli! Mit Rom nahmen auch Mittel- und Ober-Italien in grossem Umfange an dem Kulte Teil.

Л. А. Заболотскій

СТАРЪЙШІЙ
ЗАПОРОЖСКІЙ УЪЗДЪ.

НЪЖИНЪ.
Типо-литогр. М. В. Глезера.
1903.

Печатано по постановленію Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ
внѣзя Безородко. Предсѣдатель Общества *М. Березковъ*.

СТАРЪЙШІЙ ЗАПОРОЖСКІЙ УЪЗДЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимаясь изученіемъ литературной дѣятельности Н. В. Гоголя и остановившись между прочимъ на вопросѣ объ исторической повѣсти великаго писателя «Тарасъ Бульбѣ», мы хотѣли поближе познакомиться съ тѣми мѣстами, картину которыхъ развернулъ въ указанномъ произведеніи поэтъ, хотѣли посмотрѣть въ частности то мѣсто, откуда вылетали «всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливалась воля и казачество на всю Украину»; помимо простого любопытства руководила нами въ данномъ случаѣ и надежда, что на пепелищахъ Запорожской Сѣчи мы найдемъ какіе либо слѣды прежняго быта, какія либо интересные преданія, сказанія и т. д., и, б. м., подобный матеріалъ прольетъ свѣтъ и на тѣ или иные стороны интересовавшей насъ повѣсти. И самъ авторъ «Тараса Бульбы», и изслѣдователи вопроса о мѣстахъ Запорожской Сѣчи указываютъ на островъ Хортицу и на знаменитый «Великій Лугъ», какъ на первое мѣстопробываніе запорожскаго казачества. Туда то и рѣшились мы совершить поѣздку въ лѣтніе мѣсяцы 1900 года. Островъ Хортица, это гнѣздо Запорожья, находится, какъ извѣстно, противъ уѣзднаго города Екатеринославской губерніи, Александровска, а «батько Великій Лугъ», эта житница Сѣчи, тянется въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда. Этотъ-то Александровскій уѣздъ принялъ въ свои предѣлы первыхъ сѣчевиковъ, лелѣялъ ихъ на своихъ плодородныхъ поляхъ, поилъ свѣтлою водою Днѣпра и былъ свидѣтелемъ руйнованія Сѣчи; этотъ-то старѣйшій Запорожскій уѣздъ и привлекалъ къ себѣ наше вниманіе.

Приходится однако сказать, что, пробывши нѣсколько мѣсяцевъ въ предѣлахъ указаннаго уѣзда, посѣтивши не разъ Хортицу, Покровское, Никополь и другія пепелища Сѣчи, бесѣдовавши не разъ съ «дѣдами» и

познакомившись даже при любезномъ содѣйствіи священниковъ съ церковными лѣтописями въ с. Дюкоровскомъ, мы ничего особенно важнаго для объясненія «Тараса Бубьбы» не нашли: не нашли никакихъ отголосковъ преданія о могучемъ запорожцѣ, вылившемся подъ перомъ Гоголя въ образъ Тараса, не встрѣтились съ мотивами на тему о гибели немѣнника-сына отъ руки отца и т. д., но за то пришлось убѣдиться, что старѣйшій Запорожскій уѣздъ является въ очень многихъ отношеніяхъ мѣстомъ чрезвычайно интереснымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Александровскій уѣздъ Екатеринославской губерніи даетъ богатую пищу всякому, интересующемуся народнымъ міровоззрѣніемъ, народною поэзіею, формами быта и языкомъ; дѣйствительно, не много найдется мѣстностей, которыя были бы такъ богаты памятниками народно-поэтическаго творчества и преданіями: если мы обратимся къ извѣстнымъ сборникамъ устной южно-руеской народной поэзіи, какъ напр. къ сборникамъ Чубинскаго, Драгоманова и т. д., если примемъ во вниманіе сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ Екатеринославской губерніи Я. П. Новицкимъ, если наконецъ обратимся къ народно-поэтическимъ и повѣствовательнымъ матеріаламъ, въ изобиліи собраннымъ въ той же губерніи г.г. Эварницкимъ, Новицкимъ, Манжурою и др., то мы увидимъ, что процентъ пѣсенъ и преданій, записанныхъ изъ устъ жителей старѣйшаго Запорожскаго уѣзда будетъ очень значительнымъ. Память народа объ историческомъ прошломъ, какъ своей мѣстности, такъ и прошломъ всей многострадальной Украины, вынесшей на своихъ плечахъ борьбу съ Ордою и Польшею, яркая картина народнаго міровоззрѣнія съ его преданіями, повѣртіями, и т. д.—вотъ что выступаетъ передъ нами со- стороны, какъ записанныхъ, такъ и незаписанныхъ еще народныхъ пѣсенъ и преданій Александровскаго уѣзда.

Указаннаго однако мало. Если поближе ознакомиться съ прошлымъ старѣйшаго Запорожскаго уѣзда, то на основаніи этого изученія можно прослѣдить въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда всѣ стадіи заселенія Новороссійскаго края въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, начиная отъ колонизаторской дѣятельности запорожскихъ выходцевъ до возникновенія по лицу уѣзда менонитскихъ колоній, барскихъ владѣній и т. д.. Наконецъ, славный своимъ историческимъ прошлымъ Александровскій уѣздъ является замѣчательнымъ и въ томъ отношеніи, что на долю этого уѣзда выпала честь породить одно изъ передовыхъ русскихъ земствъ, высоко поднявшее свое знамя въ первое же трехлѣтіе введенія земскихъ учреждений, выставившее изъ своей среды рядъ крупныхъ и самоотверженныхъ

дѣятелей въ дѣлѣ поднятія духовной и матеріальной культуры уѣзда, какъ то: барона Н. А. Корфа, Гнѣдина, Безницкаго и др. лицъ, благодаря которымъ старѣйшій Запорожскій уѣздъ занимаетъ въ настоящее время одно изъ передовыхъ мѣстъ по народному образованію.

При обиліи интересныхъ матеріаловъ, открывающихся передъ изслѣдователемъ Александровскаго уѣзда, и дающихъ богатую пищу и историку, и этнографу, и лингвисту, при многочисленности интересныхъ темъ, которыя невольно возникаютъ и требуютъ разработки отъ лица, познакомившагося поближе съ указаннымъ интереснымъ уголкомъ нашего отечества, мы въ настоящее время рѣшили въ зависимости отъ того матеріала, съ которымъ пришлось основательнѣе познакомиться, остановиться на одномъ вопросѣ, а именно, на вопросѣ о теперешнемъ состояніи бывшей Запорожской Сѣчи: мы постараемся въ своемъ очеркѣ прослѣдить постепенныя топографическія и этнографическія измѣненія интересующей насъ мѣстности, объяснить на основаніи этой историко-этнографической справки теперешній характеръ мѣстности и населенія Александровскаго уѣзда Екат. губ., постараемся затѣмъ пролить свѣтъ на судьбы и характеръ народно-поэтическаго творчества указаннаго края и рассмотреть его пѣсни и преданія, какъ хранителя памяти объ историческомъ прошломъ.

I.

Историко-этнографическій очеркъ Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи.

Гоголь въ своей знаменитой повѣсти «Тарасъ Бульба», рисуя путь Тараса съ сыновьями въ Сѣчь, говоритъ:

«Черезъ три дня (послѣ выѣзда изъ дому) путники были уже недалеко отъ мѣста, служившаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло: они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полоскою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе, и, наконецъ, обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ наконецъ свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ середину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ, и волны его стлались широко по землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Козаки... были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище».

Такъ говоритъ Гоголь. И дѣйствительно, Запорожская Сѣчь, до 9 разъ мѣнявшая свое мѣсто, впервые была основана на большомъ Днѣпровскомъ о-вѣ Хортицѣ, расположенномъ противъ теперешняго уѣзднаго гор. Александровска Екатеринославской губ., какъ подробнѣе скажемъ объ этомъ дальше, и за время своего существованія не удалялась обыкновенно изъ предѣловъ нынѣшняго Александровскаго уѣзда, который по праву можетъ быть признанъ «Запорожскимъ уѣздомъ» и при томъ «старѣйшимъ».

Этотъ уѣздъ, занимающій въ настоящее время пространство въ 19194 кв. миль, съ почти 200000 населеніемъ, находится въ юго-восточномъ углу Екатеринославской губерніи.

Въ западной части уѣзда протекаетъ Днѣпръ, волны котораго, встрѣчая на пути преграды въ видѣ пересѣкающей его въ разныхъ мѣстахъ каменной грады, съ шумомъ низвергаются на каменные глыбы,

бурлять и на далекое разстояніе даютъ знать о знаменитыхъ Днѣпровскихъ порогахъ, которыхъ можно насчитать нѣсколько въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда. Лишь подъ Александровскомъ, страхнувши съ себя каменные оковы, Днѣпръ развертывается во всей своей ширинѣ и спокойно продолжаетъ нести по степной равнинѣ свои воды къ морскому лиману, образуя уже вмѣсто пороговъ плавни, т. е. низменныя долины съ заливными лугами и обиліемъ деревьевъ преимущественно мягкихъ породъ. Знаменитѣйшей изъ такихъ плавень является образуемый Днѣпромъ и его притокомъ Колкой «батько Великій Лугъ», который представляетъ изъ себя родъ о-ва, тянущагося на протяженіи 40 верстъ и сыгравшаго, благодаря своему плодородію, обилію лѣса и травы, а также и неприступности, видную роль житницы и главнаго пріюта запорожскаго казачества¹⁾. Характеръ мѣстности Александровскаго уѣзда степной: на необозримую даль тянутся и теперь вольныя степи съ синѣющими кое-гдѣ курганами, рѣдкими селеніями и хуторами, да крайне рѣдко вытянувшимся по балкѣ лѣсомъ; значительная часть нѣкогда дѣвственной степи испытала на себѣ остріе плуга, и черноземная, по преимуществу²⁾, почва, очень плодородная въ случаѣ достаточнаго количества атмосферныхъ осадковъ, способствовала сравнительно быстрому росту засѣваемыхъ участковъ. Значительнымъ богатствомъ Александровскаго уѣзда, при томъ богатствомъ лишь недавно открытымъ, является обиліе въ этомъ уѣздѣ кристаллическихъ и осадочныхъ породъ, равно какъ и наличность базальта, горнаго хрустала, изрѣдка аметистовъ и янтара въ пескахъ Днѣпровскихъ пороговъ³⁾. Недостаточность атмосферныхъ осадковъ, обиліе изсушающихъ растительность вѣтровъ и вообще рѣзкія перемены въ климатѣ составляютъ неприглядныя стороны Алек-

1) Помимо Днѣпра Александровскій уѣздъ орошается еще рядомъ рѣкъ, какъ то: Плоской, Волнянкой, Московкой и Токмачкой въ западной и южной частяхъ уѣзда, Верхней, Средней и Нижней Терсой, Волчьей, Гайчуломъ, Янчуломъ и Солоной въ сѣверо-восточной и восточной частяхъ уѣзда. Всѣ эти рѣки не многоводны, нѣкоторыя даже почти пересыхаютъ за лѣто, но мы останавливаемся на нихъ, въ виду ихъ важнаго значенія при колонизаціи и заселеніи края.

2) Въ южной части уѣзда почва глинисто-черноземная; по рѣчнымъ долинамъ преимущ. наносная, глинисто-песчаная.

3) См. Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона, s. v. Екатеринославской губ.

сандровскаго уѣзда. Населенность края не отличается плотностью; населенныхъ пунктовъ въ уѣздѣ насчитывается около 613, но характеръ населенія отличается разнообразіемъ, что вполне объясняется историческими судьбами интересующей насъ мѣстности.

Временемъ возникновенія нынѣшняго Александровскаго уѣзда слѣдуетъ признать 1782 годъ, когда по построеніи, въ 1770 г., крѣпости Александровской былъ впервые наименованъ въ перечнѣ уѣздовъ Азовской губерніи Александровскій уѣздъ¹⁾. Въ рядѣ слѣдовавшихъ затѣмъ перечней уѣздовъ Екатеринославскаго намѣстничества²⁾, Новороссійской и Екатеринославской³⁾ губерній имя Александровскаго уѣзда исчезаетъ, при чемъ сохранилось свѣдѣніе, что основанный въ 1771 г. подъ именемъ фурштата Александровскъ былъ переименованъ въ 1785 г. въ посадъ; лишь въ 1806 г. мы снова встрѣчаемъ имя уѣзднаго города Александровска съ Александровскимъ уѣздомъ, входящимъ въ составъ Екатеринославской губ., и съ этого уже времени имя Александровскаго уѣзда продолжаетъ существовать до настоящаго времени.

Что же было въ области нынѣшняго Александровскаго уѣзда въ былыя времена? Первое свѣдѣніе о мѣстности, въ составъ которой входитъ и интересующій насъ уѣздъ, а именно, свѣдѣнія о побережьѣ средней и нижней части Днѣпра, мы находимъ у самого отца исторіи Геродота. Многоводность⁴⁾ и плодородіе⁵⁾—вотъ двѣ отличительныя черты, которыми характеризуетъ Геродотъ упомянутыя при-Днѣпровскія мѣст-

1) См. Скальковскій, Хронологическое обзорѣніе исторіи Новоросс. края, I, 148 № 3.

2) Въ 1784 изъ губерній Азовской и Новороссійской было учреждено указами 22 и 25 янв. Екатеринославское намѣстничество съ 15 уѣздами, въ перечнѣ которыхъ имя Александровскаго отсутствуетъ.

3) Во 1796 г. указомъ 12 дек. намѣстничества были уничтожены, и Екатеринославское, Вознесенское и Таврическое намѣстничества составили одну Новороссійскую губернію.

4) «Земля Скиѳовъ изобилуетъ травою и водами; число протекающихъ въ ней рѣкъ не меньше, чѣмъ въ Египтѣ каналовъ». IV, 53.

5) «Рѣка Борисѣенъ (Днѣпръ), по нашему мнѣнію, наибольшая, наибильнѣйшая. Онъ доставляетъ скоту прекраснѣйшія и питательнѣйшія пастбища. Вокругъ него родится превосходный хлѣбъ, а тамъ, гдѣ земля не засѣвается, преглубокая трава». Ibid. IV, 53.

ности, прибавляя въ качествѣ отличительной черты южной части Днѣпра еще и лѣсистость¹⁾. Со свидѣтельствами Геродота согласны и показанія другихъ писателей древности, касавшихся мѣстности, занимаемой между прочимъ и нынѣшнимъ Александровскимъ уѣздомъ²⁾. Богатство Александровскаго уѣзда водою въ былыя времена вполне подтверждается, какъ достаточнымъ количествомъ теперь уже незначительныхъ и почти уже пересыхающихъ рѣчекъ, такъ въ особенности обиліемъ балокъ, т. е. широкихъ долинъ, окаймленныхъ сверху покатыми возвышенностями и и увлажненныхъ на днѣ ключевыми и атмосферными водами (опредѣленіе «балки» г. Эварницкаго). Что касается плодородія при-Днѣпровскихъ мѣстностей, то помимо Геродота, отмѣчающаго изобиліе рыбы въ Днѣпровскихъ водахъ и плодородіе почвы наряду съ обиліемъ превосходныхъ пастбищъ, цѣлый рядъ послѣдующихъ писателей и путешественниковъ по при-Днѣпровью говорятъ также о необыкновенномъ плодородіи и богатствѣ, какъ флоры, такъ и фауны въ при-Днѣпровскихъ равнинахъ³⁾. Большое сравнительно съ настоящимъ временемъ количество лѣсовъ въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда, отмѣченное, какъ мы указывали, Геродотомъ, подтверждается по отношенію къ былымъ временамъ, какъ цѣлымъ рядомъ историческихъ свидѣтельствъ, напр. Боплана⁴⁾, В. Тяпкина,

¹⁾ «Когда пройдешь Борисеень, отъ моря, во первыхъ Гилея (δλη — гѣсь). Она находится близъ Бѣга Ахиллова (Тендерская коса) и вся наполнена разнаго рода деревьями».

Лѣсистая мѣстность лежала, по свидѣтельству Геродота, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути отъ его устья; т. о. въ область этого района входила и часть нынѣшняго Александровскаго уѣзда.

²⁾ Согласны съ Геродотомъ свидѣтельства и Плинія, и В. Флакка, и Птоломея, и Эр. Лассоты, Боплана, Н. Зотова, Чернявскаго и др.

³⁾ Такъ напр., Скимнъ Хиосскій: «Рѣка Борисеень полезнае всѣхъ прочихъ по изобилію и величинѣ рыбъ, по количеству земныхъ плодовъ, которые она доставляетъ, и по пастбищамъ для корма скота». Ср. Эриха Лассоту.

⁴⁾ Указывая на обиліе лѣсовъ въ Запорожскихъ предѣлахъ, Бопланъ упоминаетъ между прочимъ въ числѣ мѣстностей, богатыхъ лѣсомъ, о-ва Конскій и Хортицу (Опис. Украйны, 1832).

и Никиты Зотова¹⁾, В. Чернявскаго²⁾ и др., такъ и сохранившимися еще и до сихъ поръ по балкамъ и рѣкамъ Александровскаго уѣзда остатками тѣсовъ³⁾; о сравнительномъ изобиліи въ былыя времена дерева въ рассматриваемомъ уѣздѣ свидѣтельствуеъ между прочимъ и обиліе кусковъ дерева, преимущественно дуба, по курганамъ, раскопаннымъ въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда. О томъ же свидѣтельствуеъ и наличность названій рѣчекъ и урочищъ, заимствованныхъ отъ разныхъ лѣсныхъ породъ, равно какъ и обиліе окаменѣлыхъ кусковъ дерева, корней и т. д. Изъ приведенныхъ указаній мы видимъ, что не только въ далекія времена Геродота, но и въ позднѣйшія, вплоть до XVIII в., топографически характеръ теперешняго Александровскаго уѣзда значительно отличался отъ настоящаго; показанія древнѣйшихъ историковъ и путешественниковъ, свидѣтельствовавшихъ о характерѣ средне—и ниже-Днѣпровскаго края, совпадаютъ, какъ мы видѣли, съ показаніями послѣдующихъ, подтверждаются кромѣ того данными современной топографіи уѣзда и археологическими изысканіями. Но этого мало: не такъ далеко было еще время, когда живы были старцы, видѣвшіе въ теперешнемъ Александровскомъ уѣздѣ совсѣмъ иной характеръ мѣстности, чѣмъ въ настоящее время⁴⁾. «По нашей сторонѣ, передаетъ извѣстному изслѣдователю Эварницкому одинъ изъ крестьянъ Александровскаго уѣзда⁵⁾ со словъ

1) «Статейный списокъ посольства» въ Крымъ 1680 года.

2) Чернявскій (1760)—Описание Запорожской Сѣчи въ 4 раздѣленіяхъ. Въ качествѣ лѣсистыхъ мѣстностей упоминаются: Хортица, Великій Лугъ, берега степной рѣчки Волчьей.

3) Такъ по Волчьей—лѣсъ «Дябровка» близъ с. Больш. Михайловки, по р. Ганчулу у дер. Богодара, по р. Кушуму у с. Балабина-Петровскаго, Кушугумовки и т. д., на о-вѣ Хортицѣ и др.

4) Разумѣется, еслибы воспоминанія этихъ старцевъ не находили себѣ подтвержденія въ сопоставленіи ихъ съ историческими свидѣтельствами и данными современной топографіи, то они не могли бы играть роли болѣе или менѣе надежнаго источника при характеристикѣ прошлой топографіи края, но, помимо согласія свидѣтельствъ очевидцевъ при-Днѣпровскихъ степей между собою, свидѣтельства эти согласны и съ историческими указаніями, но носятъ лишь болѣе полный и живой характеръ.

5) См. Кіевск. Стар. 1884, VII, рассказъ Евдокима Косяка, стр. 402—403.

очевидцевъ¹⁾ былого степного края, були скривъ такі травы та бурьяны, шо зъ нихъ було й не вилізешъ... А шо цѣго звіру, птыци, такъ, звісно, видимо й невидимо²⁾.... Отъ хочъ бы и урожай: хіба такий винъ бувъ, якъ теперъ? У нашой пани було семейства симъ чоловікъ, а вона більшъ двадцяти сажень николи було не сіяла пше-ныци... якъ уроде було, такъ стебла того й невидно: одинъ колосъ наче, та товстий такий, якъ веретено. Отъ такі то були хліба, а травы такъ ще лучче. За травою я земли не видно було... А вышина! Чоловика на кони не видно було!⁴ Другой старецъ крестянинъ изъ деревни Богодара, Александровскаго уѣзда, передавалъ Эварницкому, что еще у него на памяти водились въ степи дикіе кони: «вони на масть мишасті, невелички, та гладкі, та крѣпки такі»³⁾; эти дикіе кони, по свидѣтельству того же рассказчика, отбивали сплошь и рядомъ кобыль у проѣзжавшихъ по степи поселянъ. Достоверность тѣхъ же свидѣтельствъ подтверждаетъ въ своихъ интересныхъ и разностороннихъ по богатству матеріала воспоминаніяхъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ и благородныхъ дѣятелей уѣзда покойный Д. Т. Гнѣдинъ. Т. о. отъ далекихъ эпохъ до Р. Хр. и почти до нашего времени Александровскій уѣздъ представлялъ въ значительной своей части вольную степь со всей ея красой и богатствомъ флоры и фауны, такъ рельефно и поэтически очерченными въ знаменитомъ отрывкѣ изъ «Тараса Бульбы», посвященномъ описанію южно-русскаго степей.

По степямъ нынѣшняго Александровскаго уѣзда издавна возвышались курганы; раскопки многихъ изъ нихъ показали, что много различныхъ народностей побывало въ этихъ краяхъ: изъ кургановъ извлекались и извлекаются археологическіе остатки скифскаго періода, находятся и слѣды кочевниковъ половцевъ и вообще остатки, характерные для племенъ наѣздниковъ; съ точностью указать, какія именно кочевыя племена побывали въ мѣстностяхъ нынѣшняго Александровскаго уѣзда, при современномъ состояніи археологическихъ раскопокъ, очень затруднительно; опредѣленные и надежныя свидѣтельства относятся лишь въ тѣмъ временамъ, когда стали святаться въ Днѣпровскихъ степяхъ татарскія орды.

¹⁾ Надр. дида Зализняка.

²⁾ Далѣе передаются рассказы Зализняка о птицахъ, степныхъ свиньяхъ и т. д.

³⁾ Киев. Ст. 1884, VII, 408—рассказъ Евсевія Головурнаго.

Помимо исторических свидѣтельствъ о пребываніи татарскихъ ордъ, кочевавшихъ въ Новороссійскихъ степяхъ съ XIII в., въ мѣстностяхъ, гдѣ впослѣдствіи впервые поселились Запорожцы, слѣдовательно въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда, пребываніе татаръ въ послѣднемъ уѣздѣ подтверждается и цѣлымъ рядомъ татарскихъ названій, сохранившихся до сихъ поръ, какъ за отдѣльными мѣстностями, урочищами, такъ и за рѣками Александровскаго уѣзда; не говоримъ уже о многочисленныхъ народныхъ преданіяхъ о татарскихъ ордахъ, имѣвшихъ мѣсто въ уѣздѣ: этого вопроса мы коснемся уже въ слѣдующей главѣ.

Всѣ при-Днѣпровскія степи отличались богатствомъ флоры и фауны, доставляли превосходный подножный кормъ для многочисленныхъ татарскихъ стадъ, наконецъ были неприступны для народовъ, не сжившихся съ особенностями этихъ степей, и являлись твердой защитой и оплотомъ для хорошо знакомыхъ съ ними кочевниковъ; обладая всѣми этими особенностями, степи служили обѣтованнымъ мѣстомъ для дикихъ татарскихъ ордъ; послѣднія совершали изъ этихъ степей свои набѣги на Украину и Польшу, подстерегали въ степяхъ обозы, направлявшіеся въ Крымъ, искусно прятались въ этихъ степяхъ; а въ случаѣ серьезной опасности опорнымъ пунктомъ для нихъ являлся Крымъ. Степи не знали еще осѣдлыхъ поселенцевъ, плугъ еще не касался ихъ поверхности. Первыми поселенцами Новороссійскаго края, положившими съ теченіемъ времени и начало колонизаціи послѣдняго, явились Запорожцы, и Александровскій уѣздъ, какъ мы говорили, первый принялъ ихъ въ своихъ предѣлахъ. Много историческихъ и этнографическихъ причинъ вызвало появленіе южно-русскаго казачества: недовольство распорядами великаго княжества Литовскаго, какъ то: стѣсненія князьями въ правахъ пользованія землею, впослѣдствіи стѣсненія религіозной свободы и т. д. съ одной стороны, стремленія воскресить былые идеалы существовавшаго нѣкогда, основаннаго на принципѣ самоуправленія общественнаго устройства съ другой стороны, наконецъ жажда борьбы съ ненавистной, причинившей много бѣдъ Ордою—вотъ однѣ изъ главныхъ причинъ, заставлявшія многихъ жителей Украины оставлять свою родину и искать себѣ счастья на южныхъ окраинахъ своей отчизны, смежныхъ со степью.

Въ результатѣ является образованіе съ XV в. казацкихъ военныхъ поселеній на окраинахъ великаго кн. Литовскаго и воеводствъ Брацлавскаго и Кіевскаго; этихъ украинныхъ казаковъ авторъ обстоятельной

статьи: „Происхождение запорожскаго казачества“¹⁾), характеризует чертами: 1) отсутствіе на первых порахъ осѣдлости, 2) занятія въ степи и на низовьяхъ Днѣпра ловлею рыбы, охотою за звѣрями, пчеловодствомъ, да нападеніями на татаръ, 3) маломощность въ имущественномъ отношеніи, но зато свобода. На почвѣ этого-то украинскаго казачества возникаетъ въ послѣдствіи съ одной стороны т. наз. городовое украинское казачество, съ другой стороны—низовое, запорожское. Движеніе послѣдняго за пороги объясняется съ одной стороны причинами промысловаго характера, съ другой—военнаго. Извѣстная хроника М. Бѣльскаго убѣждаетъ насъ, что еще въ XV в. были казаки, знавшіе мѣстность въ сторону Запорожья²⁾; грамота же вел. кн. литовскаго Александра отъ 1499 г. подтверждаетъ наличность промысловаго движенія украинскаго казачества въ сторону Запорожья³⁾. Съ 1508 г. мы начинаемъ получать уже рядъ свѣдѣній⁴⁾ о военныхъ походахъ противъ татаръ; но для насъ интересно слѣдующее обстоятельство: подъ сентябремъ мѣсяцемъ 1557 г. мы читаемъ въ Никоновской лѣтописи: «того-жъ мѣсяца пріѣхалъ въ Москву ко царю и великому князю Іоанну Васильевичу всея Руси отъ Вишневецкаго князя Дмитрія Івановича бити челомъ Михайло Есковичъ, что(бъ) его (кн. Вишневецкаго) государь пожаловалъ и велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы отѣхалъ и на Кортицкомъ о-ву городъ постановилъ близъ Конскихъ водъ у крымскихъ кочевницъ»⁵⁾. Вотъ первое свидѣтельство объ устройствѣ „городка“ на Днѣпрѣ, подтверждаемое помимо лѣтописи и Эрихомъ Лассотю, посломъ импер. Рудольфа II⁶⁾, и хроникою М. Бѣльскаго. Этотъ-то „городокъ“ на о-вѣ Хортицѣ, расположенномъ противъ города Александровска, и былъ первою по времени запорожскою Сѣчю: предводитель казаковъ на ни-

¹⁾ Кіевск. Старина, 1884, VIII, 599.

²⁾ Kronika Polska Bielskiego, 476.

³⁾ Акты Зап. Россіи, т. II, № 1.

⁴⁾ Авторъ упомянутой статьи: «Происхождение запор. казачества» отмѣчаетъ походы: 1508 г. кн. К. Острожскаго, 1512—Пределава-Ланцкоронскаго, каменецкаго старосты, 1516—походъ Ланцкоронскаго подъ Бѣлгородъ, 1528—походъ Дашкевича подъ Очаковъ. Свѣдѣнія черпаются авторомъ изъ Kronika Polskiej Bielskiego.

⁵⁾ Русск. лѣт. по Ник. списку. Спб. 1791 г. VII, 272—3.

⁶⁾ Путев. Записки, Одесса, стр. 53.

зовьяхъ Днѣпра кн. Вишневецкій основалъ на обпирномъ¹⁾, неприступномъ, благодаря высотѣ и скалистости своихъ береговъ, о-въ укрѣпленіе, которое должно было служить ослотомъ противъ татаръ. Царь, какъ извѣстно, прислалъ Вишневецкому опасную грамоту и жалованье. Изъ своего укрѣпленнаго пункта кн. Вишневецкій совершалъ походы на татаръ, но въ свою очередь и татары не оставались въ долгу и разъ за разомъ производили нападенія на первую Сѣчь, которая, просуществовавши лишь до 1558 г., была оставлена своимъ основателемъ²⁾. О-въ Хортица, упоминаемый еще Константиномъ Богрянороднымъ³⁾, какъ мѣсто, гдѣ древніе руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ непріятелей, приносили жертвы богамъ, былъ не только мѣстомъ первой запорожской Сѣчи: нѣтъ, ему суждено было дважды удѣлять на своихъ берегахъ мѣсто запорожцамъ, и черезъ $\frac{1}{2}$ вѣка, какъ свидѣлствуютъ историки, Сѣчь снова возникаетъ на о-вѣ Хортицѣ, при чемъ основателемъ ея на этотъ разъ является гетманъ малороссійскихъ и кошевой запорожскихъ казаковъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный: о-въ былъ обведенъ землянымъ окопомъ и деревяннымъ частоколомъ, засѣкою. Остатки запорожскихъ укрѣпленій и 4 кладбища въ сѣв. части о-ва, который намъ пришлось видѣть всего годъ тому назадъ, являются свидѣтелями прошлыхъ судебъ о-ва; но надо замѣтить, что эти остатки старины постепенно исчезаютъ подъ рукою теперешнихъ владѣльцевъ Хортицы, менонитовъ-колонистовъ, которые усердно вспахиваютъ и засѣваютъ площади о-ва.

Сѣчь, какъ извѣстно, не имѣла одного постояннаго мѣста, а переносилась изъ одной мѣстности въ другую, обосновываясь то въ русскихъ, то въ турецкихъ предѣлахъ; за время своего существованія она перемѣняла мѣсто до 9 разъ, но надо замѣтить, что, появившись впервые въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда, она въ большинствѣ случаевъ и не отдалялась на большое разстояніе отъ своего перваго пристанища: плавни Великаго Луга служили ей главнымъ пріютомъ; здѣсь, на мѣстѣ теперешняго с. Покровскаго (Екатер. уѣзда) суждено ей было и закончить свои дни; а, какъ извѣстно, часть Вели-

1) Длина $10\frac{1}{2}$ верстъ, ширина отъ $1\frac{1}{2}$ —3, въ окружности 24 в.

2) Подробнѣе о судьбѣ первой Сѣчи, см. Эварницкаго: «О-въ Хортица на р. Днѣпрѣ», Киев. Ст., 1886, I.

3) De administr. imperio, XI, 74—77.

каго Луга входитъ въ составъ Александровскаго уѣзда, другая-же часть его близко съ ними соприкасается; не мудрено поэтому, что Александровскій уѣздъ являлся однимъ изъ главныхъ носителей памяти о славномъ запорожскомъ казачествѣ, что въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ онъ не забудетъ Сѣчи съ ея судьбою и ея обитателями. Въ виду того, что Сѣчь явилась пристанищемъ главнымъ образомъ, если не исключительно, представителей южно-русской народности, въ виду того, что эти послѣдніе были глубоко заинтересованы и тѣсно связаны съ судьбою своей многострадаальной метрополіи, т. е. терпѣвшей отъ поляковъ и татаръ Украины, запорожское казачество, являвшееся, какъ извѣстно, оплотомъ и мстителемъ за страданія послѣдней, естественно должно было сочувствовать всѣмъ важнѣйшимъ дѣятелямъ и событіямъ Украины; болѣе или менѣе выдающіяся событія послѣдней, личности борцовъ за нее, изъ которыхъ многіе не разъ бывали сами въ Запорожьѣ, должны были находить откликъ въ сердцахъ сыновъ Сѣчи, и отголоски объ этихъ событіяхъ и дѣятеляхъ Украины должны были сохраниться въ народнопѣсенномъ творчествѣ и преданіяхъ бывшихъ сѣчевиковъ, которые, выселяясь изъ Сѣчи на зимовники и расселившись по руйнованіи ея по различнымъ мѣстностямъ, унесли съ собой въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ память, какъ о самой Сѣчи, такъ и о судьбахъ близкой ей Украины.

Отъ времени основанія Сѣчи, съ появленіемъ этого оплота противъ неистовствъ татарскихъ ордъ, видъ при-Днѣпровскихъ степей сталъ постепенно измѣняться. Если запорожское военное братство въ силу условій своей жизни должно было отказаться отъ семьи, личной собственности, земледѣлія и другихъ формъ культурной жизни, то уже очень рано подъ прикрытіемъ и охраной его выходцы изъ Украины или изъ той же Сѣчи начинаютъ заселеніе степей: по балкамъ, по рѣчкамъ и о-вамъ возникаютъ постепенно казацкіе зимовники, т. е. своего рода хутора, какъ опредѣляетъ ихъ Д. И. Багалъй¹⁾, устраивавшіеся гл. обр. для скотоводства, отчасти для рыболовства, пчеловодства и земледѣлія; изъ многихъ зимовниковъ, расположенныхъ въ предѣлахъ теперешняго Александровскаго уѣзда стали возникать впоследствии слободы и селенія; помимо зимовниковъ запорожскія владѣнія выражались въ паланкахъ, т. е. земельныхъ участкахъ, изъ которыхъ однѣ имѣли села, деревни и хутора, въ которыхъ жили казацкія команды, женатые казаки и посольство;

¹⁾ Киев. Ст. 1889, IV, 51.

другія же не имѣли постоянныхъ поселеній, а заселялись лишь на лѣтнее и осеннее время въ видахъ промысловыхъ, какъ-то рыболовства и т. д.

Надзоръ и охрана всѣхъ запорожскихъ владѣній поручались, какъ видно изъ добытыхъ г. Скальковскимъ¹⁾ документовъ послѣдняго Коша запорожскаго, полковникамъ съ командами; завѣдыванію полковника предоставлялась та или иная паланка, которая являлась т. обр. какъ бы округомъ съ мѣстопребываніемъ управителя. Въ окрестностяхъ теперешняго Александровскаго уѣзда находились, какъ видно изъ документовъ²⁾, заселенныя мѣстности, отнесенныя къ Калмѣусской паланкѣ. Съ появленіемъ поселеній и учрежденіемъ охранныхъ отрядовъ стали постепенно оживляться и дѣлаться болѣе безопасными старинныя шляхи, по которымъ направлялись чумацкіе обозы въ Крымъ черезъ степи; знаменитый Муравскій шляхъ шелъ по нынѣшнему Александровскому уѣзду, и воспоминанія о немъ остались у населенія.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что первыми колонизаторами Александровскаго уѣзда явились запорожскіе выходцы. Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о поселеніяхъ этихъ первыхъ колонизаторовъ въ интересующемъ насъ уѣздѣ, поскольку, разумѣется, дадутъ намъ свѣдѣній извѣстныя официальныя данныя³⁾.

Въ эпоху существованія Сѣчи мѣстность теперешняго Александровскаго уѣзда принадлежала, какъ мы указывали, къ числу сѣчевыхъ владѣній, и въ предѣлахъ этого уѣзда, какъ мы тоже указывали, основывали свои поселенія сѣчевики, запорожскіе выходцы; но въ ту же эпоху существованія Сѣчи стали постепенно простирать свою колонизаторскую дѣятельность на Александровскій уѣздъ и представители правительственной власти: такъ, еще въ 1738 г. учреждена была на Хортицѣ Днѣпровская верфь, въ 1770 г. въ предѣлахъ запорожскихъ владѣній стала возводиться линія Днѣпровскихъ крѣпостей, и въ виду этого намъ

¹⁾ Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, I. 95 (изд. 1846). Полковники, которымъ поручалось завѣдываніе паланками, отличались отъ „походныхъ“ полковниковъ.

²⁾ Тамъ же, I, 61.

³⁾ Послѣднія сводятся къ церковнымъ документамъ, изъ которыхъ исходитъ преосв. Θεодосій въ своемъ трудѣ: «Историко-статистическое описаніе Екатериносл. епархіи», и официальнымъ документамъ послѣдняго Коша запорожскаго, изслѣдованнымъ г. Скальковскимъ.

придется наблюдать еще при существовании Сѣчи наличность въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда поселеній двухъ родовъ: запорожскихъ и русскихъ. Однимъ изъ древнѣйшихъ населенныхъ мѣстъ Александровскаго уѣзда являются съ одной стороны мѣстности въ сѣверо-восточной части уѣзда, съ другой стороны мѣстности по р. Конкѣ, находившіяся не подалеку, какъ отъ послѣдней Сѣчи, такъ и отъ линіи Днѣпровскихъ крѣпостей. Изъ поселеній въ с.-восточной части уѣзда сохранились данныя о слѣдующихъ: при рѣкѣ Камянкѣ, возлѣ балки Злодійской, и у Муравскаго шляха еще съ 1696 г. ютились запорожскіе зимовники, кутки; въ самомъ началѣ XVIII в. по той же р. Камянкѣ у „Оврага широкаго“ была населенная мѣстность; въ годину «лихолѣтя, агарянскаго нашествія» 1768—9 г. вся мѣстность была вытоптана, разорена татарами, но уже въ слѣдующемъ году является сюда отставной запорожскій старшина Гаврило Блакитный и устраиваетъ здѣсь хуторъ¹⁾; не подалеку отъ этой мѣстности къ юго-востоку по р. Волчьей, на мѣстѣ теперешней Б. Михайловки также сидятъ зимовниками и хуторами выходцы изъ Запорожья; къ сѣверо-востоку отъ отмѣченнаго нами поселенія Гаврилы Блакитнаго по той же р. Волчьей находятся издавна въ урочищѣ «Большой Ярѣ» запорожскія поселенія, которыя служатъ въ мирное и свободное время лучшимъ пріютомъ для запорожскаго казачества, какъ читаемъ въ трудѣ еп. Θεодосія; здѣсь устраиваетъ въ 1772 г. обширный зимовникъ отставной старшина Иванъ Чигиринецъ; на западномъ же берегу той же Волчьей имѣются съ давнихъ поръ, какъ гласятъ официальные данныя, запорожскіе зимовники и хутора, на мѣстѣ теперешняго села Григорьевки, и немного южнѣе отъ послѣдняго, на мѣстѣ теперешняго села Покровскаго, селится въ 1760 г. абшитованный запорожскаго войска старшина Головка²⁾.

Перенесемъ теперь въ южную часть уѣзда, и мы увидимъ, что при впаденіи р. Жеребца въ Конку еще съ первой половины XVIII ст. существуютъ обширные хутора запорожскаго казачества съ запасами провіанта и скота, которые отсылались отсюда на „Великій Лугъ“ для

¹⁾ Еп. Θεодосій, Матеріалы для историко-статист. описанія Екатериносл. епархіи, ч. II.

²⁾ Еп. Θεодосій. Матеріалы для историко-статист. описанія Екатериносл. епархіи.

снабжения товариства¹⁾. При р. Конкѣ и Жеребцѣ въ балкѣ Карпатою устраиваетъ поселенія въ 1772 г. абшитованный войсковой старшина Калыка Лысько²⁾. По той же р. Конкѣ, на мѣстѣ теперешней слободы Ново-григорьевки, находятся до разрушенія Сѣчи лучшіе конскіе заводы запорожскаго казачества³⁾.

На р. Кучугумѣ издавна находится слобода Петровка, служащая лѣтомъ складочнымъ пунктомъ провіанта запорожскаго коша, братства и товариства лѣвой стороны Великаго Луга⁴⁾.

Разумѣется, приведенными данными мы далеко не исчерпываемъ всѣхъ запорожскихъ старожитныхъ поселеній⁵⁾ Александровскаго уѣзда, но это и не входитъ въ нашу задачу; изъ приведенныхъ же данныхъ, основанныхъ на надежномъ официальномъ матеріалѣ, мы можемъ придти къ заключенію, что 1) старожитныя запорожскія селенія основывались гл. обр. по берегамъ рѣкъ, 2) представляли изъ себя два типа, а именно: или были основаны выходцами изъ Запорожья, отбывшими свою воинскую службу и рѣшившими заняться хозяйствомъ, или являлись складочными пунктами запорожскаго товариства.

Въ 1738 г. съ учрежденіемъ на Хортицѣ Днѣпровской верфи было привлечено на эти работы не мало люду; и вотъ изъ этого-то служилого люда, съ одной стороны, и изъ родственниковъ и знакомыхъ послѣдняго, съ другой, составляется поселокъ съ осѣдлымъ населеніемъ, который и обосновывается на мѣстѣ одного древняго запорожскаго урочища Петровки. Возведеніе линіи Днѣпровскихъ крѣпостей въ 1770 г. еще болѣе увеличиваетъ наплывъ рабочаго люда въ запорожскія владѣнія; въ частности же для постройки Александровской крѣпости на р. Московкѣ, т. е. теперешняго уѣзднаго города Александровскаго уѣзда,

1) Ibid.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Ibid.

5) Такъ напр., свѣдѣнія о запорожскихъ зимовникахъ расширяются при изученіи прошлыхъ судебъ населенныхъ теперь мѣстностей уѣзда; извѣстный изслѣдователь Алекс. уѣзда и собиратель народныхъ пѣсенъ и преданій Я. П. Новицкій указываетъ, напр., основываясь на данныхъ церковнаго архива, наличность еще въ XVIII и нач. XIX в. запорожскихъ зимовниковъ на мѣстѣ теперешняго селенія Вол. Гупаловки и т. д.

появляется въ послѣдній много рабочихъ солдатъ, коледниковъ, арестантовъ, рабочихъ малороссійской націи и т. д.. Весь этотъ пришлый людъ, какъ на время работъ. такъ и по ихъ окончаніи селится въ мѣстностяхъ Александровскаго уѣзда, и возникаютъ т. наз. «солдатскія слободы»; такъ, въ 1770 г. можно отмѣтить возникновеніе такихъ солдатскихъ слободъ съ слободскою полиціей, сельской сборной избой и т. д. въ с. Жеребцѣ, на мѣстѣ старожитной запорожской маестности при впаденіи р. Жеребца въ Конку¹⁾, въ с. Конскіе Раздоры на р. Конкѣ²⁾ и т. д.. Кромѣ того значительная часть работавшихъ надъ возведеніемъ крѣпости, равно какъ и военнаго люда, поселяется въ предѣлахъ самой крѣпости, изъ которой въ 1785 году образуется посадъ.

«Руйнованія Сѣчи» въ 1775 г. и усиленіе заботъ правительства о заселеніи края являются причиной введенія нѣсколькихъ новыхъ струй въ колонизацію края: прежде всего, часть сыновъ разрушенной Сѣчи, которая не могла разстаться съ роднымъ краемъ, не была въ силахъ идти въ Туречину, явилась на подмогу прежнимъ колонизаторамъ и устремилась преимущественно въ поселенія, основанныя выходцами изъ Запорожья: такъ, извѣстенъ, напр., значительный наплывъ сѣчевиковъ послѣ 1775 г. въ слободу Ивановку, основанную Иваномъ Чигиринцемъ, слободу Покровскую, основанную Головкомъ и т. д..

Во вторыхъ, назначеніе Черткова на постъ Азовскаго губернатора, въ вѣдѣніе котораго поступила мѣстность нынѣшняго Александровскаго уѣзда по разрушеніи Сѣчи, горячая дѣятельность этого губернатора по заселенію края способствовали возникновенію цѣлага ряда т. наз. казенныхъ государственныхъ слободъ съ осѣдлыми изъ запорожцевъ во главѣ. Проницательный государственный дѣятель сразу увидѣлъ, что лучшую службу въ дѣлѣ заселенія края могутъ сослужить ему бывшіе запорожцы, основатели зимовниковъ и поселеній; кромѣ того, важнымъ средствомъ для успѣха заселенія края онъ признаетъ заботу объ удовлетвореніи нуждъ приходящаго православнаго населенія. Потому, съ одной стороны, дѣятельность губернатора направляется на хлопоты передъ епархіальнымъ начальствомъ о построеніи въ край и въ частности въ Александровскомъ уѣздѣ храмовъ, о назначеніи въ нихъ достойныхъ

¹⁾ Еп. Θεодосій, II.

²⁾ Ibid., II.

пастырей и т. д.); съ другой стороны, губернаторъ совершаетъ рядъ объѣздовъ края и кладетъ основаніе государственнымъ казеннымъ слободамъ, возводя сидѣвшихъ по зимовникамъ и имѣющихъ поселки сѣчевниковъ въ званіе „осадчихъ“, называя по ихъ имени вновь учреждаемыя слободы и поручая имъ заботы о заселеніи своихъ слободъ. Такъ, въ 1775 г. Чертковъ посѣщаетъ поселокъ Гаврилы Блакитнаго и находитъ тамъ зимовникъ, мазанки и значительное количество экономическихъ жильцовъ; назначивъ Гаврилу «осадчимъ» съ наказомъ «заселить вновь учреждаемую государственную слободу осѣдлымъ и семейнымъ народомъ», Чертковъ даетъ названіе этой слободѣ «Гавриловка» въ честь ея «осадчаго»²⁾. Посѣтивши въ слѣдующемъ 1776 г. поселокъ Ивана Чигиринца на р. Волчьей, рядъ зимовниковъ, разбросанныхъ по этой рѣкѣ, въ томъ числѣ и основанный старшиною Головка поселокъ, а также побывавъ въ солдатской слободѣ, основанной въ 1770 г. при р. Конкѣ, онъ повсюду учреждаетъ государственныя казенныя слободы, назначаетъ «осадчихъ», оказываетъ имъ содѣйствіе черезъ земскихъ комиссаровъ, общаетъ льготы и, называя нѣкоторыя изъ слободъ именами ихъ основателей, кладетъ начало «старожитнымъ» селамъ: Ивановкѣ, Григорьевкѣ³⁾, Б. Михайловкѣ⁴⁾, Покровской слободѣ (всѣ на р. Волчьей)⁵⁾, Конскимъ Раздорамъ (на р. Камьянкѣ)⁶⁾ и др.. Планъ Черткова, можно сказать,

---

1) Такъ, напр., по переводѣ намѣстника церковей Днѣпровской линіи Евфимія Савурскаго соборнымъ протоіереемъ въ Кременчугъ, губернаторъ Чертковъ обращается съ просьбой къ кievскому митрополиту Гавриилу о назначеніи достойнаго преемника Савурскому, при чемъ указываетъ своего кандидата, говоря: я изыскалъ вѣдомства Вашего Высокопреосвященства епархіи, при городѣ Нѣжинѣ на Магервахъ въ приходской Кресто-Воздвиженской церковѣ, половиннаго настоятеля свящ. Θεодора Тисаревскаго, котораго о благочестивомъ житіи я довольно свѣдомъ“. Просьба губернатора была уважена, и рекомендованный, какъ отличающійся благочестивымъ житіемъ, Θεодоръ Тисаревскій былъ назначенъ въ 1776 г. на указанную должность.

²⁾ Еп. Θεодосій, II.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Ibid.

вполнѣ удастся: «осадчіе» стягиваютъ къ себѣ въ слободы родственниковъ, знакомыхъ и т. д. изъ своихъ родныхъ мѣстъ Малороссіи, и т. о. къ сѣчевикамъ старожитныхъ сель присоединяются люди „малоросійской націи“: такъ, изъ Чигирина являются переселенцы въ слободу Ивана Чигиринца, Ивановку; являются малорусскіе поселенцы и въ слободы Гавриловку, Григорьевку, Покровскую и т. д.

Наряду съ колонизаціей, свѣдающейся къ свободному заселенію поселковъ при содѣйствіи запорожскихъ старожиловъ можно наблюдать и слѣдующій способъ заселенія уѣзда. Съ разрушеніемъ Сѣчи значительная часть сѣчевыхъ владѣній раздается правительствомъ по рукамъ разныхъ чиновниковъ и аристократовъ-помѣщиковъ; такъ напр., вся роскошная, богатая и плодородная мѣстность, на которой находились конскіе заводы запорожцевъ по р. Конкѣ, отдается во владѣніе статсъ-дамѣ граф. Скавронской, заводы же отбираются въ казну¹⁾; графиня основываетъ здѣсь слободу Консководовку (она же Ново-григорьевка), а вскорѣ и деревни: Краснокутовку, Городищеву, при чемъ заселяетъ ихъ гм. обр. своими крѣпостными; на той же р. Конкѣ дается помѣстье надв. сов. Константинову, который въ 1780 года основываетъ слободу Бѣлогоры; на Волнянкѣ у Днѣпра дается помѣстье полковнику Андр. Як. Леванидову, и въ 1777 г. возникаетъ Андреевка; мѣсто старинной запорожской мѣстности, Петровка, достается въ удѣлъ ген.-маіору Балабину, и т. о. кладется основаніе Балабину-Петровскому; наконецъ можно отмѣтить цѣлый рядъ розданныхъ помѣщикамъ земель по р. Верхней Терсѣ, гдѣ образовались помѣщичьи помѣстья:

¹⁾ Добавимъ интересное сообщеніе объ участи послѣдняго мѣста Сѣчи запорожской, села Покровскаго Екатерин. уѣзда: «Сѣчь, переименованная селомъ Покровскимъ, читаемъ мы у Пишчевича, подарена была бывшему тогда генераль—прокурору кн. Вяземскому при 200000 дес. земли. Впослѣдствіи времени сіи 200000 дес. земли заселены 3000 душъ и наслѣдниками кн. Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, сдѣлавшемуся коллежскимъ ассесоромъ, нажившимъ необъятную сумму отъ содержанія имъ на откупъ соляныхъ озеръ въ Тавридѣ. Т. о. Штиглиць сдѣлался первымъ въ семъ краю помѣщикомъ. Такова Россія для бродягъ: кто бы смѣлъ подумать въ прежнія времена сказать запорожцамъ, что ихъ милая Сѣчь со временемъ будетъ принадлежать жиду!» См. Кіевск. Ст., 1884, I, 121.

Богдановка (полк. Писемскаго), Терсянка (ген.-аншефа Прозоровскаго)¹⁾ и т. д.

Указанныя земли раздавались помѣщикамъ даромъ въ т. наз. «ранговыя дачи» съ тѣмъ же наказомъ «заселять ихъ», что и запорожскимъ «осадчимъ». Какія отсюда могли возникать злоупотребленія показываетъ намъ примѣръ Гоголевскаго героя—П. И. Чичиковъ. Болѣе состоятельные помѣщики, какъ графиня Скавронская и др., заселяли новыя помѣстья переведенными изъ разныхъ мѣстъ Великороссіи и Малороссіи своими же крѣпостными, менѣе же состоятельные помѣщики принуждены были приглашать къ себѣ вольныхъ поселенцевъ, при чемъ дѣло подобнаго заселенія шло у нихъ туго; нѣкоторымъ изъ помѣщиковъ послѣдняго рода оказывали громадную услугу своимъ содѣйствіемъ запорожскіе поселенцы, обитавшіе по близости отъ нихъ; такъ напр., извѣстно, что помѣщику Андр. Леванидову значительно помогъ въ дѣлѣ заселенія Андреевки запорожець Остапъ Велегура, издавна сидѣвшій зимовникомъ въ мѣстности, доставшейся помѣщику Леванидову.

Намъ нѣтъ необходимости вдаваться въ подробности того, какимъ образомъ происходило, что прибывшіе къ помѣщикамъ поселенцы постепенно попадали въ роль крѣпостныхъ, но отмѣтимъ этотъ фактъ, такъ какъ онъ, какъ увидимъ, не прошелъ безслѣдно въ области народныхъ воспоминаній былого.

Наряду съ основаніемъ государственныхъ казенныхъ съ осадчими во главѣ и помѣщичьихъ слободъ, необходимо отмѣтить и еще одинъ типъ поселеній Александровскаго уѣзда, т. к. онъ тоже можетъ служить поясненіемъ характера народно-поэтическаго творчества уѣзда; мы разумѣемъ такія поселенія, которыя образовались изъ выходцевъ Малороссіи, но безъ участія запорожскихъ „осадчихъ“; въ такихъ поселеніяхъ, не представляющихъ наслоеній изъ сѣчевыхъ старожиловъ, живущихъ традиціями своей Сѣчи, и новаго населенія изъ малорусскихъ губерній, болѣе близко связаннаго съ своими прежними мѣстами жительства и в ихъ исторіей, чѣмъ съ Сѣчью, а въ поселеніяхъ, составленныхъ лишь изъ населенія малорусск. губерній, естественно, должна была живѣе сохраниться бытовая и народно-поэтическая связь съ Украиною. Въ числѣ поселеній подобнаго типа можно отмѣтить старожитное селеніе

¹⁾ Свѣдѣнія о раздачѣ земель заключаются въ „Матеріалахъ“ еп. Феодосія.

Новые Пологи при р. Конкѣ, первыми насельниками котораго явились прибывшіе изъ Переяславскаго уѣзда переселенцы, основавшіе здѣсь селеніе и названіе его именемъ своей прежней слободы „Пологами“ съ прибавленіемъ „Новые“.

Съ 1789 г. наблюдается новая струя въ заселеніи Александровскаго уѣзда, если и не оказавшая непосредственнаго вліянія на народно-поэтическое творчество, то во всякомъ случаѣ не оставленная безъ вниманія народными преданіями и воспоминаніями.

Вскорѣ по своемъ вступленіи на престолѣ, въ манифестѣ 1763 г. императрица Екатерина призываетъ въ Россію иностранцевъ, мотивируя этотъ призывъ обиліемъ богатыхъ, но не заселенныхъ мѣстностей и недостаткомъ русскаго населенія для заполнения и колонизаціи послѣднихъ: свобода выбора мѣста, принятіе правительствомъ путевыхъ издержекъ по переселенію на свой счетъ, свобода вѣроисповѣданія, полное освобожденіе отъ военной службы и 10 лѣтнее освобожденіе отъ податей и налоговъ, выдача правительственныхъ субсидій на первое обустройство, наконецъ право безошлинной торговли изготовленными товарами и право приобрѣтать крѣпостныхъ людей—вотъ однѣ изъ льгот¹⁾, которыя должны были вызвать наплывъ иностранцевъ, но и доли которыхъ не давалось русскимъ переселенцамъ въ малонаселенныя мѣстности Новороссійскаго края, какъ отмѣчаетъ это проф. харьк. унив. Дюгуровъ²⁾, вполне основательно видя въ этомъ ошибку правительства. Докладъ гр. Румянцева о блестящемъ состояніи нѣмецкихъ колоній у Данцига вызываетъ командировку Траппе къ Данцигскимъ менонитамъ съ предложеніемъ заселенія Новороссійскаго края, при чемъ менонитамъ предлагается просить въ докладной запискѣ себѣ по осмотрѣ мѣстности новыхъ льготъ; въ результатѣ является представленіе на Высочайшее утвержденіе привилегій менонитскимъ переселенцамъ: въ документѣ привилегій 1786 г. значится 20 пунктовъ, при чемъ почти всѣ требованія получаютъ удовлетвореніе, кромѣ развѣ такихъ, какъ вопросъ о льготахъ и буду-

¹⁾ См. Екатерин. губ. Вѣд. 1888. № 37 (документъ-копія манифеста, вписанная въ ряду другихъ касавшихся менонитовъ переселенцевъ документовъ въ книгу Юг. Як. Гильдебрандта, поселенца о-ва Хортицы). Всѣхъ пунктовъ льготъ 10, но мы приводимъ лишь болѣе существенные.

²⁾ De la civilisation des tatars-nogais, 95—8.

щимъ переселенцамъ или требованія слишкомъ значительнаго суточного содержанія и т. д.¹⁾

Въ 1787 г. депутаты Данцигскихъ менонитовъ, осмотрѣвшіе мѣстности Новороссійскаго края и облюбовавшіе мѣста въ Александровскомъ уѣздѣ, представляются императрицѣ, получаютъ о-въ Хортицу и близъ лежащія мѣста для основанія колоній съ надѣломъ въ 65 дес., получаютъ деньги, подтвержденіе льготъ, и въ 1789 г. является въ предѣлы Александровскаго уѣзда и занимаетъ мѣста первой Запорожской Сѣчи 288 менонитскихъ семействъ, основывается 8 нѣмецкихъ поселеній на о-вѣ Хортицѣ, и затѣмъ вплоть до половины истекшаго столѣтія число нѣмецкихъ переселеній и колоній возрастаетъ²⁾. Обиліе привилегій, предоставленныхъ правительствомъ пришлому иноземному населенію, и полупрезрительное отношеніе этого послѣдняго къ коренному русскому населенію порождаютъ вполне естественно нерасположеніе русскаго населенія къ колонистамъ: колонисты, вѣсколько не заинтересованы поднятіемъ матеріальной культуры края, въ видахъ чего они собственно и были призваны, мало того, не имѣя никакой ни любви, ни уваженія къ туземному населенію и его историческому прошлому, выходцы вынаты въ погибели для науки не одного памятника запорожской старины.

Въ указанномъ нами состояніи находилась колонизація Александровскаго уѣзда въ концѣ XVIII в., и условія этой колонизаціи, несомнѣнно, должны были отразиться на всей области духовной и матеріаль-

---

4) Екатер. Губ. Вѣд. 1888, № 40; изъ 20 пунктовъ ограничены лишь: II) вмѣсто всего о-ва Тавани для сѣнокоса дается разрѣшеніе лишь на часть, равно какъ отводится лишь часть лѣса на о-вѣ Капро; V) право заведенія фабрикъ представляется лишь на «общихъ законахъ», XI) вмѣсто суточныхъ 25 коп. на каждую персону—лицамъ старше 15 лѣтъ—25 к., а моложе—12 к., XII) вопросъ объ отсрочкѣ выплаты денегъ предоставить будущему времени, равно какъ XVI) будущему времени предоставить вопросъ о льготахъ будущимъ переселенцамъ.

²⁾ См. Скальковскій, Хронологическое обзорѣніе исторіи Новороссійскаго края, II, 327—30: перечень нѣмецкихъ колоній 1786—1837 г.

См. также Ек. Губ. Вѣд. 1868, № 43: манифестъ имп. Павла I съ подтвержденіемъ льготъ менонитамъ.

Балалѣй, Колонизація Новор. края, К. Ст. 1869, VII, 121—123.

ной жизни края, а въ частности они обусловили характеръ народно-поэтическаго творчества интересующаго насъ уѣзда; потому-то, помимо самостоятельнаго историческаго интереса для изучающаго Александровскій уѣздъ, предложенный историко-топографическій очеркъ необходимъ для осмысленія народно-поэтическаго матеріала, собраннаго въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда.

Что касается послѣдующихъ періодовъ, т. е. эпохи XIX в., то въ дѣлѣ заселенія Александровскаго уѣзда не наблюдается особенно характерныхъ и новыхъ теченій: край заселяется преимущественно тѣми же элементами, что и раньше, т. е. выходцами изъ различныхъ мѣстъ Малороссіи, бѣглымъ и служилымъ людомъ, крѣпостными помѣщичьими людьми, нѣмецкими колонистами и т. д.; но нельзя не отмѣтить лишь важнаго факта наплыва въ уѣздъ возвратившихся на родныя пепелища запорожскихъ выходцевъ, которые были выведены изъ Туречины кошевымъ задунайской Сѣчи Гладкимъ: этотъ элементъ, сохранившій въ большей цѣлости традиціи старой Сѣчи, не могъ не повліять, какъ на духъ населенія, такъ и на введеніе въ народно-поэтическое творчество края струнъ, связанной съ воспоминаніями о прошломъ Сѣчи и объ ея дѣятеляхъ, какъ до ея руйнованія, такъ и за время находженія ея въ турецкихъ предѣлахъ.

Для полноты этнографической фізіогноміи уѣзда слѣдуетъ отмѣтить и фактъ появленія въ немъ греческихъ поселеній, сохранившихъ еще до сихъ поръ нѣкоторыя оригинальныя черты въ своемъ бытѣ.

Что касается важнѣйшихъ событій въ уѣздѣ, вліяніе которыхъ на фізіогномію края должно было, несомнѣнно, сказаться, и которыя не должны были пройти безслѣдно въ области народно-поэтическаго творчества и народныхъ воспоминаній. то, помимо отмѣченныхъ нами явленій XVIII-го и предшествующихъ вѣковъ, слѣдуетъ отмѣтить важное значеніе въ исторіи края крѣпостничества, чуждаго духу кореннаго казацкаго вольнаго населенія, равно и всѣхъ фактовъ, связанныхъ съ крѣпостничествомъ; важно также отмѣтить вопросъ о постановкѣ дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ, оказавшаго несомнѣнное вліяніе на характеръ современнаго населенія, равно какъ вопросъ объ экономическомъ состояніи уѣзда.

«Потемкинъ и другіе дѣятели, читаемъ мы у проф. Багалѣя, не только не могли отрѣшиться отъ крѣпостническихъ взглядовъ, но даже приносили въ новыи край и насаждали въ немъ сѣмена крѣпостнаго права».

И въ самомъ дѣлѣ, сдѣлавши первый шагъ къ водворенію новаго порядка вещей уничтоженіемъ Запорожья, которое могло бы служить значительнымъ тормазомъ, раздавши крупныя земельныя участки по дворянскимъ рукамъ и создавши т. обр., какъ въ Новороссійскомъ краѣ вообще, такъ и въ Александровскомъ уѣздѣ въ частности землевладѣльческое дворянство, Потемкинъ и его сподвижники не только не препятствовали, но и содѣйствовали новымъ землевладѣльцамъ въ дѣлѣ закрѣпощенія прибывшихъ къ нимъ изъ различныхъ мѣстъ лично свободныхъ людей; на первыхъ порахъ послѣднимъ предоставлялись различныя льготы, только бы согласились они осѣсть на извѣстныхъ мѣстахъ, т. к. заселеніе полученныхъ въ удѣлъ мѣстъ ставилось въ непремѣнное условіе помѣщику; на первыхъ порахъ отношенія помѣщика и насельниковъ его владѣній носили характеръ чисто договорный, но постепенно землевладѣльцамъ, по выраженію того же Багалѣя, стала улыбаться въ недалекомъ будущемъ возможность владѣть не только землею, но и людьми, на что они и получали правительственную санкцію¹⁾; фактовъ подобнаго закрѣпощенія можно отмѣтить не одинъ, и память о нихъ сохранилась въ народѣ, какъ мы увидимъ дальше²⁾. Продажа земель въ Новороссійскомъ краѣ на льготныхъ условіяхъ и съ правомъ покупки крестьянъ въ густо-населенныхъ мѣстностяхъ для перевода и поселенія въ Новороссію, право открывать кабаки при заселеніи мѣстности 15 душами и т. д. способствовали усиленію крѣпостного права и опредѣляли характеръ послѣдняго. На первыхъ порахъ, когда контингентъ помѣщиковъ, покупавшихъ земли, какъ въ Новороссіи вообще, такъ и въ интересующемъ насъ уѣздѣ въ частности, составляли гл. обр. получившіе права дворянства помѣщики-запорожцы, когда быть и отношенія этихъ помѣщиковъ къ крѣпостнымъ были патриархальны и человѣчны, когда наконецъ обиліе земли и малочисленность населенія позволяли каждому крестьянину имѣть значительной достатокъ, гнѣтъ крѣпостного права чувствовался слабѣе; но съ измѣненіемъ помѣщичьяго быта и самихъ помѣщиковъ, такъ живо и превосходно обр-

¹⁾ Многіе «некупленные» крестьяне были приписаны помѣщикамъ извѣстнымъ манифестомъ Екатерины II; см. Гвѣдинъ, Мои воспоминанія, 146.

²⁾ См. Багалѣя, Колонизація Новоросс. края, К. С. 1889, V—VI, 480.

сованных въ воспоминаніяхъ извѣстнаго дѣятеля Александровскаго уѣзда Д. Т. Гнѣдина, измѣнялась постепенно и физиогномія уѣзда, и на мѣстѣ прежнихъ владѣній вольнаго казачества застоналъ народъ подъ барскимъ ярмомъ. Трудно было сохранить этому люду обликъ своихъ предковъ; лишь въ воспоминаніяхъ и пѣсняхъ могли жить для него лучшія времена; потому-то бандуристы да слѣпые кобзари, пѣвшіе про славныя и вольныя времена казачества, про прошлое края, съ каждымъ мѣстомъ, съ каждымъ урочищемъ и курганомъ котораго соединено какое-либо воспоминаніе, были желанными гостями, встрѣчали вездѣ радушный пріемъ и не переводились.

Но были, на ряду съ угнетенными въ большинствѣ случаевъ помѣщичьими крестьянами, и крестьяне тѣхъ государственныхъ казенныхъ слобод¹⁾, о которыхъ мы упоминали; при отсутствіи помѣщичьяго гнета и при большей связи съ традиціями Запорожья, въ этихъ старожитныхъ селахъ живѣе сохранялись и старый казаческій обликъ, и старый складъ мысли и быта; здѣсь же въ большей силѣ и неприкосновенности сохранялось и народно-поэтическое богатство края; такъ, если не всѣ, то громадное большинство и историческихъ пѣсенъ, и преданій о славныхъ временахъ края сохранилось и записано именно въ старожитныхъ селеніяхъ Александровскаго уѣзда.

Несомнѣнно, что въ народно-пѣсенномъ творчествѣ и народныхъ воспоминаніяхъ помимо болѣе глубокой старины, должны сохраниться и воспоминанія о болѣе близкихъ событіяхъ; и въ самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ дальше, мы встрѣтимъ въ собранномъ до настоящаго времени народно-поэтическомъ матеріалѣ отраженіе и событій, и дѣятелей XVIII и XIX в. до смерти имп. Александра I включительно; не собрано однако пока матеріаловъ объ отраженіи въ народно-пѣсенномъ творчествѣ Александровскаго уѣзда и въ воспоминаніяхъ народа такихъ важныхъ и несомнѣнно запечатлѣвшихся въ народномъ сознаніи событій,

¹⁾ По архивнымъ даннымъ 1829 г. числится помѣщичьихъ крестьянъ въ Александровскомъ уѣздѣ 10510, казенныхъ 24612 (см. Статистики-экономическое состояніе г. Александровска и уѣзда, Я. Новицкаго, оттискъ изъ Ек. губ. Вѣд. 1888 г.).

См. также Статистическое описаніе Александровскаго уѣзда и Мариупольской округи по арх. даннымъ 1836 г., Я. Новицкаго. (Оттискъ изъ Ек. губ. Вѣд. 1889 г.) стр. 8—9.

какъ освобожденіе крестьянъ, дѣятельность видныхъ и пользовавшихся народными симпатіями носителей земской и народно-просвѣтительной идей и т. д., и потому волей-неволей обзоръ народно-поэтическаго творчества историческаго характера намъ придется ограничить объемомъ наличнаго матеріала.

Вопросъ объ экономическомъ ростѣ Александровскаго уѣзда не можетъ еще быть вполне выясненъ въ виду недостаточности собраннаго статистико-экономическаго матеріала; работа въ архивахъ, какъ этого уѣзда, такъ и Екатеринославской губ. вообще могла бы содѣйствовать полному освѣщенію этого вопроса; но въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ необходимо уясненіе его для освѣщенія хода народно-поэтическаго творчества уѣзда, вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ и при наличномъ матеріалѣ. Что касается экономич. положенія Ал. уѣзда, то приходится отмѣтить слѣдующее. Если въ эпохи конца XVIII и начала XIX в. количество свободной земли въ уѣздѣ было значительно, населеніе же малочисленно, то по мѣрѣ приближенія къ нашему времени наблюдается постепенный ростъ населенія, что влечетъ за собою уже уменьшеніе экономическаго благосостоянія крестьянъ, получавшихъ въ былыя времена земли отъ помѣщиковъ въ изобиліи¹⁾, теперь же все урѣзывается въ количествѣ получаемой земли. Наконецъ, неравномѣрность надѣловъ въ зависимости отъ помѣщичьей воли по освобожденіи крестьянъ, необходимость въ случаѣ ничтожности надѣловъ изыскивать себѣ средства пропитанія и биться изъ-за куска хлѣба, затѣмъ, рядъ памятныхъ для народа неурожайныхъ годовъ, далѣе появленіе фабрикъ и т. д.—все это вмѣстѣ взятое способствовало, такъ сказать, развитію большаго утилитаризма у крестьянъ, отвлекало ихъ отъ области поэтическихъ грезъ о прошломъ въ сторону насущныхъ будничныхъ заботъ; какъ результатъ экономическихъ условий, являлось и постепенное сокращеніе института лирниковъ, кобзарей и т. д.; проникновеніе на ряду съ усиленіемъ заботъ экономическаго характера фабричной, городской и солдатской культуръ, наконецъ постепенное

¹⁾ Такъ напр. у дѣда Д. Т. Гнѣдина на 20000 десятинъ было всего 100 душъ крестьянъ (Мои воспоминанія, Д. Т. Гнѣдина, 144); по арх. даннымъ 1829 г. на 10510 пом. крестьянъ—443115 дес. земли; на 24612 квз. крестьянъ 296191 дес. земли. Статист. эконом. состояніе г. Александровска и уѣзда по арх. даннымъ 1829 г., Я. П. Новицкій, стр. 6)

вымирание людей, болѣе или менѣе близко связанныхъ съ исторической стариной родного края—все это способствовало ослабленію, какъ народно-поэтическаго творчества вообще, такъ и интереса къ историческому прошлому въ частности. Мало по малу идетъ на ряду съ исчезновеніемъ памяти объ историческомъ исчезновеніи и древнихъ обычаяхъ, и старинныхъ костюмовъ; даже языкъ подѣ влияніемъ школы и различныхъ другихъ условій измѣняетъ свой характеръ. Теперь нѣсколько словъ о школѣ. Дѣло народнаго образованія, какъ мы указывали, стоитъ въ Александровскомъ уѣздѣ на высотѣ, дѣлающей честь этому уѣзду: за какихъ нибудь 30—40 лѣтъ въ уѣздѣ создано, благодаря энергіи, какъ отдѣльныхъ дѣятелей, такъ всего земства вообще, такое обиліе школъ, что по количеству ихъ, благоустроенности большинства изъ нихъ Александровскій уѣздъ уступитъ развѣ очень немногимъ уѣздамъ Россіи. Еще во времена крѣпостнаго права, когда мысль объ образованіи крестьянъ не проникала въ сознаніе общества, мы встрѣчаемъ въ Александровскомъ уѣздѣ школу для крѣпостныхъ ребятъ, основанную въ 40-хъ годахъ извѣстнымъ дѣятелемъ уѣзда Д. Т. Гнѣдинымъ. Школа это была открыта въ имѣніи Д. Т. Гнѣдина, Гнѣдинѣ (Александровкѣ), въ собственномъ домѣ помѣщика; обученіемъ ребятъ занимались самъ Дмитрій Титовичъ съ своею женою. Съ паденіемъ крѣпостнаго права, съ выступленіемъ на сцену вопроса о народномъ образованіи Александровскій уѣздъ приобретаетъ въ число своихъ дѣятелей знаменитаго барона Корфа, о заслугахъ котораго въ дѣлѣ народнаго образованія мы считаемъ излишнимъ распространяться, какъ объ общезвѣстныхъ; замѣтимъ только, что практическая дѣятельность извѣстнаго русскаго педагога происходила именно въ указанномъ уѣздѣ, что въ земскихъ засѣданіяхъ ревнитель народнаго просвѣщенія горячо отстаивалъ интересы дорогого ему дѣла, вспомнимъ хотя бы о хлопотахъ его относительно ассигновокъ на народное образованіе, относительно улучшенія методовъ обученія, относительно подбора достойныхъ учителей; не говоримъ уже о той горячности, которую влагалъ въ дѣло самъ Корфъ, объѣзжая школы въ уѣздѣ въ качествѣ ревизора отъ земства, дѣлая отчеты о произведенныхъ ревизіяхъ, создавши, какъ результатъ этихъ ревизій и слѣдовательно близкаго знанія самого дѣла, свой трудъ: «Русская начальная школа», трудъ, не утратившій значенія и до сихъ поръ, а въ свое время произведшій радикальный переворотъ въ методѣ обученія.

На ряду съ дѣятельностью бар. Корфа нельзя не отмѣтить и дѣятельности въ области народнаго образованія указаннаго нами Д. Т.

Гнѣдина, который былъ выбранъ въ члены училищнаго совѣта по указанію самого Корфа и явился дѣятельнымъ помощникомъ послѣдняго, привлекая въ качествѣ мірового посредника интересы и вниманіе къ школѣ крестьянъ и попечителей школъ, заботясь о проведеніи въ школѣ Корфовскаго метода и, наконецъ, создавши на собственные средства Гнѣдинское ремесленное училище, цѣлью котораго помимо образованія было доставленіе деревнѣ знающихъ ремесленниковъ.

Помимо указанныхъ наиболѣе крупныхъ дѣятелей народнаго образованія слѣдуетъ отмѣтить въ качествѣ причинъ прогрессивнаго роста школъ постепенное увеличеніе Александровскимъ земствомъ ассигновокъ на народное образованіе, о чемъ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ отчеты о дѣятельности земства на ряду съ отчетами о школьномъ дѣлѣ въ Александровскомъ уѣздѣ.

Вопросъ о состояніи народнаго образованія въ интересующемъ насъ уездѣ, несомнѣнно, имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ объясненія, какъ общаго состоянія народно-пѣсеннаго творчества, такъ міровоззрѣнія и языка уѣзда въ ихъ постепенномъ развитіи: вполне понятно, что образованіе и просвѣщеніе, содѣйствуя развитію народнаго самосознанія съ одной стороны и матеріальнаго благосостоянія съ другой, вызывало ослабленіе устной народно-пѣсенной поэзіи, въ замѣну которой стала фигурировать книжка, способствовало потерѣ интереса и исчезновенію народныхъ повѣрій, суевѣрій и т. д., наконецъ обуславливало и измѣненія въ языкѣ.

Т. обр., цѣлый рядъ причинъ, какъ мы видимъ, ведетъ къ постепенному исчезновенію народно-поэтической старины, столь важной однако для уясненія историческаго хода народнаго развитія; потому-то велика заслуга лицъ, посвящавшихъ свои силы собиранію уцѣлѣвшихъ еще остатковъ народно-поэтическаго творчества, какъ въ Россіи вообще, такъ и въ Александровскомъ уѣздѣ въ частности, уѣздѣ, представляющемъ не малый интересъ своимъ историческимъ прошлымъ, какъ можно было, надѣмся, увидѣть изъ приведеннаго очерка.

Представивши историко-этнографическій очеркъ Александровскаго уѣзда, обратимся къ вопросу о народно-поэтическомъ творествѣ уѣзда, какъ хранителѣ памяти объ историческомъ прошломъ.

II.

Народно-поэтическое творчество Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, какъ хранитель памяти объ историческомъ прошломъ.

Малорусская, великорусская и отчасти германская народности—вотъ основные элементы населенія Александровскаго уѣзда, какъ мы видѣли изъ предшествующаго очерка; однако изъ всѣхъ этихъ народностей какъ въ количественномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ тѣсной исторической связи съ краемъ первое мѣсто занимаетъ, несомнѣнно, малорусская народность, въ народно-поэтическомъ творествѣ которой сохранились въ изобиліи воспоминанія о быломъ родного края.

Значительный процентъ народныхъ воспоминаній падаетъ на долю судебъ запорожскаго казачества, что является вполне естественнымъ для мѣстности, впервые пріютившей въ своихъ предѣлахъ основателей Олчи; но не мало записано въ уѣздѣ и воспоминаній о судьбахъ и дѣятеляхъ Украины вообще; явленіе—вполнѣ для насъ понятное послѣ ознакомленія съ тѣсною связью, какъ запорожскаго казачества съ Украиной, такъ и знакомства съ составомъ населенія уѣзда, образовавшимся въ значительной степени изъ украинскихъ выходцевъ, которые могли перенести съ собой и свои нѣсни, и свои преданія. Намъ нѣтъ ни возможности, ни необходимости разграничивать, что именно изъ области народно-поэческаго творчества уѣзда является занесенныхъ въ него изъ другихъ мѣстностей Малороссіи, и что создано въ самомъ уѣздѣ; достаточно, если мы прослѣдимъ главнѣйшіе мотивы историческихъ пѣсенъ края, дадимъ характеристику возрѣній населенія уѣзда на тѣ или иные лица и событія, и посмотримъ, насколько полной и вѣрной хранительницей прошлаго является область народно-поэческаго творчества.

Народная память не простирается въ историческія эпохи, предшествующія тому времени, когда появилось казачество, когда при-днѣпровскія степи явились ареною борьбы послѣдняго съ ордою, а Украина также понесла на своихъ плечахъ гнетъ борьбы съ тою же ордою и ляхами. Что было въ степяхъ до появленія здѣсь казачества, народная память не знаетъ, но она рисуетъ, каковы были эти степи отъ древнѣйшихъ временъ и во всю пору существованія Запорожья до его гибели, до того времени, когда, по выраженію одного дѣда, «кацапы понано-

силы до насъ холода», и подѣ вліяніемъ этого измѣнился и климатъ, и характеръ степей. Трава выше роста человѣческаго, обиліе всевозможнаго звѣря и птицы отъ стадъ дикихъ свиней, табуновъ дикихъ лошадей, стай волковъ до всякой степной и хищной птицы, обиліе фруктовыхъ деревъ въ дикомъ состояніи, необыкновенная урожайность— вотъ въ какихъ чертахъ рисуется родная степь съ древнѣйшихъ временъ и до эпохи заселенія края пришлымъ жодомъ въ воспоминаніяхъ, записанныхъ со словъ дѣдовъ Александровскаго уѣзда, при томъ дѣдовъ, считающихъ себя потомками Запорожья. Приведемъ въ подтвержденіе рассказы со словъ старожилловъ, видѣвшихъ еще послѣднюю Сѣчь, ихъ внуковъ, древнихъ дѣдовъ: «по нашій стороны, рассказываетъ крестьянинъ Александровскаго уѣзда Евдокимъ Косякъ¹⁾, скризъ були таки травы та бурьяны, шо зъ нихъ було й не вилпзешъ. Стари люди розказують, шо тутъ було якъ пидешъ по степу ранкомъ або вечеромъ, то заразъ же скидай съ себе штаны, а то яко хлюци будуть; а скинувъ штаны, пидбирай ще и сорочку, а то й ця зопріе. А шо цего звіру, птци, такъ звисно видимо й невидимо... Отъ хочъ бы и урожай... якъ уроде було, такъ стебла того й певидко: одинъ колосъ наче, та товстий такій якъ веретено. Отъ таки то були хлиба, а травы—такъ ще лучче. За травою и земли не видно було: якъ рядно, або кожухъ лежить поверхъ земли... А вышпня! хйба така була, якъ теперъ?! Чоловика верхи на кони не видно було!»

Другой крестьянинъ изъ деревни Богодара воспоминаеть²⁾, что даже въ сравнительно недавнюю пору, еще на его вѣку, степь Александровскаго уѣзда имѣла далеко не такой видъ, какъ теперъ: тутъ водились, говорить онъ, дикіе кони: «Ще й я та й то зазнаю ихъ: вони на масть мшасти, невелички, та гладки, та крипки таки. Мій батько таки лывивъ ихъ, такъ шо жъ? Вони або повтикають, або подохнуть: не можуть, бачъ, жити у неволи: по степу имъ бигати, такъ це такъ. Оце було йде чоловікъ кобылою по шляху, а дики кони пасутця у бальди. Отъ жеребець заразъ выскоче на могилу, та й нюха, чи кобылою, чи конемъ йде той чоловікъ. Якъ почуе, шо кобыла, заразъ же й бижить до ней. Тоди вже, шо тамъ той чоловікъ не роби и якъ не одбороняйся, а жеребець одибье кобылу...»

¹⁾ Киевск. Ст. 1884, VII, стр. 403.

²⁾ Киевск. Ст. 1884, VII, стр. 408.

Такъ воспоминають о сравнительно недавнемъ прошломъ степи древніе дѣды, передавая рассказы о томъ своимъ внукамъ¹⁾. Можно бы не мало привести подобныхъ преданій о прошломъ степей, но уже и изъ приведенныхъ видно, что въ памяти народа живетъ еще та дѣвственная степь, которая тянулась по Александровскому уѣзду, по Днѣпру къ Хортицѣ, которая сходными съ приведенными красками описана Эрихомъ Ласотою и Бопланомъ и которая нашла себѣ поэта въ лицѣ Гоголя: онъ рисуетъ путь Тараса съ сыновьями къ тому мѣсту, гдѣ Днѣпръ, дотолѣ спертый порогами бралъ наконецъ свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ середину его о-ва вытѣсняли его еще далѣе отъ береговъ, и волны его стали широко по землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Здѣсь уже мы узнаемъ Днѣпръ Александровскаго уѣзда у о-ва Хортицы, и степь къ этому мѣсту навѣяла на Гоголя тѣ поэтическія строки, которыя такъ согласны съ народною памятью о прошломъ степей, хранившихъ въ своихъ объятіяхъ запорожскіе хутора и славшихъ путь къ славной Хортицѣ.

«Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе..., говоритъ онъ, описывая путь Тараса къ Хортицѣ... Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растений; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своей пирамидальной верхушкой; бѣлая кашка зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ шею. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ вѣсть, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ

¹⁾ См. также Я. П. Новицкій, Слобода «Вольная Гупаловка» Александровскаго уѣзда, 1887 г., стр. 8.

Также: Степь, 1886, № 5, 69; Клев. Стар. 1885, V.

синихъ волнахъ воздуха. Вотъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкой; вотъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!»¹⁾).

Такъ рисуетъ поэтъ подъ вліяніемъ народныхъ воспоминаній степи временъ первой Сѣчи, и мы рѣшились привести цѣликомъ его яркую художественную картину, такъ какъ въ ней мастерски сконцентрировано то, что разсѣяно по многочисленнымъ народнымъ воспоминаніямъ о прошломъ, какъ Новороссійскихъ степей вообще, такъ и тянувшихъ къ Хортицѣ по Александровскому уѣзду въ частности.

Разумѣется, народное воображеніе и поэтъ, явившійся выразителемъ этого народного представленія, идеализировали степь, брали, такъ сказать, лишь ея праздничный покровъ, закрывая глаза на темныя ея стороны; но и могло ли быть иначе, когда съ представленіемъ объ этой степи связано воспоминаніе о тѣсно сжившемся съ нею запорожскомъ казачествѣ, этомъ геройскомъ гнѣздѣ безстрашныхъ рыцарей, какими рисовались запорожцы народному воображенію? А что измѣненіе вида степей находилось, по народному представленію, въ связи съ паденіемъ Запорожья, такъ, помимо приведеннаго выше указанія на великоруссовъ, нанесшихъ въ степи холода, свидѣтельствуемъ между прочимъ объ этомъ повѣствованіе дѣда Осипа Шутя съ о-ва Хортицы, который говоритъ: «поки казаки жили тутъ (у Хортицы), богато було рыбы, звиря, птыци и лису по Днипру, а на степахъ такий бувъ комышъ, шо вйдешъ верхы и не выдно..., а, якъ подались, продолжаетъ онъ, запорожци пидъ турка,—пшла за ными рыба и птыця, звалувавъ и звирь всякій».

Такъ вотъ какою рисовалась степь народному воображенію, и она-то была ареною борьбы съ ордою и турками, была мѣстомъ, наиболѣе тѣсно связаннымъ съ Сѣчью, и въ нее доносились отголоски украинскихъ событій. Что касается воспоминаній о борьбѣ съ ордою и турками, то пѣсни, записанныя въ Александровскомъ уѣздѣ, мало затрогиваютъ вопросъ о самой борьбѣ: онѣ переносятъ мысль, преимущественно, въ послѣдствія несчастныхъ столкновеній съ ордою, повѣствуютъ о тяжелой участи плѣнниковъ, проданныхъ въ турецкую неволю: такъ, въ одной, напр., изъ пѣсенъ, казакъ, измученный неволей, просить кукушку указать ему путь на далекую родину:

¹⁾ Гоголь, Собраніе сочиненій, изд. X, т. I, стр. 263.

Зозуленко моя ненько, говорить онъ,
 Закуй мини жалибненко,
 Вкажы жь мини ту дорогу,
 Куды илаты до роду,
 Ой до роду родыноньки.
 До отца, риднои ненькы.

„Цю писню, поясняетъ Я. П. Новицкому сообщившая ему ея Агафья Сосикова изъ с. Покровскаго, було, спивають люды, якъ заженуть ихъ въ турецьку неволю. Ихъ такъ далеко загоньлы, шо и дороги не зналы до роду»¹⁾).

Рисують народныя пѣсни Александровскаго уѣзда и тѣ звѣрскія мученія, которымъ подвергала турки и татары плѣнныхъ казаковъ: два варианта пѣсни о Морозенкѣ, повѣствующей объ его плѣнѣ и смерти, изображаютъ пытки, которымъ подвергали плѣнника, прежде чѣмъ умертвить:

Взялы, взяли Морозенка не въ вечера-вранци, поется въ
 одномъ вариантѣ²⁾),

Взялы, взяли Морозенка на тры спысы въ гору,
 Та вдарылы Морозенка объ пень головою,
 Посадылы Морозенка на дубовы лавы,
 Скъдай, скъдай, Морозенко, чоботы сапьяны;
 Посадылы Морозенка на дубовымъ стильцы,
 Скъдай, скъдай, Морозенко, червони постильци.

Въ другомъ вариантѣ³⁾ той же пѣсни указываются уже другого рода пытки, а именно сдираніе съ живого кожи, выниманіе изъ живого сердца; невыносимость этихъ мукъ заставляеть страдальца воскликнуть:

Луче-бъ мени, моя маты, въ сырїй земли тлиты,
 Анижъ мени, казакови, таку мученьку терпты.

Сохранилась память о борьбѣ съ татарщиной и турецкиной и въ разказахъ, переходившихъ изъ устъ въ уста отъ дѣдовъ—запорожцевъ—къ ихъ внукамъ и записанныхъ отъ тѣхъ или иныхъ жителей Алексан-

¹⁾ Я. П. Новицкій, Малорусскія пѣсни, преимущественно историческія, записанныя собранныя въ Екатеринославской губ. въ 1874—94 годахъ, стр. 4, № 4.

²⁾ Я. П. Новицкій, Малорусскія пѣсни, стр. 12, вар. А.

³⁾ Ibid. вар. В.

дровскаго уѣзда; рассказы эти довьствуютъ съ одной стороны объ опустошительности ордынскихъ набѣговъ, съ другой стороны о приѣмахъ татаръ при нападеніяхъ и объ ихъ жестокости, затѣмъ упоминають о роли запорожцевъ, какъ защитниковъ отъ нападеній орды. Припомнимъ здѣсь кстати, что и Гоголь въ своемъ „Т. Б.“ не разъ упоминаетъ о татарскихъ набѣгахъ на Украину, о разрушеніи татарами Сѣчи, о наблюденіяхъ татаръ за козаками и т. д., и рисуетъ все это чертами, совершенно сходными съ повѣствованіемъ народныхъ пѣсенъ. Что касается опустошительности ордынскихъ набѣговъ, то лучше всего характеризуетъ ее преданіе, записанное со словъ старца Як. Шутя¹⁾.

«Було, що де пройде орда, такъ комышъ, бурьянъ и вяляже, такъ слидомъ и валяються люды. Вони було заразъ убывають, который прыстане, або занедужа. Гонили людей въ Крымъ.... Объ цимъ и теперъ есть пѣсня:

По тимъ боци огни горять,
 Никому тушыты,
 По сямъ боци орда суне,
 Никому слыныты.
 Зажурилась Украина,
 Шо нигде прожыты,
 Вытоптала орда кынымы
 Маленкї диты.
 Малыхъ дитей вытоптала,
 Старыхъ vyrубала,
 Молодую челядоньку
 У полонъ забрала.

Другое преданіе²⁾ повѣствуетъ также о грабежахъ и убійствахъ, совершаемыхъ при нападеніяхъ орды, которая обыкновенно, чтобы дать знать другимъ ордамъ о разграбленіи извѣстнаго селенія, распарывала подушки и разбрасывала пухъ по землѣ, давая т. обр. знать, «шобъ друга орда ихъ слидъ бачила и ишла дали». Имѣя это въ виду, какъ гласитъ тоже преданіе, жители селеній, подверженнхъ нападеніямъ орды пускались порою на хитрость; именно, узнавши о близости какой либо орды, жители распарывали подушки, разбрасывали перья по улицѣ, а сами

¹⁾ Степь, 1889 № 38, стр. 186.

²⁾ Екат. Губ. Вѣд. 1886, № 19 вар. А.

прятались по лѣсамъ, пещерамъ, погребамъ: «орда добжыть до слободы, побаче пирья, тай дали».

Помимо опустошительности татарскіе набѣги рисуются въ народныхъ преданіяхъ и со стороны своей жестокости; особенно жестоки татарскія расправы съ дѣтьми:

«А дитей бидненькихъ якъ мучили, передается со словъ дѣда Олійныка¹⁾, оце посадятъ ихъ рядкомъ на одну лаву, а другою замахнуть по головкахъ,—тамъ вони и повиснуть на вѣкы... Було и такъ: оце трохи оттягнуть лаву, щобъ поставыть дитей до стины, а пидъ шейки лавою же и подушаты... Былы несчастныхъ и головами: оце одну дытину посаде доли, а другу охопе за ноги, размахне, та головою объ голову и побье».

Запорожцы, какъ рисуютъ народныя воспоминанія, были единственнымъ оплотомъ и защитой отъ дикой орды: они разбивали орду, а люди, въ случаѣ опасности, какъ гласить одно преданіе²⁾, кланяются запорожцамъ, плачуть, цѣлуютъ одежду, руки, ноги. Тогда кошевой велить ловить и разбивать орду. По свидѣтельству другого преданія³⁾, послѣ расправы съ ордой запорожцы освобождали плѣнниковъ: «порозь-вязувалы людамъ руки и пустили зъ Богомъ».

Но курьезно одно преданіе, записанное Я. П. Новицкимъ отъ Агафьи Сосиковой⁴⁾; она передаетъ, что въ старину сплошь и рядомъ казаки рассылались «стерегты царську границу, або на войну», и въ такихъ случаяхъ для охраны слободъ отъ внезапныхъ нападений ордъ присылались литвины; но эти литвины, пока нѣтъ опасности, то и дѣло ходять подъ окнами, какъ гласить преданіе, и гукають: «бабу! а бабу! дай минн ягудный пиругъ, я тебя отъ орды стерегу». Но стоитъ только показаться въ степи ордѣ, лишъ «забачуть литвины куряву въ степу, то заразъ на коня и почнуть бигать, та кричать: Орда йде! Орда йде! Потимъ попередъ всихъ тикають самы. Таке то було зъ ихъ храбре вѣско», замѣчаетъ преданіе.

Память о татарахъ, объ ихъ кочевьяхъ и поселеніяхъ въ степяхъ

¹⁾ Екатер. губ. Вѣд. 1888. № 13, вар. А.

²⁾ См. разсказъ Як. Шутя—Степь, 1886 № 38 стр. 186.

³⁾ См. разсказъ Матв. Шутя, Екат. губ. Вѣд. 1888, № 19 стр. 126, варіантъ В.

⁴⁾ Екатер. губ. Вѣд. 1888, № 52, стр. 4.

Александровскаго уѣзда сохранилась въ цѣломъ рядѣ названій балокъ, урочищъ, рѣкъ, при чемъ порой народное преданіе даетъ и объясненіе извѣстному названію. Большая часть мѣстностей, носящихъ татарскія названія, падаетъ на наиболѣе удаленные отъ Сѣчи сѣверные и восточные предѣлы уѣзда: такія названія рѣкъ, какъ Терса, Гайчуль, Янчуль, такія названія балокъ, какъ Мечетная, деревень, какъ Каракубъ и т. д., и т. д., служатъ свидѣтелями бывшихъ здѣсь когда то татарскихъ поселеній. А вотъ и одно преданіе, добытое нами во время пребыванія въ Александровскомъ уѣздѣ; преданіе это касается упомянутой балки Мечетной и связано съ исторіей основанія села Покровскаго на р. Волчьей. Не подалеку отъ теперешняго села Покровскаго, по словамъ древнихъ дѣдовъ Захаріи и Родіона Мокріевыхъ, жили въ старину татары; въ балкѣ Мечетной при впаденіи ея въ лиманъ былъ у нихъ ауль съ мечетью, оттуда и названіе балки Мечетной; былъ также татарскій ауль и на мѣстѣ теперешней Екатериновки, пока не прибылъ сюда изъ Сѣчи неизвѣстный куренной кошевой и не прогналъ татаръ изъ аула; между бывшимъ ауломъ и теперешней дер. Дебальцево поселился этотъ куренной отшельникомъ, къ нему прибылъ какой-то монахъ, и стали постепенно стекаться къ святому мѣсту запорожцы, образовавши т. обр. среди татарскихъ селеній скитъ; т. наз. Терновый кругъ, гдѣ находился по преданію упомянутый скитъ, и до сихъ поръ пользуется въ народѣ славою святого мѣста. Недолго однако просуществовалъ скитъ; нагрянули татары, разогнали отшельниковъ, разрушили скитъ; тогда-то является мстителемъ за это разрушеніе запорожскій отрядъ подъ начальствомъ Головка: онъ отнимаетъ св. мѣста у татаръ, рѣшаетъ прогнать татаръ за Янчуль и Гайчуль; въ день Покрова, на мѣстѣ теперешняго села Покровскаго происходитъ битва татаръ съ отрядомъ Головка, побѣда достается послѣднему, и въ память ея устраивается капличка; для обезопасенія св. мѣста отъ татарскихъ нападеній Головка съ своимъ отрядомъ селится на мѣстѣ теперешняго Покровскаго, устраиваетъ крѣпость и сторожевую постъ, и т. обр., по народному преданію, кладется основаніе будущей Покровской слободѣ.

Не одна однако борьба съ татарами нашла себѣ мѣсто въ народно-поэтическомъ творчествѣ Александровскаго уѣзда: сюда и изъ Запорожья, и изъ усть переселенцевъ доносились отзвуки украинскихъ событій, и жестокая борьба съ ляхами отразилась не въ одной пѣснѣ Александровскаго уѣзда.

Изъ историческихъ событій, нашедшихъ себѣ отзвукъ въ пѣсен-

номъ творествѣ уѣзда, отмѣтимъ прежде всего знаменитую рунну 1663—87 г., когда выжиганіе сель и неистовства татаръ съ одной стороны, жестокость поляковъ при введеніи своихъ порядковъ съ другой, заставляли измученный и обездоленный народъ массами устремляться изъ родныхъ, насиженныхъ мѣстъ правобережной Украины въ лѣвобережную; это печальное событіе нашло себѣ выраженіе въ поэтической пѣснѣ, записанной отъ 88-лѣтняго дѣда Н. Джигиря въ дер. Кушугумовкѣ: картина природы, сочувствующей людскому горю, открываетъ собою пѣсню, и среди воя вѣтра, проливного дождя

Та идутъ люди поселяне,
Все съ дочками, та съ сынами,
Покидаютъ грунты своя,
Преславніи вжиткѣ,
И превтишніи пасикы.

И встрѣчная птица, и широкій Днѣпръ съ грустью смотрять на людское несчастіе: «назувстричь имъ, поясняетъ дѣдъ слова пѣсни, верталась звирія птыця на свои прежни вжиты и якъ побачыла, шо уже и людямъ нема життя—тикають, засмутылась и вона». Картина весенняго разлива Днѣпра и степныхъ рѣчекъ, по которымъ шли въ былое время бурлаки въ Запорожье, заключаетъ пѣсню, разрѣшающуюся лирическимъ аккордомъ о былыхъ счастливыхъ временахъ добрыхъ пановъ.

Другая пѣсня изображаетъ также сходными чертами бѣгство въ годину невзгоды бурлаковъ за Дунай: тѣ же картины природы и грустный за душу хватающій тонъ отличаютъ и эту пѣсню, повѣствующую, какъ въ былыя счастливыя времена лугами и степями

Чумаченькы проходили,
И бурлаченькы въ провозылы,
А теперъ не проходятъ
И бурлакъ не провозять,
Все за вражими панамы.

Но Дунай-рѣчка является спасительницей бурлаковъ, черезъ нее перебираются они и просятъ,

Та не дай погибаты
Намъ безчастнымъ сиромахомъ.

Находятъ себѣ отзвукъ въ историческихъ пѣсняхъ уѣзда и лица героев, стяжавшихъ себѣ славу въ борьбѣ съ ляхами¹⁾, рисуются и

¹⁾ Напр. о Перебийносѣ, Нечаѣ и др.

отношенія народныя къ еврейству¹⁾; но особенно много пѣсенъ и преданій Александровскаго уѣзда выпадаетъ на долю съ одной стороны отчаянной борьбы казачества съ ляхами, предшествующей переходу Малороссіи въ подданство Россіи и предшествующей упомянутой руинѣ²⁾, съ другой стороны глубокій слѣдъ въ народной памяти оставили по себѣ одинъ изъ перебѣжчиковъ Запорожья, ляхскій прислѣшникъ Сава Чалый и славный колонизаторъ и покровитель разоренной поляками и татарами Украины С. Палій, рисующійся въ народномъ воображеніи гл. обр., какъ врагъ и побѣдитель Мазепы. Пѣсни первой изъ только что указанныхъ болѣе крупныхъ группъ, т. е. повѣствующихъ о борьбѣ казанства съ ляхами передъ переходомъ въ подданство Россіи, рисуютъ образы Хмельницкаго, Перебыйнаго, ихъ безстрашіе по отношенію къ полякамъ³⁾, ихъ презрѣніе и порой жестокость къ притѣснявшимъ Украину евреямъ; такъ, характерно для обрисовки отношенія указанныхъ героевъ народнаго воображенія къ евреямъ слѣдующее преданіе, записанное въ селѣ Покровскомъ, Александровскаго уѣзда⁴⁾:

«За Хмельницкаго, кажутъ, жида тикалы зъ Украины. Отъ разъ идуть Перебынисъ съ Хмельницкимъ, колы въ степу кибитка, а отдалъ — жида пасуть коней. Вони до ихъ.

- Здорови булы, земляки!
- Здрастуйте, вельможни паны.
- А шо вы за люды?
- Цынцы зъ Поцаева.
- Колы вы ченцы,—де жъ вашъ игумень?
- Насъ мегунъ писло кони пасты.
- А кому же вы вируете?
- Хрыстови и Богови.
- А хто-жъ вашъ Хрыстось и Богъ?
- Перебынисъ, якъ Хрыстось, а Хмельницкій, якъ самъ Бохъ..

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Объ обращеніи ляховъ съ казаками свидѣтельствуеъ рядъ пѣсенъ см., напр., Запорожца въ лядской неволѣ (Новицкій, 27) и др.

³⁾ См. о Перебыинось, Новицкій Я П., Малорусскія пѣсни, стр. 13 и 14.

⁴⁾ См. Новицкій, *ibid.* стр. 15.

— Э, це вже брехня!.... А берить ихъ, хлопци, въ тороки, та везить годувать раки.

— Ой вей! помылуйте, вельможни паны: у насъ дитки малыя.

— Дарма!... вы жида, а ваши диты жидынята.

Берить, хлопци, берить!....

Повязалы козаки, везуть шей прислухаються, щобъ якый не здохъ, а якъ здохне—шобъ не завонявся¹⁾».

Совершенно сходною по духу съ только что приведеннымъ преданіемъ является и обрисовка отношеній казаковъ къ евреямъ въ Тарасѣ Бульбѣ: «Какъ, чтобы жидовство надъ нами пановало! А ну паны-браты перевѣшаемъ всю жидову! Чтобъ и духу ея не было! произнесъ кто-то изъ толпы. Эти слова пролетѣли молніей и толпа ринулась на предмѣстье съ сильнымъ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ» и т. д. (см. стр. 424).

Рисуется въ пѣсняхъ о борьбѣ съ поляками при Хмельницкомъ и постепенное проявленіе со стороны казачества безбоязненности въ отношеніи къ ляхамъ; такъ, въ одной пѣснѣ, записанной въ Краснокутовѣ²⁾, читаемъ:

Иде ляшокъ вулицею—шаблею блистае,

Стоитъ козакъ, не боится, шапки не здѣмае.

Кынувь ляшокъ до канчука, а козакъ до дрюка:

Оттеперь же, вражый ляше, съ тобою разлука!

Сходный мотивъ находимъ мы и у Гоголя въ его „Главахъ изъ неоконченной повѣсти“, гдѣ описывается между прочимъ столкновеніе Острианицы съ польскимъ паномъ.

Въ пѣсняхъ того же цикла сквозить и сочувствіе казачества къ Москвѣ, москвичамъ и восточному царю, про котораго говорится:

Восточный царь милостывій—не дѣймае виры³⁾.

Что касается упомянутыхъ нами народныхъ воспоминаній о перебѣжчикѣ Запорожья Савѣ Чаломѣ, то надо замѣтить, что извѣстному соби-

¹⁾ Характерны для обрисовки отношеній къ еврейству, напр., пѣсни про Джарменко и Кумпашико, вариантъ ея съ перечисленными именами. Таполенко и Жолденко и др. см. Новицкій Я. П., Малорусскія пѣсни, 31 стр.

²⁾ Новицкій Я. П. Малорусскія пѣсни, стр. 21, 22.

³⁾ Ibid. стр. 21.

рателю пѣсень Александровскаго уѣзда Я. П. Новицкому удалось записать въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда лишь рядъ преданій о Савѣ; что же касается народныхъ пѣсень объ этомъ лицѣ, то старики Александровскаго уѣзда могли приводить лишь выдержки изъ нихъ, въ цѣломъ же видѣ не могли припомнить, говоря, напр., такъ: «про Саву есть пѣсня, тико я їи гораздъ не складу, а покойный дидъ було часто спива и росказуе про его¹⁾». Личность историческаго Савы, передавагося со стороны Запорожья на ляхскую сторону и дѣйствовавшего противъ своего товариства, особенно была ненавистна запорожцамъ и ихъ потомкамъ, и съ воспоминаніемъ объ его личности они соединяютъ всѣ тѣ ужасы въ родѣ разграбленія церквей, истязаній и т. д., которые сопровождали борьбу ляховъ съ козаками. По народнымъ преданіямъ Александровскаго уѣзда, Сава Чалый является пріемышемъ и воспитанникомъ стараго запорожца Чалаго, который усыновляетъ также и Гнатка, будущаго мстителя Савѣ за его измѣну. Характеры юныхъ пріемышей рисуются народному воображенію совершенно различными, въ характерахъ ихъ видны уже задатки ихъ будущаго: „Сава, кажутъ, бувъ задеркуватый, а Гнатко смирный и покрный“, гласитъ преданіе. Сначала оба юноши казакують въ Сѣчи, но скоро Сава передается на ляхскую сторону и начинаетъ дѣйствовать противъ пріотившаго и взлелѣявшаго его Запорожья: у ляховъ, по народному преданію, Сава «оженывся и зробывъ соби хату въ такихъ пуцахъ, шо мало хто и знавъ. Набрывъ винъ соби шайку ляхивъ и давай издытъ на Запорожье грабувать церкви. Зъ запорожцами вони тежъ обходывысь не гораздъ: оде піймають стилько тамъ казакивъ и давай зъ живыхъ шкуры дратъ»²⁾. Однако запорожцы не хотятъ больше сносить неистовства своего перебѣзчика, и вотъ на кликъ кошевого поймать и привезти въ Сѣчь «разякого такого сына» вызывается пріемный братъ Савы Гнатко, который по однимъ вариантамъ рисуется характерникомъ³⁾, по другимъ, прибѣгаетъ къ содѣйствію живого еще воспитателя Гнатка и Савы старика Чалаго, по всѣмъ вариантамъ человекъ отважнаго, ловкаго; съ отрядомъ товарищей Гнатко добирается до жилья Савы, который предчувствуетъ бѣду и получаетъ дурныя предсказанія отъ гадающей ему по картамъ бабуся;

¹⁾ Новицкій, Малорусскія пѣсни, стр. 35.

²⁾ Новицкій Я. П. Малорусскія пѣсни, стр. 36.

³⁾ Ibid. стр. 37, преданіе, записанное въ Михайловкѣ Алекс. уѣзда.

предиріятіє Гнатка рисується народному воображенію геройскимъ и благополучнымъ по исходу; и по однимъ варіантамъ—Гнатко съ товарищами увозять раненаго Саву въ Сѣчь¹⁾, по другимъ²⁾—убивають его на мѣстѣ, подвергаются нападенію ляховъ и, лишь благодаря чудодѣйственной силѣ, Гнатка остаются невредимыми и возвращаются въ Сѣчь.

Если сопоставить преданія и отрывки пѣсенъ о Савѣ Чаломъ, сохранившіеся въ памяти дѣдовъ Александровскаго уѣзда, съ другими варіантами пѣсенъ и преданій объ указанномъ лицѣ³⁾, то мы увидимъ, что преданія Александровскаго уѣзда богаты оригинальными и типичными подробностями, свидѣтельствующими, что память о Савѣ глубоко запечатлѣлась въ сердцахъ потомковъ Запорожья, которые и передавали ее своимъ потомкамъ. Ближе всего преданія Александровскаго уѣзда о Савѣ Чаломъ подходят къ не менѣе ихъ типичной и богатой подробностями пѣснѣ о Савѣ, записанной Я. П. Новицкимъ неподалеку отъ Александровскаго уѣзда, въ мѣстахъ, близко связанныхъ съ Сѣчью, именно, въ дер. Языковѣ, Екатеринославскаго уѣзда⁴⁾. По преданіямъ о Савѣ Чаломъ, записаннымъ Я. П. Новицкимъ, можно возстановить причины, по которымъ Сава изъ сторонника Запорожья обратился въ ляхскаго приспѣшника: такъ, въ одномъ изъ преданій, записанныхъ отъ старца Орла, повѣствуется, какъ выросшій въ Сѣчи Сава «товарышувавъ съ запорожцями», поселившись сначала въ «Великому Лузи» у озера, названнаго Савинимъ, а потомъ переселившись на Савуръ могилу⁵⁾. Другое преданіе, записанное Я. П. Новицкимъ, касающееся гл. обр. Савуръ могилы гласитъ о нѣкоемъ ватагѣ Савѣ, который жилъ съ своими разбойниками въ куреняхъ и землянкахъ надъ Савуръ могилою; разбойники эти обыкновенно брали дань съ проѣзжихъ чумаковъ, выкладывая по пути послѣднихъ рядно, въ которое проѣзжіе и должны были класть всякіе припасы: «а якъ же котрій чумакъ, продолжаетъ преданіе, не догадается, а бѣльше того не захоче дать, то его грабили, а не покорній, то и били,

1) Варіантъ, записанный въ с. Андреевкѣ.

2) Варіантъ, записанный въ с. Михайловкѣ.

3) Напр. Максимовичъ, Укр. нар. пѣсни 1834, стр. 90; Чубинскій, Труды V, 965; Головацкій, I, 18—20; III, 9—12; Костомаровъ въ Малор. литер. сборн. Мордовцева, стр. 197 и др.

4) Я. П. Новицкій—Малорусскія пѣсни, стр. 33--35.

5) Новицкій, Я. П. Малорусскія пѣсни, стр. 35, преданіе 1.

було всего»¹⁾). За это-то разбойничество, за грабежи, подробности которых мы узнаемъ изъ приведеннаго преданія, запорожцы и рѣшили изловить Саву, какъ гласить уже преданіе, записанное отъ Орла: «внѣ тоди и продався ляхомъ и ставъ служить имъ». Наконецъ, что касается Палія, который, какъ можно судить по обилію записанныхъ о немъ преданій и пѣснѣ въ разныхъ мѣстахъ Александровскаго уѣзда, былъ особенно извѣстнымъ героемъ въ старожитныхъ селеніяхъ запорожскихъ выходцовъ, то народное воображеніе останавливается въ своихъ преданіяхъ и пѣсняхъ о немъ и на вопросѣ о происхожденіи его прозвища²⁾, передаетъ и его исторію, обставленную разными чудесными подвигами³⁾; особенно подробно останавливается на его столкновеніяхъ съ Мазепою, при чемъ народныя симпатіи и антипатіи особенно рельефно обрисовываются въ этихъ пѣсняхъ о Мазепѣ и Паліи⁴⁾; Палію приписываетъ народное воображеніе и счастливый исходъ Полтавской битвы: такъ, по преданію, записанному въ дер. Краснокутовкѣ, повѣствуется, что побѣда въ Полтавской битвѣ начинаетъ клониться на сторону шведовъ; имп. Петръ проситъ роздыху и разыскиваетъ богатыря, который бы вышелъ на шведовъ; ему докладываютъ о замураванномъ Мазепою въ темницѣ Паліи, послѣдняго освобождаютъ; преданіе рисуетъ былинными чертами мощь своего героя: ни одинъ конь не выдерживаетъ на себѣ богатыря: «шо стане Семенъ Палій сидать, кинь такъ и вгруае по колина». Лишь царскій конь въ состояніи выдержать богатыря, который и пріѣзжаетъ къ царю; царь дружески и просто ведетъ съ нимъ бесѣду, и С. Палій, вкушавши святого хлѣба, дѣлаетъ при помощи чудодѣйственной силы такъ, что шведы сами безъ битвы обращаются въ бѣгство: «побигъ король степомъ, а за нимъ проклятый Мазепа, ажъ курява знялась». На предложеніе царемъ любой награды, Палій даетъ отвѣтъ,

¹⁾ Драгомановъ. Малорусскія преданія и рассказы 1876 г. стр. 236, вариантъ А.

²⁾ «За те, шо спаливъ курень, будь же ты, еретычый сыну, Паліемъ», говоритъ кошевой Семѣну, пришедшему съ повинной послѣ того, какъ въ отсутствіе казаковъ спалилъ по неосторожности курень.

³⁾ Убіеніе чорта, полученіе отъ старца чудесной рушницы и т. д.

⁴⁾ См. напр., пѣсни о Мазепѣ и Паліи, записанныя Я. П. Новицкимъ въ старожитныхъ селеніяхъ Алекс. уѣзда Кушугумовкѣ и Краснокутовкѣ.

который вполне рисует народное представление о знаменитом колонизаторе и защитнике Украины: «Не треба мнѣ ни грошій, ни паньскихъ областивъ, говорить герой царю: дай мнѣ мылу Украину, за которую я двадцять лѣтъ страждавъ,—більше у тебе не прошу ничего».... и давъ Петро Палиеву Украину, заканчиваетъ преданіе, и ставъ винъ выживать вороговъ. Якъ выивъ всихъ, тоди и самъ, Богъ зна, де дився. Винъ, кажуть, и теперъ десь живый и, якъ Господь ему веливъ, миняється якъ мисяць: старіе и молодіе»¹⁾). Въ пѣсняхъ и преданіяхъ о Палиі, изъ которыхъ мы останавливались на одномъ особенно на нашъ взглядъ характерномъ, можно прослѣдить отраженіе и народныхъ сочувствій самому герою сказаній, Палию, которому съ дѣтства покровительствуютъ божественныя силы, который убиваетъ чорта и т. д., и сочувствій имп. Петру, и осужденіе, сопровождаемое порой злобными, порой насмѣшливыми замѣчаніями, по отношенію къ Мазепѣ; наконецъ, преданія и пѣсни о Палиі, записанныя въ Алекс. уѣздѣ, представляютъ значительной интересъ и въ смыслѣ отраженія въ нихъ различныхъ бродячихъ сказаній, перенесенныхъ на личность Палия: такъ, напр., въ вызовѣ Палия звучатъ отголоски сказанія объ Янѣ Усмовцѣ, Давидѣ и т. д., встрѣчаются и былинныя мотивы и т. д., и т. д..

Память о Палиі является предметомъ особаго почитанія въ одной изъ мѣстностей Александр. уѣзда, именно въ д. Краснокутовкѣ у Великаго Луга: такъ, пришлось встрѣтить Я. П. Новицкому нѣкоего Ткаченка, носящаго уличное прозваніе Палия и гордящагося этимъ и воспѣвающимъ своего славнаго тезку. Пѣсня о Мазепѣ и Палиі, которую пропѣлъ Ткаченко Новицкому, держится, по словамъ пѣвца, только въ его фамиліи и передается изъ рода въ родъ.

Борьба съ татарами и турками съ одной стороны, борьба съ ляхами съ другой, образы различныхъ героевъ, которые произвели впечатлѣніе на народное воображеніе,—вотъ главныя темы историческихъ пѣсенъ и преданій уѣзда, отражающихъ болѣе или менѣе полно и согласно съ исторической истиной прошлое Украины вообще и рисующихъ отношеніе къ этому прошлому жителей Александровскаго уѣзда. Но, если съ достаточной полнотой отразились въ памяти населенія уѣзда общекраинскія событія, то естественно, что еще болѣе воспоминаній сохранилось въ народно-поэтическомъ творествѣ края о тѣхъ славныхъ

¹⁾ Я. П. Новицкій, Малорусскія пѣсни. 19—20.

запорожцахъ, которые рисовались народному воображенію главными героями въ борьбѣ русской народности съ иноземными элементами: запорожцы были первоначальными обладателями края, отъ нихъ ведутъ свое происхожденіе не одни десятки семействъ въ старожитныхъ селахъ уѣзда, наконецъ рядъ мѣстностей служить живымъ напоминачіемъ о Сѣчи, и не мудрено поэтому, что въ Александровскомъ уѣздѣ мы найдемъ свѣдѣнія о бытѣ и образѣ запорожцевъ, равно какъ о послѣднихъ дняхъ существованія ихъ гнѣзда, оставившихъ глубокой слѣдъ въ народно-пѣсенномъ творествѣ края.

Народныя воспоминанія, хранимыя теперь лишь немногими дѣдами уѣзда и постепенно вымирающія подъ вліяніемъ указанныхъ нами условій, представляютъ намъ запорожцевъ людьми рослыми, сильными: «то народъ бувъ старынный, читаемъ въ разказахъ дѣда Бутя¹⁾, великый зростомъ, дужый, не намъ рывня»; чѣмъ глубже въ старину, тѣмъ долготѣе рисовались народному воображенію эти рослые богатыри; такъ, не одно преданіе свидѣтельствуеетъ о долготѣи запорожцевъ: «ни, теперь не живутъ такъ довго люди на свити, якъ колысь жили», рассказываетъ дѣдъ Осипъ Шуть и передаетъ о трехъ старцахъ, изъ которыхъ «дидови було 130, сынови его 110, а внукови 90 годъ», при чемъ «старый дидъ дарма шо доживъ до 130 годъ, бувъ на выду червоный якъ бурякъ, пры своему уми, тико на ноги слабый, сынъ его, хотъ и молодшій, зовсімъ, кажуть, выжився съ памьяты, ставъ якъ дытына; унукъ пидходывъ пидъ свого батька»²⁾.

При своемъ ростѣ, силѣ и долготѣи запорожцы рисуются народному воображенію и людьми особенными по своей наружности, людьми отличными отъ своихъ потомковъ и по костюму, и по образу жизни, и по обладанію таинственными силами. Наружность стараго сѣчевика представляется или суровою, страшною: «то люди страшныя, чорныя, голова голая, да еще и съ пузьмою (чупрына)», какъ передается въ одномъ преданіи³⁾; или добродушною, съ краснымъ, какъ буракъ, лицомъ, съ неизмѣнной чупрыной, нѣсколько разъ оборачиваемой вокругъ уха и и т. д.. Стоять ли упоминать, что и образы запорожцевъ, нарисованныхъ

¹⁾ Степь, 1888, № 6. стр. 86.

²⁾ Ек. Губ. Вѣд. 1888, № 23, 155.

³⁾ Ек. Губ. Вѣд. № 16, 107. 1888 г.

намъ въ «Тарасѣ Бульбѣ», отличаются чертами указанныхъ народныхъ преданій?

Богатство костюмовъ въ торжественныхъ случаяхъ отмѣчается пѣльми рядомъ преданій о запорожцахъ, при чемъ преданія Александровскаго уѣзда, описывая роскошные запорожскіе кафтаны синяго сукна съ широкими рукавами и червоной подкладкой, ставятъ на видъ на ряду съ тѣмъ и неприхотливость нарядовъ иныхъ запорожцевъ¹⁾, къ которымъ были примѣнимы слова пѣсни:

Живъ собі козаць Голота:
 Та не боявся винъ ни воды, ни огня
                                   ни чорта зъ болота,
 Була на ему шапка-бырька,
 Зверху дирка,
 Соломою шита,
 Витромъ крыта.

Жизнь этихъ запорожцевъ представляется въ народныхъ преданіяхъ отличною отъ жизни обыкновенныхъ казаковъ: вѣтъ у запорожцевъ семей, «сорочки, штаны самы пралы, самы латалы, самы воны и кухаровалы», неприхотливъ былъ и ихъ столъ: «козаку шобъ не случилось, то и умене»; лишь горилка является необходимою принадлежностью запорожскаго стола: «тоди горилка була и дешева и добра, рассказываетъ дѣдъ Буть²⁾. Теперъ жиды разводять водою, еладуть табакъ, «а тоди була первый сортъ горилка. Пылы тоди и медъ, и не чарками, акъ мы, а зъ дерева зробе кирецъ зъ крючечкомъ, наповне, та й хиле за однимъ духомъ.... Два-три кирця дмухнувъ, тай готовъ, куды вгодно...³⁾». Все являлось народному воображенію мощнымъ и недюжиннымъ въ сынахъ Сѣчи; было среди нихъ не мало, по народному представленію, и людей, одаренныхъ чудесною силою, много было такъ называемыхъ характерниковъ. Такъ, по рассказамъ дѣдовъ, были среди сѣчевиковъ и такіе люди, что: «давай выхвалятся пистолями: той каже: мій дальше бѣе, а той—мій. Позаряжають и давай стрілять. Оце одынъ стріля, а другый

¹⁾ Степь, 1888, № 6, 87.

²⁾ Степь, 1888, № 6.

³⁾ О пристрастіи къ спиртнымъ напиткамъ послѣднихъ могиканъ Запорожья; см. Степь, 1888 № 19 стр. 289.

руку пидставля... Куля въ руку, а винъ тоди и кыда межи очи: «на то-би! Яка горяча, дурь іа...»¹⁾.

Много и другихъ разказовъ сохранили дѣды Александровскаго уѣзда о чародѣйствахъ запорожцевъ²⁾, хотя надо замѣтить, что изслѣдователямъ уѣзда попадалась и дѣды съ негодованіемъ отвергавшіе разказы о характерникахъ и утверждавшіе, что запорожцы были народъ благочестивый и никакихъ чародѣйствъ не творили.

Оригиналенъ разказъ объ историческомъ происхожденіи запорожцевъ: вотъ, что передавалъ Я. П. Новицкому Осипъ Шуть, дѣдъ съ о-ва Хортицы:

«Спершу запорожцы звались кіями и не тутъ жылы, а десь въ лесахъ пидъ Кіевомъ. Кіями звались видтого, шо ходылы на разбой съ кіями. Якийсь, кажуть, князь Амлынъ, чы що, ставъ набирать ихъ въ свое войско и сказавъ: «якъ поможете мини звоювать турка,—дамъ вамъ стѣны, балкы, байраки и весь нызъ Днипра: будете жыть вольно». Зибралысь вони вся скілько було и звоювали турка. Амлынъ тоди давъ имъ Днипро и степъ нызче порогивъ и стали вони запорожцями»³⁾. Относительно постепеннаго пополненія состава запорожской Сѣчи и относительно элементовъ, входившихъ въ нее, народное преданіе сохранило не мало воспоминаній, при чемъ указывается, что Сѣчь пополнялась бѣглецами разнаго рода: «идуть, було, зо всего царства: у инчого жинка клята, то винъ іа и кыне, инчого неволя та панщина заидала, то й той сюды тика; инчого охота тягла». Сохранила народная память свидѣтельства и о стѣсненіяхъ со стороны польской правительственной власти и со стороны коронныхъ гетмановъ⁴⁾, которыми старались ограничивать наплывъ бѣглецовъ въ Запорожье, и память эта отразилась въ пѣсняхъ и преданіяхъ, повѣствующихъ о чумакахъ, провозившихъ бѣглецовъ въ Запорожье подъ видомъ товаровъ.

Т. о., какъ видимъ, въ народныхъ воспоминааніяхъ о запорожцахъ, объ ихъ внѣшнемъ видѣ, костюмѣ, образѣ жизни и т. д., наконецъ объ

¹⁾ Степь, 1886, № 38, 186.

²⁾ Въ разказамъ о чародѣйствѣ запорожцевъ примыкають и въ высшей степени обильные въ Александр. уѣздѣ преданія о заклятыхъ владахъ.

³⁾ Ек. Губ. Вѣд. 1889, № 14.

⁴⁾ См. напр. Кіев. Ст. 1887, II, 368—9.

ихъ историческомъ происхожденіи и составѣ сохранилась въ основѣ историческая правда, облеченная однако народнымъ воображеніемъ въ преувеличенныя, порой фантастическія формы. Подобными же, т. е. частью вѣрными исторической дѣйствительности, частью же геройскими, богатырскими чертами народной поэзіи рисуетъ, какъ извѣстно, и Гоголь своихъ Тараса, Остапа, Товкача и запорожцевъ-сѣчевиковъ.

Изъ всѣхъ историческихъ событій края наибольшіе слѣды въ памяти жителей Александровскаго уѣзда должно было оставить руйнованіе Сѣчи въ 1775 г.; въ самомъ дѣлѣ, изъ историко-этнографическаго очерка уѣзда мы видѣли, что значительный процентъ населенія уѣзда составили сыны разоренной Сѣчи, не рѣшившіеся разстаться съ родными пепелищами; мало того, и значительная часть бывшихъ сѣчевиковъ, покинувшая сгоряча родныя мѣста и переселившаяся въ Туречину, не долго ужилась въ послѣдней, вернулась въ царствованіе имп. Николая I обратно въ Россію, и частью составила Азовское войско, частью обратилась къ мирнымъ занятіямъ, при чемъ значительная часть этихъ пришлецовъ расселилась на пепелищахъ своей бывшей Сѣчи, по старожитнымъ селамъ Александровскаго уѣзда. Эти-то выходцы изъ Задунайской Сѣчи и могли въ значительной степени пополнить число пѣсенъ о разрушеніи ихъ родного гнѣзда и внести въ нихъ на ряду съ элегическимъ тономъ не мало враждебныхъ строкъ о виновникахъ руйнованія Сѣчи. Пѣсни народныя переносятъ воображеніе слушателя въ ту эпоху, когда готовилась гибель Сѣчи: сенаторы, собирающіеся на совѣтъ,—вотъ главные виновники гибели Сѣчи, про которыхъ слышимъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ:

Въ Москви-городи, въ засидательномъ доми,

Зибрались вси сенаторы.

Ой зибрались воны вси вмѣсто,—

Стали совить прикладаты:

Ой якъ бы намъ Запорожцевъ

Та вси области одибраты?

А одибравши у Запоряжцивъ землю,

Будимо сами володиты.

Такъ поется въ пѣснѣ, записанной въ селѣ Покровскомъ¹⁾, и причиною гибели Сѣчи выставляются стремленія пановъ завладѣть обширными вольными владѣніями запорожцевъ.

¹⁾ Я. П. Новицкій, стр. 41.

Можно привести и еще не одну народную пѣсню Алекс. уѣзда, гдѣ причиной гибели Сѣчи выставляется именно желаніе московскихъ людей присвоить себѣ запорожскія владѣнія, лишить запорожцевъ ихъ вольностей:

Въ Москви города—Москаливъ збиралы, поется въ пѣснѣ, записанной въ М. Михайловкѣ Алекс. уѣзда¹⁾,

Зибралыся въ одно мѣсто—стали совить пребираты,

Якъ у славнихъ запорожцивъ вси вольности одибраты.

Панамъ и изъ нихъ гл. обр. „Потимкѣ“ приписываетъ не одно народное преданіе уѣзда гибель Сѣчи. Ему-то, свѣтлѣйшему князю Тавреды, приписываютъ многія народныя преданія, какъ свидѣльствуютъ, напр., бесѣды Я. П. Новицкаго съ стариками, паденіе Сѣчи, закрѣпощеніе вольной запорожской „сиромы“, заселеніе края чуждымъ по вѣрѣ и крови элементомъ и т. д. Зато и награждаетъ народъ Потемкина такимъ пожеланіемъ: «Бодай тоби, Потемко, такой виезъ, якъ у зайца хвистъ». Болѣе сочувственно относится народное преданіе къ царицѣ, называя ее: „Мылостыва Царрица“, „Царыця маты“, „великій свить матуся“ и т. д.²⁾ Порой народная пѣсня и преданіе дѣлаютъ ее лишь невольной участницей гибели Сѣчи, выставляютъ ее какъ бы обойденной, обманутой сенаторами, влагаютъ въ ея уста упрекъ сенаторамъ за гибель Сѣчи:

Сныи мои, сенаторы, що жъ вы наробылы, говорить царица,

Що степь добрый, край веселый, тай занастылы?!³⁾

Но на ряду съ такимъ представленіемъ о царицѣ, подписавшей смертный приговоръ Сѣчи, можно найти не мало въ Ал. уѣздѣ преданій и пѣсень, выставляющихъ Екатерину далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ: желая уничтожить Сѣчь въ угоду своимъ сенаторамъ, она пускается на хитрость: запорожцы, какъ гласило указанное нами раньше преданіе, владѣли своею землею на основаніи «дара князя Амлына», и вотъ, тогда какъ Амлынъ сказалъ запорожцамъ: «буде вона (земля) ваша, покы свить сонця», Катерина уже не те казала: «дайте, каже, бумагу, шо це ваша земля. Вони тоди сюды тудѣ—нема». Тогда-то Екатерина послала свои войска выгонять запорожцевъ, «загнала и отдала землю

¹⁾ Ibid. стр. 42.

²⁾ Степь, № 5, 69.

³⁾ Новицкій Я. П. Малор. пѣсни, 43 стр. примѣч. I.

нимцамъ... Вона, кажутъ, и сама была немкина», поговяеть преданіе такой поступокъ царицы¹⁾). Однако не такъ-то легко уступать запорожцы свою родную Сѣчь: они хотять умиловить царицу, и вотъ пѣсни о Харькѣ—батькѣ, о Калнышевскомъ и вообще о руйнованіи Сѣчи рисуютъ намъ, какъ, почуявъ дурныя вѣсти о московскихъ замыслахъ, запорожцы будять своихъ представителей:

А встань, Харьку, а встань, батьку, просать тебе люды,
Якъ пойдешь на столыцю, по прежнему буде.

Якъ выйдешь ты на гряницю, то просы Царицю,
Нехай выддаеть степы—добри по прежню гряницю²⁾).

Такова же просьба запорожцевъ и Калнышевскому по другимъ пѣснямъ Алекс. уѣзда³⁾:

— Ты, Царице, мылостыва, змылуйся надъ нами,
Верны степы, край веселый, съ темными дугами!

Такъ просать царицу послы Запорожья, но:

«Не на те я, Харьку-батьку, полкы набирала,
отвѣчаетъ царица,

Шобъ степь добрый, край веселый назадъ повертала⁴⁾).

Горькія слезы проливають Харьку и Калнышевскій, возвращаясь послѣ такого отвѣта царицы: они видять, что погибла ихъ Сѣчь; но, когда испробовано средство умиловить царицу, когда эта просьба не увѣнчалась успѣхомъ, то запорожцы не хотять сдать ее добровольно:

Ой заступайтесь, хлопци,
Славни запорожци, гласить одна пѣсня,
Плече подъ плече,
Та не даймо, хлопци,
Славни запорожци,
Москалеви Сѣчи⁵⁾).

Въ другой пѣснѣ, именно пѣснѣ о неудавшейся просьбѣ Харька, запорожцы восклицаютъ:

Благословы, отамане, намъ на баштѣ статы:

1) Екат. Губ. Вѣд. 1889, № 14, 90.

2) Новицкій, стр. 42.

3) Ibid. 43.

4) Новицкій Я. П. стр. 43, А. № 35.

5) Ibid. стр. 42 № 34.

Москаль буде възъ мечамы, а мы съ кинжаламы,
Не выбьемо кинжаламы—выбьемъ кулакамы.

А шобъ слава не пропала помежь козакамы¹⁾.

Запорожцы готовы снять голову «найстаршому генералу», они, по народному преданію, оказываютъ вооруженное сопротивленіе московскому войску; по одному изъ преданій выставляютъ они характерниковъ: «Ну, кажуть, здаваться не будемо, быйте! Москали за ружья вси сразу: кляць! кляць! кляць!—а вони и не палать; глянули, ажъ порохъ мокрый... Ну, кажуть, вась, мабуть, и чортява не звоюе»²⁾.

По народу извѣстно, что Сѣчь все же не устояла противъ Екатеринова войска, и вотъ по однимъ версіямъ дается такое объясненіе: «характерники совсѣмъ не хотили здаваться Катерыни, но войско сказало: «ни, братьцы, у насъ есть батькы и дити: вона ихъ вириже. Взяли й сдалися». Т. обр. суровость Екатерины и сострадательность запорожцевъ— вотъ причины успѣха Екатерининскаго предпріятія.

По другимъ версіямъ, успѣхъ русскаго войска объясняется заявленіемъ кошевого Калнышевскаго:

Не позволю, запорожци, вамъ на башту стати,

Бо грихъ отъ Бога, запорожци, христіанску кровь
проливаты³⁾.

И Сѣчь пала! Пѣсни и преданія съ грустью и негодованіемъ передають о разрушеніи запорожскаго гнѣзда: неистовства московскихъ генераловъ, которыя грабятъ церкви, серебро, золото и восковыя свѣчи, раздумье запорожцевъ, куда дѣться по разрушеніи ихъ родной Сѣчи, покиданіе родныхъ пепелищъ и переходъ къ турецкому султану, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исчезновеніе прежней роскоши и богатства степей—вотъ что рисуютъ намъ элегическія по тону пѣсни о руйнованіи Сѣчи⁴⁾, о событіяхъ послѣ руйнованія⁵⁾ и т. д.

Природа, какъ и всегда въ южно-русской поэзіи, сочувствуетъ людскому горю, и не одну можно бы привести картину взаимнаго

¹⁾ Ibid. 43, А. № 35.

²⁾ Ек. Губ. Вѣд. 1889, № 14, 90.

³⁾ Новицкій, стр. 43, № 35. В.

⁴⁾ Новицкій Я. П., Малорусскія пѣсни, 42 № 35, А. В., 43 № 36 А., 44 № 36 В.

⁵⁾ Ibid. 44 № 37 А., № 38, № 39.

сочувствія людей и природы; народная фантазія не проминула создать и какія-то таинственныя существа, оплакивавшія покинувших родину запорожцевъ; такъ, въ одномъ преданіи, записанномъ на о-вѣ Хортицѣ, читаемъ: «посля того, якъ зійшли запорожця, тутъ по скалахъ щось ходило и тужило... Було въ ночі якъ заголосе, якъ заголосе, такъ ажъ тіло холоде... Сумно и страшно було тоді... Після запорожцівъ остались одни пугачи во скалахъ: вони и теперъ сумують що ночі.....»¹⁾).

Грустнимъ тономъ проникнута записанная нами отъ ученика Борца пѣсня, гдѣ казакъ, сравнивая свою горькую долю съ счастливой судьбой своей возлюбленной, переносится мыслью въ былыя времена Сѣчи и восклицаетъ:

Дежъ то время, дежъ той часъ,
Якъ мы въ Сичи воювали (вар. проживали)
Якъ (вар. тай) повсюду знали насъ.
Якъ мы въ Сичи воювали
У Днѣпровскихъ порогівъ.
Якъ на чайнахъ доганяли
Своихъ лютыхъ ворогівъ.

И послѣ этихъ воспоминаній о славномъ быломъ, какимъ негодованіемъ звучать дальнѣйшія слова пѣсни:

А тыперъ же все настали
Ти чортовскіи паны,
Що взя насъ шкуры подырали,
Тай пошылы жупаны.

Послѣднія строфы вспоминаютъ уже о той тяжелой панцинѣ, которая постепенно вступала въ свои права съ разрушеніемъ Сѣчи. Постепенное заселеніе прежнихъ запорожскихъ владѣній различнымъ пришлымъ элементомъ оставило такъ же, какъ и разрушеніе Сѣчи, глубокой слѣдъ въ народной памяти. Народныя преданія повѣствуютъ о послѣднихъ могиканахъ Сѣчи, объ ихъ одинокомъ житѣи на старыхъ обезлюдѣвшихъ теперь пепелищахъ; такъ, извѣстны полныя и довольно многочисленныя преданія о Сагайдакѣ, основавшемъ жилище противъ о-ва Хортицы, собравшаго вокругъ себя сирому и погибшаго

¹⁾ Ек. Губ. Вѣд. 1889, № 28, 186.

въ огнѣ подоженной русскими солдатами хаты¹⁾, извѣстны воспоминаія о запорожцахъ Сколивицѣ, Дворяннкѣ, Матв. Шути и др.²⁾. Вспоминаютъ народныя преданія и о первомъ появленіи нѣмцевъ въ предѣлахъ бывшихъ запорожскихъ владѣній Александровскаго уѣзда; мы уже видѣли, какъ объяснялся народомъ призывъ иноземцевъ въ ихъ край Екатериною. Съ нѣмцами встрѣчаются обездоленные сѣчевики, и народное преданіе рисуетъ несочувственными чертами нѣмецкую аккуратность и скупость на ряду съ добродушной, широкой и самостоятельной натурой одного изъ послѣднихъ отпрысковъ Запорожья, запорожца Дворяненка³⁾. Не разъ острый малорусскій юморъ звучитъ въ народныхъ воспоминаіяхъ о первыхъ нѣмецкихъ поселенцахъ, поднимая на смѣхъ и ихъ обычаи, и ихъ непониманіе ни бельмеса по русски и т. д. Здѣсь опять намъ невольно приходитъ на память и извѣстная идущая съ самого дѣтства нелюбовь Гоголя къ нѣмцамъ, и, не приписывая въ данномъ случаѣ особенно важной роли вліянію народной поэзіи, все же, мы думаемъ, что нѣкоторую долю вліянія слѣдуетъ приписать и ей въ настроеніи Гоголя по отношенію по нѣмцамъ.

Не безъ ироніи вспоминаетъ народное преданіе и о русскихъ пришлецахъ Александровскаго уѣзда; такъ, съ насмѣшкою, но уже болѣе добродушною, чѣмъ о нѣмцахъ, вспоминаетъ преданіе о томъ, какъ русскіе рабочіе на Днѣпровской верфи набрасывались на рыбу «марену», «та тилко не тямлы іи варыть: було не доварять гораздъ, поналопуються икры и бигають зъ живитами⁴⁾....» Иронически вспоминаетъ преданіе и о томъ разочарованіи, которое испытали, напр., великорусскіе переселенцы изъ Серпухова, надѣявшіеся найти на новыхъ мѣстахъ своихъ поселеній чуть не рай, но не встрѣтившіе въ новомъ краю ровно ничего особеннаго⁵⁾.

Не исчезло изъ народной памяти и коварство пановъ, нахлынувшихъ по разрушеніи Сѣчи въ нѣкогда вольный край; вотъ, какъ гласитъ преданіе о нѣкомъ панѣ Куріиѣ: «на цимъ мисти (на мѣстѣ дер. Марку-

¹⁾ Драгомановъ, Малор. нар. преданія и рассказы, 415.

²⁾ Ibid.

³⁾ Степь, 1886, № 19, 288. Драгомановъ, 422.

⁴⁾ Степь, 1886, № 19.

⁵⁾ Ек. Губ. Вѣд. 1889, № 16.

⁶⁾ Степь, 1886, № 31.

совой) сивъ якійсь панъ Курика. Багато степу було въ его.... Звисно, земля багато, а людей мало, то и ставъ винъ приймать до себе сирмаха. Идуть, каже, хлопця, до мене жыть: хто хоче беры плугъ, волю робы, хто не хоче—пидъ горилку... Ну те, такъ это я стала наседаться слобода, стала скромниша жынытись, жылы семействамы. Якъ обжились ото люды, тоди уже панъ не те задумавъ, ставъ винъ ихъ потроху до панщины прикручувать, а дали, забигла якась бумага, такъ винъ узавъ, тай закрпостивъ.... Роспознали козаки, та извано....»

Сохранилось въ народной памяти нѣсколько пѣсенъ историческаго характера и изъ позднѣйшихъ эпохъ, при чемъ большая часть пѣсенъ выпала на долю императора Александра I, который выставляется, напр., какъ противникъ Наполеона, при чемъ народныя симпатіи всецѣло стоятъ на сторонѣ Александра Павловича:

Дурна, дурна, право не разумна ханцузска голова,
Задумала, загодила противъ Билого царя,
заканчивается одна пѣсня про Александра и Наполеона; другія пѣсни про императора Александра оплакивають его кончину, но вообще надо сказать, что пѣсни про Александра Павловича, равно, какъ напр., пѣсни про Платова и другихъ позднѣйшихъ русскихъ дѣятелей, носить и въ формѣ, и въ языкѣ сильный слѣдъ русскаго вліянія, а кромѣ того надо отмѣтить, что по вопросу о пѣняхъ относительно болѣе повыхъ историческихъ событій собрано еще очень мало матеріала, да врядъ ли подобныхъ пѣсенъ и найдется много въ Александровскомъ уѣздѣ: отмѣченныя нами историко-экономическія условія объясняютъ причины постепеннаго ослабленія и исчезновенія народно-поэтическаго творчества.

Исчезли кобзари, перевелись лирики и бандуристы, пѣвшіе нѣкогда про старину, воскрешавшіе въ народномъ воображеніи память о былыхъ герояхъ и складывавшіе пѣсни про современныхъ дѣятелей; не стало въ Александровскомъ уѣздѣ, какъ и вообще по Украинѣ, украинскихъ бардовъ, впечатлѣніе отъ пѣнія которыхъ такъ мастерски обрисовывалъ поэтъ, воспитавшійся въ нѣжинскихъ стѣнахъ:

Умолкъ пѣвецъ, печали полный;
На струнахъ голосъ замираетъ;
О Наливайкѣ вздохъ невольный
Изъ усть въ уста перелеталъ.
У чернеглазой у дѣвицы

Слеза повисла на рѣсницѣ,
 Старикъ поникнулъ головой,
 Глаза у юноши сверкали,
 И дѣти въ страхѣ трепетали
 Отъ пѣсни стороны родной¹⁾.

Исчезло и прежнее раздолье степи съ ея травой выше человѣческаго роста, съ богатой нѣкогда флорой и фауной, не встрѣтишь теперь по дорогѣ къ Сѣчи тѣхъ южно-русскихъ степей, что навѣяли на душу Гоголя извѣстный восторженный гимнъ степи: лѣтомъ 1900 года по дорогѣ на Хортицу проѣзжалъ я этими степями: передъ мной тянулся безбрежный просторъ, кое-гдѣ одиноко синѣли курганы, трава почти исчезла; лишь въ сторонѣ голубой лентой вился и искрился на солнцѣ Днѣпръ, да въ высококомъ небѣ мѣрно плавали ястреба и степные орлы. И если въ былыя времена при видѣ степи изъ груди должны были вырваться Гоголевскія слова, то теперь невольно приходятъ на память слова Гребенки изъ стихотворенія «Степь»:

Я былъ въ степи. Кругомъ, какъ море, широко
 Земля раскинулась, отъ взора убѣгая,
 Все тихо, все мертво, все степь, да степь нагая,
 Да небо надъ землей безбрежно высоко.
 Хоть вѣтеръ бы дохнулъ, пустыню оживляя!
 И грустно стало мнѣ въ пустынной тишинѣ;
 Тоска давила грудь.

Подобныя же мысли и чувства испытываешь невольно при видѣ новороссійскихъ степей въ настоящее время. Еще менѣе отрадныя мысли навѣваетъ видъ Хортицы, былого мѣста запорожской Сѣчи: тамъ, гдѣ шумно, бурливо кипѣла жизнь, гдѣ ржали кони, лилась казацкая пѣсня, тихо, безслѣдно.... такъ говорить не разъ упомянутый нами Я. П. Новицкій послѣ посѣщенія Хортицы... Въ ночную пору сумно, одиноко кричить пугачъ, сумно вторить эхо.

Исчезло бывшее раздолье, исчезаетъ и память о немъ; древнiе дѣды являются единственными хранителями памяти о прошломъ, и лишь собирателямъ народно-пѣсенной старины и преданiй будетъ обязана наука тѣмъ, что сохраняются въ ихъ записяхъ народныя воспоминанiя о быломъ. Въ частности же для Александровскаго уѣзда именно соби-

1) Гребенка, Сочиненiя, т. V (1862 г.). 102.

рателей народно-пѣсеннаго творчества, имена Эварницкаго, Манжуры и Я. П. Новицкаго, должны стать на ряду съ именами другихъ важнѣйшихъ дѣятелей уѣзда. Теперь постоянно и быстро растетъ богатство уѣзда: на мѣстѣ прежнихъ степей засѣваютъ хлѣба, на мѣстѣ зимовниковъ и хуторовъ разрастаются села, изъ земли добываются разныя богатства, начинаютъ дымиться фабрики, заводы, пестрѣютъ благоденствующія колоніи, растетъ народное образованіе: всѣмъ этимъ обязанъ уѣздъ цѣлому ряду своихъ видныхъ прежнихъ и настоящихъ общественныхъ дѣятелей, имена которыхъ извѣстны всякому образованному жителю уѣзда и сохранятся для потомства. Но должны сохраниться въ лѣтописяхъ уѣзда и имена тѣхъ скромныхъ собирателей памяти о прошломъ края, которыхъ мы упомянули. Пройдутъ еще десятилѣтія, забудутся на пепелищахъ Сѣчи и тѣ пѣсни и преданія, которыя теперь еще можно слышать, и которыя сохранятся для науки, благодаря записямъ раньше упомянутыхъ лицъ. Но съ распространеніемъ образованія и у потомковъ Запорожья, какъ и у всѣхъ образованныхъ русскихъ людей, останется чудная поэтическая картина Сѣчи и ея сыновъ: то—заменитая Гоголевская повѣсть—Тарасъ Бульба, въ которой такъ гармонически слились звуки и образы народной поэзіи съ плодами гениальнаго творчества.
